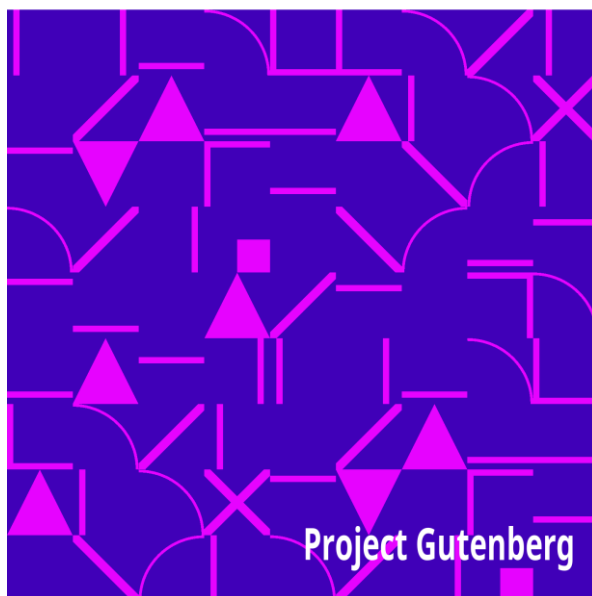

Захватывающие истории о мятежах,
убийствах и пиратстве. Странная
серия рассказов о кораблекрушениях
и катастрофах, начиная с самой
ранней части века и до настоящего
времени, с рассказами о чудесных
спасениях и душераздирающих
смертельных случаях

Аноним

Thrilling Narratives of Mutiny, Murder and
Piracy

Anonymous

The Project Gutenberg eBook of Thrilling Narratives of Mutiny, Murder and Piracy.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Thrilling Narratives of Mutiny, Murder and Piracy

Автор: Аноним

Дата выхода: 6 июля 2008 [eBook #25982]

Язык: Английский

Credits: Подготовлено Дэвидом Уилсоном, Сэмом У. и командой Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THRILLING NARRATIVES OF MUTINY, MURDER AND PIRACY ***

ARLINGTON EDITION

THRILLING NARRATIVES OF MUTINY, MURDER AND
PIRACY, A WEIRD SERIES OF Tales of Shipwreck and
Disaster, FROM THE EARLIEST PART OF THE
CENTURY TO THE PRESENT TIME, WITH ACCOUNTS
OF Providential Escapes AND HEART-RENDING
FATALITIES.

NEW YORK:
HURST & CO., Publishers,
122 NASSAU ST.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Кораблекрушение можно отнести к величайшим бедствиям, с которыми может столкнуться человек. Оно никогда не лишено опасности, часто имеет фатальный исход и неизменно вызывает сожаление. Против него нет ни малейших средств, терпение, стойкость и изобретательность в большинстве случаев оказываются бесполезными, разве что затягивают борьбу с судьбой, которая в конце концов оказывается непреодолимой.

Но среди мириад людей, непрерывно поглощаемых глубиной, не по количеству можно судить о перенесенных страданиях. Сотни людей могут сразу встретить мгновенную судьбу, едва осознав ее приближение, в то время как несколько человек могут влачить существование, ежедневно надеясь на помощь, и в конце концов быть вынужденными прибегнуть к ужасной альтернативе - питаться друг другом для поддержания жизни. По приведенным рассказам мы также не можем судить о частоте кораблекрушений. Это событие постоянно происходило с давних времен, до которых не дошли самые ранние записи. Подсчитано, что в Англии ежегодно в море погибает около 5000 уроженцев Британских островов.

Однако эта вечная подверженность опасностям способствует формированию характера, и поэтому моряки в первую очередь отличаются храбростью, выносливостью и готовностью к выдумке. Привыкшие к нестабильности океана, они мало задумываются об опасности и неизменно первыми вопросы самого смелого предприятия. Непрестанно подвергаясь труду, они долго и терпеливо работают без ропота, а быстрые и энергичные меры, необходимые для их безопасности, учат их немедленно применять все средства, которые находятся в их власти.

Естественное желание узнать о судьбе своих собратьев, кажется, заложено в груди человечества, и самые сильные симпатии возбуждаются, когда мы слышим о несчастьях невинных. Записать несколько впечатляющих примеров бедствий или нежданного избавления - вот цель этих страниц; и мы увидим, какую поразительную пользу приносят такие качества, как решительность, сдержанность, настойчивость и непоколебимая надежда в моменты крайней опасности и отчаяния.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Страница
Приключения капитана Вудворда и пяти моряков на острове Целебес,	7
Происшествие на море,	14
Потеря корабля "Феникс" у берегов Кубы,	16
Рассказ о китовом промысле с анекдотами об опасностях, связанных с ним,	30
Потеря брига "Тиррел",	49
Потеря судна "Пегги",	58
Потеря корабля H. B. M. Litchfield,	64
Крушение парохода "Ротсей Каств",	74
Потеря французского судна "Droits de L'Homme",	78

Потеря корабля Н. В. М. Queen Charlotte,	82
Сцена в Атлантическом океане,	84
Крушение французского фрегата "Медуза" на Аргунской банке,	87
Потеря "Ройал Джордж",	146
Потеря корабля "Инеас", транспорт,	148
Отсутствующий корабль,	152
Потеря судна "Халсвелл", ост-индийского судна,	155
Рассказ о четырех русских, брошенных на острове Восточный Шпицберген,	166
Потеря "Амфитриты", женского каторжного судна,	173
Мятежники, морская повесть,	176
Судьба семи моряков, оставшихся на острове Сент-Морис,	182
Моряки, зимующие на Шпицбергене,	185
Человек за бортом,	190
Побег через окна каюты,	192
Журнал Тома Крингла,	197
Потеря "Наутилуса", военного шлюпа,	201
Крушение невольничьего корабля,	212
Потерпевшие кораблекрушение моряки,	213
Приключения Филипа Эштона,	219
Взрыв корабля Н. В. М. Amphion,	220
Потеря корабля Н. В. М. La Tribune,	245
Сожжение французского ост-индского судна "Принц",	250
Крушение шхуны "Бетси",	259
Ранний американский героизм,	262
Пещера Фингала,	264
Потеря корабля "Рамиллис",	267
Сохранение девяти моряков,	276
Экспедиция капитана Росса,	281
Потеря транспортов "Катарина", "Венера", "Пьемонт" и трех торговых судов,	288
Крушение корабля "Сидней",	298
Потеря корабля "Герцог Уильям", транспорт,	303
Коммодор Барни,	320
Морские сражения Соединенных Штатов,	324
Обращение к океану,	336

КНИГА ОКЕАНА.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВУДВОРДА И ПЯТИ МОРЯКОВ НА ОСТРОВЕ ЦЕЛЕБЕС.

В 1791 году Вудворд отплыл из Бостона на корабле "Роберт Моррис", капитан Хэй, в Ост-Индию. По прибытии туда он занимался загородными плаваниями до 20 января, когда он отплыл в качестве главного помощника на американском корабле из Батавии в Маниллу.

Проходя через Макаassarский пролив, они обнаружили, что ветер и течение направлены против них, и после шестинедельного изнурительного плавания им не хватило провизии. Капитан Вудворд и пять матросов были посланы купить провизию на судне, находящемся примерно в четырех лигах от них. Они были без воды, провизии и компаса, имея на борту только топор, шлюпочный крюк, два перочинных ножа, бесполезное ружье и сорок долларов наличными.

На закате они добрались до корабля, и капитан сказал им, что у него нет провизии, так как он направляется в Китай, а запасов продовольствия хватит только на один месяц. Он посоветовал им остаться до утра, что они и сделали. Но когда наступило утро, их собственный корабль уже не было видно даже с мачты, а попутный ветер позволял ему пройти через Макаassarский пролив. Капитан отнесся к ним спокойно, и они в один голос согласились покинуть корабль в поисках своего. Покидая судно, капитан дал им двенадцать мушкетных патронов и круглую бутылку бренди, но ни воды, ни провизии.

Они гребли до двенадцати часов ночи, надеясь увидеть свое судно, а затем, приблизившись к острову, сочли разумным отправиться туда за пресной водой. Высадившись на берег, они развели большой костер в надежде, что их корабль увидят. Но, не увидев утром ничего похожего на него и не найдя на острове ни воды, ни провизии, они продолжали свой путь по середине пролива еще шесть дней, не выходя на берег и не пробуя ничего, кроме бренди. Вскоре они увидели берег Целебеса, где решили отправиться на поиски провизии, а затем продолжить путь в Макаassar.

Приблизившись к берегу, они увидели два проаса, полных туземцев, которые тут же заняли оборонительную позицию. Моряки сделали им знаки, что им нужна провизия, но вместо того, чтобы дать ее, малайцы стали размахивать своими крисами или стальными кинжалами. Трое из мужчин запрыгнули на борт проа, чтобы выпросить немного индийской кукурузы, и получили три или четыре небольших колосья. Вождь казался вполне дружелюбным и согласился продать капитану Вудворду два ореха какао за доллар, но как только он получил деньги, то тут же начал раздевать его в поисках большего. Капитан Вудворд защищался топором и приказал оттолкнуть лодку, вождь направил на него мушкет, но, к счастью, попал мимо.

Затем они отчалили, обогнули точку суши и высадились на берег вне поля зрения проаса, где обнаружили множество ореховых деревьев какао. Капитан Вудворд, занятый их рубкой, услышал, как человек, которого он оставил присматривать за лодкой, закричал самым горьким образом. Он тут же побежал на берег, где увидел, что его собственная лодка отплыла на некоторое расстояние, полная малайцев, а бедняга, охранявший ее, лежит на спине с перерезанным горлом и проткнутым в нескольких местах телом.

Они сразу же скрылись в горах и, обнаружив, что потеряли лодку, деньги и большую часть одежды, пришли к выводу, что единственный шанс спастись - добраться до Макассара по

суше. Опасаясь путешествовать днем, они отправились в путь вечером, взяв за ориентир звезду, которая вела на юг. Но вскоре они потеряли звезду из виду и при свете дня оказались в нескольких шагах от того места, откуда отправились в путь. Они ехали по склону горы и обогнули ее, вместо того чтобы перевалить через нее. Они снова пустились в путь и шесть ночей подряд путешествовали по берегу моря, питаясь ягодами и водой, которую находили в дуплах деревьев.

На шестую ночь они прибыли в бухту, где увидели группу малайцев, занимавшихся рыбной ловлей. Здесь капитан Вудворд нашел несколько желтоватых ягод, которые показались ему вполне вкусными, но его люди, невзлюбив их, съели несколько листьев. На следующий день они решили сделать плот и отправиться на маленький остров, на котором они впервые высадились, думая, что их может снять с него какой-нибудь корабль, проходящий в том направлении. Но им пришлось отказаться от этой затеи, так как вечером на тех, кто ел листья, напали сильные боли, и они проплакали в мучениях всю ночь. Хотя к вечеру им стало лучше, они были так слабы и подавлены, что капитан Вудворд убедился, что им не добраться до острова, и спросил их, не хотят ли они сдаться малайцам. Поразмыслив, все решили, что это лучший выход, который они могут предпринять, и немедленно направились в бухту, где утром видели малайцев, чтобы сразу же либо найти друзей, либо встретить свою судьбу. Сначала они никого не видели, но вскоре капитан Вудворд заметил трех туземцев, приближавшихся к нему; приказав своим людям сохранять тишину, он продвигался один, пока не подошел к ним на небольшое расстояние, где они остановились и достали свои крисы или ножи. Малайцы смотрели на него около десяти минут, держа ножи наготове, затем один из них подошел к нему, встал на колени и протянул обе руки. Подошли еще туземцы и сняли с них шляпы, платки и даже пуговицы на куртках, которые забрали за деньги.

Теперь их отвели в Траваллу и повели в здание суда или зал заседаний, сопровождаемые огромным количеством людей, включая женщин и детей, которые образовали круг на некотором расстоянии от них. Вскоре вошел вождь, выглядевший диким, как безумец, и державший в руке большой нарисованный кресс или нож, лезвие которого было два фута с половиной длиной и очень ярким. Капитан Вудворд подошел к нему так близко, что поставил ногу вождя на свою голову в знак того, что он полностью находится под его властью и управлением. После короткого совета вождь вернулся в свой дом и принес пять кусочков ореха бетеля, которые подарил морякам в знак дружбы.

Теперь им разрешили отдохнуть примерно до восьми часов, когда их отвели в дом раджи, где для них приготовили ужин из хлеба саго и гороха, но всего этого едва хватило на одного человека. После этого каждый получал по ореху какао и по колосу индийской кукурузы в полдень и столько же ночью. Так они прожили около двадцати дней, но им не разрешалось выходить на улицу, кроме как к воде, чтобы искупаться. Вскоре туземцы начали ослаблять бдительность, и примерно через четыре месяца их доставили к главному радже Парлоу. Они пробыли там недолго, когда главный раджа отправил их в голландский порт под названием Приггия, который находится в начале глубокой бухты на восточной стороне острова и за которым присматривает комендант, француз, тридцать лет прослуживший в Голландии. Он прибыл в Парлоу и послал за капитаном Вудвордом. Он хотел, чтобы тот отправился с ним в Приггию, где он проживал, но капитан Вудворд отказался, опасаясь, что его заставят перейти на голландскую службу. Тогда комендант поинтересовался, куда он намерен отправиться. Он ответил, что в Батавию или Макаassar, а оттуда в Бенгалию. Он не предложил капитану Вудворду или его людям ни денег, ни помощи, ни одежды, но выглядел совершенно оскорбленным.

Раджа разрешил ему вернуться в Траваллу, однако позаботился о том, чтобы отправить его ночью, опасаясь, что он засечет Дангалли, где жил магометанский священник по имени Хуан Хаджи. Этот священник был в Травалле и предложил выкуп за капитана Вудворда и его людей, но туземцы не захотели его брать, опасаясь, что пленники попытаются бежать в город, где жил священник. Однако случилось так, что они оказались на мели у Дангалли, и капитан Вудворд мог наблюдать за обстановкой. Прибыв в Траваллу, он попытался бежать один по воде, но из-за того, что каноэ было дырявым, он едва не лишился жизни. Но, не теряя надежды, он сразу же отправился в Дангалли по суше и достиг его, как только рассвело.

Хуан Хаджи принял его радушно, снабдил едой и одеждой. Через три дня вождь Траваллы, узнав, что он отправился в Дунгалли, послал за ним, но старый священник и раджа Дунгалли отказались его отпустить. Они сказали ему, что в течение трех месяцев доставят его в Батавию или Макаassar, а также попросили его послать за четырьмя людьми, которых он оставил в Травалле, что он и сделал с помощью письма, которое написал пером из бамбука и отправил капитану проа, который доставил его тайно. Люди сбежали из Парлоу во время пира, рано вечером, и прибыли в Дангалли в двенадцать часов следующего дня. Туземцы встретили их с большим ликованием и сразу же принесли им много еды. И это счастливое обстоятельство возродило их надежды добраться до какого-нибудь европейского поселения, после множества неудачных побегов и трудностей.

Хуан Хаджи сообщил капитану Вудворду, что отправится в путь примерно через два месяца, но сначала должен совершить небольшое путешествие за провизией, что он и сделал, оставив капитана Вудворда в его доме с женой и двумя слугами.

Вскоре они начали сильно страдать от нехватки провизии, так что туземцы были вынуждены доставлять ее в деревню, где их снабжали некоторые представители того же племени, которые регулярно отправлялись из деревни в деревню в определенное время года, чтобы выращивать рис и индийскую кукурузу. Но раджа Парлоу начал войну с раджей Дангалли, потому что тот не хотел их доставлять, и вскоре их вернули в Дангалли. Там произошло всего одно сражение, после чего люди Парлоу были побеждены и изгнаны обратно в свой город.

Провизии снова стало не хватать, и Хуан Хаджи направился в другой порт под названием Савия, расположенный примерно в двух градусах к северу от линии. Он разрешил капитану Вудворду сопровождать его, если раджа согласится, но тот отказался, заявив, что должен остаться там и нести караул. Капитан Вудворд собрал своих людей, и, взяв оружие, они отправились в дом раджи и сказали ему, что больше не будут стоять на страже, так как хотят отправиться в Макаassar. Он тут же ответил, что им не следует этого делать. Решив больше не жить таким образом и не найдя других способов спастись, капитан Вудворд решил украсть каноэ, с чем согласились все мужчины. Им посчастливилось раздобыть такое каноэ, и казалось, что они вполне могут сбежать, но как только они сели в него, их окружили около двадцати туземцев и привели к радже, который приказал им отчитаться за свое поведение. Они сказали ему, что им нечего есть, и они намерены покинуть это место при первой же возможности. Ничего страшного из этого не вышло - зная язык и народ, они теперь не боялись опасности.

Раджа отказался отпустить их с Хуаном Хаджи, и они решили бежать с ним, что им и удалось сделать, так как старик отправился в путь в двенадцать часов ночи, а на берегу, по счастливой случайности, оказалось каноэ рядом с его собственным. Они взяли его и последовали за ним, как могли, но вскоре расстались с ним, а утром обнаружили неподалеку от себя проа, наполненное малайцами. Они сказали им, что вместе со стариком

направляются в Савию. Малайцы поверили им на слово и повезли их туда, а не в Дангалли, что стало для них удачным спасением на тот момент. Во время пребывания в Савиахе старый священник отвез капитана Вудворда на остров в бухте Савиаха, который он ему пожаловал и в комплименте назвал островом Стирсмана, так как туземцы называли капитана Вудворда Стирсманом. Пробыв некоторое время в Савиахе и заготовив саго, которое они обменяли на рыбу и орехи какао, они покинули это место и направились в Дамполис, расположенный немного южнее Савиаха. Хуан Хаджи вскоре покинул это место и отправился в Томбоо, примерно в одном дне плавания к югу, где у него были дела. Капитан Вудворд и его люди также последовали за ним. Старый священник хотел помочь им бежать отсюда, но, очевидно, был не в состоянии это сделать. Томбу находился под управлением раджи Дангалли.

К счастью, ночью им удалось украсть каноэ, и, снова отчалив, они направили свой курс к небольшому острову в бухте, где и высадились на рассвете. Не найдя здесь воды, как они ожидали, они высадились на другом участке суши, который, как они знали, был необитаем. Набрав воды и починив свое каноэ, они взяли курс на Макассар, который в то время находился примерно в пяти градусах к югу. После восьми дней плавания вдоль острова, в течение которых они дважды чуть не были захвачены малайцами, они прибыли на часть острова Целебес, который был очень густо населен.

Они миновали множество городов и увидели множество проасов в гаванях. Заметив уединенное место, они высадились на берег, чтобы набрать свежей воды, но едва успели выпить по лодке, как увидели два каноэ, подплывшие к тому самому месту, где они находились. Они немедленно отчалили и весь день держали курс. На закате они обнаружили неподалеку от себя два каноэ, которые ловили рыбу. Как только туземцы увидели их, они сразу же направились к берегу. Капитан Вудворд пожелал узнать расстояние до Макассара, но, не имея возможности остановить их, направился к одному из двух каноэ, которые он увидел вдалеке, стоящими на якоре. Получив сообщение, что капитан находится внизу и спит, он спустился вниз и разбудил его. Тот вышел на палубу в сопровождении трех или четырех человек, вооруженных копьями, и спросил, куда они направляются. Капитан Вудворд сказал ему, что в Макассар, и поинтересовался расстоянием до этого места. Тот ответил, что путь займет месяц и один день. Капитан Вудворд сказал ему, что это неправда, и постарался поскорее уйти. Малайцы, однако, пустились в погоню, но капитан Вудворд и его люди, выйдя в море и приложив немало усилий, вскоре потеряли их из виду и снова смогли подойти к суше.

При свете дня они обнаружили несколько рыбацких каноэ, два из которых направились к ним. Они позволили им подойти к борту, так как в каждом из них было только по одному человеку. Один из них поднялся на борт, и капитан Вудворд задал ему тот же вопрос о Макассаре. Тот сначала сказал, что путь туда займет тридцать дней, и предложил им сойти на берег и увидеться с раджей. Но они отказались это сделать, и тогда он признал, что на проа можно добраться туда за два дня.

Тогда они покинули каноэ и поплыли вдоль берега. Вечером они увидели, что от берега отчалила проа, полная малайцев. Вскоре он оказался рядом, и четверо из них, прыгнув в лодку, едва не расстроили ее, и таким образом капитан Вудворд и его люди снова оказались в плену у малайцев. Их доставили в город под названием Памбон, а затем отвели в дом раджи. Раджа спросил их, откуда они пришли и куда направляются. Капитан Вудворд ответил то же самое, что и раньше; он также сказал ему, что они должны идти немедленно, и их нельзя останавливать. Теперь они уже настолько познакомились с опасностями и захватами, а также были настолько ближе к Макассару, чем можно было ожидать после стольких

удачных побегов, что становились все более отчаянными и уверенными в том, что они наконец-то достигнут назначенного порта.

Утром капитан Вудворд снова пришел к радже и попросил отправить его в Макассар, сказав ему, что за ними послал губернатор, который остановит все свои проа в Макассаре, если задержит их. Недолго думая, он позвал капитана проа и передал ему пленников, велел везти их в Макассар, и если он сможет достать для них что-нибудь, то пусть возьмет, а если нет, то отпустит их. Но проа не было готово, и они оставались в каноэ три дня, совершенно измученные многочисленными трудностями и усталостью. У капитана Вудворда не было рубашки, и солнце обожгло ему плечо так, что оно совсем оголилось и сильно болело. Тут он простудился, и на него напала сильная лихорадка, так что к тому времени, когда корабль был готов к отплытию, он уже не мог стоять на ногах. Его несли и укладывали на палубу без подстилки и какой-либо одежды. Холодные ночи и частые дожди, без сомнения, убили бы его, если бы его не поддерживала надежда добраться до Макассара, мысли о котором поддерживали их дух.

Они высадились в Макассаре 15 июня 1795 года, после девятнадцатидневного плавания из Томбу и двух лет и пяти месяцев плена; счет, который вел капитан Вудворд в течение этого времени, ошибся всего на один день.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА МОРЕ.

В июне 1824 года я сошел в Ливерпуле на борт транспорта "Вибелия" вместе со штабом моего полка, который направлялся в Галифакс, Новая Шотландия. Наш переход через Атлантику был гладким, хотя долгим и утомительным. После того как мы обогнули большую отмель Ньюфаундленда, поймали большое количество трески и палтуса и столкнулись с обычными туманами, однажды утром, примерно в конце июля, мы оказались в полной штиле. Всем, кто совершал плавание, знакомо чувство вялости, которому предается сухопутный человек во время штиля. Утро медленно прошло в поисках признаков бриза, посвистывании в поисках ветра и других праздных занятиях, обычных в таких случаях. Ближе к полудню матрос с крыши указал нам на судно в отдалении, тоже, разумеется, стоящее на мели. Все глаза и очки были немедленно направлены на нее, но она была слишком далеко, чтобы самые опытные могли определить, английская она или иностранная, военный или торговый корабль. Через некоторое время мне пришло в голову, что это благоприятная возможность нарушить монотонность дня. Благодаря моему влиянию на капитана удалось получить разрешение на спуск небольшого катера, но он не позволил ни одному матросу покинуть судно. Поэтому я стал коксвайном шлюпки, и, сопровождаемые четверьмя моими братьями-офицерами в качестве гребцов, мы отчалили, решив нанести визит странному парусу. На взгляд и взгляд наших землепроходцев, она находилась примерно в четырех милях от нас, но мы сильно ошиблись в своих расчетах - расстояние было более чем вдвое больше. Гребцы, однако, отважно держались, мы приблизились к незнакомке, определив, что это большой американский торговый корабль, и по мере приближения к нему заметили на палубе несколько человек, наблюдавших за нами через очки. Наконец мы оказались рядом, и я перешел на борт, за мной последовали трое моих спутников, один из которых остался управлять лодкой. Выйдя на палубу, мы обнаружили, что она заполнена людьми, которые, казалось, смотрели на нас с удивлением. Я вышел вперед и был принят капитаном, который сообщил мне, что его судно - американский корабль "Кадмус", направляющийся из Гавр-де-Граса в Нью-Йорк, с генералом маркизом де Лафайетом и свитой в качестве пассажиров. Благородный, почтенного вида ветеран сошел с полукота навстречу нам и приветствовал нас

с любезностью старой французской школы. Это был Лафайет. Мое объяснение, кто мы такие, и мотив нашего визита, похоже, вызвали его удивление. То, что пять офицеров сухопутной службы без сопровождения одного матроса покинули свое судно в открытом океане и из простого любопытства посетили незнакомый парус на таком расстоянии, было, по его словам, весьма необычно. Он сказал, что они заметили наше судно рано утром, были заняты (как и мы) тщетными попытками узнать нас, заметили, как какой-то предмет, просто пятнышко на море, покинул судно и двинулся к ним, и когда в конце концов выяснилось, что это была лодка, вероятная причина такого обстоятельства вызвала множество догадок. Я сказал ему в смягчение того, что он счел нашей опрометчивостью, что мы, как нация, по сути своей морская, и каждый человек в Англии в большей или меньшей степени моряк. В любом случае, осмелился я добавить, что если мы и подверглись небольшому риску, то были сполна вознаграждены, увидев столь знаменитого человека, о котором все мы слышали и читали. Когда наш товарищ был заменен американским матросом, ухаживающим за лодкой, мы приняли предложение генерала подкрепиться, прошли в каюту и провели там приятнейший час. Быстрое приближение вечера и появление ветерка побудили нас к отплытию. Мы расстались со старым вождем не как часовые знакомые, а со всей теплотой - объятиями и давлением рук старых друзей. Когда я расставался с ним у трапа, он упомянул, что в нашу лодку спустили ящик кларета, который он просил нас преподнести нашему полковнику и другим офицерам нашего отряда. Мы бодро двинулись в обратный путь, но только после наступления темноты добрались до "Вибелии", чего, возможно, не смогли бы сделать, если бы каждые несколько минут не выставляли синие огни, чтобы указать ее местоположение. Мы обнаружили, что наши товарищи были в большой тревоге за нашу безопасность. Высказывались самые разные предположения. Больше всего преобладало мнение, что мы взяли на abordаж пирата и были принесены в жертву или сделаны пленниками, и с тревогой молились о брize, чтобы он отнес нас вниз и освободил или отомстил за нас. Через полчаса после того, как мы вернулись на корабль, поднялся легкий ветер, который очень скоро перерос в шторм, так что к утру мы полностью потеряли из виду "Кадмус".

РАССКАЗ О ГИБЕЛИ КОРАБЛЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА "ФЕНИКС".

Корабль Phœnix с 44 пушками, капитан сэра Хайд Паркер, погиб во время урагана у берегов Кубы в Вест-Индии в 1780 году. Тот же ураган уничтожил корабли "Громовержец" - 74, "Стирлинг Касл" - 64, "Ла Бланш" - 42, "Лорел" - 28, "Андромеда" - 28, "Деас Касл" - 24, "Скарборо" - 20, "Биверс Приз" - 16, "Барбадос" - 14, "Камелеон" - 14, "Эндевор" - 14 и "Виктор" - 10 орудий. Лейтенант Арчер был первым лейтенантом на корабле "Финикс" в момент его гибели. Его рассказ в письме к матери содержит самое верное и живое изложение одного из самых ужасных событий на службе. Он настолько прост и естественен, что читатель может почувствовать себя на борту Phœnix. Каждое обстоятельство описано с чувством, а мощные призывы постоянно обращаются к сердцу. Кроме того, читатель с удовольствием наблюдает, как благочестивый дух моряка часто прорывается наружу, придавая отношениям возвышенность.

В море, 30 июня 1781 года.

Моя дорогая матушка,

Я собираюсь дать тебе отчет о нашем последнем плавании на "Финиксе"; и должен предупредить, что если кто-нибудь увидит его, кроме тебя, то он должен отнестись к нему так: он был изначально предназначен для глаз матери, и только матери - при таком

предположении мои чувства могут быть терпимы. Вы также встретите ряд морских терминов, которые, если вы не понимаете, я не смогу вам помочь, поскольку не в состоянии описать море другими словами.

Итак, начнем: 2 августа 1780 года мы взвесились и отплыли в Порт-Ройал, направляясь в Пенсаколу, имея два корабля под конвоем и для обеспечения безопасности; затем крейсировали у Гаваны и в Мексиканском заливе в течение шести недель. Через несколько дней мы достигли двух песчаных островов, которые выглядят так, словно только что вышли из моря или упали с неба; населены они, тем не менее, тремястами англичанами, которые добывают себе хлеб ловлей черепах и попугаев и выращиванием овощей, которые они обменивают на проходящих мимо кораблях на одежду и некоторые предметы роскоши, такие как ром и т.д.

Около 12-го числа мы прибыли в Пенсаколу, и ничего примечательного не произошло, кроме того, что мы поймали огромное количество рыбы, акул, дельфинов и бонетто. 13-го числа мы отплыли поодиночке, а 14-го был очень сильный северный ветер, прямо с суши, так что мы вскоре оставили сладкое место, Пенсаколу, на расстоянии за кормой. Затем мы заглянули в Гавану, увидели там несколько кораблей и, зная, что некоторые из них огибают залив, двинулись в путь: однако прошло две недели, и ни один корабль не появился в поле зрения, чтобы поднять наше настроение. Тогда мы сделали пару поворотов вокруг залива, но не настолько близко, чтобы быть замеченными с берега. Вера-Крус, как мы ожидали, должен был порадовать нас, но нам все так же не везло: день шел за днем, а паруса все не было. Мешок с долларами стал понемногу увеличиваться, потому что каждый проиграл по два-три раза, и никто не выиграл: сэр Хайд и мы сами устроили небольшую азартную игру; каждый клал в мешок по доллару и назначал день, когда увидим парус, но никто не должен был называть один и тот же день, и кто первым угадывал, тот и получал мешок.

Устав от нашего положения и радуясь, что круиз почти закончился, так как плавание было очень опасным из-за непонятных течений, мы взяли курс на мыс Антонио. На следующий день около часа дня человек, стоявший у форштевня, крикнул: "Парус на носу! Ха! Ха! Сеньор испанец, кажется, вы наконец-то попались. Поднять все руки! Поставить парус! Всем отдать погоню!" Для этого приказа не было почти никакого повода, так как звук появления паруса пронесся по кораблю, как дикий огонь, и каждый парус был поставлен в одно мгновение, почти до того, как был отдан приказ. Лейтенант, стоявший у головы мачты с подозрительной трубой, спросил "Что это?". "Большое судно, идущее наперерез ветру. П-о-р-т! Не подпускать! Приготовить паруса!" Поднимается маленький доктор, потирая руки: "Ха! Ха! Я выиграл мешок". "Черт бы побрал тебя и мешок; смотри, то, что впереди, заполнит все наши мешки". Мачта снова поднялась: "Еще два паруса по левому борту!" "Арчер, поднимись и посмотри, что ты можешь о них сказать". "Там, на палубе; я вижу целую флотилию из двадцати парусов, идущую прямо по ветру". "Черт побери, это какой-то конвой, но мы должны попытаться вычислить хоть кого-то из них". "Спустить паруса! Лафф! Поднять на ветер! Посмотрим, что из них получится".

Около пяти мы подошли к ним довольно близко и обнаружили, что это двадцать шесть парусников испанских купцов под конвоем из трех линейных боевых кораблей, один из которых погнался за нами; но когда она поняла, что мы играем с ней (ведь у старого Феникса были каблучки), она бросила погоню и присоединилась к конвою; они собрались в комок и расположились снаружи; но мы все еще продолжали принюхиваться до наступления темноты. О, если бы "Гектор", "Альбион" и фрегат, и мы бы взяли весь флот и конвой, стоимостью в несколько миллионов! Около восьми часов заметили три паруса на некотором расстоянии от флота; бросились между ними, пустились в погоню и с радостью обнаружили,

что они удалились от флота. Около двенадцати подошел большой корабль с двадцатью шестью пушками. "Арчер, все в каюты! Выпустить пушки на нижней палубе и зажечь корабль; покажите этому парню нашу силу; это может помешать ему выстрелить в нас и убить человека или двух". Не успели мы сказать, как было сделано. "Хоа, корабль на борту, спускайте все паруса и немедленно приводите в движение, иначе я вас потоплю". Раздался лязг, лязг, лязг, и все паруса разлетелись в полном беспорядке. "Что это за корабль?" "Полли". "Откуда вы прибыли?" "С Ямайки". "Куда вы направляетесь?" "В Нью-Йорк". "Что это за корабль?" "Phoenix". Вся корабельная компания трижды прокричала "ура". Рядом со мной стоял старый ворчливый матрос: "О, трижды "ура", мы приняли вас за кого-то другого". Осмотревшись, мы обнаружили, что все было именно так, как он сообщил, и что они столкнулись с испанским флотом тем утром, и их преследовали весь день, и ничто не спасло их, кроме нашего появления между ними; ведь испанцы приняли нас за трех консORTов, а "Полли" - за испанский фрегат, пока мы не окликнули их. Другое судно в компании было также направлено в Нью-Йорк. Таким образом, я, с тех пор как стал стоить тысячи в идее, снова опустился до старых 4s. 6 d. в день: ведь маленький доктор в тот день заработал больше всех, выиграв мешок, в котором было от тридцати до сорока долларов; но это ничто по сравнению с тем, что иногда приходится переживать морякам.

Расставшись, мы взяли курс на юго-юго-восток, чтобы обогнуть Антонио, и так дошли до Ямайки (наш круиз закончился) с пальцами во рту, и все мы были такими зелеными, как вам угодно. Это была моя средняя вахта, около трех часов, когда человек на форштевне крикнул: "Брейкеры впереди, приземляемся на нос"; я выглянул, и так оно и было. "Приготовиться! Опустить штурвал! Руль на леер!" Сэр Хайд, услышав, как я привожу корабль в движение, выскочил на палубу. "Арчер, в чем дело? Ты ставишь корабль без моего приказа!" "Сэр, пора идти! Корабль почти у берега, вот и земля". "Боже правый, так и есть! Корабль останется?" "Да, сэр, думаю, останется, если мы не внесем путаницы; она теперь вся на носу?" - "Что ж, - говорит он, - работайте на корабле, я не скажу ни слова". Корабль держался очень хорошо. "Тогда поднимите свинец! Посмотрите, какая у нас вода!" "Три сажени". "Держите корабль подальше, на запад-северо-запад". "По отметке три". "Так не пойдет, Арчер". "Нет, сэр, нам лучше держаться севернее; мы пришли на юго-юго-восток, и нам лучше держаться северо-северо-запада". "Спокойно, и четверть третьего". "Может быть, так и будет, поскольку мы немного углубимся". "На глубину четыре". "Очень хорошо, мой парень, греби быстрее". "Пять сажений". "Отличный парень! Еще один проворный бросок". "Четверть меньше восьми". "Этого хватит, идемте, мы прояснимся." - "Отметьте под водой пять." "Что это?" "Всего пять сажений, сэр". "Поднять все руки, поставить корабль на якорь, парень!" "Якоря свободны!" "Через минуту, сэр". "Все чисто!" "Сколько воды теперь в цепях!" "Восемь, половина девятого". "Держите якоря, пока я вас не позову". "Ай, ай, сэр, все быстро!" "У меня нет земли с этой линией". "На сколько сажений вы вышли? Пройдите вдоль глубоководной линии!" "Ай, ай, сэр". "Вы готовы?" "Все готово, сэр". "Отчаливайте, смотрите! Смотрите! Отчаливайте, отклоняйтесь, нет земли, сэр, со ста сажений". "Умно, мадам Феникс, в вас еще есть писк - все, кроме вахты; снова закрепите якоря; поднимите грот-топ-парус на мачту; оттянитесь и поднимите ее на ветер!"

Я говорил вам, сударыня, что вы должны знать морской жаргон: если вы можете понять половину из того, что уже сказано, я удивляюсь этому, хотя это ничто по сравнению с тем, что еще предстоит, когда начнется старый ураган. Как только судно немного поправилось и снова стало тихо, сэр Хайд подошел ко мне самым дружеским образом, слезы чуть не выступили у него на глазах: "Арчер, мы все должны быть вам очень обязаны за безопасность судна, а возможно, и за себя. Я особенно; ничто, кроме этого мгновенного присутствия духа и спокойствия, не спасло ее; еще одна длина корабля - и мы были бы на берегу; если бы вы

проявили хоть малейшую неуверенность или внесли хоть малейшее замешательство, заставив корабль попятиться, он был бы неминуемо потерян". "Сэр, вы очень хороши, но я не сделал ничего такого, чего, полагаю, не сделал бы любой другой в такой же ситуации. Я не стал поднимать все руки, зная, что вахта способна работать на корабле; кроме того, если бы по кораблю сразу же распространилась весть о том, что она почти у берега, это могло бы вызвать замешательство, которого лучше было бы избежать." "Что ж, - сказал он, - это действительно хорошо".

При свете дня мы обнаружили, что течение занесло нас между скалами Колларадо и мысом Антонио и что мы не могли выбраться иначе, как через них; шанс был, но Провидение - лучший лоцман. В тот день мы зашли на закате в двадцати лигах к юго-востоку от нашего отсчета по течению.

Выбравшись из этой передраги, мы посчитали себя счастливыми и взяли курс на Ямайку, но несчастье, похоже, следовало за несчастьем. На следующую ночь, когда я тоже дежурил на палубе, нас настиг шквал, подобный урагану, пока он длился; хотя я видел, что он приближается, и приготовился к нему, но, когда он настиг корабль, он заревел и так уложил его, что я думал, он никогда больше не поднимется. Однако, держа ее подальше и закрепив все вещи, она выправилась. Всю оставшуюся ночь нас штормило очень сильно, и утром мы обнаружили, что грот-мачта наполовину спружинила: сто двадцать три лиги к подветренной стороне от Ямайки, ураганные месяцы надвигаются, голова грот-мачты почти оторвана, да еще и с небольшим запасом; что ж, мы должны сделать все возможное. Грот-мачта была хорошо пробита, но мы были вынуждены очень бережно относиться к парусу.

Ничего примечательного не произошло в течение десяти дней после этого, когда мы шесть часов преследовали янки, но не смогли подойти к ней достаточно близко до наступления темноты, чтобы держать ее в поле зрения; так что мы потеряли ее, потому что не могли нести парус на грот-мачте. Еще через двенадцать дней мы достигли острова Ямайка, выдержав все шквалы, и зашли в Монтего-Бей за водой, так что у нас была сильная партия, чтобы поднять пыль на берегу, найдя там трех военнослужащих. Танцевали и т.д. и т.п. до двух часов ночи каждое утро; мало думая о том, что произойдет через четыре дня, ибо из четырех военных, которые там были, ни одного не осталось в живых к концу этого времени, и ни одной живой души, кроме тех, кто остался из нашего экипажа. Многие из домов, где мы так веселились, были так полностью разрушены, что от них не осталось и следа. Чудны дела Твои, Господи! Да будет прославлено святое Имя Твое!

30 сентября взвесились; направились в Порт-Ройал, вокруг восточной части острова; "Бардадос" и "Виктор" отплыли накануне, а "Скарборо" должен был отплыть на следующий день. Умеренная погода до 2 октября. Вечером подошли к "Барбадосу" у Порт-Антонио. В одиннадцать вечера начало дуть, с востока показалась чудовищная тяжесть. Закрепили рифы на топ-парусах. Сэр Хайд послал за мной: "Что у нас за погода, Арчер!" "Немного дует, и вид у него очень мерзкий: если бы в любой другой четверти, кроме этой, я бы сказал, что у нас будет штормовой ветер". "Да, здесь так часто бывает, когда ветра нет совсем; однако не поднимайте верхние паруса, пока не прояснится немного, в стране нет доверия". В двенадцать мне полегчало; погода была все та же: однако они подняли парус, но провели очень грязную ночь. В восемь утра я снова поднялся, обнаружил, что с востока на северо-восток дует сильный ветер, на корабле натянуты верхние паруса, и временами налетают сильные шквалы. Сэр Хайд вышел на палубу: "Ну, Арчер, что ты об этом думаешь?" "О, сэр, это всего лишь штрих времени, мы проведем наблюдение в двенадцать часов; облака начинают расходиться; к полудню прояснится, а то потом будет дуть очень сильно". "Мне хотелось бы, чтобы прояснилось, но я в этом сильно сомневаюсь. Однажды я попал в ураган

в Ост-Индии, и его начало выглядело примерно так же, как сейчас. Так что убирайте верхние паруса, у нас много места в море".

В двенадцать, когда шторм еще усилился, корабль понесло, чтобы держаться как можно ближе к среднему каналу между Ямайкой и Кубой; в час шторм еще усилился; в два - еще сильнее, еще сильнее дует! Сняли рифы и закрепили их; привели в порядок стаксель-шкот, завели на север. Вечером не было никаких признаков того, что погода стихает, но все признаки того, что шторм усиливается, приготовились к соответствующему штормовому ветру; закрепили все паруса с запасными прокладками; хорошо закрутили снасти на верфях; выравнивали гики; увидели шлюпки, все закрепили; закрепили пушки; дважды закрепили нижние палубы; проследили, чтобы плотники приготовили брезент и обрешетку для люков; опустили на палубу топ-галлант-мачту, стаксель-шкот и шпрюйт-шкот на носу и на корме; в общем, все, что только можно придумать для создания уютного корабля.

Бедные пернатые дьяволы теперь начали находить в стихии переполох, так как на борт нас поднималось множество птиц, как морских, так и сухопутных. Я обратил внимание на некоторых, которые, оказавшись с подветренной стороны, повернули к ветру, как корабль, галсами, ибо не могли лететь против него. Когда они подплывали к кораблю, то падали на палубу, не пытаясь шелохнуться, пока их не подхватывали, а когда их отпускали, они не покидали корабль, а старались спрятаться от ветра.

В восемь часов начался ураган; море ревело, но ветер оставался ровным до предела; на корабль не попало ни ложки воды. Однако задраили все люки, ожидая, что будет, если ветер переменится; поставили плотников у грот-мачты с широкими топорами, зная по опыту, что в тот момент, когда захочется отрубить ее, чтобы спасти корабль, топора может не оказаться. Пошел ужинать: хлеб, сыр и портер. Кошелек до смерти перепугался из-за своих мешков с хлебом; два морских офицера были белыми как простыни, не понимая, как работает корабль, и шума пушек на нижней палубе, которые к этому времени издавали довольно сильный визг для людей, не привыкших к этому; казалось, что весь борт корабля ходит ходуном при каждом крене. Деревянный, наш плотник, все это время курил свою трубку и смеялся над доктором; второй лейтенант был на палубе, а третий лежал в своем гамаке.

В десять часов я решил немного поспать; заглянул на свою койку - она была полна воды, потому что все швы, от напряжения корабля, начали протекать. Поэтому я растянулся на палубе между двумя сундуками и оставил распоряжения, чтобы меня позвали, если что-то случится. В двенадцать ко мне подошел мичман: "Мистер Арчер, мы как раз собираемся идти на корабль, сэр!" "О, очень хорошо, я поднимусь прямо сейчас, какая у вас погода?" "Дует ураган". Вышел на палубу, нашел там сэра Хайда. "Дует чертовски сильно, Арчер". "Действительно, сэр". "Не помню, чтобы раньше так сильно дуло, но на этом галсе, когда она клонится к морю, корабль держит хорошую погоду; но мы должны ее одеть, так как ветер сменился на юго-восточный, а мы шли прямо на Кубу; так что иди вперед, и пусть кто-нибудь будет рядом; ослабь левую шкаторину переднего паруса, и когда она окажется прямо перед ветром, закрути кливер-гарнет и сверни парус". "Сэр! Против этого не устоит ни один парус; если мы попытаемся отпустить его, он мгновенно разлетится на ленты, и мы можем потерять трех или четырех человек; она будет носить, убирая носовые обтекатели". "Нет, я не думаю, что она это сделает". "Я отвечу за это, сэр; я видел, как это несколько раз с успехом пробовали на побережье Америки". "Ну что ж, попробуйте; если ее не унесет, мы можем только ослабить передний парус". Это была большая снисходительность со стороны такого человека, как сэр Хайд. Однако, отправив около двухсот человек на носовую оснастку, после упорной борьбы она надела парус; оказалось, что на этом галсе погода не такая хорошая, как на другом, потому что, когда море стало идти поперек, она не успевала подняться из одного

моря, как на нее обрушивалось другое. Я уже начал думать, что мы потеряем мачты, так как судно лежало очень сильно вдоль борта, от постоянного давления ветра только на верфи и мачты: ведь бедный мизен-стаксель давно разорвался в клочья, а паруса начали слетать с верфей через прокладки в каботажные бичи. Боже мой! Подумать только, что ветер может иметь такую силу!

Сэр Хайд послал меня посмотреть, что происходит между палубами, так как там было очень шумно. Как только я оказался внизу, один из офицеров морской пехоты воскликнул: "Боже правый, мистер Арчер, мы тонем, вода доходит до дна моей койки". "Пух, пух! Пока она не попала вам в рот, вы в порядке; какого дьявола вы поднимаете этот шум?" Я обнаружил, что между палубами есть немного воды, но беспокоиться не о чем; спустил палубу на воду и спустил ее в колодец - оказалось, что она набрала много воды через борта и палубы; поставил вахту внизу к насосам, хотя в колодце было всего два фута воды; но ожидалось, что теперь они будут постоянно работать, так как корабль много трудится, едва ли часть его над водой, кроме квартердека, и то редко: "Давайте, качайте, ребята. Плотники, установите цепную помпу". "Все готово, сэр". "Тогда заводите ее и держите обе помпы в рабочем состоянии".

В два часа цепная помпа засорилась; плотники принялись за работу, чтобы прочистить ее; две головные помпы работали на палубе; корабль настигал нас, пока наши цепные помпы бездействовали; через четверть часа они снова заработали, и мы стали настигать его. Когда я стоял у насосов, подбадривая людей, ко мне подбежал помощник плотника с лицом длиной с мою руку: "О, сэр! На корабле образовалась течь в канонерской комнате". "Тогда иди и скажи плотнику, чтобы он пришел ко мне, но никому больше не говори ни слова". "Мистер Гудино, мне сказали, что в канонирской комнате течь; пойдите и посмотрите, в чем дело, но никого не тревожьте и придите ко мне с докладом наедине". Через некоторое время он вернулся: "Сэр, там ничего нет, это только вода, вымытая между бревнами, которую этот олух принял за течь". "О, очень хорошо; идите на палубу и посмотрите, сможете ли вы удержать воду от вымывания внизу". "Сэр, у меня четыре человека постоянно держат люки в безопасности, но на палубе такая масса воды, что никто не может выдержать ее, когда корабль кренится". Вскоре после этого ко мне подошел канонир: "Мистер Арчер, я был бы рад, если бы вы на минутку отошли в магазин". Я подумал, что дело в какой-то чертовщине, и сразу побежал: "Ну, в чем дело?" "Ярус пороха испорчен, и я хочу показать вам, что это не из-за небрежности при его укладке, ибо ни один порох в мире не может быть уложен лучше. Что же мне делать, сэр? Если вы не поговорите с сэром Хайдом, он на меня рассердится". Я не мог удержаться от улыбки, видя, как легко он воспринимает опасность, грозящую кораблю, и сказал ему: "Давайте сначала избавимся от этого штормового ветра, а потом поговорим об испорченном порохе".

В четыре часа мы немного приблизились к кораблю, и я вышел на палубу - это была моя вахта. Второй лейтенант сменил меня у помпы. Кто может попытаться описать внешний вид вещей на палубе? Если бы я писал вечно, то не смог бы дать вам представления об этом - полная темнота, море в огне, бегущее, как в Альпах или на пиках Тенерифе; (горы - слишком распространенное представление); ветер ревет громче грома, (совершенно без полета воображения), все это становится более ужасным, если возможно, из-за очень необычного вида голубой молнии; бедный корабль очень сильно сдавлен, но делает все, что может, сотрясая свои борта и стоная при каждом ударе. Сэр Хайд на палубе, прижатый к ветру! Вскоре я пристроился рядом с ним и рассказал ему о положении дел внизу, сказав, что корабль не больше воды, чем можно было бы ожидать в такую погоду, и что я боюсь только, как бы не вырвалась пушка. "Я нисколько не боюсь этого; я командую кораблем шесть лет, и

на нем было много штормовых ветров, так что его железная работа, которая всегда поддается первой, довольно хорошо испытана. Держитесь! Это было отвратительное море; мы должны опустить верфи, я полагаю, Арчер; корабль сильно сдавлен". "Если мы попытаемся это сделать, сэр, то потеряем их, потому что человек на корме ничего не может сделать; к тому же их опускание мало облегчит корабль; грот-мачта подпружинена; я хотел бы, чтобы она оказалась за бортом, не унося с собой ничего другого; но это скоро можно будет сделать, шторм не может длиться вечно; скоро рассветет". По часам хозяина обнаружили, что уже пять часов, хотя по нашим было немного позже четырех; мы были рады, что так скоро рассветет, и ждали этого с большой тревогой. Куба, ты очень мешаешь нам! Еще одно отвратительное море: послал мичмана принести новости с помпы: корабль сильно настигал их, так как они сломали одну из своих цепей, но ее почти починили. Снова новости с помпы. "Она все еще набирает ход! Сильный леер!" С подветренной стороны, на полпути вверх по квартердеку, в одну из куттер-буксирных палуб налетела вода и разнесла ее на куски; корабль лежит почти на концах балок и не пытается снова выправиться. Снизу пришло сообщение, что корабль все еще настигает их, так как они не могли встать к помпам, настолько сильно она лежала. Я сказал сэру Хайду: "Сейчас не время, сэр, думать о спасении мачт, может, срубим грот-мачту?" "Да! И как можно быстрее". Я, соответственно, пошел в погодные цепи с топором, чтобы отрезать талрепы; боцман пошел на подветренный борт, а плотники встали у мачты. Мы были уже готовы, когда прямо на нас налетело очень сильное море, унесло все вещи с палубы, наполнило корабль водой, грот- и мичманские мачты ушли, корабль выправился, но в последней борьбе стал тонуть под нами.

Как только мы смогли поднять голову над водой, сэр Хайд воскликнул: "Наконец-то мы пропали, Арчер! Основание в море!" "Да, сэр, прощайте, и да помилует нас Господь!" Я повернулся, чтобы посмотреть вперед на корабль; мне показалось, что она борется, чтобы избавиться от воды; но все напрасно, она была почти полностью под водой: "Всемогущий Бог! Благодарю тебя, что теперь, покидая этот мир, который я всегда считал лишь переходом к лучшему, я умираю с полной надеждой на милости, благодаря заслугам Иисуса Христа, сына твоего, нашего Спасителя!"

Затем я пожалел, что умею плавать, ведь таким образом я мог бы умирать на четверть часа дольше, чем человек, который этого не умеет, и невозможно избавиться от желания сохранить жизнь. Под конец этих размышлений мне показалось, что я слышу стук и скрежет корабля под нашими ногами; так оно и было. "Сэр, корабль на берегу!" "Что вы говорите?" "Корабль на берегу, и мы еще можем спастись!" К этому времени на квартердеке было полно людей, поднявшихся снизу, и "Господи, помилуй нас" доносилось со всех сторон. Корабль теперь заставлял всех чувствовать, что он на берегу, ибо каждый удар грозил полным разрушением всего его каркаса; оказалось, что он лежит кормой на берегу, а нос сильно раскалывает море, хотя при каждом ударе его начисто смывает. Сэр Хайд крикнул: "Держитесь на квартердеке, ребята, когда она разлетится на куски, это ваш лучший шанс!" К счастью, удалось отрезать носовую мачту, чтобы она не перевернулась на бок. Потеряли пятерых человек, отрезая фор-мачту, из-за того, что на борт обрушилось море, как раз в тот момент, когда мачта упала. Но это было еще ничего; каждый ожидал, что дальше его постигнет собственная участь; с величайшим нетерпением ждали рассвета. Наконец он наступил, но какая сцена предстала перед нами! Корабль на ложе из скал, с одной стороны - горы, с другой - водные Кордильеры; наш бедный корабль скрежетал и кричал при каждом ударе между ними; его уносило по частям. Однако, чтобы показать непостижимые действия Провидения, то, что часто кажется величайшим злом, оказалось величайшим благом! Неистовое море так высоко поднимало и било нас о скалы, что в конце концов корабль почти не двигался. Он был очень крепким и не разлетелся на куски при первом же ударе, хотя его

палубы завалились внутрь. Впоследствии мы обнаружили, что она налетела на выступ скал почти в четверти мили от нас, и если бы она ударилась, то погибла бы каждая душа из нас.

Я стал подумывать о том, чтобы выбраться на берег, поэтому снял пальто и ботинки, чтобы искупаться, и стал искать линь, чтобы унести конец с собой. К счастью, найти ее не удалось, что дало мне время для раздумий. "Так не пойдет - быть первым человеком на корабле и первым лейтенантом; мы можем снова попасть в Англию, и люди могут подумать, что я уделял много внимания себе и не заботился ни о ком другом. Нет, так не пойдет; вместо того чтобы быть первым, я увижу, как все люди, больные и здоровые, покинут ее раньше меня".

Я подумал, что нет никакой вероятности того, что корабль скоро разлетится на куски, и поэтому не думал о мгновенной смерти: с философским видом огляделся вокруг, чтобы посмотреть, как такое же положение отразится на моих товарищах, и с удивлением обнаружил, что самые развязно ругающиеся забияки в хорошую погоду, теперь самые жалкие несчастные на земле, когда смерть предстала перед ними. Однако двое спаслись; с помощью линя мы доставили на берег ялик и закрепили его на скалах, на которые многие отважились и добрались благополучно. На борту было несколько больных и раненых, которые не могли воспользоваться этим способом; поэтому мы взяли с цепей запасной топ-сейл и положили один конец на берег, а другой - на окно каюты, так что большинство больных добрались до берега именно таким образом.

Как я и решил, я был последним, кто покинул корабль; это было около десяти часов. Шторм начал усиливаться. Сэр Хайд подошел ко мне и, взяв меня за руку, так растрогался, что едва мог говорить: "Арчер, я счастлив до невозможности, что вижу вас на берегу, но посмотрите на нашу бедную Финикс!" Я обернулся, но не смог произнести ни слова, так как был слишком переполнен: мои мысли и раньше были слишком сильно заняты; но теперь все нахлынуло на меня разом, так что я не мог сдержать себя и целую четверть часа предавался слезам.

К двенадцати часам стало довольно умеренно; набрали на берегу гвоздей и сделали палатки; нашли большое количество рыбы, загнанной морем в отверстия скал; развели огонь и поужинали с большим удовольствием. После обеда сделали помост из окон каюты на скалы и достали немного провизии и воды, чтобы корабль не развалился на куски, и тогда мы все погибли бы от голода и жажды; ведь мы находились на пустынном участке побережья и под скалистой горой, которая не могла дать нам ни капли воды.

В эту ночь и на следующий день мы спали спокойно, мысль о смерти постепенно исчезала, но перспектива оказаться пленниками во время войны в Гаване и пройти триста миль до нее по лесам была довольно неприятной. Однако, чтобы сохранить жизнь на данный момент, мы потратили этот день на то, чтобы доставить на берег побольше провизии и воды, что было нелегким делом из-за палуб, пушек и мусора, и десяти футов воды, которые лежали над ними. Вечером я предложил сэру Хайду починить остатки единственной оставшейся лодки и самому отправиться на ней на Ямайку, а в случае моего благополучного прибытия привести суда, чтобы снять их всех; предложение, достойное рассмотрения. На следующий день с ним согласились; поэтому я доставил катер на берег и поручил плотникам работу над ним; через два дня он был готов, и в четыре часа дня я сошел на берег с четырьмя добровольцами и провизией на две недели, поднял английские флаги, когда мы отчалили от берега, и получил три приветствия от оставшихся парней, которые мы вернули, и отплыл с легким сердцем, не сомневаясь, что с Божьей помощью мы придем и заберем их всех. Ночь была очень шквалистой, а лодка - очень дырявой, так что приходилось постоянно подтаскивать два ведра. Всю ночь я сам управлял ею по звездам, а утром увидел берег Ямайки на расстоянии двенадцати лиг. В восемь часов вечера прибыли в Монтего-Бей.

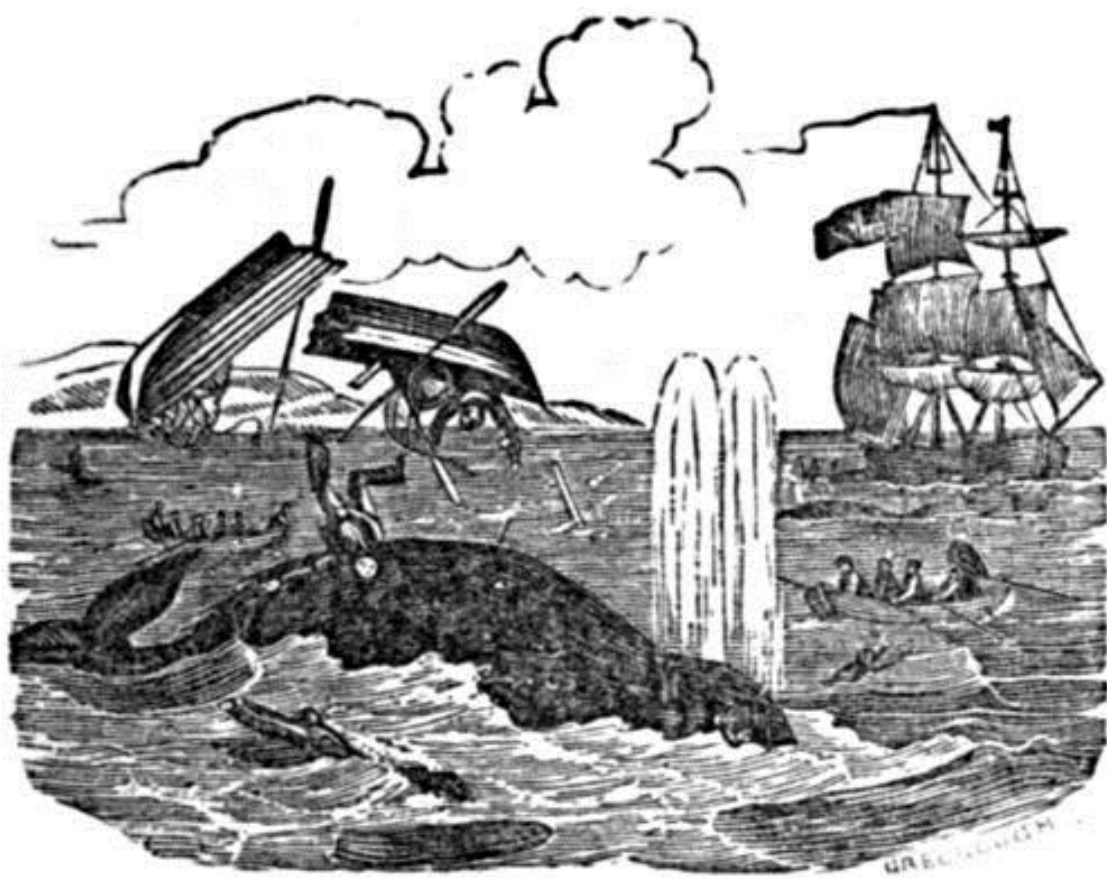
Теперь мне пора уходить, тем более что до конца осталось всего полчаса; иначе мое маленькое красивое письмо потеряет смысл, чего мне не хотелось бы, после того как я десять дней, в разное время, писал его, избиваемый конвоем на севере, что является причиной того, что это послание никогда не будет хорошо читаться; так как я никогда не садился с должным расположением, чтобы продолжить его; но поскольку я знал, что нечто подобное доставит вам удовольствие, я решил закончить его; однако оно не выдержит капитального ремонта; так что неставляйте напоказ глупости вашего сына.

Но продолжим: я тотчас же отправил экспресс адмиралу, другой - военному дикобразу, а сам отправился к Марте Брей за судами, ибо все их суда здесь, равно как и многие дома, ушли в Моко. Взяв три небольших судна, я снова отправился на Кубу, куда прибыл на четвертый день после того, как покинул своих спутников. Я думал, что команда корабля сожрет меня, когда я высажусь на берег; но они тут же взвалили меня на плечи и отнесли в палатку, где находился сэр Хайд.

За неимением времени я должен опустить множество мелких происшествий, случившихся на берегу; но у меня будет множество историй, которые я смогу рассказать, когда окажусь рядом с вами; и в следующий раз, когда я вас навещу, я не буду так спешить покинуть вас, как в прошлый, ибо тогда, как я надеялся, мое гнездо будет уже довольно хорошо оперено: - Но мой рассказ забыт.

В тот день я обнаружил, что "Дикобраз" уже прибыл, и ребята построили почти готовую к спуску лодку, рассчитанную на пятьдесят человек, которая предназначалась для другого испытания, на случай, если я потерплю крушение. На следующий день на корабль сошли все наши люди, которых осталось двести пятьдесят человек, ибо одни умерли от ран, полученных при выходе на берег, другие - от выпитого рома, а третьи разбрелись по стране. Все наши суда были так набиты людьми, что мы не могли взять с собой те немногие вещи, которые удалось спасти с затонувшего корабля; но это было мелочью, поскольку мы сохранили наши жизни и свободу. Короче говоря, все мы благополучно добрались до Монтего-Бей, а вскоре после этого - до Порт-Ройала на корабле "Янус", который был специально послан за нами, и были с честью оправданы за потерю корабля. Меня назначили помощником адмирала, а через некоторое время после этого отправили в Сент-Хуан в качестве капитана "Ресурса", чтобы доставить то, что осталось от бедных дьяволов, в Блю-Филдс, на берег Маскито, а затем на Ямайку, куда они прибыли после трехмесячного отсутствия и без приза, хотя я зорко следил за Порто-Бельо и Картахой. В мое отсутствие я узнал, что меня назначили капитаном на "Тобаго", где я остаюсь вернейшим и преданнейшим слугой его величества и самым послушным сыном моей дорогой матери,

--АРХЕР

РАССКАЗ О КИТОВОМ ПРОМЫСЛЕ

С АНЕКДОТАМИ ОБ ОПАСНОСТЯХ, СВЯЗАННЫХ С НИМ.

Историки, как правило, приписывают бискайцам заслугу в том, что они первыми занялись китовым промыслом; предполагается, что за ними последовали англичане, а затем и голландцы. Норвежцы занимались этим промыслом еще в девятом веке, а исландцы - примерно в одиннадцатом. Однако только в семнадцатом веке китовый промысел стал важной отраслью торговли для морских народов Европы.

Экипаж китового судна обычно состоит из сорока-пятидесяти человек, включая несколько классов офицеров, таких как гарпунеры, лодочники, линейные менеджеры и т.д., а также матросы, сушисты и подмастерья. В качестве стимула для команды на промысле каждый человек, от мастера до мальчишек, помимо ежемесячного жалования, получает либо вознаграждение за каждый размер рыбы, пойманной во время плавания, либо определенную сумму за каждую тонну нефти, которую добывает груз. Мастера и гарпунеры получают небольшую сумму перед отплытием вместо месячного жалования, а если они не добывают никакого груза, то ничего больше не получают за свое плавание; но в случае удачного промысла их преимущества весьма значительны.

Воронье гнездо - это устройство, устанавливаемое на грот-топ-мачте или топе-галлант-мачты в качестве сторожевой башни для офицера, несущего вахту. Она надежно защищена от ветра и холода, оборудована рупором, подзорной трубой и винтовкой. Наиболее благоприятные условия для ведения промысла в гренландских морях обычно возникают при северном, северо-западном или западном ветре. В это время море гладкое, а атмосфера, хотя и облачная и темная, обычно свободна от тумана и снега. Рыбаки предпочитают облачное, а не ясное небо, потому что в очень яркую погоду море освещается, и тени китобойных судов так сильно отпечатываются на воде под лучами солнца, что киты склонны бить тревогу. Туманы неблагоприятны лишь настолько, что могут подвергнуть опасности лодки, закрывая обзор судна. Хорошо сконструированная китовая лодка легко и безопасно плавает на воде, может грести с большой скоростью и легко поворачиваться, она имеет такую вместимость, что вмещает шесть или семь человек, семь или восемьсот китовых линий и различные другие материалы, и при этом сохраняет необходимые свойства безопасности и скорости. Китобойные суда, которые могут получить повреждения как от китов, так и от льда, всегда строятся с использованием резчиков - такая конструкция легко ремонтируется. Для ловли кита обычно используются гарпун и копье. Кроме того, существует разновидность гарпуна, который выстреливается из пушки, но, поскольку его трудно отрегулировать, он используется редко. Кроме того, на каждом судне имеется "джек" или флаг, прикрепленный к шесту и служащий сигналом при попадании кита на гарпун. Экипаж китобойного судна разделен на дивизионы, количество которых равно количеству лодок. Каждое подразделение, состоящее из гарпунера, лодочника и линейного менеджера, а также трех или четырех гребцов, составляет "команду лодки".

На рыболовецких станциях, когда погода позволяет вести промысел, лодки всегда готовы к немедленной работе. В "вороньем гнезде" обычно сидит один из офицеров, который внимательно следит за появлением кита. Как только рыба замечена, он дает знать "вахте на палубе", часть которой прыгает в лодку, спускается вниз и отчаливает к месту. Если рыба крупная, на подмогу второй лодке посылают вторую; а когда все лодки отправлены, говорят, что корабль "свободно падает". При приближении к киту следует соблюдать несколько правил, чтобы животное не подняло тревогу. Поскольку кит плохо слышит, но хорошо видит, судоводитель всегда старается оказаться позади него, и для этого ему иногда приходится

идти кружным путем. В тихую погоду, когда пушки не используются, необходима величайшая осторожность, прежде чем кит будет достигнут; всегда требуется плавная осторожная гребля, а иногда практикуется гребок. Гарпунер в первую очередь стремится поставить свою лодку как можно ближе к месту, где он ожидает появления рыбы, и считает, что попытка удалась, когда рыба "всплывает на старте", то есть на расстоянии около двухсот ярдов.

Когда кит лежит на поверхности воды, не подозревая о приближении врагов, выносливый рыболов направляется прямо на него и за мгновение до того, как лодка коснется его, вонзает свой гарпун ему в спину. Раненый кит от неожиданности и агонии момента делает судорожное усилие, чтобы убежать. Наступает момент опасности. Лодка подвергается жесточайшим ударам со стороны головы, плавников, но особенно со стороны громоздкого хвоста, который иногда взмывается в воздух с такой огромной яростью, что лодка и люди подвергаются одной общей гибели.

Голову кита избегают, потому что ее нельзя пробить гарпуном; но любая часть тела, между головой и хвостом, позволит использовать инструмент по всей длине, без опасности препятствий. В тот момент, когда раненый кит исчезает, вывешивается флаг, при виде которого вахтенные на корабле подают сигнал тревоги, стуча по палубе и сопровождая его криками "падение". При этом звук спящая команда просыпается, вскакивает с коек, бросается на палубу и теснится в лодки. Сигнал "падение" оказывает необычное воздействие на чувства спящего человека, не привыкшего его слышать. Его часто принимали за крик бедствия. Один сухопутный житель, увидев, как команда при падении вскакивает в лодки в одних рубашках, решил, что корабль тонет. Поэтому он попытался сам сесть в лодку, но все они были полностью укомплектованы, и ему было отказано. После нескольких бесплодных попыток занять место среди товарищей он в явной беде воскликнул: "Что же мне делать? Неужели никто из вас не возьмет меня к себе?"

Первая попытка "быстрой рыбы" или кита, получившего удар, - спастись от лодки, погрузившись под воду. После этого она продолжает движение вниз или появляется на небольшом расстоянии и с большой скоростью плывет у поверхности воды. Иногда он мгновенно возвращается на поверхность и показывает свою агонию самыми конвульсивными муками. Однако чаще всего кит падает вниз. Кит, ударившийся о край большого ледяного покрова и проходящий под ним, иногда сбивает все линии с одной лодки. О приближающемся бедственном положении лодки из-за отсутствия линия свидетельствует поднятие весла, к которому добавляется второе, третье или даже четвертое, в зависимости от характера затруднений. Когда лить заканчивается, требуется предельная осторожность и внимание со стороны каждого, кто находится в лодке; иногда самые незначительные пренебрежения приводили к фатальным последствиям. Когда случается, что лить "прогорает" и не может быть очищен мгновенно, это иногда уводит лодку под воду; в этом случае, если под рукой нет вспомогательной лодки или удобного куска льда, команда погружается в море и вынуждена полагаться на свои весла или умение плавать, чтобы поддержать себя на поверхности.

Капитан Скорсби рассказывает о подобном несчастном случае, который произошел во время его первого плавания на китовый промысел. Тысяча саженой линия была уже на исходе, и быстроходное судно было с силой прижато к борту куском льда. Гарпунер, стремясь задержать бегство кита, сделал слишком много витков линия вокруг кнехта, который, запутавшись, увлек лодку под лед. По счастливой случайности под рукой оказалась другая

лодка, в которую команда успела перебраться. В результате несчастного случая кит с линем длиной около двух миль был потерян, но лодку удалось спасти.

Среднее время пребывания раненого кита под водой составляет около тридцати минут. Когда он снова появляется, вспомогательные лодки с максимальной скоростью направляются к месту, и, когда они достигают его, каждый гарпунер погружает свой гарпун в его спину, в количестве трех, четырех или более, в зависимости от размера кита. Затем его активно осыпают копьями, которые вонзаются в тело, целясь в жизненно важные органы. Море вокруг окрашивается его кровью, а шум, издаваемый хвостом в предсмертной борьбе, слышен за несколько миль. Умирая, он переворачивается на спину или на бок; об этом обстоятельстве ловцы возвещают ударами своих флагов, сопровождаемыми тремя оживленными криками "ура!"

Иногда китов удается поймать с помощью одного гарпуна в течение пятнадцати минут. Иногда они сопротивляются сорок или пятьдесят часов, а порой в результате своей борьбы они разрывают сразу три или четыре линя или сами срываются с гарпунов. В целом поимка кита зависит от активности гарпунера, состояния ветра и погоды или особенностей поведения самого животного. При самых благоприятных обстоятельствах продолжительность не превышает часа. В среднем можно говорить о двух часах. Бывали случаи, когда китов брали вообще без ударов, просто запутываясь в лесках, которые использовались для уничтожения других, и борясь до тех пор, пока они не тонули или не умирали от истощения.

Рыбалка на китов, когда она ведется у кромки этих удивительных льдин, называемых полями, является, при хорошей погоде и надежном убежище для кораблей, самой приятной, а иногда и самой продуктивной из всех других способов. Когда можно заметить рыбу, "снующую" в любой из лунок поля, люди перебираются на лед и атакуют ее копьями, чтобы повернуть обратно. В связи с этой темой капитан Скорсби рассказывает о следующем обстоятельстве, которое произошло под его собственным наблюдением.

Восьмого июля 1813 года корабль "Эск" лежал у края большого листа льда, в котором было несколько тонких частей и несколько отверстий. Тут послышалось дыхание кита, гарпун с прикрепленным к нему линем был переброшен через лед со сторожевой лодки, и гарпунеру удалось поразить кита на расстоянии трехсот пятидесяти ярдов от кромки. Он вытащил десять линей (2400 ярдов) и, как предполагается, был замечен в различных отверстиях во льду. Через некоторое время он показался с внешней стороны и был снова поражен, в тот момент, когда собирался уйти под воду во второй раз. Примерно в ста ярдах от кромки он проломил головой лед толщиной в фут и дышал через отверстие. Затем он двинулся вперед, ломая лед по мере продвижения, несмотря на постоянно направленные на него копья. Наконец он достиг своего рода бассейна в поле, где плавал на поверхности без всякого ущерба для льда. Его спина была достаточно обнажена, и гарпун, выпущенный из лодки снаружи, был замечен таким легким запутыванием, что готов был выпасть. Некоторые из офицеров сетовали на это обстоятельство и желали, чтобы гарпун был закреплен лучше; в то же время они заметили, что если он выскользнет, то либо рыба будет потеряна, либо им придется вынимать ее из льда и тащить по льду на корабль; такого труда все хотели избежать. Не успели высказать это пожелание и объяснить его важность, как молодой и смелый матрос вышел вперед и предложил вонзить гарпун глубже. Ничуть не испугавшись удивления, проявившегося на лицах всех присутствующих при столь смелом предложении, он вскочил на спину живого кита и вырезал гарпун карманным ножом. Воодушевленный его примером, один из его товарищей поспешил ему на помощь. Пока один из них натягивал лить и держал его в руках, другой уперся плечом в конец гарпуна и, хотя тот был без

наконечника, ухитрился снова вонзить его в рыбу еще эффективнее, чем в первый раз! Кит пришел в движение еще до того, как они закончили. После того как они сняли его со спины, он продвинулся на значительное расстояние, ломая лед на своем пути, и выдержал это новаторское обращение десять или пятнадцать минут. Этот смелый поступок оказался очень полезным. К счастью, по истечении срока годности кит самопроизвольно затонул, после чего его вытащили под лед с помощью лески и закрепили без дальнейших проблем. Это был мощный кит; очень значительный приз.

При преследовании крупного кита необходимо, чтобы две лодки всегда шли вместе, чтобы одна из них могла помочь другой в любой ситуации. Руководствуясь этим принципом, 13 июня 1814 года две лодки из Эска были отправлены в погоню за крупными китами. Льда в пределах видимости не было. Лодки шли некоторое время вместе, затем разделились, преследуя двух китов на небольшом расстоянии друг от друга; по удивительному совпадению, гарпунеры поразили свою рыбу в один и тот же момент. Они находились в миле от корабля. Каждая лодка подавала срочные сигналы о помощи, и через несколько минут один из гарпунеров был вынужден оборвать свой лить. К счастью, другая рыба не опустилась так глубоко, и линии в лодке оказались достаточными для этого случая. Предположив, что одна из рыб потеряна, пять лодок из семи набросились на рыбу, которая все еще оставалась запутанной, и быстро убили ее. Через некоторое время после этого другая рыба, которую предполагалось потерять, была обнаружена на небольшом расстоянии от места, где она была поражена; три лодки направились к ней; она была немедленно поражена и через двадцать минут также убита. Таким образом, к счастью, были пойманы два кита, на которых уже не было надежды. Они добыли около сорока тонн нефти, стоимость которой на тот момент составляла 1400 фунтов стерлингов. Линии, прикрепленные к последней рыбе, были извлечены вместе с ней.

Прежде чем кит будет разделан, как называется операция по удалению жира и китовой кости, необходимо провести некоторые предварительные мероприятия. Они заключаются в том, чтобы закрепить кита на лодке, отрезать привязанные китовые линии, связать плавники вместе и отбуксировать его к кораблю. Здесь можно упомянуть несколько любопытных обстоятельств, связанных с этими операциями.

В 1816 году экипаж судна "Эск" убил рыбу, которая, судя по всему, была убита. Плавники были частично прикреплены, хвост находился на грани фиксации, и все линии, кроме одной, были отрезаны, а рыба тем временем лежала как мертвая. К тревоге матросов, она ожила, начала двигаться и подалась вперед в конвульсивном возбуждении; вскоре после этого она погрузилась в воду на некоторую глубину, а затем умерла. К счастью, к нему остался привязан один линь, с помощью которого его вытащили на поверхность и закрепили.

Обычно после того, как кит был отведен в сторону от судна, и до начала операции по заклеивке, допускается приостановка работ. Однажды в подобном перерыве произошло несчастливое обстоятельство. В тот период рыболовства (сорок или пятьдесят лет назад), когда одного крепкого кита вместе со щедростью было достаточно, чтобы вознаградить владельцев судна за расходы на плавание, рыбаки испытывали огромную радость при поимке кита. Их не только подбадривали спиртными напитками, но и иногда предоставляли любимые блюда, которыми они могли побаловать себя, прежде чем приступить к тяжелой работе по добыче рыбы. В такой момент команда английского судна поймала своего первого кита. Его доставили на корабль, положили на подножку, и, хотя дул сильный ветер, он был закреплен лишь небольшой веревкой, привязанной к плавнику. В этом состоянии мнимой безопасности все удалились, чтобы побаловать себя, не исключая и капитана. Корабль находился на расстоянии от льдов, а рыба, как считалось, была быстрой, и они не спешили наслаждаться ею. В конце концов, главный гарпунер, потратив достаточное количество времени на ублажение и снаряжение, с видом важности и уверенности в себе вышел на палубу и, естественно, повернулся, чтобы посмотреть на кита. К его изумлению, кита не было

видно. В некоторой тревоге он посмотрел на корму, на голову, на другую сторону, но поиски были бесполезны; корабль, быстро дрейфуя, с силой надавил на кита, канат оборвался, рыба затонула и погибла. Обиду, вызванную этим событием, можно представить, но конец их огорчения нелегко вообразить, если знать, что за время плавания не было ни одной другой возможности добыть кита. Корабль вернулся домой чистым.

Заниматься фленсингом в штиль - очень трудное и опасное дело, а когда штиль совсем значительный, оно вообще становится невыполнимым. Никакие канаты или блоки не способны выдержать толчки моря. Гарпунеры страдают от волнения, их то и дело заливают водой; кроме того, они могут быть ранены из-за обрыва веревок или крюков снастей, а также от ударов ножей друг друга. Поэтому несчастные случаи при таком виде плавания нередки. Гарпунеры нередко попадают в пасть кита, когда она открывается из-за удаления поверхности ворвани; там они могли бы легко утонуть, если бы не своевременная помощь, которая всегда под рукой.

Один из законов рыболовства, которого придерживаются все, заключается в том, что, когда кит освобождается, независимо от случая или обстоятельств, он становится бесплатным призом для первого, кто им завладеет. Так, когда кит убит, и его спускают на воду из-за шторма, его обычно берут на буксир; если канат, которым он связан с кораблем, случайно оборвется, и люди с другого корабля схватят его, когда он будет отсоединен, он станет их призом. Следующее обстоятельство, произошедшее много лет назад, наглядно иллюстрирует существующие гренландские законы.

Во время шторма с сильным ветром и снегом несколько судов под легким парусом бились с наветренной стороны вдоль края стаи. Когда шторм утих и погода прояснилась, корабли направились к льду. Два корабля приблизились к нему на расстояние около мили по курсу, друг за другом, когда экипажи каждого из них случайно заметили мертвую рыбу на небольшом расстоянии, среди рыхлого льда. Каждый корабль взял парус, чтобы попытаться добраться до рыбы раньше другого; эта рыба, будучи свободной, должна была стать призом для того, кто первым сможет ею завладеть. Ни один из кораблей не мог обогнать другой, но каждый умудрялся продвигаться вперед к призу. Небольшое преимущество одного из них в расстоянии, другой компенсировал скоростью. На носу каждого из двух кораблей находился главный офицер, вооруженный гарпуном, готовым к выстрелу. Но случилось так, что корабли соприкоснулись друг с другом, когда находились в нескольких ярдах от рыбы, и в результате удара, с которым столкнулись их носы, они отскочили на значительное расстояние. В тот же момент офицеры разрядили свои гарпуны, но все они не попали в рыбу. Выносливый парень, второй помощник подветренного корабля, немедленно прыгнул за борт и с большой ловкостью подплыл к киту, схватил его за плавник и объявил своим призом. Однако он так раздулся, что не смог забраться на него и был вынужден оставаться дрожащим в воде до тех пор, пока не подоспеет помощь. Его капитан, воодушевленный удачей, забыл или, по крайней мере, пренебрег своим храбрым вторым помощником; и прежде чем он подумал послать шлюпку, чтобы освободить его из неприятного положения, приготовился пришвартовать свое судно к соседнему куску льда. Тем временем другой корабль отчалил, а сам хозяин сел в лодку, оттолкнулся от нее и целенаправленно стал грести к мертвой рыбе. Увидев в воде дрожащего моряка, державшегося за плавник, он обратился к нему со словами: "Ну, парень, ты поймал отличную рыбу", на что после естественного утвердительного ответа добавил: "Но разве она не кажется тебе очень холодной?" - "Да, - ответил дрожащий моряк, - я почти умираю с голоду. Я бы хотел, чтобы вы позволили мне перейти в вашу лодку, пока не прибудет наша". Этой просьбы не потребовалось; лодка подошла к человеку, и ему помогли в нее сесть. Когда рыба снова оказалась на свободе,

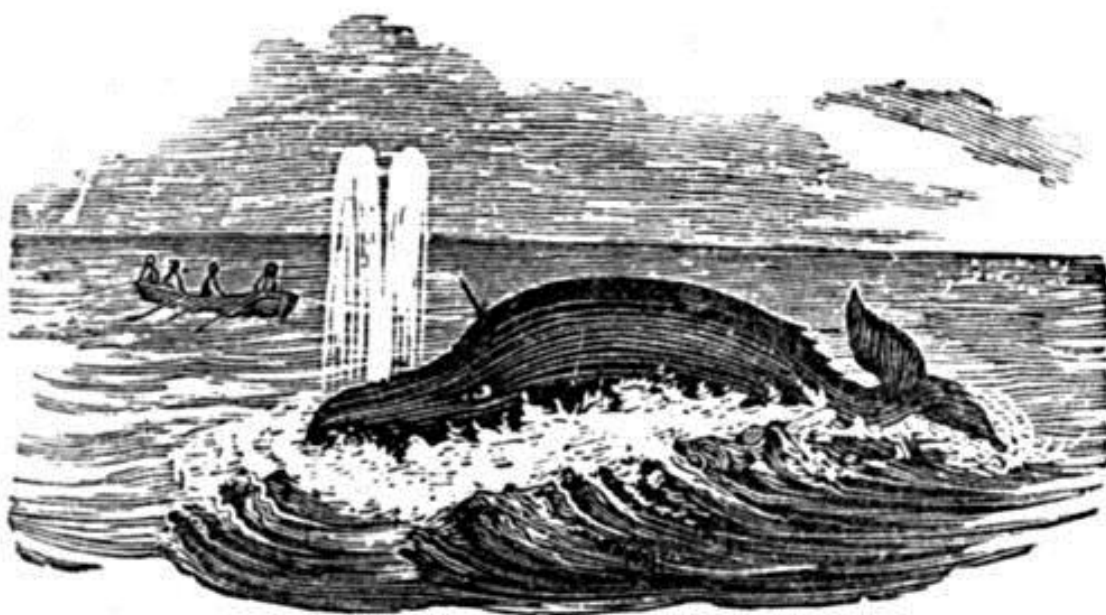
капитан мгновенно вонзил в нее свой гарпун , поднял флаг и забрал свой приз! Как ни был огорчен и раздосадован другой капитан этой выходкой, а она, несомненно, имела место, он все же не мог ничего исправить, но был вынужден разрешить взять рыбу на борт судна своего конкурента и довольствоваться тем, что попрекал второго помощника за неосмотрительность и осуждал себя за то, что не проявил больше сострадания к чувствам бедняги, что могло бы предотвратить неприятное несчастье.

Те, кто занимается убийством китов, подвергаются опасности из трех источников: от льда, от климата и от самих китов. Лед представляет собой источник опасности для рыбаков: нависающие массы льда падают на них, - сближение больших кусков льда друг с другом, которые могут раздавить или расстроить лодки, - лодки могут быть зажаты или затоплены большими массами льда, вздыбленными волной, - лодки могут быть заключены и окружены пачкой льда, а их экипажи, таким образом, не могут присоединиться к своим судам.

В начале сильного штормового ветра, 11 мая 1813 года, четырнадцать человек отправились в лодке из Уитби, чтобы бросить якорь в большом куске льда, к которому они намеревались причалить корабль. Снова поставив паруса, корабль был отнесен к востоку (ветер северный) на расстояние около двух миль; но при попытке надеть и вернуться корабль, вместо того чтобы выполнить эволюцию, отнесло на значительное расстояние к подветренной стороне, и он вышел в море; таким образом, четырнадцать человек из его команды были оставлены на произвол судьбы, исполнение которой казалось почти неизбежным. Температура воздуха была 15 или 16 градусов тепла, когда эти несчастные были оставлены на оторванном куске льда немалой величины, без пищи, без укрытия от ненастного шторма, лишенные всех средств убежища, кроме единственной лодки, которая из-за большого количества людей и силы шторма была не в состоянии доставить их на корабль. Смерть смотрела им в лицо, куда бы они ни повернулись, и мнения разделились. Одни хотели остаться на льду, но лед не мог укрыть их от пронизывающего ветра и, вероятно, был бы разбит на куски усиливающимся волнением: другие хотели попытаться присоединиться к кораблю, пока он еще в поле зрения, но сила ветра, жестокость моря, малость лодки по сравнению с количеством людей, которых нужно было доставить, были возражениями, которые показались бы непреодолимыми любому человеку, кроме людей в отчаянном состоянии. - Решив, что, оставаясь на льду, смерть лишь отсрочится на несколько часов, так как сильный холод должен в конце концов ослабить их способности и вызвать сон, который преодолет остатки оживления, они решили предпринять попытку грести к своему кораблю. Бедные души, какими должны были быть их ощущения в тот момент, когда искра надежды еще оставалась настолько слабой, что преждевременная смерть даже для них самих казалась неизбежной. Они решились на смелый эксперимент, когда несколько минут испытаний убедили их в полной неосуществимости этой затеи. Тогда они с тоской в глазах направили свои усилия на восстановление оставшегося льда, но все их усилия оказались безрезультатными. Теперь каждый оценивал свое положение как отчаянное и предвкушал, как несомненное, роковое событие, которое должно было поставить точку в его жизни. Как же велико должно было их восхищение и как непреодолимы были их чувства, когда в этот самый критический момент в поле зрения появился корабль! Он двигался прямо на них; их голоса звучали громко, а флаг был вывешен. Но хотя их невозможно было услышать, не исключалось, что их могли увидеть. Их флаг был замечен людьми на борту корабля, их взаимные курсы были направлены таким образом, чтобы образовать наиболее быстрое соединение, и через несколько минут они оказались на палубе "Живого Уитби" в условиях безопасности! Они получили от жителей города самые теплые поздравления; и хотя каждый был готов внести свою лепту в восстановление их занемогших тел, все считали, что их спасение от смерти было в высшей степени провидческим. Божья милость удивительна. Возможно, именно эти люди за

несколько часов до этого нечестиво призывали к собственной гибели или изрыгали проклятия на своих собратьев! Истинно то, что благодать Всемогущего распространяется на все Его дела, и что в то время как "Милосердие - Его дорогой атрибут", "Суд - Его странное дело".

Самый большой источник опасности для китобоя, когда он активно занимается своим делом, возникает из-за объекта его преследования. За исключением тех случаев, когда под его защитой находится молодняк, кит обычно проявляет удивительную робость. Птица, садящаяся ему на спину, настораживает его; поэтому большая часть несчастных случаев, которые происходят в процессе его ловли, должна быть отнесена на счет случайных обстоятельств со стороны кита, или на счет бесхозяйственности или глупости со стороны рыбаков.

Гарпунщик с корабля "Генриетта из Уитби", занимаясь вытягиванием кита, в которого он ранее вонзил гарпун, по неосторожности бросил себе под ноги небольшой линь, который он только что вытащил в лодку, после того как его вытащила рыба. Болезненный удар копы заставил кита резко броситься вниз; линь начал вырываться из-под его ног и в одно мгновение настиг его, обернувшись вокруг тела. Он только успел крикнуть: "Уберите леску!" - "О, боже!", как его почти перерубили под зад, вытащили за борт и больше не видели. В этот момент леска была перерезана, но безрезультатно. Рыба опустилась на значительную глубину и умерла, после чего ее вытащили на поверхность с помощью связанных с ней лесок и закрепили.

Во время плавания корабля "Разрешение" по открытому озеру в 81-м градусе северной широты, при сильном морозе и северном ветре, 2 июня 1806 года, появился кит, и лодка пустилась в погоню. Во время второго выхода на поверхность моря кит был зацеплен гарпуном. Конвульсивное колебание хвоста, последовавшее за ранением, ударило лодку в корму и своей реакцией выбросило за борт сидящего в лодке. Поскольку линь в мгновение ока утащил лодку за пределы его досягаемости, команда бросила ему для поддержки несколько весел, за одно из которых он, к счастью, ухватился. Когда корабль и лодки оказались на значительном расстоянии, а быстроходная лодка быстро удалялась от него, гарпунер перерезал линь, чтобы спасти его из опасного положения. Но не успели они это сделать, как к своему крайнему огорчению обнаружили, что из-за того, что некоторые весла были брошены в сторону плывущего товарища, а другие сломаны или вывернуты ударом

рыбы, осталось только одно весло, с которым, благодаря силе ветра, они тщетно пытались к нему подойти. Прошло немало времени, прежде чем какая-либо лодка с корабля смогла оказать ему помощь, хотя люди напрягали все нервы для этого. В конце концов, когда они добрались до него, он был обнаружен с руками, вытянутыми над веслом, почти лишенный чувств. Его одежда замерзла, как почта, а волосы представляли собой ледяной шлем. Его немедленно доставили в каюту, сняли одежду, высушили и хорошо растёрли конечности и тело, дали сердечный напиток, который он выпил. Затем на него надели сухую рубашку и чулки и уложили в капитанскую постель. После нескольких часов сна он проснулся, выглядел значительно восстановившимся, но жаловался на болезненное ощущение холода. Поэтому его переложили в отдельную кровать, а одному из его товарищей приказали лечь по бокам от него, что позволило ускорить циркуляцию крови и восстановить животное тепло. Однако удар, нанесенный его организму, оказался сильнее, чем можно было ожидать: через несколько дней он поправился и смог заниматься своими обычными делами, но прошло много месяцев, прежде чем его лицо приобрело обычный здоровый вид.

В 1810 году, во время плавания по гренландским морям, 26 мая Эймвелл из Уитби на лодках преследовал китов. Один из них попал под гарпун. Но вместо того, чтобы сразу же утонуть, получив рану, как это обычно бывает у китов, эта особь лишь на мгновение нырнула, снова поднялась под лодкой, нанесла ей жесточайший удар плавниками и хвостом, расколола ее, расстроила, а затем исчезла. Команда, в количестве семи человек, забралась на дно лодки; но неравномерное действие линя, который некоторое время оставался опутанным лодкой, периодически переворачивало ее, и таким образом команда неоднократно погружалась в воду. Четверо из них, после каждого погружения, приходили в себя и цеплялись за лодку; но трое других, один из которых был единственным человеком, знакомым с искусством плавания, утонули до того, как смогла прибыть помощь. Четверо мужчин в лодке были спасены и доставлены на корабль, нападение на кита было продолжено, и в него попали еще два гарпуна. Но кит, раздраженный, вместо того чтобы унять свои раны, возобновил свое яростное поведение. Море покрылось пеной. Хвост и плавники кита ужасно заиграли, и через некоторое время гарпун за гарпуном вырвались, рыба освободилась от пут и вырвалась на свободу.

Во время рыбной ловли 1812 года корабль "Генриетта из Уитби" понес аналогичную потерю. Рыба, которая была подбита совсем рядом с кораблем, ударом своего хвоста пробила небольшое отверстие в носу судна. Каждый, кто отталкивался от борта, по которому был нанесен удар, способствовал воздействию удара и расстроил лодку. Все держались за нее, пока она была на дне; но линь, запутавшись в шпангоутах, внезапно увлек лодку под воду, а вместе с ней и часть команды. Из-за чрезмерного волнения людей на корабле помощь пришла с опозданием, так что, когда первая лодка прибыла на место, из шести человек в живых осталось только двое.

Во время сильного штормового ветра в сезоне 1809 года один из гарпунеров "Резолюшн" поразил кита-сосуна. Поскольку его мать находилась неподалеку, все остальные лодки были расставлены вокруг в надежде опутать его. Старый кит двигался по кругу вокруг своего детеныша, за ним следовали лодки, но его скорость была столь значительной, что они не могли за ним угнаться. Будучи сам в роли гарпунера, я приступил к преследованию, внимательно наблюдая за действиями рыбы. Я выбрал место, где, по моим расчетам, должен был появиться кит, и как раз распорядился, чтобы моя команда прекратила грести, когда по лодке раздался страшный удар. Кита я так и не увидел, но последствия удара были слишком важны, чтобы их можно было не заметить. В днище лодки было вбито около пятнадцати квадратных футов; она наполнилась, затонула и в одно мгновение пришла в негодность. По

счастливой случайности помощь оказалась под рукой, так что все мы были подняты без повреждений, пробыв в воде всего несколько минут. Кит спасся; линии лодки выпали и были потеряны, но лодка была восстановлена.

Замечательный пример силы, которой кит обладает в своем хвосте, был продемонстрирован мною в 1807 году. 29 мая офицер корабля "Резолюшн" выловил кита на гарпун. Он опустил на значительную глубину, а когда появился вновь, проявил необычайную степень раздражения. Она так демонстрировала свои плавники и хвост, что мало кто из команды отважился подойти к ней. Капитан (отец капитана Скорсби), заметив их робость, вызвал лодку, а сам ударил вторым гарпуном. За ним сразу же последовала другая лодка, которая, к сожалению, продвинулась слишком далеко. Хвост снова взвился в воздух в ужасающем положении, - приближающийся удар был очевиден, - гарпунер, находившийся прямо под ним, прыгнул за борт, - и в следующий момент угрожающий удар пришелся по центру лодки, которая погрузилась в воду. К счастью, никто не пострадал. Гарпунер, выпрыгнувший за борт, избежал верной смерти - хвост ударил в то самое место, на котором он стоял. Последствия удара были поразительны. Киль был сломан, створки и все доски, кроме двух, были пробиты насквозь, и было очевидно, что лодка была бы полностью разделена, если бы хвост не ударил прямо по катушке линя. Лодка стала бесполезной.

Случаи подобных бедствий, вызванных ударами кита, можно привести в большом количестве, - нередко случаи, когда лодки разрушались одним ударом хвоста, нередко случаи, когда лодки топились или расстраивались, а их экипажи полностью или частично тонули, - и несколько случаев, когда киты регулярно нападали на каждую лодку, которая приближалась к ним, разбивали некоторые на куски и убивали или топили некоторых из находившихся в них людей, произошли в течение нескольких лет даже под моим наблюдением.

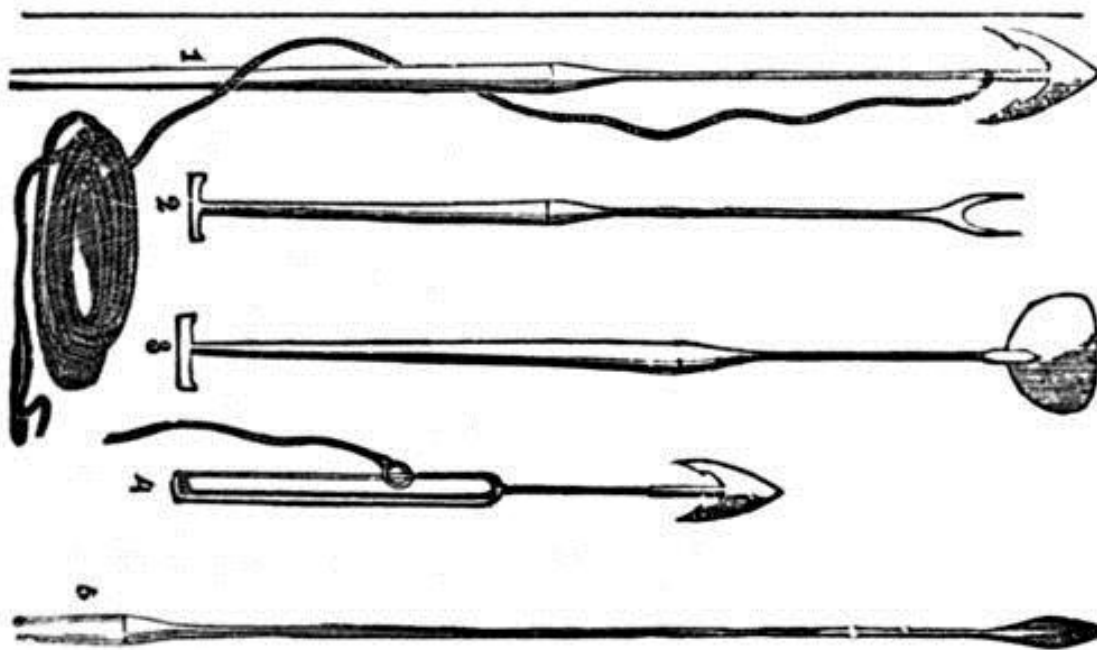
Голландский корабль "Горт-Мулен", которым командовал Корнелиус Герард Оувексаас, с грузом из семи рыб стоял на якоре в Гренландии в 1660 году. Капитан, увидев кита впереди своего корабля, позвал своих помощников и бросился в лодку. Он первым подошел к киту, и ему посчастливилось выстрелить в него гарпуном до прибытия второй лодки, которая шла впереди. Жак Вьенкес, руководивший ею, сразу после этого присоединился к своему капитану и приготовился к повторному нападению на рыбу, когда она снова поднимется на поверхность. В момент подъема лодка Вьенкеса, оказавшаяся, к несчастью, перпендикулярно над ней, была так внезапно и с силой поднята ударом головы кита, что разлетелась на куски прежде, чем гарпунер успел разрядить свое оружие.

Вьенкес полетел вместе с обломками лодки и упал на спину животного. Этот бесстрашный моряк, не выпуская из рук своего оружия, гарпунил кита, на котором стоял, и с помощью гарпуна и линя, которые он никогда не бросал, крепко держался за рыбу, несмотря на опасное положение и значительную рану, которую он получил в ногу при падении вместе с осколками лодки. Все попытки других лодок подойти к киту и освободить гарпунера оказались тщетными. Капитан, не видя другого способа спасти своего товарища по несчастью, который был каким-то образом опутан линем, призвал его перерезать его своим ножом и пуститься вплавь. Вьенкес, смущенный и растерянный, тщетно пытался последовать этому совету. Нож находился в кармане его кальсон, и, не имея возможности поддерживать себя одной рукой, он не мог его достать. Кит тем временем продолжал стремительно двигаться по поверхности воды, но, к счастью, ни разу не попытался нырнуть. В то время как его товарищи отчаялись в его жизни, гарпун, за который он держался, в конце концов отсоединился от тела кита. Освободившись, Вьенкес не преминул воспользоваться этим обстоятельством; он бросился в море и вплавь попытался добраться до лодок, которые

продолжали преследовать кита. Когда его товарищи увидели, что он борется с волнами, они удвоили свои усилия. Они добрались до него как раз в тот момент, когда его силы были на исходе, и имели счастье вызволить этого отважного гарпунера из опасной ситуации.

Капитан Лайонс с корабля "Рейт оф Лейт", занимаясь китовым промыслом на побережье Лабрадора в сезоне 1802 года, обнаружил большого кита на небольшом расстоянии от судна. В погоню были отправлены четыре лодки, и двум из них удалось подойти к нему так близко друг к другу, что два гарпуна были выпущены в один и тот же момент. Рыба спустилась на несколько саженей в направлении другой лодки, которая шла впереди, случайно поднялась под ней, ударила ее головой и подбросила лодку, людей и оборудование на пятнадцать футов в воздух. От удара она перевернулась и упала в воду килем вверх. Все люди были подобраны живыми четвертой лодкой, которая была совсем рядом, за исключением одного человека, который, запутавшись в лодке, упал под нее и, к сожалению, утонул. Вскоре после этого рыба была убита. Гравюра на странице [30](#) иллюстрирует этот примечательный случай.

В 1822 году две лодки, принадлежащие кораблю "Баффин", отправились в погоню за китом. Джон Карр был гарпунером и командиром одной из них. Кит, которого они преследовали, привел их к огромному косяку его собственного вида; они были так многочисленны, что их дуновение было непрерывным, и они полагали, что не видели меньше сотни. Опасаясь потревожить их и не задеть ни одного, они некоторое время оставались неподвижными. Наконец одна поднялась возле лодки Карра, он подошел к ней и со смертельным для себя исходом ударил гарпуном. Когда он ударил, рыба уже приближалась к лодке и, быстро проходя мимо, выдернула линь из своего места на корме и бросила его на киль. Давление лески в этом неблагоприятном положении так раскачало лодку, что борт оказался под водой, и она начала наполняться водой. В такой ситуации Карр, который был храбрым и активным человеком, схватил линь и попытался облегчить лодку, вернув его на место; но по какому-то обстоятельству, которое так и не удалось объяснить, виток линя перелетел через его руку, в одно мгновение утащил его за борт и увлек под воду, откуда он уже никогда не смог подняться. Происшествие было настолько внезапным, что только один человек, наблюдавший за ним, увидел, что случилось; когда лодка выпрямилась, что произошло сразу же, хотя она была наполовину заполнена водой, весь экипаж, оглянувшись, поинтересовался, что случилось с Карром. Невозможно представить себе более ужасно внезапную и неожиданную смерть. Невидимая пуля не могла произвести более мгновенного разрушения. Скорость кита при первом спуске составляет от тринадцати до пятнадцати футов в секунду. Так как несчастный поправлял леску у самой кромки воды, где она должна была быть очень тугой, поскольку мешала выбежать из лодки, промежуток между закреплением лески вокруг него и его исчезновением не мог превышать третьей доли секунды, ибо за одну секунду его должно было протащить на глубине десяти или двенадцати футов. Действительно, у него не было времени на малейшее восклицание, а человек, видевший его исчезновение, заметил, что оно было настолько быстрым, что, хотя его взгляд был устремлен на него в тот момент, он едва смог различить его фигуру, когда он исчез.

ИНСТРУМЕНТЫ,

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ НА КИТОВОМ ПРОМЫСЛЕ.

1. Обычный гарпун.
2. Колючка.
3. Острая лопата, используемая для разделки кита.
4. Гарпун, которым стреляют из пушки.
5. Копье, которым убивают кита после того, как его гарпунят.

Как только команда оправилась от оцепенения, она занялась тем, что потребовало внимания к лиям. Когда кит поднялся на поверхность, с сопровождающей лодки был выпущен второй гарпун, и было применено несколько копий, но это меланхоличное происшествие навело такой морок на всех присутствующих, что они стали робкими и бездеятельными в своих дальнейших обязанностях. Когда кит почти обессилел, его оставили на несколько минут без присмотра, пока он, восстановив силы, не сделал яростное усилие и не вырвался из обоих гарпунов. Таким образом, усилия экипажей оказались бесплодными и сопровождались серьезными потерями.

Можно было бы привести бесчисленное множество примеров опасностей и бедствий, которым подвергаются наши китобои, их неутомимой стойкости и смелости, но мы считаем, что только приведенные нами примеры дадут полное и верное представление об обычаях и опасностях китового промысла.

НАРВАЛ, ИЛИ МОРСКОЙ ЕДИНОРОГ,

Относится к роду китов и редко превышает двадцать два фута в длину. Его тело более стройное, чем у кита, а жира не так много. Но это огромное животное достаточно сильно отличается от всех остальных обитателей глубин своим зубом или зубами, которые выступают прямо вперед из верхней челюсти и имеют от девяти до десяти футов в длину. Во всем многообразии оружия, которым природа вооружила различные племена, нет ни одного столь крупного и грозного, как этот. - Это страшное оружие обычно встречается в единственном экземпляре; некоторые считают, что природа снабдила животное только одним, но в настоящее время в амстердамском Стадтхаусе хранится череп нарвала с двумя зубами. Зуб, или, как некоторые с удовольствием называют его, рог нарвала, прямой, как стрела, толщиной с небольшую мужскую ногу, обвитый, как мы иногда видим, витыми прутьями железа; он сужается к острию; он белее, тяжелее и тверже, чем слоновая кость. Как правило, он выходит из левой части головы прямо вперед по прямой линии с телом; его корень входит в гнездо на полтора фута. Несмотря на свои боевые качества, длинный и острый клык, удивительную силу и несравненную быстроту, нарвал - один из самых безобидных и мирных обитателей океана. Его постоянно видят беззаботно резвящимся среди других огромных чудовищ глубин, ни в коем случае не пытаясь причинить им вред, но радуясь их обществу. Гренландцы называют нарвала предтечей кита, ведь где бы его ни увидели, кит вскоре обязательно последует за ним. Это может быть вызвано как естественным стремлением этих животных к обществу, так и тем, что они питаются одной и той же пищей. Эти мощные рыбы не воюют ни с какими другими живыми существами; и, хотя они оснащены орудиями для всеобщего разрушения, они так же невинны и мирны, как погонщик волов. Нарвал гораздо проворнее кита, и никогда бы не попался рыбакам, если бы не бивни, которые поначалу кажутся его главной защитой. Этих животных всегда можно увидеть в стадах по несколько штук одновременно; и всякий раз, когда на них нападают, они собираются вместе таким образом, что взаимно стесняют друг друга своими бивнями. Благодаря им они часто оказываются запертыми вместе и не могут опуститься на дно. Поэтому редко случается, что рыбакам удастся заполучить одного или двух самых задних, что очень хорошо вознаграждает их за труды.

ГИБЕЛЬ БРИГА "ТИРРЕЛ".

В дополнение ко многим ужасным кораблекрушениям, о которых уже рассказывалось, особого внимания заслуживает следующий случай, рассказанный Т. Пурнеллом, старшим помощником брига "Тиррел", командиром Артуром Кохланом, единственным человеком из всей команды, которому посчастливилось спастись.

В субботу, 29 июня 1759 года, они отплыли из Нью-Йорка в Сэнди-Хук и там встали на якорь, ожидая, когда капитан спустится с новой лодкой и некоторыми другими предметами. Соответственно, он поднялся на борт рано утром на следующий день, и лодка была очищена, поднята, уложена и закреплена. В восемь часов утра они подняли якорь, отплыли от Сэнди-Хука и в тот же день в полдень отчалили от "Высокой земли, которая никогда не тонула" и продолжили свой путь к Антигуа. Как только они отчалили, капитан приказал спустить лодку на воду, чтобы ее можно было покрасить вместе с веслами, рулем и румпелем; эту работу он (капитан Кохлан) взялся выполнить сам.

В четыре часа пополудни обнаружили, что судно набрало немного больше воды, чем обычно; но поскольку это не вызвало дополнительной работы на помпе, об этом не подумали. В восемь утечка, казалось, не увеличилась. В двенадцать начался сильный шквал, отчего судно сильно заложило, и возникло предположение, что оно нуждается в большем балласте. После этого капитан вышел на палубу, будучи вахтенным правого борта, и зарифлил оба верхних паруса.

В четыре утра погода улучшилась - убрали оба рифа; в восемь она стала еще более умеренной, и они поставили больше парусов, а также верхние паруса-галанты; погода по-прежнему была густой и туманной. Больше никаких наблюдений не было, кроме того, что судно стало больше набирать воду. Капитан теперь занимался главным образом тем, что красил лодку, весла, руль и румпель.

В понедельник, 30 июня, в четыре часа пополудни ветер был на востоке и северо-востоке, сильно посвежел и дул так сильно, что бриг стал лежать так, что вызвал общую тревогу. Капитана убедительно просили идти в Нью-Йорк или направиться к Виргинским мысам. В восемь часов он взял верхний галстук и зарифлил оба верхних паруса, но при этом набрал больше воды. После этого погода стала еще более умеренной и справедливой, и они сделали еще больше парусов.

1 июля, в четыре часа утра начался сильный шквал, взяли по одному рифу в каждый топ-парус, и так продолжалось до восьми часов утра, погода была все еще густой и туманной - наблюдений нет.

На следующий день она набрала еще больше воды, но так как каждую вахту ее откачивали, это мало кого интересовало. В четыре часа пополудни взяли второй риф на каждом верхнем парусе, закрыли оба рифа и спустили верхний галф-яр; шторм все еще усиливался.

В четыре утра ветер стал северным, и не было никаких признаков его ослабления. В восемь капитан, убедившись, что судно сильно кренится и ему следовало бы иметь больше балласта, решил направиться к Бэкон-Айленд-Роуд, в Северную Каролину; и в самом начале пути внезапный порыв ветра повалил его на бейдевинд, и больше он не поднимался! В это время мистер Пернелл лежал в каюте, не снимая одежды, с тех пор как они покинули сушу. - После того как его выкатили из койки (на грудь), он с большим трудом добрался до двери в круглую рубку; первое приветствие, которое он встретил, было от стремянки, ведущей с квартердека на полуюту, которая ударила его о компаньона (удачное обстоятельство для тех, кто был внизу, поскольку, прислонив лестницу к компаньону, она послужила и ему, и остальным людям, которые были в рулевом отделении, в качестве средства передвижения на ветер); переместив две последние пушки вперед, чтобы придать кораблю больший крен, дабы он лучше держал ветер; Таким образом, они прошли через крайнее орудийное отверстие на квартердеке, и, оказавшись на широком борту, все движимое перевернулось на подветренный борт, а так как судно перевернулось, то и лодка перевернулась днищем вверх, и по приказу капитана были ослаблены привязные ремни. Не имея иной возможности спасти свои жизни, кроме как с помощью лодки, Пернелл с двумя другими людьми и каютным мальчиком (которые были отличными пловцами) погрузились в воду и с трудом выправили ее, когда она была полна до краев и омывалась водой. Затем они закрепили конец грот-листа за кольцо в кормовой стойке, а те, кто находился в носовой части, спустили вниз конец снасти, к которой прикрепили лодочный мачта и с помощью которой немного приподняли ее из воды, так что она плыла примерно на два-три дюйма свободнее, но почти полная.

Тогда они посадили в нее каютного мальчишку, дали ему ведро, которое случайно проплыло мимо, и он вычерпал воду так быстро, как только мог, а вскоре после этого другой человек вошел в лодку с другим ведром и за короткое время вычерпал из нее всю воду. -Затем они положили в лодку два длинных весла, которые были уложены в четверти борта "Тиррела", и потянули или стали грести прямо на ветер; поскольку, когда судно дрейфовало, оно ужасно выглядело на воде, мистер Пурнелл и двое людей отплыли от него в поисках весел, руля и румпеля. Через некоторое время им удалось подобрать их все, одно за другим. Затем они вернулись к своим товарищам по несчастью, которые были несказанно рады их видеть, так как считали их потерянными. К этому времени ночь наступила очень быстро. Пока они гребли в лодке, из круглого дома в небольшом бочонке выплыло небольшое количество белого бисквита (мистер Пурнелл полагал, что около полукилограмма), но прежде чем он оказался под рукой, его так пропитали соленой водой, что он стал почти жидким; также выплыло примерно двойное количество обычного корабельного бисквита, который был пропитан таким же образом. Это был весь запас провизии, который у них был; ни капли пресной воды они не смогли достать; плотник также не смог достать ни одного из своих инструментов, чтобы обстругать борта, так как, если бы это удалось, они могли бы сэкономить много провизии и воды.

К этому времени уже почти стемнело; получив один компас, было решено покинуть затонувшее судно и попытаться счастья в лодке, длина которой составляла девятнадцать футов шесть дюймов, а ширина - шесть футов четыре дюйма; мистер Пурнелл полагает, что сейчас было около девяти часов; было очень темно.

По их подсчетам, они прошли около 360 миль по курсу юго-восток - восток. Всего в лодке было 17 человек; лодка была очень глубокой, и надежд на то, что они увидят землю или долго продержатся, было мало. Ветер стал западным, и они хотели взять курс на запад; но начался сильный ветер и дождь, так что они были вынуждены держаться перед ветром и морем, чтобы сохранить лодку над водой. Вскоре после того, как они отчалили от места кораблекрушения, лодку захлестнули два сильных шторма, один за другим, так что они были вынуждены держать ее перед ветром и морем; ведь если бы она захлестнула еще один шторм, то, несомненно, была бы завалена ими.

К рассвету следующего утра, 3 июля, они поняли, что шли к востоку-югу-востоку, что противоречило их желаниям. Ветер утих, погода стала очень умеренной. Спасенный компас оказался бесполезным: один из людей наступил на него и сломал; поэтому его выбросили за борт. Теперь они решили сделать парус из нескольких ряс и брюк, но у них не было ни иголок, ни бечевки; у одного из людей, однако, была игла в ноже, а у другого - несколько лесок в карманах, которые некоторые не использовали, а другие занялись тем, что рвали рясы и брюки. К заходу солнца они соорудили сносный парус; расщепив один из шпангоутов лодки (он был из желтого дерева) очень большим ножом, который был у одного из членов команды в кармане, они сделали ярд и скрепили его нитями из переднего верхнего гальярда, которые беспорядочно бросали в лодку; они также сделали мачту из одного из длинных весел и поставили паруса, используя листы и галсы, сделанные из верхнего гальярда. Единственным ориентиром для них была Северная звезда. Всю ночь дул сносный ветер, и весь следующий день, 4 июля, погода оставалась очень умеренной, а люди пребывали в хорошем настроении, насколько это позволяло их ужасное положение.

5 июля ветер и погода оставались такими же, и по Северной звезде они поняли, что находятся на суше. На следующий день мистер Пурнелл заметил, что некоторые из людей пьют соленую воду и выглядят весьма утомленными. В это время они решили, что ветер повернул на юг, и направились, как они полагали по Северной звезде, в северо-западную

четверть; но 7-го числа они обнаружили, что ветер вернулся на север и дует очень свежо. Большую часть ночи они продержались на веслах, а на следующий день, когда ветер утих, люди поочередно работали на веслах, не отличаясь друг от друга. Около полудня ветер усилился, так что они налегли на весла и, как им казалось, направились к северу-северо-западу, и так продолжалось до восьми или девяти утра 9 июля, когда по холоду воды все решили, что находятся на эхолоте - в общем, они были в очень хорошем настроении. Погода продолжала оставаться густой и туманной, и по Северной звезде они определили, что двигались примерно на север и запад.

10 июля. Люди выпили столько соленой воды, что она выходила из них такой же прозрачной, как и до того, как они ее выпили; и мистер Пурнелл заметил, что второй помощник потерял значительную часть своих сил и бодрости; кроме того, в полдень плотник бредил, и его недуг усиливался с каждым часом; около заката он чуть не перевернул лодку, попытавшись выброситься за борт, и в остальном вел себя весьма буйно.

Однако по мере того, как силы его покидали, он становился все более управляемым, и его уложили посреди лодки, среди людей. Однажды мистер Пурнелл выпил немного соленой воды, но не смог насладиться ею; он предпочитал собственную мочу, которую пил время от времени, когда готовил ее. Вскоре после захода солнца второй помощник потерял дар речи. Мистер Пурнелл попросил его прислониться к нему головой; он умер без стонов и борьбы 11 июля, когда они находились в лодке уже 9-й день. Через несколько минут после этого почти таким же образом скончался плотник. Эти меланхолические сцены сделали положение оставшихся в живых еще более ужасным; невозможно описать их чувства. Отчаяние стало всеобщим; каждый считал, что его гибель близка. Все отправились на молитву; одни молились на языке уэлчей, другие - на ирландском, третьи - на английском; затем, немного посоветовавшись, они раздели двух мертвецов и спустили их за борт.

Погода была очень мягкой и почти безветренной, они повернулись, почистили лодку и решили сделать парус побольше из рясы и штанов двух покойников. Пурнелл заставил капитана лечь вместе с остальными людьми, за исключением боцмана и одного человека, которые помогали ему делать парус побольше, что они и закончили к шести или семи часам пополудни, сделав саван из мачты лодки, который служил для сдвига задних стоек. Пурнелл также закрепил свой красный фланелевый жилет на носу лодки, как сигнал, наиболее вероятный для того, чтобы быть замеченным.

Вскоре после этого некоторые из них заметили на большом расстоянии шлюп, идущий, как им показалось, со стороны суши. Это подняло дух каждого; они достали весла, которыми поочередно работали, напрягая все оставшиеся силы, чтобы подойти к шлюпу; но наступила ночь, и шлюп подхватил свежий ветер, и они потеряли его из виду, что вызвало всеобщее смутнение; однако появление Северной звезды, которую они держали на правом борту, давало им надежду, что они находятся на суше. Этой ночью умер Уильям Уотинг; ему было 64 года, и он 50 лет ходил в море; совсем изнемогая от усталости и голода, он до последнего момента искренне молил о капле воды, чтобы охладить язык. Рано утром следующего дня умер Хью Уильямс, а в течение дня - еще один член экипажа: совершенно изможденные, они оба скончались без единого стога.

Рано утром 13 июля подул свежий ветер и усилился настолько, что они были вынуждены свернуть парус и держать судно перед ветром и морем, которые сбивали их с промера. Вечером умер их канонир. Погода стала умеренной, ветер был в юго-западной четверти, и они поставили парус, ни один из них не мог грести или тянуть весла; они шли всю ночь при хорошем бризе.

На следующее утро (14 июля) погибли еще двое из команды, а вечером они потеряли еще столько же. Обнаружив, что они снова находятся на эхолоте, они пришли к выводу, что ветер перешел на северо-западную четверть. Всю эту ночь они держались суши, а рано утром 12 июля погибли еще двое; умерших выбросили за борт, как только они испустили дух. Погода стала густой и туманной, а они все еще были уверены, что находятся на зондировании.

От кают-компаний редко требовалось что-то делать, и поскольку в это время его интеллект был очень хорош, а понимание ясным, мистер Пурнелл считал, что он переживет их всех, но он благоразумно держал свои мысли при себе. Капитан тоже выглядел вполне здоровым и сохранял бодрость духа. Из-за туманной погоды они не могли понять, как управлять кораблем днем и как ночью; но всякий раз, когда появлялась Северная звезда, они старались держать ее по правому борту, и это позволяло им быть уверенными, что в то или иное время они достигнут земли. Вечером умерли еще двое из команды, а перед заходом солнца - Томас Филпот, старый опытный моряк, очень крепкий; он умер в конвульсиях; в последнее время он потерял способность к членораздельной речи, и его слова невозможно было понять. Он был уроженцем Белфаста, Ирландия, и не имел семьи. Оставшимся в живых пришлось нелегко, так как он был очень плотным мужчиной.

Около шести или семи утра следующего дня, 16 июля, они, по их разумению, вышли на сушу - погода по-прежнему была густой и туманной. Пурнелл уговорил капитана и боцмана лодки лечь в носовой части судна, чтобы оно лучше держало ветер. Вечером каютный мальчик, который в последнее время выглядел так хорошо, испустил дух, оставив после себя капитана, боцмана и мистера Пурнелла.

На следующее утро, 17 июля, мистер Пурнелл спросил двух своих спутников, не думают ли они съесть что-нибудь из плоти мальчика; и когда они выразили желание попробовать, а тело было совсем холодным, он разрезал внутреннюю часть его бедра, немного выше колена, и дал кусок капитану и боцману, оставив небольшой кусок для себя; но желудки их были так слабы, что никто из них не смог проглотить ни кусочка, поэтому тело было выброшено за борт.

Рано утром 18-го мистер Пурнелл обнаружил обоих своих спутников мертвыми и холодными! Оказавшись без средств к существованию, он начал думать о своей собственной гибели; хотя он был слаб, его разум оставался ясным, а настроение настолько хорошим, насколько это было возможно в его плачевном положении. По цвету и холоду воды он понял, что находится недалеко от суши, и не терял надежды добраться до нее. Погода оставалась очень туманной. Всю эту ночь, которая была очень темной, он пролежал, держа лодку головой на север.

Утром 19-го начался дождь; после полудня прояснилось, ветер утих, но мистер Пурнелл все равно был уверен, что находится на промерах.

20-го числа, во второй половине дня, ему показалось, что он видит землю, и он встал на нее; но наступила ночь, и стало совсем темно, он лег, опасаясь, что может налететь на скалы и отмели.

21 июля все утро стояла прекрасная погода, но после полудня стало густо и туманно. Душевное состояние мистера Пурнелла оставалось хорошим, но силы были почти на исходе; он все еще изредка пил свою воду.

22 числа он увидел на руле лодки несколько баянусов, очень похожих на икру устриц, и это вселило в него большую надежду на то, что он находится вблизи суши. Он открыл руль и,

соскребая их ножом, обнаружил, что они состоят из соленой рыбьей субстанции, и съел их; он был так слаб, а лодку сильно качало, что открутить руль оказалось нелегкой задачей.

На восходе солнца 23 июля он настолько уверился, что видит землю, что его настроение значительно поднялось. В середине этого дня он встал, прислонился спиной к мачте и получил поддержку от солнца, предварительно научившись управлять лодкой в таком положении. На следующий день он увидел на очень большом расстоянии какой-то парус, который, по его мнению, шел от земли, но вскоре потерял его из виду. В середине дня он встал и, как и прежде, согрелся солнцем. Всю ночь он держался земли.

Очень рано утром 25-го числа, выпив утреннюю порцию воды, он, к своей несказанной радости, увидел на восходе солнца парус, а когда солнце взошло, обнаружил, что это двухмачтовое судно. Однако он был в значительном недоумении, не зная, что делать, поскольку судно находилось на большом расстоянии за кормой и с подветренной стороны. Чтобы лучше наблюдать за ее движениями, он взял галс. Вскоре после этого он заметил, что она стоит на правом галсе, на котором он стоял уже много часов. Он увидел, что она быстро приближается к нему, и некоторое время лежал, пока не решил, что она находится в двух милях от судна, но все еще подветренно; поэтому он решил, что лучше взять курс побольше, когда обнаружил, что это шхуна с верхним парусом, приближающаяся к нему очень быстро - он продолжал пригибаться к ней, пока не привел ее примерно на два пункта под леер-бау, имея возможность спустить лафет или отнестись в сторону. К этому времени она была уже в полумиле, и он увидел, что некоторые из ее людей стоят впереди на палубе и машут ему, чтобы он подошел к ним под леерный лук.

На расстоянии около 200 ярдов они подняли шхуну по ветру и держали ее так до тех пор, пока Пурнелл не оказался рядом, тогда они бросили ему веревку, продолжая держать шхуну по ветру. Теперь они допрашивали его очень тщательно; по тому, как были раскрашены лодка и весла, они решили, что она принадлежит военному человеку и что они сбежали на ней с какого-то из кораблей Его Величества в Галифаксе, следовательно, они подвергнутся какому-то наказанию, если возьмут его; они также подумали, что, поскольку капитан и боцман лежали в лодке мертвыми, они могут подвергнуть себя какому-нибудь заразному заболеванию. Так они держали Пурнелла в напряжении некоторое время. Они рассказали ему, что в то утро сошли на берег с мачты и что бегут вдоль берега в Марблхед, к которому они принадлежат и где рассчитывают быть на следующее утро. Наконец ему сказали, что он может подняться на борт, но так как он сказал, что не может без посторонней помощи, капитан приказал двум своим людям помочь ему. Они провели его на корму на квартердек, где оставили отдыхать на компаньоне.

Теперь они собирались бросить лодку на дрейф, но мистер Пурнелл сказал им, что ей не больше месяца, она построена в Нью-Йорке, и если они поднимут ее на борт, то хорошо заплатят за свои хлопоты. Они согласились и, выбросив за борт два трупа и забрав одежду, оставшуюся от покойного, подняли судно на борт и отчалили.

Находясь на борту, Пурнелл попросил немного воды, и капитан Каслмен (так его звали) приказал одному из своих сыновей (их было двое на борту) принести ему немного; когда тот пришел с водой, отец посмотрел, сколько он ему принес, и, решив, что слишком много, выбросил часть, а остаток велел отдать ему, и тот выпил - это была первая пресная вода, которую он попробовал за 23 дня. Поскольку он все это время опирался на спутника, ему стало очень холодно, и он попросился вниз; капитан приказал двум людям помочь ему спуститься в каюту, где они оставили его сидеть на палубе каюты, опираясь на рундуки; все руки были заняты подъемом и закреплением лодки. Покончив с этим, все, кроме рулевого,

спустились в каюту завтракать. Для Пурнелла сварили суп, который показался ему очень вкусным, но сейчас он мог есть очень мало, к тому же из-за поздних сквозняков у него ломило во многих частях тела, так что он испытывал сильную боль при каждом движении. Они соорудили для него постель из старого паруса и вели себя очень внимательно. Пока они завтракали, налетел шквальный ветер, который позвал всех на палубу; во время их отсутствия Пурнелл взял каменную бутылку и, не понюхав и не попробовав ее, но решив, что это ром, отхлебнул из нее, а оказалось, что это сладкое масло; поставив ее на место, он лег.

Они по-прежнему шли вдоль берега, не теряя из виду землю, и очень надеялись попасть в порт этой ночью, но ветер утих, и они попали туда только в девять часов следующего вечера. Все это время Пурнелл оставался как ребенок; с ним постоянно находился кто-то, кто давал ему все, что он хотел съесть или выпить.

Как только они встали на якорь, капитан Каслмен сошел на берег, а на следующее утро вернулся на борт вместе с владельцем, Джоном Пикетом, эсквайром. Вскоре после этого они посадили Пурнелла в лодку и перевезли на берег, но он был еще так слаб, что его пришлось поддерживать двум мужчинам. Мистер Пикет снял для него очень уютный домик и нанял сиделку; его немедленно уложили в постель, а затем дали смену одежды. В течение дня его посетили все врачи города, и все они давали ему надежду на выздоровление, но говорили, что это займет некоторое время, поскольку чем крепче тело, тем дольше (по их словам) оно восстанавливает утраченные силы. Несмотря на то, что к нему относились с максимальной нежностью и гуманностью, прошло три недели, прежде чем он смог спуститься по лестнице. Он пробыл в Марблхеде два месяца, в течение которых жил очень комфортно и постепенно восстанавливал свои силы. Лодка и весла брига были проданы за 95 долларов, что покрыло все его расходы и обеспечило ему проезд до Бостона. Ногти на пальцах рук и ног отсохли почти до нуля и начали отрастать только через много месяцев.

ГИБЕЛЬ ПЕГГИ.

28 сентября 1785 года корабль "Пегги" под командованием капитана Найта отплыл из гавани Уотерфорда (Ирландия) в порт Нью-Йорк (Америка).

Здесь необходимо отметить, что "Пегги" была большим громоздким кораблем голландской постройки, около восьмисот тонн весом, и ранее занималась торговлей Норвегией и древесиной, для чего, действительно, она, судя по ее огромной массе, была хорошо рассчитана. Не имея готового груза для Америки, мы были вынуждены принять балласт: он состоял из крупного гравия и песка, около пятидесяти бочек с запасами, свежими продуктами и овощами, которых хватило бы на все время плавания; места было достаточно, и нас в изобилии снабжали гостеприимные соседи, которых мы собирались покинуть.

Мы бросили якорь, и при содействии быстрого прилива и приятного бриза вскоре получили сносный отрыв: мы продолжали идти под легким парусом оставшуюся часть дня, и ближе к закату потеряли землю из виду.

29 сентября мы достигли старой головы Кингсейла; погода продолжала оставаться благоприятной, и вскоре мы оказались в пределах видимости мыса Клир, откуда мы отчалили от берегов Ирландии.

В течение нескольких дней ничего существенного не происходило, и за это время мы прошли огромное пространство Западного океана.

12 октября погода стала туманной и шквалистой; все руки были подняты, чтобы поднять топ-паруса и задраить топ-галлант-ярды. Ближе к ночи шквалы участились, что указывало на приближение шторма; мы, соответственно, задраили топ-паруса и задраили топ-галлант-мачты; и, устроив все на корме, корабль перенес ночь очень стойко.

13-го числа команда занималась установкой такелажа и время от времени откачивала воду, так как за ночь корабль набрал много воды. С наступлением дня шторм усилился, и судно стало сильно крениться, в результате чего произошел несчастный случай, который едва не повредил капитанскую каюту. Пуншон с ромом, который был прикреплен на сайте по правому борту каюты, сорвался с места, внезапный рывок притянул его к тесемкам, к которым он был прикреплен. От своей скорости он загремел в кают-компанию и разбил несколько предметов каютной мебели. Автор сего с большим трудом спасся целым и невредимым, но не совсем, получив болезненный ушиб правой ноги: однако, выбежав из каюты, люди на палубе поняли, что ром сорвался с цепи. Слово "ром" вскоре привлекло внимание матросов, и, поскольку этот бочонок был единственным запасом на корабле, они не замедлили (как можно предположить) оказать помощь двойным плетям, что, как они ожидали, было очень приятно, поскольку во время плавания они часто связывали ими грот-брамсель.

14-го числа погода стала умеренной, и команда была занята тем, что приводила в порядок уложенные в трюме запасы, которые были убраны ночью; вытряхивала рифы из топ-парусов, поднимала топ-галлант-мачты и ярды, а также оснащала шпильевые паруса. Всех позвали на обед, и на палубе поднялась суматоха и шум. Капитан (находившийся внизу) послал автора этого письма выяснить причину, но не успел он объяснить, как раздался голос, кричавший самым жалобным и зычным тоном. Капитан и старший помощник выскочили на палубу и увидели, что команда уложила повара на брашпиль и сильно отхлестала его плоским куском его собственных дров. Как только капитан вышел вперед, он был сильно раздосадован их поспешным поведением, когда они наказывали без его ведома и разрешения, и, запретив подобные действия в будущем, поинтересовался причиной их недовольства. Оказалось, что повар, которому подали пресную воду для варки овощей, по неосторожности использовал ее для другой цели и сварил зелень в мешке с соленой водой, отчего она стала такой невыносимо жесткой, что не годилась для употребления; следовательно, матросы не получили ожидаемого гарнира, и под общий ропот было вынесено вышеуказанное наказание.

Вслед за этим подул устойчивый бриз, все паруса наполнились, и корабль пошел вперед, величественно и возвышенно; при каждом взмахе носа, который был действительно голландской постройкой, поднималась пена немалой величины.

В течение четырех дней погода оставалась благоприятной, что давало морякам надежду на скорое появление суши.

19-го числа мы столкнулись с очень сильным штормом и необычно тяжелым морем: судно сильно задраилось и набрало много воды через швы: насосы постоянно работали. В середине дня, когда команда обедала, в кормовую часть корабля ударило огромное море, которое выбило стекла в каюте, расстроило весь обед и чуть не утопило капитана, помощника и меня, который в это время держал блюдо на столе, в то время как капитан был занят разделкой прекрасного гуся, который, к нашему несчастью, был полностью пропитан

соленой водой. Некоторые курятники были смыты с квартердека, а несколько домашних птиц уничтожены.

Из-за того, что судно перевозило такое большое количество воды, насосы были укомплектованы вдвойне, и вскоре они настигли судно. Шторм ничуть не ослабевал в течение ночи. В колодце был сделан водопровод, и оказалось, что воды стало резко больше. Плотнику немедленно приказали осмотреть корабль снизу, чтобы найти причину, по которой судно набрало столько воды. Он сообщил, что это очень старое судно, и швы его значительно разошлись от долгой работы, поэтому в настоящее время он не может придумать никаких средств, чтобы предотвратить это зло. Он также сообщил, что мизен-мачта находится в большой опасности.

Пятка мизен-мачты, установленная между палубами (случай весьма необычный, но, вероятно, ее поставили для того, чтобы освободить место для вещей в ахтерштевне), могла сойти со своего места и тем самым нанести кораблю значительный ущерб.

Капитан посоветовался с офицерами, и было решено срубить мачту без промедления, что и было сделано на следующее утро, как только наступил день. Приготовления были сделаны, плотник начал обтесывать мачту и быстро сделал глубокую рану. Часть команды расположилась наготове, чтобы отрезать штаги и талрепы, в то время как остальная часть с тревогой наблюдала за мгновенным крушением, которое должно было произойти; как только было дано слово отрезать талрепы, как корабль дал крен, и весь обломок мачты без дальнейших повреждений погрузился в океан.

Погода все еще угрожала продолжением, поэтому мы в основном работали на помпах, которые были постоянно включены. Море поднялось до угрожающей высоты и часто с силой ударялось о борт судна. Ближе к полудню часть фальшборта правого борта была унесена ударом сильного ветра, что заставило судно перевернуться на спину, и прежде чем оно смогло снова взять штурвал, море прорвалось через носовые цепи и снесло с палубы кают-компанию и всю ее утварь; к счастью для повара, он в это время помогал у помп, иначе его неминуемо постигла бы та же участь, что и его камбуз.

Несмотря на все усилия команды, вода быстро набиралась и пробивалась в трюм, вымывая большое количество балласта через отверстия в древесине в корпус, отчего присоски насосов были сильно повреждены и часто захлебывались. Из-за таких задержек течи быстро увеличивались. Мы были вынуждены неоднократно поднимать помпы на палубу, чтобы применить различные средства, которые были придуманы для предотвращения попадания песка, но все наши усилия оказались безрезультатными, и помпы были признаны бесполезными. Терять время было нельзя, поэтому было решено сократить выдачу пресной воды до пинты на человека; бочки были немедленно подняты из трюма и привязаны между палубами. Поскольку вода начала выливаться из двух из них, их распилили на две части и сделали из них ведра, поскольку других бочек, пригодных для этой цели, на борту не было; вскоре были применены кнуты, и стрелки приступили к вычерпыванию воды из носового и кормового люков, которое продолжалось без перерыва всю ночь, причем каждый человек имел право на часовой отдых, сменяя друг друга.

Утро 22-го числа предстало перед нашим взором в самом мрачном виде: мрачный горизонт вокруг, ни малейшего намека на то, что шторм стихает, напротив, казалось, что он надвигается с удвоенной силой, балласт перебрасывается с борта на борт при каждом крене, и едва ли можно рассчитывать на освобождение судна. Несмотря на все эти трудности, команда не ослабляла усилий. Был открыт главный люк, и свежие ведра отправились на работу; капитан и помощник попеременно сменяли друг друга у штурвала. В

обязанности писателя входило снабжать команду грогом, который в изобилии подавали каждые два часа. При движении судна ведра с большой силой ударялись о гребни люков, а при забрасывании их в трюм для наполнения они часто ударялись о плавающие куски дерева, которые обычно использовались в качестве клиньев при загрузке трюма. В результате таких происшествий ведра неоднократно выходили из строя, и нам приходилось вырезать все новые и новые бочки для воды, чтобы поставить их на место. Спускать пресную воду за борт приходилось с неохотой, тем более что теперь мы ощущали потерю кают-компаний и были вынуждены есть мясо сырым, отчего очень хотелось пить. Наступила ночь, команде не разрешили спуститься вниз, чтобы поспать; каждый, когда наступала его очередь, растягивался на палубе.

23 октября. Несмотря на то, что с судна спустили большое количество воды, оно так сильно набрало ход, что стало заметно, что оно осело в воду гораздо глубже. Всех созвали на корму, чтобы посоветоваться о наилучших мерах. Единогласно было решено направиться к острову Бермуды, который был ближайшей сушей. Соответственно, мы направились к нему, но не успели пройти и нескольких лиг, как обнаружили, что большое количество воды на судне настолько затруднило его управление, что оно с трудом отвечает на руль; при сильном крене балласт сместился, что дало большой крен на правый борт, и стало очень трудно удержаться на палубе. Якоря, которые были уложены на носу по правому борту, было приказано отрезать, а тросы, которые были на палубе, свесить за борт, чтобы выправить корабль; но все это имело очень незначительный эффект, так как корабль теперь превратился в бревно.

Команда все еще была занята прессованием; один из них, чтобы предотвратить удар ведра о гребень, вырвался из рук и упал в люк; с большим трудом он избежал утопления или удара о борт корабля. Забравшись в ведро, которое тут же спустили, он был благополучно поднят на палубу без каких-либо повреждений.

В течение ночи погода стала более умеренной, а на следующее утро (25 октября) шторм полностью утих, но осталась очень сильная волна. Два больших кита подошли вплотную к кораблю. Весь день они резвились вокруг судна, а после наступления сумерек исчезли.

Не имея больше возможности пользоваться штурвалом, его спустили, и капитан с помощником принялись за ведра. Потребовалась и моя помощь, и менее крепкий мальчик, чьим прежним занятием было прислуживать повару, теперь занял мое прежнее место - подавать экипажу прохладительные напитки. Этот парень недолго исполнял свою новую обязанность по извлечению рома из бочки, прежде чем его угораздило попробовать его, что он неоднократно и делал, но вскоре опьянел и на некоторое время пропал на палубе. Меня послали на его поиски. Патрубок из бочки я увидел, спиртное бежало по кругу, но мальчика я некоторое время не мог разглядеть; однако, заглянув в лацеретто (люк которого лежал открытым), я обнаружил его крепко спящим. По счастливой случайности он упал на паруса, которые были там уложены, иначе ему пришлось бы погибнуть.

26 и 27 октября погода оставалась совершенно ясной, дул легкий попутный ветер. Один человек постоянно находился на корме, чтобы следить за парусом. Остальные члены команды были заняты на бичах.

28-го числа погода стала ухудшаться и, похоже, намечался дождь. Это вызвало некоторое беспокойство, так как мы опасались шторма. Капитан приказал плотнику отремонтировать баркас, заделать его и поднять стеньгу, что и было немедленно исполнено; но когда он пошел в свой шкафчик за паклей, то обнаружил, что она разграблена почти вся, поэтому все руки были заняты сбором, чем он вскоре и был обеспечен.

29-го числа было совершенно ясно, дул свежий бриз, но корабль так сильно кренился, что временами пушки оказывались под водой, и команда с трудом могла стоять на палубе. Всем было приказано собраться на корме, и капитан в коротком обращении указал на наиболее вероятный способ спасения. Все согласились с его мнением, и было решено как можно скорее поднять баркас и поместить в него все необходимое, что можно было удобно уложить. Решив больше не трудиться над ведрами, судно, которое не могло оставаться над водой еще много часов после того, как мы прекратили прессование, было брошено на произвол судьбы.

Я начал размышлять о том, как мало шансов у нас было спастись - двадцать два человека в открытой лодке на расстоянии трехсот миль от суши, в бурном климате, и вся команда, измотанная усталостью! Ладони на руках команды были уже так ободраны, что нельзя было ожидать, что они смогут много работать веслами. Пока мы размышляли о нашем гибельном положении, один из наших старейших моряков, который в этот момент стоял рядом со мной, отвернул голову, чтобы смахнуть слезу, и я не мог не посочувствовать ему - мое сердце было уже переполнено; капитан, видя мое уныние, велел мне быть бодрым и назвал меня молодым бездельником.

Лодка была поднята, и в нее поместили все необходимое, что сочли нужным, одного из матросов послали на крышу, чтобы привязать цвета вниз к шпангоутам грот-мачты; сделав это, он встал на козлы, чтобы осмотреться, и почти сразу же прокричал: "Парус!" Невозможно описать экстатические эмоции команды: каждый был на крыше, чтобы быть довольным; хотя за минуту до этого ни один из команды не мог стоять прямо.

Парус находился у нас на носу и шел прямо на нас с попутным ветром. Вскоре она нас заметила, но несколько раз поднимала ветер, чтобы осмотреть наш корабль. По мере приближения она ясно осознала наше бедственное положение и поспешила к нам на помощь.

Это оказалась филадельфийская шхуна, направлявшаяся к мысу Франсуа в Сен-Доминго. Капитан принял нас на борт в самой гуманной и дружелюбной манере и, бросив нашу лодку, продолжил плавание. Когда мы увидели наш корабль с судна, на котором мы сейчас счастливо находились, его вид был поистине плачевным.

Капитан шхуны поздравил нас с удачным спасением и выразил удивление, что в таком сильном море корабль так долго держался на остовах, не опрокинувшись. Вскоре мы начали отдаляться от затонувшего судна, которое к этому времени находилось очень низко в воде, и вскоре потеряли его из виду.

Вечер стал быстро приближаться, когда человек, спустивший грот-топ-парус, заметил парус прямо по курсу на нашей четверти. Мы направились к нему и вскоре оказались в пределах видимости. Это оказался бриг из Глазго, направляющийся на Антигуа. Капитаны решили, что половина наших людей должна остаться на шхуне, а капитан, помощник, восемь человек команды и я - перебраться на бриг. По прибытии на Антигуа мы встретили много доброты и человеколюбия.

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА "ЛИЧФИЛД".

Корабль "Личфилд", капитан Бартон, покинул Ирландию 11 ноября 1758 года в компании с несколькими другими военными людьми и транспортом под командованием коммодора Кеппеля, намереваясь овладеть Гори. Плавание проходило благополучно до 28-го числа,

когда в восемь часов вечера я заступил на вахту, а погода оказалась очень шквалистой с дождем. В девять стало очень темно, сверкали молнии, ветер менялся от юго-западного до северо-западного. В половине девятого начался сильный шквал. Капитан Бартон вышел на палубу и простоял до десяти; затем отдал приказ не спускать глаз с коммодора и идти под парусами, какие позволит погода. В одиннадцать увидели, что коммодор идет на юг, но шквал был настолько сильным, что пришлось убрать грот-топ-парус, и в двенадцать часов мы легли на курс.

29 ноября, в час ночи, я покинул палубу под командованием первого лейтенанта; свет, который мы приняли за правый борт коммодора, шел на S., ветер W. S. W. дул очень сильно; в шесть утра я был разбужен сильным толчком и беспорядочным шумом людей на палубе. Я вскочил, думая, что на нас налетел какой-то корабль, так как, по моим собственным расчетам и по расчетам всех остальных людей на корабле, мы находились на расстоянии не менее 35 лиг от суши; но, прежде чем я успел добраться до квартердека, корабль сильно ударился о землю, и море разбилось о его борт. Сразу после этого я увидел землю, скалистую, изрезанную и неровную, примерно в двух кабельтовых от нас. Корабль лежал широкой стороной к ветру, и вскоре мачты ушли за борт, унеся с собой несколько человек. Невозможно никому, кроме страдальца, почувствовать наше бедственное положение в это время; мачты, верфи и паруса висели рядом в беспорядочной куче; корабль яростно бился о скалы; волны то вздымались на невероятную высоту, то обрушивались вниз с такой силой, как если бы они немедленно раскололи корабль на куски, чего мы, собственно, каждый момент и ожидали. Немного оправившись от замешательства, мы сочли необходимым перетащить все, что могли, на правый борт, чтобы предотвратить крен корабля и обнажить палубу перед морем. Некоторые из людей, вопреки совету, очень старались вытащить лодки; и после долгих уговоров, несмотря на ужасное море, одна из лодок была спущена на воду, и восемь лучших людей прыгнули в нее, но едва она добралась до кормы корабля, как ее вихрем унесло на дно, и все, кто в ней находился, погибли. Остальные лодки вскоре разнесло по палубе - мы сделали плот из шлюпки, шпангоута и нескольких досок и с покорностью ждали, что божественное провидение нам поможет.

Корабль вскоре наполнился водой, так что у нас не было времени достать провизию; квартердек и полуяута были единственными местами, где мы могли стоять с уверенностью, так как волны в основном уходили, когда достигали нас, из-за того, что носовая часть корабля разбивала их.

В четыре часа пополудни, заметив, что море сильно стихло, один из наших людей попытался плыть и благополучно выбрался на берег. На скалах стояло множество мавров, готовых схватить любого, и усиленно манили нас на берег, что мы сначала приняли за доброту, но вскоре они нас обманули, так как у них не хватало человечности помочь любому, кто был полностью обнажен, но они подлетали к тем, у кого было хоть что-то при себе, и раздевали их, прежде чем те выходили из воды, ссорясь между собой из-за добычи; Тем временем беднякам оставалось только ползти по камням, если они были в состоянии, если же нет, то они погибали без всякого внимания. Второй лейтенант и я, а также еще около шестидесяти пяти человек выбрались на берег до наступления темноты, но были оставлены на холодном песке под открытым небом. Чтобы не погибнуть от холода, мы были вынуждены спуститься на берег и принести куски обломков корабля, чтобы развести огонь. Если во время этой работы мы случайно подбирали рубашку или платок и не отдавали их маврам по первому требованию, то в ответ получали кинжал, приставленный к нашей груди.

Они дали нам кусок старого паруса, который, по их мнению, не стоило уносить; из него мы сделали две палатки и теснились в них, сидя между ног друг друга, чтобы сохранить тепло и

освободить место. В таком нелегком положении, непрерывно оплакивая свое несчастье и несчастье наших бедных товарищей по кораблекрушению, мы провели самую утомительную ночь, не имея ни капли воды, чтобы освежиться, за исключением того, что мы уловили через наши парусиновые покровы.

30 ноября, в шесть утра, мы с несколькими людьми спустились на скалы, чтобы помочь нашим товарищам выбраться на берег, и обнаружили, что за ночь корабль сильно разбился. Сейчас была низкая вода, и многие пытались доплыть до берега; некоторые спаслись, но другие погибли. Люди, находившиеся на борту, спустили плот на воду, и около пятнадцати человек разместились на нем. Не успели они отплыть от обломков, как плот перевернулся; большинство людей снова подняли его, но едва они оказались на нем, как он перевернулся во второй раз. Только трое или четверо смогли снова за него ухватиться, а все остальные погибли. Тем временем один хороший пловец с большим трудом доставил на берег веревку, за которую мне посчастливилось ухватиться как раз в тот момент, когда он уже совсем выбился из сил и подумывал о том, чтобы бросить это занятие.

Несколько человек пришли мне на помощь, и мы вытащили на берег большую веревку и закрепили ее вокруг скалы. Мы обнаружили, что это придало бодрости бедным душам на затонувшем судне: , прикрепленная к верхней части кормы, она облегчала спуск всем, у кого хватало искусства идти или скользить по веревке, а сверху была закреплена веревка поменьше, чтобы держаться за нее. Это позволило спасти несколько жизней, хотя многие были смыты стремительным прибоем и погибли. Наступивший паводок поднял прибой и не позволил ему подняться в это время, так что веревки больше негодились. Тогда мы отошли от скал и, преодолевая голод, принялись варить несколько утонувших индеек и т. д., которые вместе с мукой, смешанной в пасту и испеченной на углях, составили нашу первую еду на этом варварском побережье. Примерно в полумиле мы нашли колодец с пресной водой, которая нас очень освежила. Но едва мы покончили с этой грубой трапезой, как мавры, которых теперь стало много, согнали нас всех на скалы, чтобы принести пустые железные бочки, куски обломков, в которых было больше всего железа, и другие предметы.

Около трех часов дня мы приготовили еще одну порцию еды из утонувшей птицы, и, обнаружив, что это лучшее, что у нас может быть; некоторым было приказано спасти все, что они могли найти, другим - поставить большую палатку, а остальных отправили на скалы искать людей, выходящих на берег. Прибой сильно усилился с наводнением, и, разбившись о носовую часть корабля, он разделился на три части; носовая часть перевернулась килем вверх, а средняя вскоре разлетелась на тысячу кусков; в это время упала и носовая часть полуюта, а с ней около тридцати человек, восемь из которых с нашей помощью выбрались на берег, но в таких синяках, что мы уже не надеялись на их выздоровление. Теперь над водой оставалась только кормовая часть полуюта и очень небольшая часть других палуб, на которых оставались наш капитан и еще около 130 человек, ожидая, что каждая волна станет для них последней. Каждый толчок отбрасывал некоторых; немногие или ни один из них не добрались до берега живыми. Во время этого бедствия мавры необычайно смеялись и казались очень веселыми, когда волна, большая, чем обычно, грозила гибелью несчастным на затонувшем судне. Между четырьмя и пятью часами море уменьшилось с отливом; канат был еще надежен, и люди начали решаться на него; некоторые сорвались и погибли, но другие добрались до берега в целости и сохранности.

Около пяти мы как можно громче призывали капитана спуститься по канату, так как это была самая подходящая возможность из всех, что мы видели; и многие добрались до берега в

целости и сохранности благодаря нашей помощи. Некоторые говорили нам, что капитан был намерен оставаться до тех пор, пока все люди не покинут затонувшее судно, однако мы продолжали звать его, и перед наступлением темноты увидели, как он спустился по канату. За ним внимательно следил умелый матрос, который делал все возможное, чтобы поддержать его дух и помочь ему спуститься на канат. Поскольку он не умел плавать и столько часов пробыл без еды, а прибой с силой швырял его по волнам, он не смог противостоять силе волн, потерял хватку за большой канат и неизбежно должен был погибнуть, если бы волна не подбросила его к нашим канатам, за которые у него едва хватило ума ухватиться. Мы вытащили его наверх, и, отдохнув некоторое время на камнях, он пришел в себя и подошел к палатке, желая, чтобы мы продолжали помогать остальным людям выбраться на берег.

Злодеи (мавры) раздели бы его, хотя на нем не было ничего, кроме простой жилетки и бриджей, если бы мы не набрались духу и не воспротивились им; после чего они сочли нужным отступить. Люди продолжали выходить на берег, хотя многие погибли при этом. В конце концов мавры, устав ждать столь малую добычу, не позволили нам остаться на скалах, а прогнали нас всех. Тогда я, с одобрения капитана, пошел и знаками обратился со смиренной мольбой к башау, который находился в палатке, деля ценную добычу. Наконец он понял нас и разрешил спуститься вниз, отправив с нами несколько мавров. Мы несли вниз огненные жгуты, чтобы бедняги на затонувшем судне видели, что мы все еще находимся там и готовы прийти им на помощь. Около девяти вечера, обнаружив, что больше никто не решится спуститься по канату, так как прибой снова сильно усилился, мы удалились в палатку, оставив, по словам последнего прибывшего, от тридцати до сорока человек на затонувшем судне. Теперь мы решили уложить все тела в палатке и начали с того, что закрепили капитана в центре. Затем заставили каждого лечь на бок, поскольку мы не могли предоставить им каждому по ширине; но, в конце концов, многим было удобнее устроиться в пустых бочках.

На следующее утро погода была умеренной и хорошей - мы обнаружили, что затонувшее судно лежит на скалах, а берег завален пиломатериалами. Все люди, находившиеся на судне, погибли около часа ночи. Во второй половине дня мы объявили сбор и выяснили, что число оставшихся в живых составляет 220 человек; таким образом, 130 человек погибли по этому печальному случаю.

2 декабря погода по-прежнему оставалась умеренной. Мы питались исключительно утопленным мясом, немного свинины, чтобы приправить его, и мукой, из которой делали лепешки; все это мы регулярно и экономно выдавали, не зная, снабдят ли нас чем-нибудь мавры, которые по-прежнему доставляли много хлопот и даже хотели отнять у нас полотнище, которым была покрыта наша палатка.

В два часа дня прибыл чернокожий слуга, посланный господином Батлером, датчанином, фактором Африканской компании в Саффи, на расстоянии около тридцати миль, чтобы узнать о нашем состоянии и предложить нам помощь. Прихватив с собой ручку, чернила и бумагу, капитан отправил от себя письмо. Обнаружив, что нашелся человек, который предложил нам помощь, это очень обрадовало наши исстрадавшиеся сердца.

Во второй половине следующего дня мы получили письмо от мистера Батлера с хлебом и другими необходимыми вещами. 4-го числа люди занимались тем, что собирали куски парусов и все остальное, что мавры могли им позволить. Мы разделили команду на столовые и подали все необходимое, что получили в предыдущий день. Они ели хлеб и мясо утопленников. Во второй половине дня мы получили еще одно письмо от мистера Батлера и

одновременно от мистера Эндрюса, ирландского джентльмена, купца из Саффи. Мавры теперь не доставляли столько хлопот, как раньше, большинство из них уходило с тем, что им досталось.

5-го числа утонувшие запасы были полностью израсходованы, и при низкой воде люди были заняты сбором мускуса. В десять утра прибыл мистер Эндрюс, привезший французского хирурга с лекарствами и пластырями, в которых очень нуждались некоторые из людей, получивших сильные ушибы. На следующий день мы раздали по одному одеялу из местных на каждые два человека и пампушки, своего рода тапочки, тем, кто в них больше всего нуждался. Эти припасы также были привезены нам мистером Эндрюсом. Теперь люди были вынуждены жить на мускулах и хлебе, так как мавры, обещавшие нам скот, обманули нас и не вернулись.

Люди 7-го числа все еще занимались сбором мускуса и лимпетов. Мавры стали относиться к нам немного вежливо, опасаясь, что император накажет их за жестокое обращение с нами. Во второй половине дня от императора в Салли прибыл гонец с общим приказом снабдить нас провизией. Они, соответственно, привели нам несколько тощих быков и овец, которых купил для нас мистер Эндрюс; но в это время у нас не было горшков, чтобы сварить бульон, а скот был едва ли пригоден для чего-либо другого.

Утром 10-го числа мы занялись приготовлениями к походу в Марокко: император прислал для этого приказ и верблюдов для перевозки увечных и предметов первой необходимости. В девять отправились в путь с тридцатью верблюдами, взяв с собой все наше спиртное, разделенное на бочки, для удобства перевозки на верблюдах. В полдень присоединились к экипажам одного из транспортов и бомбовоза, потерпевших крушение примерно в трех лигах к северу от нас. Все мы были посажены на верблюдов, кроме капитана, которому предоставили лошадь. Мы не останавливались до семи часов вечера, когда они раздобыли только две палатки, в которых не поместилась бы и треть людей, так что большинство из них лежали под росой, которая была очень сильной и очень холодной. Всего нас было 388 человек, включая офицеров, мужчин, мальчиков, трех женщин и ребенка, которого одна из женщин принесла на берег в зубах.

11-го числа мы продолжили путь, сопровождаемые несколькими маврами на лошадях. В шесть часов вечера мы прибыли к месту нашего ночлега, и нам поставили палатки, достаточные для того, чтобы укрыть всех наших людей.

В пять утра 12-го числа мы отправились в путь, как и прежде, и в два часа дня увидели вдали кавалькаду императора. В три к нам подошел родственник императора по имени Мули Адриз и сказал капитану, что по приказу императора он должен в тот же миг написать письмо нашему губернатору в Гибралтаре, чтобы тот отправил его британскому величеству с вопросом, заключит ли он с ним мир или нет. Капитан Бартон немедленно сел на траву и написал письмо, которое, будучи передано Мули Адризу, отправилось и снова присоединилось к императору. В шесть часов вечера мы пришли к месту нашего ночлега и хорошо обставили палатки, но провизии было очень мало.

На следующий день нам было предложено оставаться на том же месте, пока люди не освежатся, и этот отдых был им очень нужен, а мы получили лучшее снабжение провизией. В то утро лейтенант Харрисон, командовавший солдатами из полка лорда Форбса, внезапно умер в палатке. Вечером, пока мы занимались его погребением, бесчеловечные мавры беспокоили нас, бросая камни и насмехаясь над нами. На следующий день мы обнаружили, что они вскрыли могилу и раздели тело.

16-го числа мы продолжили свой путь, пришли к месту отдыха в четыре часа пополудни, поставили палатки и раздали провизию. Здесь наши люди подверглись жестокому обращению со стороны деревенских мавров. Когда они брали воду из ручья, мавры всегда плевали в сосуд, прежде чем позволить им забрать ее. Некоторые из нас спустились узнать, в чем дело, но тут же были закиданы камнями. Мы набросились на них, избили некоторых из них довольно сильно, обратили в бегство и увели одного, который вздумал защищаться длинным ножом. Этот парень был сурово наказан офицером, которому было поручено проводить нас.

Два последующих дня мы продолжали путь, и в три часа пополудни 18-го числа прибыли в город Марокко, не увидев за все время пути ни одного жилья. Здесь нас оскорбил сброд, а в пять часов нас провели к императору, окруженному пятью или шестью сотнями его гвардейцев. Он сидел верхом перед воротами своего дворца, где он вершит правосудие над своим народом. Он сказал капитану Бартону через переводчика, что не находится ни в мире, ни в войне с Англией, и будет держать нас под стражей до тех пор, пока из этой страны не прибудет посол для заключения постоянного договора. Тогда капитан попросил, чтобы с нами не обращались как с рабами. Он поспешно ответил, что о нас позаботятся. Нас тут же поспешно вывели из его присутствия и отвели в два старых разваливающихся дома, запертых среди грязи и бесчисленных паразитов всех мастей. Мистер Батлер, находившийся в Марокко по делам, пришел и снабдил нас едой и питьем, а также добился разрешения для капитана отправиться с ним домой в его жилище. Кроме того, он прислал несколько одеял для офицеров, и мы, будучи очень утомленными, провели ночь с достаточным комфортом.

В девять часов утра 21-го числа император приказал капитану и всем офицерам явиться к нему. Мы немедленно отправились в его дворец; два часа мы простояли в ожидании на внешнем дворе; тем временем он развлекался тем, что рассматривал неуклюжую голландскую лодку, которую гребли в пруду четыре наших старшины. Около полудня нас вызвали к нему и поставили в ряд примерно в тридцати ярдах от него. Он сидел в кресле на берегу пруда, сопровождаемый только двумя своими старшими алькаидами. Посмотрев на нас некоторое время, он приказал капитану выйти вперед и, задав ему множество вопросов о нашем флоте и о назначении эскадры, к которой мы принадлежали, также вызвал нас вперед по двое и по трое, когда мы стояли в соответствии с нашим рангом. Затем он задал большинству из нас несколько весьма незначительных вопросов и принял одних за португальцев, потому что у них были черные волосы, а других - за шведов, потому что волосы у них были светлые. Он не признал никого из нас англичанами, кроме капитана, второго лейтенанта, прапорщика солдат и меня. Но, заверив его, что все мы англичане, он воскликнул "Бонно" и кивнул головой в знак нашего отъезда, на что мы ответили очень низким поклоном и были рады снова вернуться в свои старые разрушенные дома. Всего нас было тридцать человек.

25-го числа, в день Рождества, как обычно, в английской церкви были прочитаны молитвы. В этот день капитан получил в подарок чай и буханки сахара от одной из королев, чей дед был английским ренегатом.

Во второй половине дня 26-го числа мы получили неприятное известие, что император обяжет всех англичан работать, как и всех остальных христианских рабов, за исключением офицеров, которые были перед ним 21-го числа. На следующий день это сообщение подтвердилось, так как в семь утра пришел алькаид и приказал всем нашим людям выйти на работу, кроме больных. По нашему ходатайству восьмерым было разрешено каждый день оставаться дома, чтобы готовить еду для остальных, и эта обязанность выполнялась по очереди всеми. В четыре часа пополудни люди вернулись: одни носили дрова, другие

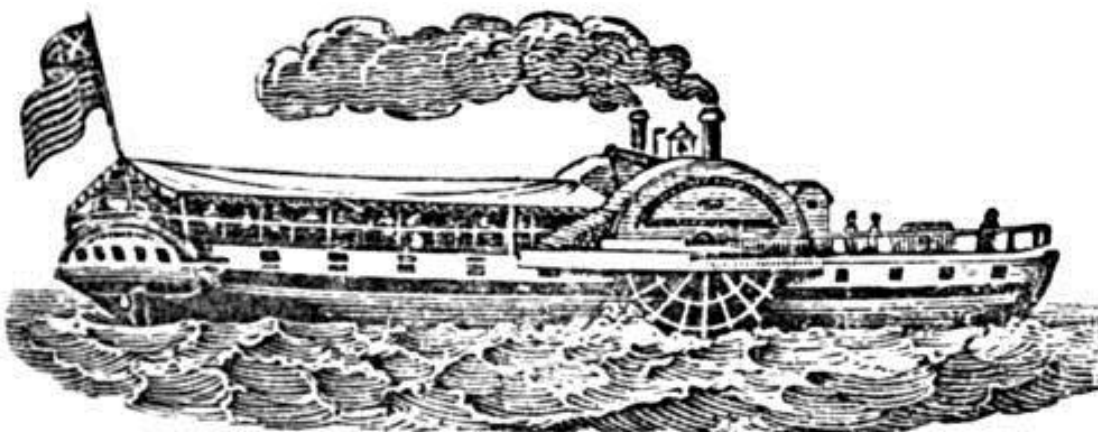
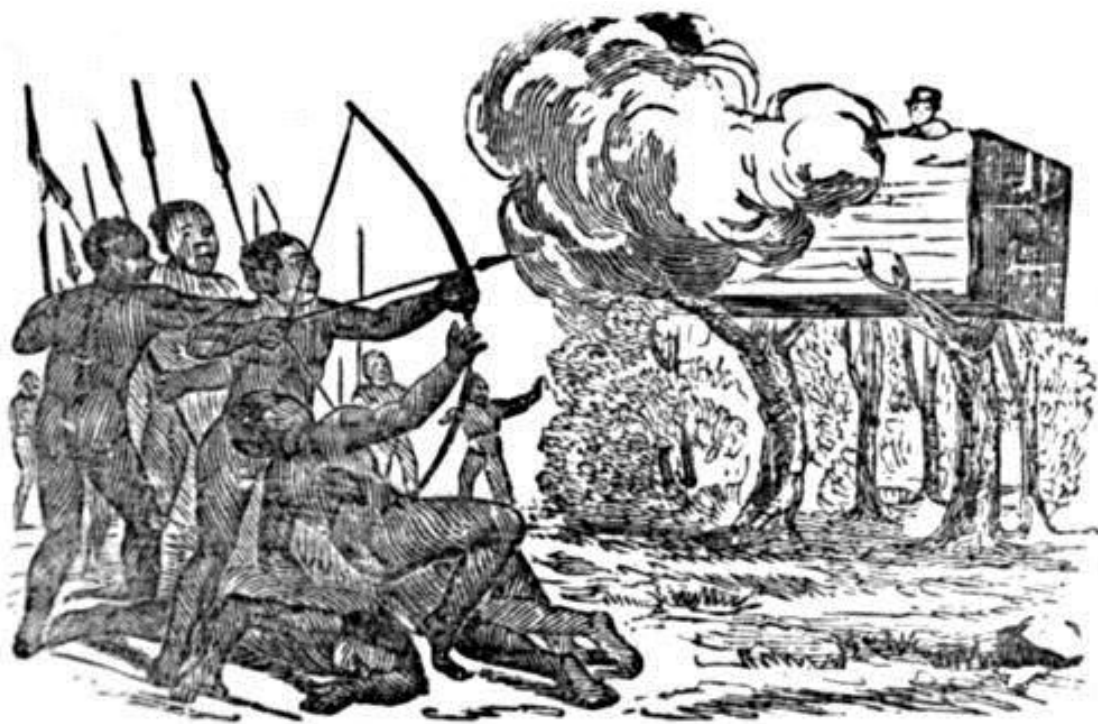
вскапывали землю мотыгами, третьи собирали сорняки в императорском саду. К их возвращению были приготовлены съестные припасы.

28-го числа все люди отправились на работу, как только смогли увидеть, и вернулись в четыре часа пополудни. Двое солдат получили по сто бастинадо за то, что вели себя непочтительно, пока император смотрел на их работу.

30-го числа капитан Бартон получил любезное послание от императора с разрешением выехать верхом или прогуляться по саду вместе со своими офицерами.

С этого времени люди продолжали находиться в том же состоянии рабства до прибытия в апреле капитана Милбанка, отправленного в качестве посла к императору. Он заключил договор о выкупе экипажа "Личфилда" вместе с другими английскими подданными, находящимися во власти императора, и сумма, которую предполагалось заплатить за их освобождение, составляла 170 000 долларов. Соответственно, наши люди отправились в Салли, сопровождаемые башау и двумя солдатами на лошадях. На четвертый день похода они вступили в перестрелку с маврами. Спор начался из-за того, что некоторые из наших людей в тылу остановились в деревне, чтобы купить молока, за которое, после того как они выпили его, мавры потребовали непомерную цену. Наши люди отказались дать ее, и тогда мавры прибегли к ударам, на которые наши люди ответили ударами, а другие, пришедшие им на помощь, вели умный бой, пока враг не стал слишком многочисленным. Тем временем некоторые ускакали, чтобы позвать стражу, которая тут же подоспела с занесенными скимитами и довольно резво расправилась с ними. В этот промежуток времени мы не бездействовали и имели удовольствие наблюдать, как кровь стекает по лицам многих из них. Стражники схватили старосту деревни и отвели его к башау, который был нашим проводником и, выслушав дело, отпустил его без дальнейшего наказания, сославшись на то, что мы его хорошенько отлупили.

22 апреля мы прибыли в Салли и поставили палатки в старом замке, откуда вскоре после этого взошли на борт корабля "Гибралтар", который высадил нас в Гибралтаре 27 июня. Оттуда капитан и команда были пересажены на судно "Мальборо", специально подготовленное для их приема, и прибыли в Англию в августе 1760 года.

КРУШЕНИЕ ПАРОХОДА "РОТСЕЙСКИЙ ЗАМОК".

Пароход "Ротсейский замок" был паровым судном, которое ранее торговало на Клайде. Он принадлежал к линейке пароходов, которые ходили из Ливерпуля в Бомарис и Бангор, и был оснащен только одним двигателем. Командовал им лейтенант Аткинсон. В десять часов августа 1831 года судно должно было отплыть с обычного места, с пирса Джорджа, но старт случайно задержался, и к одиннадцати часам все было готово. Во время приема пассажиров на борт на пристань прибыла карета для посадки. Она принадлежала М. У. Фостеру, эсквайру из Риджентс-парка в Лондоне, который вместе с женой и слугой был перевезен в ней на пароход и в то же время отправился в путь. Все они впоследствии утонули, а маленькая собачка, сопровождавшая их, оказалась единственной выжившей из этой несчастной группы. Когда пароход отчалил от пристани, его палуба была заполнена пассажирами. Капитан, команда, музыканты и т. д. составляли пятнадцать человек, кроме которых, как предполагали люди, видевшие отплытие судна, на борту находилось сто десять или сто двадцать душ. Большинство пассажиров состояло из семейных праздников и, в основном из

сельской местности; и в одной из этих компаний, приехавшей на отдых из Бьюри, рука смерти совершила безжалостное опустошение. Она состояла из двадцати шести человек; утром, радостные и веселые, они отправились по волнам, а когда наступили вечерние сумерки, каждая душа, кроме двух, увидела, как заходит последнее из солнц.

В момент отплытия погода не была особенно бурной. Однако утром разыгрался сильный шторм, который, должно быть, взбаламутил воду на отмели сильнее обычного. Ветер тоже дул с северо-запада, и судну пришлось бороться с приливом, который начался вскоре после того, как оно миновало скалу. Когда пароход подошел к плавучему фонарю, расположенному примерно в пятнадцати милях от Ливерпуля, беспокойное море встревожило многих пассажиров. Один из выживших рассказал, что мистер Тарри из Бэри, который вместе со своей семьей, состоявшей из него самого, жены, пятерых детей и слуги, находился на борту, будучи, как и другие, сильно встревожен за свою безопасность и безопасность близких ему людей, спустился в каюту, где капитан ужинал, и попросил его вернуться. Он ответил: "Я думаю, что на борту очень много страхов, а опасность невелика. Если бы мы повернули назад с пассажирами, это никогда не удалось бы - мы не получили бы никакой прибыли". Другому джентльмену, который убеждал его вернуться, он, как сообщается, очень сердито ответил: "Я не из тех, кто поворачивает назад". Он оставался в каюте целых два часа и категорически отказался выполнить неоднократные просьбы более робких пассажиров вернуться в Ливерпуль, заметив, что если бы они знали его, то не стали бы обращаться с такой просьбой. До обеда его поведение было безупречным, но после обеда в его поведении наметилась разительная разница. Он стал агрессивным и грубым в обращении с людьми. На тревожные вопросы пассажиров о том, как продвигается судно и в какое время оно достигнет цели, он давал пустяковые, а зачастую и противоречивые ответы. В начале плавания он уверенно говорил, что сможет добраться до Бомариса к семи часам; но вечер угас, наступила ночь, а судно все еще находилось на значительном расстоянии от окончания плавания. Было уже около двенадцати часов, когда они прибыли в устье пролива Менай, расположенного примерно в пяти милях от Бомариса. Прилив, который выходил из пролива и, соответственно, некоторое время тормозил продвижение парохода к цели, как раз поворачивал. Судно, согласно показаниям двух матросов и одного из спасенных пожарных, обогнуло буй на северной оконечности Голландской банки и шло вверх по реке до башни на острове Паффин, как вдруг пара стало так мало, что двигатель не мог удерживать его на нужном курсе. На вопрос, почему нет пара, пожарный ответил, что весь день на судно попадало много воды, и где-то перед заходом в пролив трюмные насосы засорились. Вода в трюме переполнила угли, поэтому при разжигании огня много воды попало вместе с углями, что сделало невозможным поддержание пара. В обязанности пожарного входило уведомить об этом, но он, похоже, не сказал об этом капитану. Судно, которое, очевидно, честно вошло в канал, хотя на берегу не было света, чтобы указать ему путь, теперь дрейфовало с приливом и северо-западным ветром к Голландской банке, на северной оконечности которой оно и столкнулось, упершись носами в песок. Лейтенант Аткинсон немедленно приказал рулевому положить штурвал на правый борт. Тот отказался это сделать, но положил его на левый борт. Тем временем капитан и некоторые пассажиры подняли кливер. Несомненно, он сделал это, намереваясь развернуть судно и направить его на север; но, по мнению мореплавателей, не было никакой разницы, в какую сторону повернуть его, так как судно находилось на подветренном берегу, и не было пара для его работы. Капитан также приказал пассажирам сначала перебежать на корму, надеясь, что, сняв давление с форштевня судна, он заставит его плыть: не добившись желаемого результата, он приказал им перебежать вперед. Все усилия капитана, команды и пассажиров, объединенные вместе, оказались безрезультатными. Злополучное судно все сильнее увязало в песке, и все были уверены, что погибли. Ужас пассажиров стал чрезмерным. Некоторые из них призывали капитана поднять

огни и подать другие сигналы бедствия, но он категорически отказывался это делать, уверяя пассажиров, что опасности нет, и несколько раз повторяя, что судно на плаву, все хорошо и оно в пути, хотя пассажиры прекрасно знали, что оно прочно держится на песке, а его каюты быстро заполняются водой. Несомненно, несчастный прекрасно понимал всю неотвратимость опасности; но можно предположить, что он позволил себе такие слова, чтобы предотвратить тревогу, которая могла оказаться фатальной. В колокол тревоги звонили с такой силой, что хлопушка сломалась, а кто-то из пассажиров еще некоторое время продолжал бить в него камнем. Колокол был услышан, как говорят, в Бомарисе, но поскольку на мачте парохода не было фонаря (роковая небрежность!), те, кто услышал сигнал, конечно, не знали, откуда он исходит. Погода в этот ужасный момент была бурной, но совершенно ясной. Луна, хотя и слегка пасмурная, бросала значительный свет на окружающие предметы. Но с северо-запада дул сильный ветер, прилив начал наступать с большой силой, и тяжелое море билось о берег, на котором паровой пакетбот был теперь прочно и неподвижно закреплен.

Невозможно описать последовавшую за этим сцену. Казалось, что всем на борту грозит неминуемая смерть, и это вызывало самые трогательные сцены. Женщины, в частности, издавали самые пронзительные крики; некоторые закрывались в объятиях друг друга, а другие, потеряв всякое самообладание, срывали с себя чепцы и шляпки в диком отчаянии. Ливерпульский лоцман, случайно оказавшийся на судне, возвысил голос и воскликнул: "Все кончено - мы все погибли!" При этих словах раздался всеобщий отчаянный вопль. Женщины и дети собрались в комок и, обняв друг друга, все время причитали. Когда они устали плакать, то легли друг на друга, откинув головы, как неживые тела. Стюард судна и его жена, находившаяся на борту, привязали себя к мачте, решив провести последние минуты в объятиях друг друга. Несколько мужей и жен также встретили свою судьбу в объятиях друг друга, а родители прижались к своим любимым детям - говорят, что несколько матерей погибли со своими дорогими малышами, крепко сжимая их в объятиях. Часть пассажиров, около пятнадцати или двадцати человек, спустили лодку на воду и забрались в нее. В таком море ни одна открытая лодка, даже не перегруженная, выжить не могла, и она тут же захлебнулась и пошла ко дну вместе со всеми, кто предпринял эту последнюю безнадежную попытку спастись.

Некоторое время судно, хотя и безвозвратно потерянное, продолжало сопротивляться волнам, а отчаявшиеся души на борту все еще боролись со своей гибелью. Но надежда навсегда покинула судно; бурные воды били и швыряли пакетбот с силой, грозившей разбить его на куски при каждом толчке, а море теперь постоянно пробивало в нем брешь. Палубы неоднократно захлестывало кипящим океаном, и каждая волна уносила свои жертвы к водной могиле. Несчастный капитан и его помощник погибли одними из первых. Около тридцати или сорока пассажиров стояли на полуюте, цепляясь друг за друга в безнадежной агонии и время от времени издавая самые жалобные восклицания. Пока они трепетали на краю гибели и ожидали, что вот-вот разделит участь, которая уже постигла стольких их товарищей по несчастью, обнаружилось, что крыша уступила; очередная волна накатилась с неистовой яростью, и задняя часть незадачливого судна со всеми, кто искал спасения в ее хрупкой опоре, оторвалась от своего разбитого собрата, и около сорока несчастных существ поспешили сквозь пенящийся поток в вечный мир.

"Тогда от моря до неба поднялся дикий прощальный крик,
И вскрикнули робкие, и замерли храбрые".

Те, кто сохранил хоть какую-то чувствительность, пытались ухватиться за все, что плыло в пределах их досягаемости, в тщетной надежде продлить свою жизнь, хотя было очевидно, что жизнь может лишь удлинить их страдания. Многие с бешеным отчаянием хватались за малейший предмет, который могли найти, но были либо слишком слабы, чтобы удержаться, либо вынуждены были отказаться от своей хватки из-за бушующего прибоя. За руль одновременно ухватились восемь тонущих существ, и некоторые из них в конце концов спаслись. Число тех, кто цеплялся за часть обломков, оставшихся на берегу, постепенно становилось все меньше и меньше, поскольку они тонули под тяжестью своих сил или были сброшены в глубину неумолимыми волнами. В конце концов, примерно через полтора часа после столкновения, остатки "Ротсейского замка" исчезли из лона океана, а оставшиеся пассажиры и команда были сброшены в пенящуюся пучину.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО СУДНА DROITS DE L'HOMME.

5 января 1797 года, возвращаясь домой из отпуска в Вест-Индии на корабле "Камберленд", чтобы поправить здоровье, я увидел большой военный корабль у берегов Ирландии, находившийся в четырех лигах от устья реки Шеннон. Она подняла английские флаги, и обманула нас на расстоянии пушечного выстрела, после чего сменила трехцветный флаг и захватила нас. Это оказался Les Droits de L'Homme из 74 пушек под командованием барона, ныне гражданина Ла-Кросса, который отделился от флота военных людей, на борту которого находилось двадцать тысяч солдат, намеревавшихся вторгнуться в Ирландию. На борту этого корабля находился генерал Гумберт, который впоследствии совершил поход в Ирландию (в 1799 году) с девятью сотнями солдат и шестью сотнями моряков.

7 января он зашел в бухту Бэнтри, чтобы проверить, не осталось ли там кого-нибудь из эскадры, и, не обнаружив никого, направился на юг. Ничего экстраординарного не происходило до вечера 13-го числа, когда в поле зрения появились два военных корабля, которые впоследствии оказались фрегатами "Индефатигейбл" и "Амазонка". Весьма примечательно, что капитан корабля сообщил мне, что эскадра, которая собиралась вступить с ним в бой, принадлежала сэру Эдварду Пеллоу, и заявил, как было доказано впоследствии, "что он не уступит ни одному из двух английских фрегатов, но скорее потопит свой корабль со всеми душами на борту". После этого корабль был готов к бою, и нас, английских пленников, состоявших из трех пехотных офицеров, двух капитанов торговых судов, двух женщин и сорока восьми матросов и солдат, отвели в каютный ярус у подножия носовой мачты.

Действия начались с открытия портов нижней палубы, которые, однако, вскоре были снова закрыты из-за сильного волнения, в результате которого вода хлынула внутрь до такой степени, что мы почувствовали, как она течет по вантам. Здесь я должен заметить, что этот корабль был построен по новой конструкции, значительно длиннее военных кораблей ее класса, а его нижняя палуба, на которой были установлены тридцатидвухфунтовые французские пушки, равные сорокафунтовым английским, была на два фута с половиной ниже, чем обычно. Положение корабля перед тем, как он налетел на скалы, было полностью описано сэром Эдвардом Пеллоу в его письме от 17 января к мистеру Непо. Мне остается лишь рассказать о том, что за этим последовало.

Около четырех часов утра страшная судорога у подножия носовой мачты вывела нас из состояния тревоги за нашу судьбу и натолкнула на мысль, что корабль тонет. Это была

носовая мачта, которая упала на борт; примерно через четверть часа ужасный сигнал сверху был повторен во всех частях корабля; *Pouvores Anglais! Pouvores Anglais!* Бедные англичане! Бедные англичане! Выходите на палубу как можно быстрее, мы все погибли!" Все скорее летели, чем поднимались. Хотя до этого я едва мог двигаться из-за болезни, теперь я чувствовал энергичную силу во всем моем теле и вскоре поднялся на верхнюю палубу, но что это было за зрелище! Мертвые, раненые и живые, перемешанные в состоянии, слишком шокирующем для описания; ни одной стоящей мачты, страшная громада земли и волнорезы вокруг нас; "Индефатигейбл", по правому борту, стоял вдали, в самом огромном море, от скал Пенмарка, которые угрожали ему мгновенным разрушением. Те немногие люди, которым удалось выжить после кораблекрушения, обязаны своей жизнью великому гуманизму ее командира, поскольку, если бы еще один выстрел был произведен с широкой стороны, командирское положение "Индефатигейбла", должно быть, унесло бы не менее тысячи человек. По правому борту в двух милях виднелась "Амазонка", только что ударившаяся о берег. Наша судьба приближалась. Корабль ударился и тут же затонул! Со всех сторон доносились крики ужаса и страха, а безжалостные волны срывали с обломков множество ранних жертв. Наступил рассвет, и мы увидели, что берег усеян людьми, которые не могли оказать нам никакой помощи. При низкой воде были сооружены плоты, и лодки были готовы к подъему. Наступили сумерки, и перед нами предстало ужасное зрелище. Рассвет второго дня принес еще более тяжелые страдания, чем первый, потому что терпеть нужды природы было уже невозможно, ведь мы уже почти тридцать часов находились без средств к существованию и не имели никакой возможности их добыть.

При низкой воде была поднята небольшая лодка, и английскому капитану и восьми матросам удалось добраться до берега. Обрадованные успехом этих людей, все подумали, что их спасение близко, и многие спустились на плоты, но, увы, смерть вскоре оборвала их надежды.

Еще одна ночь возобновила наши страдания. Наступило утро третьего дня, чреватое еще большими бедами; продолжающиеся страдания заставили нас приложить последние усилия, и мы, английские пленники, испробовали все средства, чтобы спасти столько наших собратьев, сколько было в наших силах. Были сооружены плоты побольше, а самую большую лодку перебросили через борт. Первым делом было решено уложить в лодку оставшихся в живых раненых, женщин и беспомощных мужчин, но идея равенства, столь фатально распространившаяся среди французов, уничтожила всякую субординацию, и почти сто двадцать человек, запрыгнув в лодку, наперекор своим офицерам, потопили ее. -Самое ужасное море, которое я когда-либо видел, казалось, в тот момент усугубило наше бедствие; ничего не было видно в течение четверти часа, когда тела плыли во всех направлениях; затем появились, во всем своем ужасе, обломки, берега, умирающие и утонувшие! Генерал-адъютант Ренье, неутомимый в делах милосердия, бросился в море, чтобы получить помощь с берега, и погиб при этом.

Почти половина людей уже погибла, когда ужасы четвертой ночи возобновили все наши страдания. Слабые, растерянные, лишенные всего, мы завидовали судьбе тех, чьи безжизненные трупы больше не нуждались в пропитании. Чувство голода было уже потеряно, но жажда снала наши жизненные силы. Пришлось прибегнуть к моче и соленой воде, что только усилило жажду; всплыло полбочки уксуса, которого каждый выпил по полстакана; это дало кратковременное облегчение, но вскоре мы снова оказались в том же состоянии ужасной жажды. Почти на последнем издыхании каждый умирал от страдания, а корабль, на треть разломанный от кормы, едва позволял держаться за него измученным и беспомощным выжившим.

На четвертый день небо стало более безмятежным, и море, казалось, утихло, но созерцание умирающих во всех направлениях, от носа до кормы, было слишком шокирующим зрелищем для здравого рассудка. Почти утратив чувство человечности, мы перестали с жалостью смотреть на тех, кого считали лишь предвестниками своей скорой участи, и посоветовались, кого принести в жертву, чтобы он стал пищей для оставшихся. Жертва была уже брошена, когда долгожданный вид военного брига возродил наши надежды.

За ним быстро последовал катер, и оба бросили якоря на небольшом расстоянии от затонувшего судна. Затем они направили к нам свои шлюпки, и с помощью больших плотов около ста человек из четырехсот, пытавшихся спастись, были спасены бригам в тот же вечер. Триста восемьдесят человек остались терпеть еще одну ночь, а на следующее утро, как ни ужасно об этом говорить, более половины были найдены мертвыми!

Я был спасен около десяти часов утра 18-го числа вместе с моими братьями-офицерами, капитаном корабля и генералом Гумбертом. На борту куттера с нами обращались очень гуманно: каждые пять-шесть минут давали немного слабого бренди и воды, а после этого - тазик хорошего супа. Я провалялся на рундуке в каком-то трансе около тридцати часов и опух до такой степени, что мне потребовалась медицинская помощь для восстановления моих ослабевших способностей. Потеряв весь наш багаж, мы были доставлены в Брест почти голыми, где нам дали грубую одежду, и в результате наших страданий и помощи, которую мы оказали, спасая многие жизни, по приказу французского правительства был создан картель, чтобы отправить нас домой без выкупа или обмена. Мы прибыли в Плимут 7 марта следующего года.

Провидению, чьи великие дела я испытал на себе в этом ужаснейшем испытании человеческих бедствий, да будет отдана дань моей хвалы и благодарности".

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА "КОРОЛЕВА ШАРЛОТТА".

Корабль "Королева Шарлотта" был, пожалуй, одним из лучших кораблей британского флота. Она была спущена на воду в 1790 году, и ее первое плавание состоялось в составе флота, снаряженного против Испании в связи со спором по поводу Нутка-Саунд. Лорд Хау, который был командующим и главным начальником флота, был тогда на ее борту; и первого июня она также подняла флаг его светлости. После этого она была отправлена в Средиземное море и стала флагманским кораблем главнокомандующего на этой станции. В марте 1800 года он был отправлен этим дворянином на разведку острова Кабрера, расположенного в тридцати лигах от Ливорно, который в то время находился во владении французов и который его светлость намеревался атаковать. Утром 17-го числа корабль был обнаружен горящим на расстоянии трех или четырех лиг от Ливорно. С берега была незамедлительно оказана всяческая помощь, но несколько лодок, судя по всему, не смогли подойти к затонувшему кораблю из-за простреленных пушек, которые, нагретые от огня, разбросали свое содержимое во все стороны.

Единственное утешение, которое можно найти под давлением столь ужасной катастрофы, - это то, что она не была следствием ни предательства, ни умышленного пренебрежения, как следует из следующего официального заявления плотника: - "Мистер Джон Брейд, плотник.

"Мистер Джон Брейд, плотник "Королевы Шарлотты", сообщает, что через двадцать минут после 6 часов утра, когда он одевался, он услышал по всему кораблю общий крик "пожар". Он немедленно поднялся по трапу на палубу и обнаружил, что вся полупалуба, передняя

часть адмиральской каюты, обшивка грот-мачты и обшивка шлюпки на гиках объаты пламенем; по всем признакам он полагает, что это произошло из-за того, что сено, лежавшее на полупалубе, было подожжено спичкой в кадке, которая обычно хранилась там для сигнальных пушек. Грот в это время был поставлен, и он почти полностью загорелся; люди не могли подойти к клюзу из-за пламени.

"Он немедленно отправился в носовую часть судна и увидел, что лейтенант Дандас и боцман уговаривают людей принести воды, чтобы погасить огонь. Он обратился к мистеру Дандасу, не видя другого офицера в носовой части корабля (и не видя никого на квартердеке из-за пламени и дыма между ними), с просьбой помочь ему утопить нижние палубы и задраить люки, чтобы предотвратить падение огня вниз. Лейтенант Дандас, соответственно, спустился сам, со столькими людьми, скольких он мог уговорить последовать за ним; и порты нижней палубы были открыты, шпигаты закупорены, главные и носовые люки закреплены, краны повернуты, и вода поступала в порты, а помпы продолжали работать благодаря людям, которые спустились, пока они могли стоять у них.

"Он полагает, что благодаря этим усилиям нижняя палуба была ограждена от огня, а магазины долгое время оставались в безопасности; ни лейтенант Дандас, ни он сам не покидали этого поста, но оставались там со всеми людьми, которых можно было уговорить остаться, пока несколько орудий средней палубы не прошли через эту палубу.

"Около девяти часов лейтенант Дандас и он, сочтя невозможным оставаться более внизу, вышли через порт нижней палубы носовой мачты и перебрались на носовую башню; на ней, по его мнению, находилось около ста пятидесяти человек, которые черпали воду и бросали ее как можно дальше в корму на огонь.

Он пробыл на носу около часа и, обнаружив, что все попытки погасить пламя безуспешны, прыгнул с кливера и поплыл к американской лодке, приближавшейся к кораблю, где его подобрала и посадила в тартан, находившийся в то время под командой лейтенанта Стюарта, который пришел на помощь кораблю".

(Подпись) "ДЖОН БРЕЙД".

Ливорно, 18 марта 1800 года.

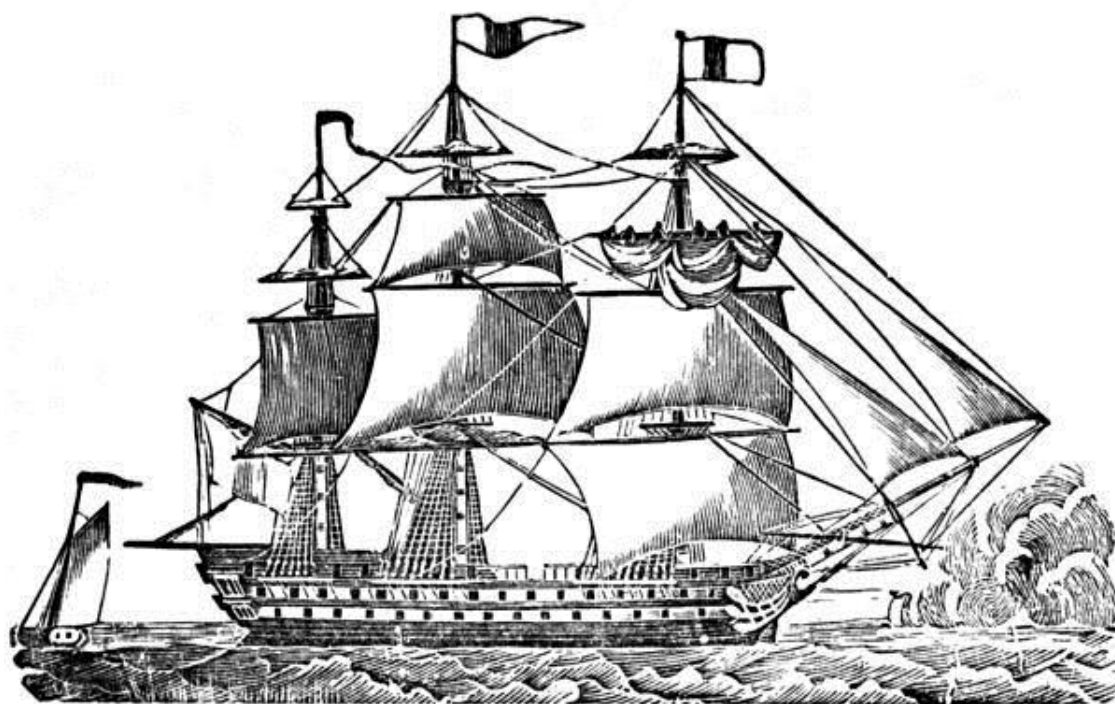
Капитан Тодд до последнего момента оставался на палубе вместе со своим первым лейтенантом, отдавая приказы по спасению команды и не думая о собственной безопасности. Прежде чем пасть жертвой пламени, он успел и отважился записать подробности этого печального события для сведения лорда Кейта, копии которых он раздал разным матросам, уговаривая их, чтобы тот, кто спасется, доставил их адмиралу.

Так пали жертвами, возможно, слишком сурового долга капитан и его первый лейтенант в тот момент, когда они еще могли спастись; но самосохранение никогда не является предметом размышлений в возвышенном сознании британского морского офицера, когда на карту поставлена безопасность его команды.

Лорд Кит и некоторые офицеры по счастливой случайности находились на берегу в Ливорно, когда произошел ужасный несчастный случай. Двадцать офицеров и прапорщиков, два служащих и 142 матроса - вот весь экипаж, избежавший гибели из почти 900 человек на борту, которые в течение почти четырех часов напрягали все силы, чтобы избежать ужасного конца, который, несомненно, ожидал их.

СЦЕНА В АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ.

Утром 5 августа 1833 года, во время сильного шторма в широте 46, долготе 31, капитан Демпси, который был на борту корабля, был вынужден отступить от берега. 31, капитан Демпси с корабля "Кингстон" обнаружил на небольшом расстоянии с подветренной стороны бриг, лежащий на остоле, с развевающимся флагом бедствия. Капитан Д. немедленно спустился вниз, чтобы направиться к нему, но оказалось, что это "Альбион" из Корка, переполненный пассажирами. Когда мы приблизились к злополучному судну на расстояние града, перед нами предстала душераздирающая картина. "Мы видели, - говорит капитан Демпси, - как бриг раскачивается, прежде чем совершить прощальное погружение, были свидетелями хладнокровия матросов даже в такой момент и с самыми томительными чувствами слушали пронзительные крики пассажиров, которым выпало несчастье. Команда "Кингстона" бросила свою лучшую лодку в кипящую Атлантику, но все усилия были напрасны - разъяренный океан вскоре сделал ее своей добычей. Альбион пошел ко дну со всеми людьми на борту".

ОТПЛЫТИЕ

ФРАНЦУЗСКОГО ФРЕГАТА "МЕДУЗА"

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ФРЕГАТА "МЕДУЗА".

У западного побережья Африки. Мадам Дард, одна из пострадавших.

В 1816 году французы снарядили экспедицию, чтобы вновь овладеть Сенегалом, который был им возвращен. Мой отец был восстановлен в должности поверенного-резидента и, взяв с собой семью, немедленно отправился в Рошфор, чтобы взойти на борт фрегата "Медуза".

Рано утром 12 июня мы направлялись к шлюпкам, которые должны были доставить нас на борт "Медузы", стоявшей на якоре у острова Экс, на расстоянии около четырех лье от Рошфора. Поле, через которое мы проходили, было засеяно кукурузой. Желая перед тем, как покинуть нашу прекрасную Францию, попрощаться с цветами, и пока наша семья неторопливо шла вперед к месту, где мы должны были сойти на берег Шаранты, я пересек борозды и собрал несколько синих бутонов и маков. Вскоре мы прибыли к месту высадки, где нашли нескольких наших попутчиков, которые, как и я, казалось, бросали последний взгляд на небеса, пока еще находились на французской земле. Когда мы спускались по извилистому руслу Шаранты, встречные ветры так мешали нашему продвижению, что мы достигли "Медузы" только к утру, затратив двадцать четыре часа на прохождение четырех лиг. Наконец мы взошли на палубу "Медузы", о которой у нас остались тягостные воспоминания. Поднявшись на борт, мы обнаружили, что наши койки для нас не предусмотрены, и были вынуждены оставаться вместе до следующего дня. Нашу семью, состоявшую из девяти человек, разместили на койке у главной палубы. Поскольку ветер по-прежнему был встречным, мы простояли на якоре семнадцать дней.

17 июня, в четыре часа утра, мы отплыли, как и вся экспедиция, состоявшая из фрегата "Медуза", складочного судна "Луара", брига "Аргус" и корвета "Эхо". Ветер был благоприятным, и вскоре мы потеряли из виду зеленые поля л'Ауниса. Однако в шесть утра остров Ре все еще виднелся над горизонтом. Мы с сожалением посмотрели на него, чтобы в последний раз отдать честь нашей дорогой стране. Представьте себе корабль, несущийся на крыше и окруженный огромными горами воды, которые в один момент подбрасывают его в воздух, а в другой погружают в глубокую пучину.

Волны, поднятые бурным северо-западным бризом, с ужасом бились о борта нашего корабля... Я не знал, было ли это предчувствие грозившего нам несчастья, которое заставило меня провести предыдущую ночь в жесточайшем беспокойстве. В волнении я выскочил на палубу и с ужасом созерцал фрегат, несущийся по водной глади. Ветер с силой давил на паруса, натягивал и свистел в шнурах, а огромная деревянная громадина, казалось, раскалывалась при каждом ударе волны о борта. Выглянув немного в море, я увидел на небольшом расстоянии справа от нас все остальные корабли экспедиции, что меня очень успокоило. Ближе к десяти утра ветер переменился; сразу же раздался ужасающий крик, о котором пассажиры, как и я, были в неведении. Вся команда пришла в движение. Одни карабкались по веревочным лестницам и, казалось, сидели на концах верфей; другие забирались на самые высокие части мачты; эти ревели и дергали за шнуры в такт; те кричали, ругались, свистели и наполняли воздух варварскими и неизвестными звуками. Дежурный офицер, в свою очередь, выкрикивал слова: "правый борт", "левый борт", "подъем", "лафет", "галс", которые рулевой повторял в том же тоне. Вся эта суеда, однако, возымела свое действие; верфи были повернуты на своих шарнирах, паруса поставлены, шнуры натянуты, и несчастные морские мальчишки, получив урок, спустились на палубу. Все оставалось спокойным, разве что волны по-прежнему ревели, а мачты продолжали скрипеть. Однако паруса были надуты, ветер стал менее сильным, хотя и благоприятным, и моряк, напевая свою песенку, сказал, что мы совершили благородное плавание.

В течение нескольких дней мы действительно наслаждались восхитительным путешествием. Все корабли экспедиции по-прежнему держались вместе, но в конце концов бриз стал переменчивым, и все они исчезли. Однако "Эхо" все еще оставалось в поле зрения и

продолжало сопровождать нас, как бы указывая нам путь. Ветер стал более благоприятным, мы держались южного направления, проходя по шестьдесят две лиги в день. Море было таким прекрасным, а наше путешествие таким быстрым, что я начал думать, что путешествовать по морю почти так же приятно, как по суше; но иллюзия моя была недолгой.

28 июня, в шесть утра, мы обнаружили на юге пик Тенерифе, вершина которого казалась затерянной в облаках. Мы находились на расстоянии около двух лиг, которые преодолели менее чем за четверть часа. В десять часов мы подошли к городу Сент-Круа. Несколько офицеров получили разрешение сойти на берег, чтобы купить прохладительные напитки.

Пока этих господ не было, некий пассажир, член самозванного Филантропического общества Кабо-Верда, высказал мнение, что оставаться на месте очень опасно, добавив, что он хорошо знаком с этой страной и плавал во всех этих широтах. Месье Леруа Лашомарей, капитан "Медузы", поверив притворным знаниям интригана Ришфора, передал ему командование фрегатом. Различные офицеры флота доказывали капитану, как постыдно доверять незнакомцу, и они никогда не подчинятся человеку, не имеющему характера командира. Капитан презрел эти мудрые доводы и, пользуясь своей властью, приказал лоцманам и всему экипажу повиноваться Ришфору, заявив, что он король, а по приказу короля они должны повиноваться ему. Тут же самозванец, желая показать свое великое мастерство в навигации, заставил их изменить маршрут, не для чего иного, как для того, чтобы продемонстрировать свое умение управлять кораблем. Каждый миг он менял галс, уходил, приходил и возвращался, подходил к самым рифам, как бы отваживаясь на них; словом, он так сильно бился, что матросы в конце концов отказались ему повиноваться, дерзко заявив, что это гнусный самозванец. Но дело было сделано. Он вошел в доверие к капитану Лашомарею, который, сам не зная навигации, был, несомненно, рад, что у него есть кто-то, кто возьмет на себя его обязанности. Но надо сказать, что это слепое неумелое доверие стало единственной причиной гибели фрегата "Медуза", а также всех вытекающих из этого преступлений.

Ближе к трем часам дня те офицеры, которые утром отправились на берег, вернулись на борт, нагруженные овощами, фруктами и цветами. Они от души смеялись над маневрами, которые проводились во время их отсутствия, что, несомненно, не понравилось капитану, который льстил себе, что уже нашел в своем лоцмане Ришфоре хорошего и способного моряка; таковы были его слова.

В четыре часа пополудни мы взяли курс на юг. Месье Ришфор, ликуя от того, что, по его словам, спас "Медузу" от гибели, продолжал давать капитану свои пагубные советы, убеждая его, что ему не раз доводилось исследовать берега Африки и что он прекрасно знаком с Аргунской банкой. Дневники 29-го и 30-го числа не содержат ничего примечательного.

Стали ощущаться горячие ветры из пустыни Сахары, что говорило о приближении к тропику; действительно, солнце в полдень казалось подвешенным перпендикулярно над нашими головами - явление, которое мало кому из нас доводилось видеть.

1 июля мы узнали мыс Бохадор, а затем увидели берега Сахары. Ближе к десяти утра они приступили к легкомысленной церемонии, которую моряки придумали для того, чтобы требовать что-то с тех пассажиров, которые никогда не пересекали линию. Во время церемонии фрегат дважды обогнул мыс Барбас, спеша к своей гибели. Капитан Лашомарей с добрым юмором председательствовал на этом крещении, в то время как его дорогой Ришфор прогуливался по форштевню и с безразличием взирал на кишащий опасностями берег. Как бы то ни было, все прошло благополучно; можно даже сказать, что фарс был хорошо разыгран. Но маршрут, которым мы следовали, вскоре заставил нас забыть о

недолгом счастье, которое мы испытали. Все стали замечать внезапную перемену в цвете моря, когда мы выехали на мелководье. Среди пассажиров и офицеров флота поднялся общий ропот; они были далеки от того, чтобы разделять слепую уверенность капитана.

Второго июля, в пять часов утра, капитана убедили, что большое облако, которое было обнаружено в направлении мыса Бланко, и есть сам мыс. После этого мнимого открытия они должны были направиться на запад, примерно на пятьдесят лиг, чтобы получить морское пространство, позволяющее с уверенностью удвоить Аргунскую банку; кроме того, они должны были следовать инструкциям, которые морской министр дал кораблям, отправлявшимся в Сенегал. Другая часть экспедиции, следуя этим инструкциям, благополучно добралась до места назначения. В течение предшествующей ночи "Эхо", до сих пор сопровождавшее "Медузу", подало несколько сигналов, но, получив пренебрежительный ответ, покинуло нас. Ближе к десяти утра капитану снова сообщили об опасности, которая нам угрожала, и настоятельно рекомендовали, если он хочет избежать Аргуинской банки, взять курс на запад; но совет снова был проигнорирован, и он презрел предсказания. Один из офицеров фрегата, пожелавший разоблачить интригана Ришфора, был посажен под арест. Мой отец, который уже дважды совершал плавание в Сенегал и вместе с разными людьми был убежден, что они идут прямо к берегу, также высказал свои соображения несчастному лоцману. Его советы были приняты не лучше, чем советы господ Рейно, Эспиау, Моде и др. Ришфор в самом приятном тоне ответил: "Дорогой мой, мы знаем свое дело; занимайтесь своим и будьте спокойны. Я уже дважды переходил Аргунскую отмель; я плавал по Красному морю, и вы видите, что я не утонул". Что можно было ответить на столь нелепую речь? Мой отец, видя, что изменить наш маршрут невозможно, решил довериться Провидению, чтобы оно избавило нас от опасности, и спустился в каюту, где постарался рассеять свои страхи в забвении сна.

В полдень 2 июля были произведены промеры. М. Моде, вахтенный мичман, был уверен, что мы находимся на краю Аргунской банки. Капитан сказал ему, как и всем остальным, что причин для беспокойства нет. Между тем ветер дул с большой силой, подталкивая нас все ближе и ближе к грозящей нам опасности... Оцепенение овладело всеми нашими духами, и все хранили скорбное молчание, как будто были уверены, что мы скоро коснемся берега. Цвет воды полностью изменился, и это обстоятельство отметили даже дамы. Около трех часов пополудни, когда мы находились в 19 30 северной широты и 19 45 западной долготы, на палубе раздался всеобщий крик. Все заявили, что видят песок, перекатывающийся среди морской зыби. Капитан в одно мгновение приказал подать сигнал. Линия дала восемнадцать сажень, но при повторном сигнале - только шесть. Наконец он увидел свою ошибку и больше не решался изменить маршрут, но было уже слишком поздно. Сильное сотрясение сообщило нам, что фрегат нанес удар. Ужас и оцепенение мгновенно отразились на всех лицах. Команда стояла неподвижно, пассажиры - в полном отчаянии. Среди всеобщей паники раздались крики мести главному виновнику наших несчастий, желающие выбросить его за борт; но некоторые великодушные люди вмешались и постарались успокоить их дух, отвлекая их внимание на средства нашей безопасности. Смятение было уже настолько велико, что Макпойнсиньон, командир одного из отрядов, нанес моей сестре Каролине сильный удар, несомненно, думая, что это один из его солдат. В этот момент мой отец погрузился в глубокий сон, но быстро проснулся: крики и шум на палубе известили его о наших несчастьях. Он излил тысячу упреков на тех, чье невежество и хвастовство так пагубно сказались на нас. Тем не менее, они приступили к действиям, чтобы предотвратить нашу опасность. Офицеры, изменившимися голосом, отдавали приказы, ожидая каждую минуту увидеть, как корабль разлетается на куски. Они пытались облегчить его, но море было очень бурным, а течение сильным. Много времени было потеряно в бездействии;

предпринимались лишь половинчатые меры, и все они, к сожалению, оказались неудачными.

Когда выяснилось, что опасность "Медузы" не так велика, как предполагалось вначале, разные люди предлагали перевезти войска на остров Аргуин, который, как предполагали, находится недалеко от того места, где мы сели на мель. Другие советовали перевезти всех нас последовательно на лодках к побережью пустыни Сахара и с провизией, достаточной для формирования каравана, добраться до острова Сен-Луи в Сенегале. Последовавшие затем события доказали, что этот план был наилучшим и увенчался бы успехом; к сожалению, он не был принят. М. Шмальц, губернатор, предложил сделать плот достаточного размера, чтобы перевезти двести человек с провизией; этот план был поддержан двумя офицерами фрегата и приведен в исполнение.

Тогда начали строить роковой плот, который, по их словам, должен был нести провизию для каждого. За борт были выброшены мачты, доски, брусья и шнуры. Двум офицерам было поручено скрепить их вместе. Большие бочки были опорожнены и размещены по углам машины, а рабочих научили говорить, что пассажиры будут в большей безопасности и в большей непринужденности, чем в лодках. Однако рельсы возвести забыли - все предполагали, и не без оснований, что те, кто дал план плота, не собирались сами на него садиться.

Когда плот был закончен, два старших офицера фрегата публично пообещали, что все лодки отбуксируют его к берегу Пустыни, а там нам дадут запасы провизии и огнестрельного оружия, чтобы сформировать караван, который доставит нас всех в Сенегал. Почему этот план не был выполнен? Почему эти обещания, данные под французским флагом, оказались напрасными? Но необходимо завесить прошлое. Я лишь добавлю, что если бы эти обещания были выполнены, все были бы спасены, и, несмотря на отвратительный эгоизм некоторых личностей, человечеству не пришлось бы сейчас оплакивать сцены ужаса, вызванные крушением "Медузы".

3 июля были возобновлены попытки освободить фрегат, но безуспешно. Тогда мы приготовились покинуть его. Море стало очень бурным, и ветер дул с большой силой. Теперь не было слышно ничего, кроме жалобных и сбивчивых криков толпы, состоящей более чем из четырехсот человек, которые, видя смерть перед глазами, горько оплакивали свою тяжелую судьбу.

4-го числа появился проблеск надежды. В час прилива фрегат, значительно облегченный всем, что было выброшено за борт, оказался почти на плаву; и совершенно точно, что если бы в этот день в воду бросили артиллерию, то "Медуза" была бы спасена; но М. Лашомарей сказал, что не станет жертвовать королевскими пушками, как будто фрегат не принадлежит и королю... Однако море ослабло, и корабль, погрузившийся в песок глубже, чем когда-либо, заставил их отказаться от того, на что падал наш последний луч надежды.

С наступлением ночи ярость ветра удвоилась, и море стало очень бурным. Фрегат получил несколько сильных сотрясений, и вода хлынула в трюм самым ужасным образом, но помпы не работали. Теперь у нас не было другого выхода, кроме как бросить фрегат ради хрупких шлюпок, которые любая волна могла захлестнуть... Нас окружали ужасные заливы, горы воды поднимали свои жидкие вершины вдали. Как мы могли избежать стольких опасностей? Куда мы могли бы отправиться? Какая гостеприимная земля примет нас на своих берегах? Мои мысли вернулись к нашей любимой стране. Затем, внезапно выйдя из задумчивости, я воскликнул: "О ужасное состояние! Это черное и безбрежное море напоминает вечную ночь, которая поглотит нас! Все, кто меня окружает, кажутся пока спокойными, но это роковое

спокойствие скоро сменится самыми ужасными мучениями. Глупцы, что мы могли найти в Сенегале, чтобы довериться самой коварной из стихий! Разве во Франции не было всего необходимого для нашего счастья? Счастливы! Да, трижды счастливы те, кто никогда не ступал на чужую землю! Великий Боже, помоги всем этим несчастным существам; спаси нашу несчастную семью!

Отец понимал мое горе, но как он мог меня утешить? Какие слова могли бы успокоить мои страхи и избавить меня от опасений по поводу тех опасностей, которым мы подвергались? Как, в конце концов, я мог принять безмятежный вид, когда друзья, родители и все самое дорогое для меня, по всей вероятности, находилось на грани гибели? Увы! Мои опасения были слишком обоснованными. Ибо вскоре я убедилась, что, хотя мы были единственными дамами, кроме госпожи Шмальц, составлявшими часть губернаторской свиты, они имели варварство намереваться посадить нашу семью на плот, где находились только солдаты, матросы и плантаторы Кабо-Верда, да несколько великодушных офицеров, не имевших чести (если ее можно считать таковой) быть причисленными к невежественным доверенным лицам М. М. Шмальца и Лашаума. Шмальца и Лашомарея. Мой отец, возмущенный столь непристойным поступком, поклялся, что мы не сядем на плот и что, если нас не сочтут достойными места в одной из шести шлюпок, он сам, его жена и дети останутся на борту затонувшего фрегата. Тон, в котором он произнес эти слова, был тоном человека, решительно настроенного отомстить за любое оскорбление, которое может быть ему нанесено. Губернатор Сенегала, несомненно, опасаясь, что мир однажды упрекнет его в бесчеловечности, решил, что мы должны занять место в одной из шлюпок. Это в какой-то мере успокоило наши опасения по поводу нашего плачевного положения, и мне захотелось немного отдохнуть, но шум среди команды был так велик, что я не смог этого сделать.

Ближе к полуночи один из пассажиров пришел спросить у моего отца, готовы ли мы к отплытию; он ответил, что нам пока запретили. Однако вскоре мы убедились, что большая часть команды и различные пассажиры тайно готовятся к отплытию на лодках. Столь вероломное поведение не могло нас не встревожить, тем более что среди жаждущих отправиться в путь мы увидели неизвестных нам людей, которые еще недавно обещали не ехать без нас.

М. Шмальц, чтобы предотвратить происходящее на палубе, немедленно поднялся, чтобы попытаться успокоить их; но солдаты уже приняли угрожающий вид и, не переставая повторять слова своего командира, поклялись, что откроют огонь по любому, кто попытается уйти тайным образом. Твердость этих храбрецов произвела желаемый эффект, и порядок был восстановлен. Губернатор вернулся в свою хижину, а те, кто хотел уйти тайком, были смущены и покрыты позором. Губернатор, однако, был не в духе, и поскольку он очень отчетливо слышал некоторые энергичные слова, обращенные к нему, он счел нужным собрать совет; собрав всех офицеров и пассажиров, М. Шмальц торжественно поклялся перед ними не покидать плот и во второй раз пообещал, что все лодки отбуксируют его к берегу Пустыни, где все они будут сформированы в караван. Признаюсь, такое поведение губернатора очень обрадовало всех членов нашей семьи, ведь мы и не мечтали, что он обманет нас или поступит вопреки своим обещаниям.

Около трех часов ночи, спустя несколько часов после заседания совета, в пороховой комнате раздался страшный шум; это был сломан штурвал. Все, кто спал, были разбужены этим звуком. Выйдя на палубу, каждый все больше и больше убеждался в том, что фрегат потерян и не подлежит восстановлению. Увы! Это крушение стало для нашей семьи лишь началом ужасной череды несчастий. Тогда два старших офицера единодушно решили, что все должны сойти на берег в шесть утра и бросить корабль на произвол судьбы. После этого

решения последовала сцена, самая причудливая и в то же время самая меланхоличная, какую только можно себе представить. Чтобы получить более отчетливое представление о ней, пусть читатель перенесется в воображении на середину жидких равнин океана: пусть он представит себе множество людей всех сословий, всех возрастов, брошенных на произвол волн на разбитом судне, затонувшем и наполовину погруженном в воду, не забывая, что это мыслящие существа, перед которыми маячит перспектива достичь цели своего существования.

Отделенная от остального мира безбрежным морем и не имея иного убежища, кроме обломков севшего на мель судна, толпа сначала обратилась с клятвами к небесам и на мгновение забыла обо всех земных заботах. Затем, внезапно выйдя из состояния летаргии, они стали заботиться о своем богатстве, о товарах, которые у них были в небольших предприятиях, совершенно не обращая внимания на угрожавшие им стихии. Скупец, думая о золоте, хранящемся в его сундуках, спешил положить его в безопасное место, либо зашив в подкладку своей одежды, либо вырезав для него место в поясе своих штанов. Контрабандист рвал на себе волосы из-за того, что не смог спасти сундук с контрабандой, который он тайно пронес на борт и с которого надеялся получить две-три сотни процентов. Другой, эгоистичный до крайности, выбрасывал за борт все спрятанные деньги и развлекался тем, что сжигал все свои вещи. Щедрый офицер открывал свой портфель и предлагал фуражки, чулки и рубашки всем, кто их возьмет. Едва они собрали все свои вещи, как узнали, что ничего не могут взять с собой; те стали обыскивать каюту и кладовые, чтобы унести все ценное. Корабельные мальчишки обнаруживали тонкие вина и изысканные ликеры, которые мудрая предусмотрительность поберегла про запас. Солдаты и матросы проникали даже в спиртовую комнату, отламывали бочки, ставили другие и пили до изнеможения. Вскоре шум опьяневших людей заставил нас забыть о реве моря, которое грозило поглотить нас. Наконец шум достиг своего апогея, солдаты больше не слушали голос капитана. Некоторые сжимали брови и бормотали ругательства, но ничего нельзя было поделать с теми, кого вино привело в ярость. Затем раздались пронзительные крики, смешанные с тоскливыми стонами, - это был сигнал к отплытию.

В шесть часов утра 5-го числа большая часть военных была посажена на плот, который уже был покрыт большим слоем пены. Солдатам было категорически запрещено брать оружие. Молодой офицер пехоты, чей мозг, по-видимому, был сильно поражен, поставил свою лошадь рядом с баррикадами фрегата, а затем, вооружившись двумя пистолетами, пригрозил открыть огонь по любому, кто откажется идти на плот. Сорок человек едва успели спуститься, как плот затонул на глубине около двух футов. Чтобы облегчить посадку большего числа людей, они были вынуждены выбросить несколько бочек с провизией, которые были помещены на плот накануне. Таким образом, этот неистовый офицер собрал на плавучей могиле около ста пятидесяти человек; но он не подумал добавить к ним еще одного, спустившись сам, как ему следовало бы сделать, а спокойно ушел и сел в одну из лучших лодок. На плоту должно было быть шестьдесят моряков, а их было всего около десяти. Список был составлен еще 4-го числа, в котором каждый должен был занять свое место, но этой мудрой предосторожностью пренебрегли, и каждый стал действовать так, как считал нужным для собственного спасения. Стремительность, с которой они загнали на плот сто пятьдесят несчастных, была такова, что они забыли дать им хоть кусочек бисквита. Однако, находясь недалеко от фрегата, они бросили им двадцать пять фунтов в мешке, но он упал в море и был с трудом извлечен.

Во время этого бедствия губернатор Сенегала, занятый заботами о себе самом, изящно спустился в кресле на баржу, где уже стояли разные большие сундуки, всевозможная

провизия, его дорогие друзья, дочери и жена. Затем в капитанскую шлюпку вошли двадцать семь человек, среди которых было двадцать пять матросов, хороших гребцов. Шлюпка, которой командовал мичман М. Эспиау, взяла сорок пять пассажиров и отчалила. Шлюпка под названием "Сенегал" взяла двадцать пять человек, пиннас - тридцать три, а ял, самая маленькая из всех лодок, - всего десять.

Почти все офицеры, пассажиры, моряки и помощники были уже на борту - все, кроме нашей плачущей семьи, которая все еще оставалась на бортах фрегата, пока какие-нибудь милосердные души не соблаговолят принять нас в шлюпку. Удивленный таким отказом, я мгновенно воспрянул духом и, изо всех сил взывая к офицерам шлюпок, умолял их взять нашу несчастную семью с собой. Вскоре к "Медузе" подошла баржа, на которой находились губернатор Сенегала и вся его семья, как будто для того, чтобы забрать пассажиров, так как в ней было совсем немного. Я сделал предложение спуститься, надеясь, что госпожи Шмальц, которые до того дня проявляли большой интерес к нашей семье, позволят нам занять место в своей лодке; но я ошибся: эти дамы, отправившиеся в путь таинственным инкогнито, уже забыли нас; а мсье Лашомарей, который все еще находился на фрегате, положительно сказал мне, что они не отправятся вместе с нами. Тем не менее я должен рассказать, что мы узнали потом, что офицер, командовавший пиннасом, получил приказ взять нас на борт, но, поскольку он был уже далеко от фрегата, мы были уверены, что он нас бросил. Мой отец окликнул его, но тот упорно продолжал свой путь в открытое море. Через некоторое время после этого мы заметили среди волн небольшое судно, которое, казалось, хотело приблизиться к "Медузе"; это был ял. Когда она оказалась достаточно близко, мой отец попросил находившихся в ней матросов взять нас на борт и доставить на пиннас, где должна была разместиться наша семья. Они отказались. Тогда он схватил огнестрельное оружие, случайно оказавшееся на палубе, и поклялся, что убьет каждого из них, если они откажутся взять нас, добавив, что это собственность короля и что он получит от нее такую же выгоду, как и другой. Матросы зароптали, но не стали сопротивляться и приняли всю нашу семью, состоявшую из девяти человек: четырех детей, мачехи, моего кузена, сестры Каролины, отца и меня. Небольшой ящик, наполненный ценными бумагами, которые мы хотели сохранить, кое-какая одежда, две бутылки ратафии, которые мы пытались сберечь среди наших несчастий, были схвачены и выброшены за борт матросами яла, которые сказали нам, что на пиннасе мы найдем все, что пожелаем для нашего плавания. Тогда у нас была только одежда, которая нас прикрывала, мы и не думали одеваться в два костюма; но больше всего мы пострадали от потери нескольких средневековых книг, над которыми мой отец долгое время трудился. Наши чемоданы, белье, различные сундуки с товарами большой ценности, словом, все, чем мы владели, осталось на "Медузе". Когда мы поднялись на борт пиннаса, офицер, командовавший им, стал оправдываться, что отправился в путь, не предупредив нас, как ему было приказано, и наговорил в свое оправдание тысячу слов. Но, не поверив и половине его прекрасных заверений, мы почувствовали себя очень счастливыми от того, что нагнали его; ведь наверняка у них не было намерения обременять себя нашей несчастной семьей. Я говорю "обременять", ибо очевидно, что четверо детей, один из которых был еще у груди, были очень безразличными существами для людей, движимых эгоизмом, не имеющим аналогов. Когда мы разместились в длинной лодке, отец отпустил матросов с яла, сказав им, что будет всегда с благодарностью вспоминать их услуги. Они быстро удалились, но не были удовлетворены тем, что совершили добрый поступок. Мой отец, услышав их ропот и оскорбления, которые они выливали на нас, сказал, достаточно громко, чтобы все в лодке услышали: "Мы не удивляемся, что матросы лишены стыда, когда их офицеры краснеют от того, что их заставили совершить хороший поступок". Комендант лодки притворился, что не понимает упреков, прозвучавших в этих словах, и, чтобы отвлечь наши мысли от размышлений о своих обидах, попытался подделаться под человека галантного.

Все лодки были уже далеко от "Медузы", когда их собрали в цепь, чтобы отбуксировать плот. Баржа, в которой находился губернатор Сенегала, взяла первый буксир, затем все остальные лодки последовательно присоединились к нему. Месье Лашомарей высадился, хотя на "Медузе" оставалось еще более шестидесяти человек. Тогда отважный и великодушный месье Эспиау, командир шаланды, покинул линию лодок и вернулся на фрегат, намереваясь спасти всех несчастных, которые были брошены. Все они бросились на шаланду, но поскольку она была сильно перегружена, семнадцать несчастных предпочли остаться на борту, чтобы не подвергать себя и своих товарищей верной смерти. Но, увы, большинство из них впоследствии стали жертвами своих страхов или преданности. Через 52 дня после того, как их покинули, в живых осталось не более трех человек, да и те больше походили на скелеты, чем на людей. Они рассказали, что их несчастные товарищи отправились в плавание на досках и курятниках, напрасно прождав сорок два дня обещанной им помощи, и что все они погибли.

Шаллоп, с трудом перенося всех спасенных с "Медузы", медленно присоединился к линии лодок, буксировавших плот. М. Эспиау убедительно просил офицеров других лодок взять некоторых из них с собой; но они отказались, заявив великодушному офицеру, что он должен был оставить их в своей лодке, поскольку сам за ними отправился. Месье Эспиау, сочтя невозможным удержать их всех, не подвергая величайшей опасности, направился прямо к лодке, которую я не буду называть. Тотчас же матрос спрыгнул с шаланды в море и попытался добраться до нее вплавь; когда он уже собирался войти в нее, офицер, обладавший большим влиянием, оттолкнул его и, выхватив саблю, пригрозил отрубить ему руки, если он снова предпримет такую попытку. Бедняга вернулся на шаланду, которая находилась совсем рядом с пиннасом, в котором мы плыли, мой отец умолял М. Лаперера, офицера судна, принять его на борт и уже протянул руки, чтобы схватить его, как М. Лаперер мгновенно отпустил канат, крепивший нас к другим лодкам, и со всей силы дернул за него. В тот же миг все лодки подражали нашему позорному примеру и, желая избежать приближения шаланды, искавшей помощи, отчалили от плота, бросив посреди океана на произвол волн несчастных смертных, которых они поклялись посадить на берег Пустыни.

Едва эти трусы нарушили свою клятву, как мы увидели, что на плоту развевается французский флаг. Уверенность этих несчастных была столь велика, что, увидев первую лодку, которая удалялась от них на буксире, они все закричали: канат оборван! канат оборван! но когда на их замечание не обратили внимания, они сразу же поняли вероломство несчастных, которые так подло их бросили. Тогда с плота раздались крики *Vive le Roi*, как будто бедняги взывали к отцу о помощи; или, если бы их убедили, что при этих призывных словах офицеры лодки вернутся и не бросят своих соотечественников. Офицеры повторяли клич *Vive le Roi*, несомненно, чтобы оскорбить их, но особенно мсье Лашомарей, который, приняв военное положение, размахивал в воздухе шляпой. Увы! Что дали эти лживые заверения? Французы, которым грозила величайшая опасность, требовали помощи с криками *Vive le Roi*; но не нашлось ни одного достаточно великодушного и достаточно французского человека, который пошел бы им на помощь. После нескольких минут молчания раздались ужасные крики; воздух огласился стонами, причитаниями, проклятиями этих несчастных существ, и эхо моря часто повторяло: "Увы! Как жестоко вы нас покидаете!!!". Плот уже, казалось, был погребен под волнами, а его несчастные пассажиры погружены в воду. Роковую машину течением отнесло далеко за обломки фрегата; без троса, якоря, мачты, паруса или весел, словом, без малейших средств, которые позволили бы им спастись. Каждая набегающая волна заставляла их спотыкаться друг о друга, ноги запутывались в веревках и досках, лишая их возможности двигаться. Обезумевшие от этих несчастий, подвешенные и дрейфующие по безжалостному океану, они вскоре были замучены между

кусками дерева, которые составляли эшафот, на котором они плыли. Кости их ног и ступней ломались и ломались каждый раз, когда ярость волн будоражила плот; их плоть, покрытая ушибами и ужасными ранами, растворялась, как бы, в соленых волнах, а ревуший поток вокруг них был окрашен их кровью.

Поскольку плот, когда его покинули, находился почти в двух лигах от фрегата, вернуться на него этим несчастным было невозможно; вскоре после этого они оказались далеко в море. Эти жертвы все еще виднелись над своей плавучей могилой и, протягивая руки с мольбой к уплывающим от них лодкам, казалось, в последний раз взывали к именам обманувших их несчастных. О ужасный день! День позора и порицания! Увы, сердца тех, кто был так хорошо знаком с несчастьем, должны были быть так недоступны для жалости.

Став свидетелем этой бесчеловечной сцены и увидев, что они не обращают внимания на крики и причитания стольких несчастных, я почувствовал, как мое сердце разрывается от горя. Мне казалось, что волны захлестнут всех этих несчастных, и я не мог подавить слез. Мой отец, раздраженный до предела и пылающий от гнева при виде такой трусости и бесчеловечности среди офицеров лодки, начал жалеть, что не согласился занять место, которое было отведено нам на роковом плоту. По крайней мере, - сказал он, - мы погибли бы вместе с храбрецами или вернулись бы на затонувшую "Медузу", и не имели бы позора спастись вместе с трусами". Хотя это не произвело никакого эффекта на офицеров, но впоследствии оказалось очень роковым для нас; так как по прибытии в Сенегал об этом было доложено губернатору, и, весьма вероятно, это стало главной причиной всех тех бед и неприятностей, которые мы пережили в этой колонии.

Теперь обратим внимание на положение всех тех, кто пытался спастись в разных лодках, а также на тех, кто остался на обломках "Медузы".

Мы уже видели, что фрегат был наполовину затоплен, когда его покинули, и представлял собой лишь остов и обломки. Тем не менее семнадцать человек все еще оставались на нем, и у них была еда, которая, хотя и поврежденная, позволяла им поддерживать себя в течение значительного времени; плот же был оставлен на произвол волн на огромной поверхности океана. На нем находилось сто пятьдесят несчастных, затонувших на глубину не менее трех футов в носовой части, а на пупе погрузившихся до середины. Все съестные припасы, которые у них были, вскоре были съедены или испорчены соленой водой; возможно, некоторые из них, когда волны несли их по течению, стали пищей для чудовищ глубин. Из всех лодок, покинувших "Медузу", только две, и те с небольшим количеством людей, были снабжены всем необходимым; они отчалили с уверенностью и быстротой. Но положение тех, кто находился в шаланде, было немногим лучше, чем у тех, кто был на плоту; их огромное количество, скудость провизии, большое расстояние от берега наводили на них самые тоскливые предчувствия. У их достойного командира, месье Эспиау, не было другой надежды, кроме как как можно скорее добраться до берега. Остальные лодки были меньше заполнены людьми, но снабжены они были едва ли лучше; а пиннас, в котором находилась наша семья, по роковой случайности оказался без всего. Наша провизия состояла из бочонка печенья и яруса воды; к нашему несчастью, печенье размокло в море, и проглотить его было почти невозможно. Каждый пассажир в нашей лодке был вынужден поддерживать свое жалкое существование стаканом воды, который он мог получить только раз в день. Рассказать, как это произошло, как это судно было так плохо снабжено, в то время как на "Медузе" было изобилие, - далеко не в моих силах. Но, по крайней мере, несомненно, что большая часть офицеров, командовавших шлюпками, шаландой, пиннасом, сенегальским судном и ялом, при выходе с фрегата убеждали их не покидать плот, а плыть всей

экспедицией вместе к берегам Сахары; там шлюпки снова будут отправлены на Медузу, чтобы забрать провизию, оружие и тех, кто там остался; но, похоже, вожди решили иначе.

Покинув плот, все лодки, хотя и разрозненные, образовали небольшую флотилию и последовали тем же путем. Все искренне надеялись, что в тот же день прибудут к побережью Пустыни и все сойдут на берег; но ММ. Шмальц и Лашомарей отдали приказ следовать в Сенегал. Эта внезапная перемена в решениях вождей была как удар грома для офицеров, командовавших лодками. Не имея на борту ничего, кроме того, что было необходимо для утоления голода в течение одного дня, мы все ощутили пострадали. Другие лодки, которые, как и мы, надеялись сойти на берег в ближайшем пункте, были снабжены немного лучше, чем мы; у них было хотя бы немного вина, которое заменяло другие предметы первой необходимости. Мы потребовали у них немного, объяснив наше положение, но никто не захотел нам помочь, даже капитан, который, выпив за хозяйку, поддерживаемый двумя матросами, клялся, что у него на борту нет ни капли. Затем мы хотели обратиться на корабль губернатора Сенегала, где, как нас убеждали, было много всякой провизии: апельсины, бисквиты, пирожные, конфеты, сливы и даже самые лучшие ликеры; но мой отец воспротивился этому, так хорошо он был уверен, что мы ничего не получим.

Теперь перейдем к рассмотрению состояния тех, кто находился на плоту, когда лодки предоставили их самим себе.

Если бы все лодки продолжали тащить плот вперед, подгоняемые морским бризом, мы смогли бы доставить их на берег менее чем за два дня. Но немыслимая фатальность заставила отказаться от разработанного щедрого плана.

Когда плот потерял лодки из виду, дух смуты начал проявляться в яростных криках. Они стали смотреть друг на друга свирепыми взглядами и жаждать плоти друг друга. Кто-то уже шепнул, что прибегнет к этой чудовищной крайности и начнет с самого толстого и молодого. Столь зверское предложение повергло в ужас храброго капитана Дюпона и его достойного лейтенанта М. Л'Эро; и мужество, которое так часто поддерживало их на поле славы, теперь покинуло их.

Среди первых, кто пал под топорами убийц, была молодая женщина, которую видели пожирающей тело своего мужа. Когда пришел ее черед, она попросила немного вина в качестве последней милости, затем поднялась и, не произнося ни слова, бросилась в море. Капитан Дюпон, которого прописали за отказ от святотатственных яств, которыми питались чудовища, чудом спасся из рук мясников. Едва они схватили его, чтобы повести на заклание, как на его тело упал большой шест, служивший вместо мачты, и, полагая, что у него сломаны ноги, они довольствовались тем, что бросили его в море. Несчастный капитан погрузился в воду и исчез, а они решили, что он уже в другом мире.

Провидение, однако, возродило силы несчастного воина. Он пролез под балками плота и, цепляясь изо всех сил, держа голову над водой, остался между двумя огромными кусками дерева, а остальное тело скрылось в море. После более чем двухчасовых мучений капитан Дюпон негромко обратился к своему лейтенанту, который по случайности сидел неподалеку от места его укрытия. Храбрый Л'Эвре, с глазами, блестящими от слез, поверил, что слышит голос и видит тень своего капитана, и, дрожа, собирался покинуть место ужаса; о чудо! он увидел голову, которая, казалось, издавала последний вздох, он узнал ее, он обнял ее, увы! это был его дорогой друг! Дюпона мгновенно вытащили из воды, а Л'Эврё добился для своего товарища по несчастью места на плоту. Те, кто был настроен против него самым яростным

образом, тронутые тем, что Провидение сделало для него столь чудесным образом, единодушно решили предоставить ему полную свободу на плоту.

Шестьдесят несчастных, спасшихся от первой резни, вскоре сократились до пятидесяти, затем до сорока и, наконец, до двадцати восьми. Малейший ропот, малейшая жалоба в момент раздачи провизии были преступлением, караемым немедленной смертью. Можно предположить, что в результате такого распоряжения плот вскоре полегчал. Тем временем вина заметно поубавилось, а полупайки очень не понравились одному из руководителей заговора. Чтобы не доводить дело до такой крайности, исполнительная власть решила, что гораздо разумнее утопить тринадцать человек и получить полный паек, чем двадцать восемь - полупаек.

Милосердные небеса! Какой позор! После последней катастрофы главари заговора, опасаясь, несомненно, быть убитыми в свою очередь, бросили все оружие в море и поклялись в нерушимой дружбе с героями, которых пощадила секира. 17 июля, утром, капитан Парнахон, комендант брига "Аргус", все же обнаружил на плоту пятнадцать человек. Их немедленно взяли на борт и доставили в Сенегал. Четверо из пятнадцати еще живы: капитан Дюпон, проживающий в окрестностях Ментенона, лейтенант Л'Эврё, с тех пор капитан в Сенегале, Савиньи, в Рошфоре, и Корреар, я не знаю где.

5 июля, в десять утра, через час после отплытия плота и через три после отплытия "Медузы", М. Лаперер, офицер нашего судна, произвел первую раздачу провизии. Каждому пассажиру достался небольшой стакан воды и почти четвертая часть бисквита. Каждый выпил свою порцию воды одним залпом, но оказалось, что невозможно проглотить ни кусочка бисквита, настолько он был пропитан морской водой. Однако случалось, что некоторые из них оказывались не такими уж пропитанными. Из них мы съели небольшую порцию, а остальное отложили на будущий день. Наше путешествие было бы достаточно приятным, если бы лучи солнца не были такими яростными. Под вечер мы увидели берега Пустыни; но поскольку два вождя (М. М. Шмальц и Лахаумарей) пожелали направиться прямо в Сенегал, хотя мы находились еще в ста лигах от него, нам не разрешили высадиться. Несколько офицеров упрекали нас за столь опасное плавание, ссылаясь как на недостаток провизии, так и на переполненность лодок. Другие с такой же силой настаивали на том, что было бы позором для французского имени, если бы мы пренебрегли несчастными людьми на плоту, и настаивали на том, чтобы нас высадили на берег, и пока мы там ждем, три шлюпки должны вернуться, чтобы присмотреть за плотом, и три - к затонувшему фрегату, чтобы забрать семнадцать человек, которые там остались, а также достаточное количество провизии, чтобы мы могли отправиться в Сенегал барбарийским путем. Но ММ. Шмальц и Лашомарей, чьи лодки были достаточно хорошо снабжены провизией, разведали совет или своих подчиненных и приказали им бросить якорь до следующего утра. Они были вынуждены подчиниться этим приказам и отказаться от своих замыслов. Ночью некий пассажир, который, несомненно, не был врачом и верил в призраков и ведьм, был внезапно напуган появлением пламени, которое, как ему показалось, он увидел в водах моря, на небольшом расстоянии от места, где стояло на якоре наше судно. Мой отец и некоторые другие, знавшие, что море иногда фосфорицирует, подтвердили бедному легковверному человеку его веру и добавили несколько обстоятельств, которые изрядно вскружили ему голову. Они убедили его, что арабские колдуны зажгли море, чтобы помешать нам путешествовать по их пустыням.

Утром 6 июля, в пять часов, все лодки отправились по маршруту в Сенегал. Лодки ММ. Шмальца и Лашомарейса направились вдоль побережья, а вся экспедиция последовала за ними. Около восьми несколько матросов в нашей лодке, угрожая, потребовали, чтобы их

высадили на берег; но М. Лаперере, не уступив их просьбе, собрался было взбунтоваться и захватить командование; но твердость этого офицера подавила мятежников. Во время спринта, который он предпринял, чтобы захватить замок, который матрос упорно продолжал хранить у себя, он чуть не упал в море. Мой отец, к счастью, оказался рядом с ним и удержал его за одежду, но тут же вынужден был бросить его, боясь потерять шляпу, которую унесло волнами. Через некоторое время после этого небольшого происшествия шалоп, который мы потеряли из виду с самого утра, появился с желанием присоединиться к нам. Мы всеми силами старались избегать ее, так как боялись друг друга и думали, что это судно, нагруженное таким количеством людей, хочет взять нас на борт, чтобы обязать нас взять некоторых из его пассажиров, так как месье Эспиау не хотел, чтобы они были брошены, как те, что были на плоту. Этот офицер окликнул нас на расстоянии и предложил взять нашу семью на борт, добавив, что ему очень хочется взять в Пустыню около шестидесяти человек. Офицер нашей лодки, решив, что это притворство, ответил, что мы предпочитаем страдать там, где находимся. Нам даже показалось, что месье Эспиау спрятал часть своих людей под скамьями шаланды. Но, увы, в конце концов мы глубоко раскаялись в том, что были столь подозрительны и что так оскорбили преданность самого великодушного офицера "Медузы".

Наша лодка начала сильно протекать, но мы, как могли, предотвращали это, затыкая самые большие дыры паклей, которую старый моряк предусмотрительно взял с собой, прежде чем покинуть фрегат. В полдень жара стала настолько сильной и нестерпимой, что некоторые из нас решили, что мы достигли последних минут. Горячие ветры пустыни долетали даже до нас, а мелкий песок, которым они были наполнены, полностью заслонял прозрачность атмосферы. Солнце представляло собой красноватый диск; вся поверхность океана стала туманной, а воздух, которым мы дышали, оседая на мелком песке, превращавшемся в непроницаемый порошок, проникал в наши легкие, и без того пересохшие от жгучей жажды. В таком состоянии мы пробыли до четырех часов пополудни, когда бриз с северо-запада принес нам некоторое облегчение. Несмотря на лишения, которые мы испытывали, и особенно на жгучую жажду, ставшую нестерпимой, прохладный воздух, которым мы теперь начали дышать, заставил нас отчасти забыть о своих страданиях. Небеса вновь обрели обычную для этих широт безмятежность, и мы надеялись, что ночь прошла спокойно. Была произведена вторая раздача провизии; каждый получил небольшой стакан воды и восьмую часть бисквита. Несмотря на скудный рацион, все были довольны, полагая, что к утру мы достигнем Сенегала. Но как тщетны были все наши надежды, и какие страдания нам еще предстояло пережить!

В половине седьмого вечера небо заволочло грозowymi тучами. Безмятежность, которой мы любовались некоторое время назад, полностью исчезла, уступив место самой мрачной неизвестности. Поверхность океана подавала все признаки надвигающейся бури. На горизонте со стороны Пустыни виднелась длинная отвратительная цепь нагроможденных друг на друга гор, вершины которых, казалось, извергали огонь и дым. Синеватые облака, окрашенные в темно-медный цвет, отделялись от этой бесформенной кучи, подходили и соединялись с теми, что плыли над нашими головами. Менее чем через полчаса океан, казалось, спутался со страшным небом, которое накрыло нас. Звезды были скрыты. Вдруг с запада послышался страшный шум, и все волны моря бросились на наш хрупкий барк. Страшная тишина сменилась всеобщим оцепенением. Все языки были немые, и никто не мог передать своему соседу ужас, который охватил его разум. Временами до нас доносились крики детей. В этот момент плачущая и агонизирующая мать прижала к груди свое умирающее дитя, но оно ничем не могло утолить жажду маленькой невинности, которая тщетно прижималась к нему. О ночь ужасов! Какое перо способно нарисовать твою страшную картину! Как описать мучительный страх отца и матери при виде их детей,

метавшихся и умирающих от голода в маленькой лодке, которую ветер и волны грозили поглотить в каждое мгновение! Перед глазами маячила перспектива неминуемой гибели, и мы отдались своему плачевному состоянию, обратившись с молитвами к Небесам. Ветер ревел с особой яростью, бурные волны вздымались с неистовой силой. Во время их страшной схватки гора воды обрушилась на наше судно, унеся с собой один из парусов и большую часть вещей, которые моряки успели спасти с "Медузы". Наш барк почти затонул; женщины и дети лежали на его дне и пили горькую воду; их крики, смешанные с ревом волн и яростным северным ветром, усиливали ужас происходящего. Тогда мой несчастный отец испытал самую мучительную душевную агонию. Мысль о потере, которую принесло ему кораблекрушение, и об опасности, которая по-прежнему угрожала всему, что было ему дороже всего на свете, повергла его в обморок. Нежность жены и детей вернула его к жизни; но, увы, его выздоровление было связано с еще более горьким сожалением о жалком положении его семьи. Он прижал нас к своей груди; он омывал нас своими слезами и, казалось, смотрел на нас последним взглядом любви.

Каждая душа в лодке была охвачена одним и тем же волнением, но проявлялось оно по-разному. Одна часть матросов оставалась неподвижной, в недоумении; другие подбадривали и ободряли друг друга; дети, зажатые в объятиях родителей, беспрестанно плакали. Одни требовали питья, их рвало соленой водой, от которой они задыхались; другие, как в последний раз, обнимались, переплетая руки и клянясь умереть вместе.

Тем временем море становилось все более бурным. Вся поверхность океана казалась огромной равниной, изборозжденной огромными черноватыми волнами, окаймленными белой пеной. Вокруг нас гремел гром, а молнии являли нашему взору все самое ужасное, что только могло представить наше воображение. Наша лодка, со всех сторон одолеваемая ветром и то и дело подбрасываемая на вершину водяных гор, уже почти затонула, несмотря на все наши усилия по ее спасению, когда мы обнаружили большую пробоину в ее крыше. Ее тут же набили всем, что смогли найти: старой одеждой, рукавами рубашек, лоскутами пальто, шальями, бесполезными чепцами - все было использовано и защищало нас, насколько это было возможно. В течение шести часов мы гребли попеременно между надеждой и страхом, между жизнью и смертью. Наконец ближе к середине ночи Небеса, видевшие нашу покорность, повелели потоку утихнуть. Мгновенно море стало менее бурным, пелена, закрывавшая небо, стала менее туманной, звезды снова засияли, а буря, казалось, отступила. Всеобщее восклицание радости и благодарности в один миг вырвалось из каждого рта. Ветер утих, и каждый из нас попытался немного поспать, в то время как наш добрый и великодушный лоцман вел нашу лодку по все еще очень бурному морю.

Наконец наступил день, столь желанный день, полностью восстановивший спокойствие; но он не принес другого утешения. За ночь течения, волны и ветры унесли нас так далеко в море, что на рассвете 7 июля мы не видели ничего, кроме неба и воды, и не знали, куда направить свой курс, так как наш компас был сломан во время бури. В таком безнадежном состоянии мы продолжали двигаться то вправо, то влево, пока не взошло солнце и наконец не показало нам восток.

Утром 7 июля мы снова увидели берега Пустыни, несмотря на то, что находились на большом расстоянии от нее. Матросы снова стали роптать, желая выбраться на берег в надежде набрать полезных растений и более вкусной воды, чем морская; но поскольку мы боялись мавров, их просьба была отклонена. Однако мсье Лаперер предложил отвести их как можно ближе к первым волнам на побережье; а когда они появятся, те, кто захочет сойти на берег, должны будут броситься в море и вплавь добраться до суши. Одиннадцать человек приняли это предложение; но когда мы достигли первых волн, ни у кого не хватило мужества

преодолеть горы воды, которые перекачивались между ними и берегом. Тогда наши моряки уселись на свои скамейки и весла и пообещали впредь вести себя спокойнее. Через некоторое время после этого была произведена третья раздача с момента нашего отплытия с "Медузы"; осталось всего четыре пинты воды и полдюжины бисквитов. Что же нам оставалось делать в этой жестокой ситуации? Мы хотели сойти на берег, но нас подстерегала такая опасность. Однако вскоре мы пришли к решению, увидев на берегу караван мавров. Тогда мы встали немного в стороне от моря. По расчетам нашего командира, мы должны были прибыть в Сенегал на следующий день. Обманутые этим ложным расчетом, мы предпочли потерпеть еще один день, чем попасть в плен к маврам пустыни или погибнуть на волнах. Теперь у нас было не больше полстакана воды и седьмая часть печенья.

Поскольку мы были подвержены жару солнца, которое перпендикулярно падало на наши головы, этот паек, хотя и небольшой, был бы для нас большим облегчением; но раздачу отложили до утра. Тогда мы были вынуждены пить горькую морскую воду, плохо утолявшую жажду. Надо ли говорить, что жажда настолько иссушила легкие наших моряков, что они пили воду более соленую, чем морская. С каждым днем нас становилось все меньше, и только надежда на то, что на следующий день мы прибудем в колонию, поддерживала наше хрупкое существование. Мои юные братья и сестры беспрестанно плакали, прося воды. Маленькая Лаура в возрасте шести лет умирала у ног своей матери. Ее горестный плач так тронул душу моего несчастного отца, что он уже собирался вскрыть вену, чтобы утолить жажду, снедавшую его ребенка; но один мудрый человек воспротивился его замыслу, заметив, что вся кровь в его теле не продлит жизнь младенца ни на минуту.

Свежесть ночного ветра дала нам некоторую передышку. Мы бросили якорь совсем недалеко от берега, и, хотя каждый умирал от голода, но спал безмятежно. Утром 8 июля, с рассветом, мы взяли курс на Сенегал. Через некоторое время ветер стих, и наступил штиль. Мы пытались грести, но силы были на исходе. Было сделано четвертое и последнее распределение, и в мгновение ока наши последние ресурсы были израсходованы. Нас было сорок два человека, которым пришлось питаться шестью бисквитами и примерно четырьмя пинтами воды, без надежды на дальнейшее снабжение. Настал момент решать, погибнем ли мы среди волнорезов, защищавших подступы к берегам Пустыни, или умрем от голода, продолжая путь. Большинство предпочло последний вид страдания. Мы продолжали двигаться вдоль берега, мучительно натягивая весла. На берегу виднелось несколько песчаных кочек и несколько небольших деревьев. Мы крались вдоль берега, храня скорбное молчание, как вдруг один из матросов воскликнул: "Вот мавры! Мы и в самом деле увидели на возвышенности различных людей, которые шли быстрым шагом и которых мы приняли за арабов пустыни. Поскольку мы находились совсем близко от берега, мы отошли подальше в море, опасаясь, что эти притворные мавры или арабы бросятся в море, выплывут и захватят нас. Через несколько часов после этого мы заметили на возвышенности несколько человек, которые, казалось, подавали нам сигналы.

Мы внимательно присмотрелись к ним и вскоре узнали в них наших товарищей по несчастью. Мы ответили им тем, что прикрепили белый платок к верхушке нашей мачты. Затем мы решили высадиться на берег, рискуя погибнуть среди волн, которые сильно били в берег, хотя море было спокойным. Подойдя к берегу, мы направились вправо, где волны казались менее волнующимися, и попытались достичь его, надеясь, что нам будет легче высадиться. Едва мы направили свой курс к этому месту, как увидели множество людей, стоявших возле небольшого леса, окружавшего песчаные холмы. Мы узнали в них пассажиров той лодки, которая, как и мы, была лишена провизии.

Тем временем мы приблизились к берегу, и вот уже пенящийся прибой наполнил нас ужасом. Каждая волна, набегавшая из открытого моря, каждая буря, проносившаяся под нашей лодкой, заставляла нас взмывать в воздух, так что нас то перебрасывало с носа на нос, то с носа на нос. Если бы наш лоцман не попал в море, мы бы утонули; волны выбросили бы нас на мель, и мы были бы погребены среди волнорезов. Штурвал судна был снова передан старому лоцману, который уже так удачно провел нас через опасности шторма. Он мгновенно сбросил в море мачту, паруса и все, что могло помешать нашему движению. Когда мы подошли к первому месту высадки, несколько наших товарищей по кораблекрушению, достигших берега, побежали и спрятались за холмами, чтобы не видеть нашей гибели; другие делали знаки не приближаться к этому месту, третьи закрывали глаза руками; четвертые, наконец, презрев опасность, бросились в волны, чтобы принять нас в свои объятия. Затем мы увидели зрелище, которое заставило нас содрогнуться. Мы уже преодолели две гряды волнорезов, но те, которые нам еще предстояло пересечь, поднимали свои пенящиеся волны на огромную высоту, а затем опускались с полым и чудовищным звуком, проносясь вдоль длинной линии берега. Наша лодка то сильно возвышалась, то оказывалась между волнами, и в тот момент казалось, что она полностью разрушена. Ушибленная, избитая и брошенная со всех сторон, она сама собой поворачивалась и отказывалась повиноваться доброй руке, которая ее направляла... В этот момент огромная волна хлынула из открытого моря и ударила в нос; лодка погрузилась, исчезла, и мы все оказались среди волн. Наши матросы, к которым вернулись силы при виде опасности, удвоили свои усилия, издавая скорбные звуки. Наш барк застонал, весла сломались; думали, что он сел на мель, но он сел на мель; он лежал на боку. Последнее море бросилось на нас со стремительностью потока. Мы были по горло в воде; горький морской фрост душил нас. Матросы бросились в море, взяли детей на руки, вернулись, взвалили нас на плечи, и я оказался на песке на берегу, рядом с моей мачехой, братьями и сестрами, почти мертвыми. Все были на берегу, кроме моего отца и нескольких матросов; но этот добрый человек наконец прибыл, чтобы смешать свои слезы с слезами родных и друзей.

Мгновенно наши сердца соединились в молитвах и славословиях Богу. Я воздел руки к небу и некоторое время оставался неподвижным на берегу. Все также поспешили выразить свою благодарность нашему старому лоцману, который, помимо Бога, по праву заслужил звание нашего спасителя. Месье Дюмеж, морской хирург, подарил ему элегантные золотые часы, единственную вещь, которую он спас от Медузы.

Пусть читатель вспомнит все опасности, которым мы подвергались, спасаясь от крушения фрегата к берегам Пустыни, все, что мы пережили за четыре дня плавания, и, возможно, получит представление о различных ощущениях, которые мы испытали, выбравшись на берег этой странной и дикой земли. Несомненно, радость, которую мы испытали, чудом избежав наводнения, была очень велика; но насколько же ее уменьшали ощущения от нашего ужасного положения! Без воды, без провизии, большинство из нас были почти голыми, стоит ли удивляться, что нас охватил ужас при мысли о препятствиях, которые нам предстояло преодолеть, об усталости, лишениях, боли и страданиях, с которыми мы должны были столкнуться в огромной и страшной пустыне, которую нам предстояло пересечь, прежде чем мы достигнем места назначения? Всемогущее Провидение! Только на Тебя одного я уповал.

Когда мы немного оправились от обморока и усталости, вызванных выходом на берег, наши товарищи по несчастью рассказали нам, что они высадились на берег днем и преодолели волнорезы благодаря силе своих весел и парусов; но не всем им повезло так, как нам. Один несчастный, слишком желавший поскорее выбраться на берег, сломал себе ноги под

шаландой, был извлечен на берег и оставлен на попечение Провидения. Месье Эспиау, командир шаланды, упрекнул нас в том, что мы сомневались в нем, когда он хотел высадить нас на берег, чтобы взять с собой нашу семью. Это была чистая правда: в тот день он высадил на берег шестьдесят три человека. Через некоторое время после нашего отказа он забрал пассажиров яла, которые наверняка погибли бы в штормовые ночи 6 и 7 числа. Лодка под названием "Сенегал", которой командовал М. Моде, пристала к берегу одновременно с М. Эспиау. Лодки ММ. Шмальц и Лашомарей были единственными, кто продолжил путь в Сенегал, в то время как девять десятых французов, доверенных этим господам, резали друг друга на плоту или умирали от голода на раскаленных песках Сахары.

Около семи утра был сформирован караван для проникновения вглубь острова с целью найти пресную воду. Мы нашли ее на небольшом расстоянии от моря, копаясь в песке. Все мгновенно сгрудилось вокруг маленьких колодцев, которых оказалось достаточно, чтобы утолить жажду. Солоноватая вода оказалась вкусной, хотя и имела сернистый привкус: по цвету она напоминала сыворотку. Поскольку вся наша одежда была мокрой и изорванной, а сменить ее было не на что, некоторые щедрые офицеры предложили свою. Моя мачеха, кузина и сестра были одеты в них; для себя я предпочел оставить свою собственную. Мы простояли около часа у нашего благодатного фонтана, а затем взяли курс на Сенегал, то есть в южном направлении, поскольку мы не знали, где именно находится эта страна. Было решено, что женщины и дети должны идти перед караваном, чтобы не остаться позади. Матросы добровольно взвалили младших на плечи, и все пошли вдоль берега. Несмотря на то что было уже почти семь часов, песок был очень жгучим, и мы сильно страдали, идя без обуви, потеряв ее во время высадки. Как только мы добрались до берега, мы пошли гулять по мокрому песку, чтобы немного охладиться. Так мы шли всю ночь, не встречая ничего, кроме снарядов, которые ранили наши ноги.

Утром 9-го числа мы увидели на вершине небольшого холма антилопу, которая мгновенно исчезла, прежде чем мы успели в нее выстрелить. Пустыня показалась нам одной огромной песчаной равниной, на которой не было видно ни одной травинки. Однако, копаясь в песке, мы все же нашли воду. Днем два морских офицера пожаловались, что наша семья мешает продвижению каравана. Действительно, женщины и дети не могли идти так быстро, как мужчины. Мы шли так быстро, как это было возможно для нас, но все же часто отставали, что вынуждало их останавливаться, пока мы не подходили. Эти офицеры, вместе с другими людьми, обсуждали между собой, ждать ли нас, или бросить в пустыне. Смело скажу, что лишь немногие из них придерживались последнего мнения. Мой отец, узнав о том, что против нас замышляется, подошел к главарям заговора и в самых жестоких выражениях упрекнул их в эгоизме и жестокости. Спор разгорелся с новой силой. Те, кто хотел покинуть нас, выхватили шпаги, а мой отец опустил руку на пиньяр, которым он снабдил себя, покидая фрегат. При этой сцене мы бросились между ними, убеждая его скорее остаться в пустыне со своей семьей, чем искать помощи у тех, кто, возможно, был менее человечен, чем сами мавры. Несколько человек приняли наше участие, особенно месье Бегнер, капитан пехоты, который утихомирил спор, сказав своим солдатам: "Друзья мои, вы французы, а я имею честь быть вашим командиром; давайте никогда не оставим несчастную семью в Пустыне, пока мы можем быть им полезны". Эта краткая, но энергичная речь заставила покраснеть тех, кто хотел покинуть нас. Затем все присоединились к старому капитану, сказав, что не покинут нас при условии, что мы будем идти быстрее. Месье Бегнер и его солдаты ответили, что не желают ставить условия тем, кому хотят оказать услугу, и несчастная семья Пикара снова двинулась в путь вместе со всем караваном.

Около полудня голод так сильно ощущался среди нас, что было решено пойти на небольшие песчаные холмы, которые находились недалеко от берега, чтобы посмотреть, не найдется ли там травы, пригодной для еды; но нам попадались только ядовитые растения, среди которых были различные виды эуфорбиума. Ярко-зеленые конvolvалы устилали поляну, но, попробовав их листья, мы обнаружили, что они горькие, как желчь. Караван отдохнул в этом месте, а несколько офицеров отправились дальше в глубь страны. Они вернулись примерно через час, нагруженные диким портулаком, который раздали каждому из нас. Каждый мгновенно съел свой пучок травы, не оставив ни малейшей веточки, но поскольку наш голод был далеко не утолен этим небольшим запасом, солдаты и матросы отправились на поиски еще. Вскоре они принесли достаточное количество, которое было поровну распределено и съедено на месте, настолько вкусной стала для нас эта пища от голода. От себя скажу, что за всю свою жизнь я никогда не ел ничего с таким аппетитом. В этом месте также нашлась вода, но она была отвратительного вкуса. После этой поистине скудной трапезы мы продолжили свой путь. Жара стояла невыносимая до последней степени. Песок, по которому мы ступали, был раскален, тем не менее несколько человек шли по этим раскаленным углям без обуви, а у женщин не было ничего, кроме волос, в качестве головного убора. Когда мы достигли морского берега, мы все побежали и легли среди волн. Пролежав там некоторое время, мы отправились в путь по мокрому пляжу. По пути нам встретилось несколько больших крабов, которые нам очень пригодились. Время от времени мы пытались утолить жажду, посасывая их кривые клешни. Около девяти вечера мы остановились между двумя довольно высокими песчаными холмами. После короткого разговора о наших злоключениях все, похоже, решили провести ночь в этом месте, несмотря на то что со всех сторон слышался рев леопардов. Мы обдумывали, как обезопасить себя, но сон вскоре положил конец нашим страхам. Не успели мы проспать и нескольких часов, как нас разбудил ужасный рев диких зверей, заставивший нас встать на защиту. Это была прекрасная лунная ночь, и, несмотря на мои страхи и ужасный вид этого места, природа никогда еще не казалась мне такой возвышенной. Мгновенно было объявлено о появлении чего-то, напоминающего льва. Эта информация была выслушана с величайшим волнением. Каждый, желая удостовериться в истине, устремил свой взор на то, что считал объектом: один полагал, что видит длинные зубы царя леса; другой был уверен, что его пасть уже раскрыта, чтобы сожрать нас; несколько человек, вооружившись мушкетами, прицелились в животное и, продвинувшись на несколько шагов, обнаружили, что притворный лев - всего лишь куст, колышущийся на ветру. Однако вой свирепых зверей так напугал нас, что мы снова направились к берегу моря, намереваясь продолжить свой путь на юг.

Некоторые из наших спутников хотели провести наблюдения в глубине острова, и они не напрасно отправились в путь. Они сразу же вернулись и сообщили, что видели две арабские палатки на небольшом возвышении. Мы немедленно направили свои шаги туда. Нам пришлось миновать большие песчаные гряды, очень скользкие, и мы вышли на большую равнину, поросшую зеленью; но дерн был таким твердым и колючим, что мы едва могли идти по нему, не поранив ног. Наше присутствие в этом страшном одиночестве обратило в бегство трех или четырех мавританских пастухов, которые пасли небольшое стадо овец и коз в оазисе. Наконец мы добрались до палаток, которые искали, и обнаружили в них трех муаресс и двух маленьких детей, которые, казалось, ничуть не испугались нашего визита. Слуга-негр, принадлежавший морскому офицеру, переводил между нами; добрые женщины, узнав о наших несчастьях, предложили нам просо и воду за плату. Мы купили немного этого зерна по тридцать пенсов за горсть; вода досталась нам по три франка за стакан; она была очень хороша, и никто не пожалел денег, которые она стоила. Так как стакан воды с горстью проса был лишь скудным обедом для голодных людей, мой отец купил двух детей, которых ему не давали меньше двадцати пиастров. Мы тут же убили их, и наша Муресса сварила их в

большом котелке. Пока готовилась трапеза, мой отец, который не мог позволить себе все расходы, попросил других внести свою лепту, но старый морской офицер, который должен был стать капитаном порта Сенегал, был единственным человеком, который отказался, несмотря на то что у него было почти три тысячи франков, которыми он в конце концов похвастался. Несколько солдат и матросов видели, как он пересчитывал их в круглые золотые кусочки, сойдя на берег в Пустыне, и упрекали его в подлой скупости; но он, казалось, был нечувствителен к их упрекам и не ел меньше своей доли ребенка вместе со своими товарищами по несчастью.

Когда мы собирались продолжить путь, то увидели, что к нам приближаются несколько мавров, вооруженных копьями. Наши люди тут же схватились за оружие и приготовились защищать нас в случае нападения. Два офицера в сопровождении нескольких солдат и матросов, а также наш переводчик отправились вперед, чтобы выяснить их намерения. Они мгновенно вернулись с маврами, которые сказали, что отнюдь не желают причинить нам вред, а пришли предложить нам свою помощь и проводить нас в Сенегал. Мы все с благодарностью приняли это предложение, и мавры, которых мы так боялись, стали нашими защитниками и друзьями, подтвердив старую пословицу: хорошие люди есть везде! Поскольку лагерь мавров находился на значительном расстоянии от нашего, мы отправились в путь, чтобы добраться до него до ночи. Пройдя около двух лиг по раскаленным пескам, мы снова оказались на берегу. Ближе к ночи наши проводники заставили нас снова отправиться в глубь страны, сказав, что мы находимся недалеко от их лагеря, который на их языке называется Беркелет. Но короткое расстояние до мавров показалось женщинам и детям очень длинным из-за песчаных спусков, по которым нам приходилось то подниматься, то спускаться, а также из-за колючих кустарников, через которые мы часто вынуждены были перешагивать. Те, кто был босиком, в это время сильнее всего ощущали нехватку обуви. Я сам потерял среди кустов несколько клочков своего платья, а мои ноги и ступни были в крови. Наконец, после двух долгих часов ходьбы и страданий, мы прибыли в лагерь того племени, к которому принадлежали наши арабские проводники. Едва мы вошли в лагерь, как собаки, дети и мавританские женщины начали нам досаждать. Некоторые из них бросали нам в глаза песок, другие развлекались тем, что хватали нас за волосы, под предлогом желания их рассмотреть. Эти щипали нас, те плевали на нас; собаки кусали нас за ноги, а старые гарпии срезали пуговицы с офицерских мундиров или пытались отобрать кружева. Однако наши проводники сжалились над нами и прогнали собак и любопытную толпу, которая уже причинила нам не меньше страданий, чем колючки, терзавшие наши ноги. Наконец вожди лагеря, наши проводники и несколько добрых женщин принялись за приготовление ужина. Воду в изобилии давали нам без платы, продавали сушеную на солнце рыбу и несколько мисок кислого молока по разумной цене.

В лагере мы нашли мавра, который раньше знал моего отца в Сенегале и немного говорил по-французски. Как только он узнал его, он воскликнул: "Tiens toi Picard! ni a pas connaitre moi Amet?". Эй, Пикар, ты не знаешь Амета? Мы все были поражены, услышав эти французские слова из уст мавра. Мой отец вспомнил, что когда-то давно работал в Сенегале у молодого ювелира, и, узнав в нем мавра Амета, пожал ему руку. После того как этому доброму человеку рассказали о нашем кораблекрушении и о том, до каких крайностей доведена наша несчастная семья, он не смог удержаться от слез; возможно, это был первый случай, когда мусульманин когда-либо плакал над несчастьями христианина. Амет не ограничился сожалениями о нашей тяжелой судьбе; он хотел доказать, что является щедрым и гуманным человеком, и тут же раздал нам большое количество молока и воды без всякой платы. Он также соорудил для нашей семьи большую палатку из шкур верблюдов, крупного рогатого скота и овец, поскольку его религия не позволяла ему жить с христианами под одной

крышей. Место показалось нам очень темным, и от этой темноты нам стало не по себе. Амет и наши проводники разожгли большой костер, чтобы успокоить нас, и, наконец, пожелав нам спокойной ночи и удалившись в свою палатку, сказал: "Спите спокойно; Бог христиан - это и Бог мусульманов".

Мы решили покинуть это поистине гостеприимное место рано утром; но ночью некоторые люди, у которых, вероятно, было слишком много денег, вообразили, что мавры забрали нас в свой лагерь, чтобы ограбить. Они передали свои опасения другим и сделали вид, что мавры, которые ходили взад и вперед среди своих стад и время от времени кричали, чтобы свирепых зверей, уже дали сигнал к преследованию и убийству нас. Мгновенно всеобщая паника охватила всех наших людей, и они пожелали немедленно отправиться в путь. Мой отец, хорошо зная вероломство жителей пустыни, пытался уверить их, что нам нечего бояться, потому что арабы слишком боятся жителей Сенегала, которые не преминут отомстить нам, если нас оскорбят; но ничто не могло успокоить их опасения, и нам пришлось пуститься в путь среди ночи. Мавры, узнав о наших опасениях, стали нас всячески уверять и, видя, что мы упорно не желаем покидать лагерь, предложили нам ослов, чтобы те довели нас до Сенегала. Этих тягловых животных наняли по 12 франков в день за голову, и мы отправились в путь под руководством тех мавров, которые до этого проводили нас в лагерь. Жена Амета была нездорова, и он не мог сопровождать нас, но настоятельно рекомендовал нас нашим проводникам. Мой отец смог нанять только двух ослов для всей нашей семьи, и, поскольку она была многочисленной, моя сестра Каролина, мой двоюродный брат и я были вынуждены ползти, в то время как мой несчастный отец следовал в сопровождении каравана, который, правда, шел гораздо быстрее, чем мы.

На небольшом расстоянии от лагеря храбрый и сострадательный капитан Бегнер, видя, что мы все еще идем пешком, заставил нас принять осла, которого он нанял для себя, сказав, что не станет ехать верхом, когда молодые дамы, измученные усталостью, идут пешком. Впоследствии король с честью вознаграждал этого достойного офицера, который не переставал относиться к нашей несчастной семье с заботой и вниманием, которые я никогда не забуду.

Остаток ночи мы провели в достаточно приятной манере, поочередно садясь на лошадь капитана Бегнера.

В пять утра 11 июля мы вновь достигли берега моря. Наши ослы, утомленные долгим путешествием по песку, мгновенно разбежались и легли среди волнорезов, несмотря на все наши усилия помешать им. Из-за этого некоторым из нас пришлось искупаться, чего мы не желали; я сам оказался под задницей в воде и с большим трудом спас одного из моих юных братьев, который уплывал. Но, в конце концов, поскольку это происшествие не имело печального исхода, мы посмеялись и продолжили свой путь, одни пешком, другие на капризных ослах. Ближе к десяти часам, заметив в море корабль, мы прикрепili к дулу ружья белый платок, помахали им в воздухе и вскоре с удовлетворением убедились, что его заметили. Когда корабль приблизился достаточно близко к берегу, мавры, которые были с нами, бросились в море и поплыли к нему. Надо сказать, что мы очень ошибочно предполагали, что эти люди замышляют против нас, ибо их преданность не могла проявиться сильнее, чем когда пятеро из них бросились сквозь волны, чтобы попытаться установить связь между нами и кораблем, несмотря на то что он был еще на расстоянии доброй четверти лиги от того места, где мы стояли на берегу. Примерно через полчаса мы увидели, как эти добрые мавры возвращаются, ведя на плаву три небольшие бочки. Прибыв на берег, один из них передал месье Эспиау письмо от месье Парнахона. Этот господин был капитаном брига "Аргус", посланного разыскать плот и передать нам провизию. В письме

сообщалось о небольшом бочонке бисквита, ярусе вина, полуярусе бренди и голландском сыре. О счастливый случай! Нам очень хотелось выразить свою благодарность щедрому командиру брига, но он тут же отчалил и покинул нас. Мы уложили бочки, в которых хранился наш небольшой запас провизии, и произвели раздачу: каждому досталось по бисквиту, около стакана вина, полстакана бренди и небольшой кусочек сыра. Каждый выпил свою порцию вина одним глотком; бренди не презирали даже дамы. Я, однако, предпочел количество качеству и заменил свою порцию бренди на вино. Невозможно описать нашу радость во время этой трапезы. Под яростными лучами вертикального солнца, измученные долгими страданиями, лишенные на долгое время возможности употреблять любые спиртные напитки, когда наши порции воды, вина и бренди смешались в желудке, мы стали похожи на безумцев.

Жизнь, которая еще недавно была для нас тяжким бременем, теперь стала для нас драгоценной. Лбы, опустившиеся и угрюмые, начали разглаживаться; враги стали самыми братскими; скупые старались забыть о своем эгоизме и скупости; дети улыбались впервые после кораблекрушения; словом, все словно заново родилось из состояния, меланхоличного и унылого. Мне даже кажется, что матросы пели дифирамбы своим хозяевам.

Это путешествие было самым удачным для нас. Через некоторое время после вкусного обеда мы увидели, что к нам приближаются несколько мавров, которые принесли молоко и масло, так что мы подкрепились в изобилии. Правда, заплатили мы за них дороговато: стакан молока стоил не меньше трех франков. Отдохнув около трех часов, наш караван продолжил свой путь.

Около шести часов вечера отец, почувствовав сильную усталость, пожелал отдохнуть. Мы позволили каравану двигаться дальше, я и моя мачеха остались рядом с ним, а остальные члены семьи последовали за ним со своими осликами. Вскоре мы все трое заснули. Когда мы проснулись, то удивились, не увидев своих спутников. Солнце опускалось на запад. Мы увидели, что к нам приближаются несколько мавров, сидящих на верблюдах, и мой отец упрекнул себя за то, что так долго спал.

Их появление вызвало у нас сильное беспокойство, и мы очень хотели убежать от них, но моя мачеха и я упали в полном изнеможении. Мавры с длинными бородами подошли к нам совсем близко, один из них вышел и обратился к нам со следующими словами. "Утешьтесь, дамы; под костюмом араба вы видите англичанина, который желает вам услужить. Услышав в Сенегале, что французов выбросило на берег этих пустынь, я подумал, что мое присутствие может быть им полезно, поскольку я знаком с несколькими князьями этой засушливой страны". Эти благородные слова из уст человека, которого мы поначалу приняли за мавра, мгновенно успокоили наши страхи.

Оправившись от испуга, мы встали и выразили филантропическому англичанину свою благодарность. Мистер Карнет, так звали великодушного британца, сообщил нам, что встреченный им караван ожидает нас на расстоянии примерно двух лиг. Затем он дал нам немного печенья, которое мы съели, и мы вместе отправились к нашим спутникам. Господин Карне пожелал, чтобы мы сели на его верблюдов, но моя мачеха и я, не сумев убедить себя в том, что можем надежно сидеть на их волосатых боках, продолжали идти по влажному песку, в то время как мой отец, господин Карне и мавры, сопровождавшие его, ехали на верблюдах. Вскоре мы добрались до маленькой речушки, которую в стране называют Маригот-де-Марингуан. Мы захотели попить из нее, но обнаружили, что она такая же соленая, как море.

Господин Карне пожелал нам набраться терпения, и мы найдем немного в том месте, где ждал наш караван. Мы перешли вброд эту реку по колено глубиной.

Наконец, пройдя около часа, мы присоединились к нашим спутникам, которые нашли несколько колодцев с пресной водой. Было решено провести ночь в этом месте, которое показалось нам менее засушливым, чем все, что мы видели поблизости. Солдаты, получив просьбу сходить за дровами, чтобы разжечь костер для отпугивания свирепых зверей, которые рычали вокруг нас, отказались; но господин Карне заверил нас, что мавры, которые были с ним, хорошо знают, как отвадить всех подобных нарушителей от нашего лагеря. И действительно, всю ночь эти добрые арабы прогуливались вокруг нашего каравана, издавая через определенные промежутки времени крики, подобные тем, что мы слышали в лагере великодушного Амета.

Мы провели очень хорошую ночь, а в четыре утра продолжили путь вдоль берега, и господин Карне оставил нас, чтобы попытаться раздобыть немного провизии. До этого времени наши ослы были вполне послушны; но, раздраженные тем, что их всадники так долго сидят на их спинах, они отказались идти вперед. И тут ими овладел припадок, и все они в тот же миг повалили своих всадников на землю или в кусты. Однако мавры, сопровождавшие нас, помогли поймать капризных животных, которые едва не ускакали, и заменили нас на жестких спинах этих упрямых созданий. В полдень жара стала настолько сильной, что даже сами мавры переносили ее с трудом. Тогда мы решили найти тень за высокими песчаными насыпями, которые виднелись в глубине острова; но как же нам было до них добраться! Пески не могли быть горячее. Мы были вынуждены оставить своих лошадей на берегу, так как они не могли ни продвигаться, ни отступать. У большей части из нас не было ни обуви, ни шляп; несмотря на это, нам пришлось пройти вперед почти целую лигу, чтобы найти хоть немного тени. Жар, отражаемый песками пустыни, можно было сравнить разве что с жаром печи в момент вытаскивания хлеба; тем не менее мы терпели его, но не без проклятий в адрес тех, кто был причиной всех наших несчастий. Прибыв за высоту, которую мы искали, мы растянулись под *Mimos-gommier*, (акацией пустыни), наломали несколько веток асклепии (ласточкина роца) и устроили себе тень. Но то ли от недостатка воздуха, то ли от жара земли, на которой мы расположились, мы почти все задохнулись. Я подумал, что настал мой последний час. Мои глаза уже не видели ничего, кроме темного облака, когда человек по имени Бернер, который должен был быть кузнецом в Сенегале, подал мне сапог с мутной водой, которую он предусмотрительно сохранил. Я схватил упругую вазу и поспешил проглотить жидкость большими глотками.

Один из моих спутников, также мучимый жаждой, завидуя удовольствию, которое, казалось, испытывал я, и которое я ощутил на себе, вытащил ногу из сапога и схватил ее в свою очередь, но это ему ничего не дало. Оставшаяся вода была так отвратительна, что он не смог ее пить и выплеснул на землю. Присутствовавший при этом капитан Бегнер, рассудив по упавшей воде, насколько отвратительной должна быть та, которую я выпил, предложил мне несколько крошек бисквита, которые он бережно хранил в кармане. Я пожевал эту смесь хлеба, пыли и табака, но проглотить не смог и отдал ее в пережеванном виде одному из моих молодых братьев, впавшему в беспамятство.

Мы уже собирались покинуть эту печь, когда увидели приближающегося великодушного англичанина, который принес нам провизию. При виде этого зрелища я почувствовал, что мои силы возрождаются, и перестал желать смерти, которую я прежде призывал, чтобы избавить меня от страданий. Несколько мавров сопровождали господина Карне, и каждый был нагружен. По их прибытии мы получили воду, рис и сушеную рыбу в изобилии. Каждый выпил свою порцию воды, но не смог поесть, хотя рис был превосходным. Нам всем не

терпелось вернуться к морю, чтобы искупаться, и караван двинулся в путь к волнам Сахары. После часового марша, сопровождавшегося большими страданиями, мы вышли на берег, а также наши ослы, лежавшие в воде. Мы бросились в волны и, искупавшись полчаса, улеглись на берегу. Мы с кузеном растянулись на небольшом возвышении, где нас укрыли старой одеждой, которая была у нас с собой. Мой кузен был одет в офицерский мундир, кружева которого притягивали взгляды мавров мистера Карне. Едва мы улеглись, как один из них, думая, что мы спим, пришел, чтобы попытаться украсть его; но, увидев, что мы не спим, довольствовался тем, что пристально смотрел на нас.

Около трех часов утра поднялся северо-западный ветер и немного освежил нас, и наш караван продолжил свой путь; наш щедрый англичанин снова взял на себя задачу по доставке нам провизии. В четыре часа небо стало пасмурным, и мы слышали вдалеке раскаты грома. Мы все ожидали сильной бури, которая, к счастью, не разразилась. Около семи мы достигли места, где должны были ждать мистера Карне, который пришел к нам с купленным им быком. Затем, покинув берег, мы отправились в глубь острова, чтобы найти место для приготовления ужина. Мы разбили свой лагерь возле небольшого леса акаций, рядом с которым было несколько колодцев или цистерн с пресной водой. Наш бык был немедленно убит, с него сняли шкуру, разрезали на части и раздали. Разожгли огромный костер, и каждый занялся приготовлением своей пищи. В это время я подхватил сильный жар; несмотря на это, я не мог удержаться от смеха при виде каждого, сидящего вокруг большого костра и держащего свой кусок говядины на острие штыка, сабли или какой-нибудь остроконечной палки. Мерцание пламени на разных лицах, обожженных солнцем и покрытых длинными бородами, еще более заметное в темноте ночи, в сочетании с шумом волн и ревом свирепых зверей, которые мы слышали вдали, представляло собой зрелище одновременно смешное и внушительное.

Пока эти мысли проносились в моей голове, сон овладел моими чувствами. Проснувшись среди ночи, я обнаружил свою порцию говядины в башмаках, которые старый моряк одолжил мне для прогулок среди колючек; хотя она немного подгорела и сильно пахла блюдом, в котором находилась, я съел изрядную часть ее, а остальное отдал своему другу моряку. Тот моряк, видя, что я болен, предложил обменять мое мясо на то, которое он имел честь сварить в маленькой жестяной коробочке. Я попросил его дать мне немного воды, если у него есть, и он тут же пошел и принес мне немного в своей шляпе. Моя жажда была так велика, что я без всякого отвращения выпил ее из его мерзкой шляпы.

В девять часов мы встретили на берегу большое стадо, которое пасли молодые мавры. Эти пастухи продали нам молоко, а один из них предложил моему отцу одолжить осла за нож, который он видел, как тот вынул из кармана. Отец принял предложение, мавр оставил своего спутника, чтобы сопровождать нас до Сенегала, от которого мы находились еще в двух добрых лигах.

Внезапно мы отчалили от берега. Наши спутники, казалось, были вне себя от радости, некоторые из нас побежали вперед и, поднявшись на небольшое возвышение, обнаружили Сенегал на небольшом расстоянии.

Мы поспешили дальше, и впервые после кораблекрушения перед нашим взором предстала улыбающаяся картина: вечно зеленые деревья, которыми усыпана эта благородная река, жужжащие птицы, красные птицы, парокеты, промеропы и т. д., порхающие среди их длинных ветвей, вызвали в нас эмоции, которые трудно выразить. Мы не могли насытить свой взор красотами этого места, ведь зелень так очаровывает взгляд, особенно после путешествия по пустыне. Прежде чем добраться до реки, нам пришлось спуститься с

небольшого холма, поросшего колючим кустарником. Мой осел, споткнувшись, бросил меня в гущу одного из них, и я порвал себя в нескольких местах, но был легко утешен, когда наконец оказался на берегу реки с пресной водой. Утолив жажду, мы расположились под сенью небольшой рощицы, а благосклонный господин Карне и два наших офицера отправились в Сенегал, чтобы сообщить о нашем прибытии и достать лодки. Тем временем одни немного отдохнули, а другие занялись перевязкой ран, которыми они были покрыты.

В два часа пополудни мы увидели небольшую лодку, которая била веслами против течения. Вскоре она достигла того места, где мы находились. Из нее высадились два европейца, приветствовали наши караваны и спросили, где мой отец. Один из них сказал, что прибыл по поручению ММ. Артиге и Лабуре, жителей Сенегала, чтобы предложить помощь нашей семье; другой добавил, что он не стал дожидаться лодок, которые готовились для нас на острове Сен-Луи, слишком хорошо зная, что нам понадобится. Мы хотели поблагодарить их, но они тут же сбегали к лодке и принесли нам провизию, которую прислали старые друзья моего отца. Они поставили перед нами большую корзину, в которой было несколько буханок, сыр, бутылка мадеры, бутылка фильтрованной воды и платья для моего отца. Каждый, кто во время нашего путешествия проявлял хоть какой-то интерес к нашей несчастной семье, и особенно отважный капитан Бегнер, получил свою долю провизии. Мы испытывали истинное удовлетворение, разделяя с ними и даря им этот маленький знак нашей благодарности.

Молодой моряк, отказавший нам в стакане воды в Пустыне, давясь от голода, попросил у нас немного хлеба; он получил его, а также маленький стаканчик мадеры.

В четыре часа прибыли правительственные лодки, и мы все погрузились на них. Печенье и вино нашлись в каждой из них, и все подкрепились.

Тем судном, на котором находилась наша семья, командовал месье Артиге, капитан порта и один из тех, кто прислал нам провизию. Мой отец и он обнялись, как два старых друга, не видевших друг друга восемь лет, и поздравили себя с тем, что им было позволено встретиться еще раз перед смертью. Мы уже сделали лигу по реке, когда молодой флотский служащий (М. Мольен) внезапно заболел. Мы высадили его на берег и оставили на попечение негра, который должен был доставить его в Сенегал, когда он поправится.

Напрасно я буду описывать различные эмоции, охватившие мой разум в тот восхитительный момент. Я смело могу сказать, что вся колония, если мы примем ММ. Шмальц и Лашомарей, была в порту, чтобы принять нас с лодок. Месье Артиге, отправившийся сначала на берег, чтобы сообщить английскому губернатору о нашем прибытии, встретил его, подъезжающего к нам верхом на лошади, за которым следовал наш великодушный проводник месье Карне и несколько высших офицеров. Мы сошли на берег, неся на руках наших братьев и сестер. Мой отец представил нас сошедшему на берег английскому губернатору; он, казалось, был чувствительно затронут нашими несчастьями; женщины и дети вызывали у него наибольшее сочувствие. И местные жители, и европейцы ласково пожимали руки несчастным; негры-рабы, казалось, даже сожалели о нашей бедственной судьбе.

Самых больных из наших спутников губернатор поместил в больницу; других жители колонии приняли в своих домах; мсье Артиге любезно взял на себя заботу о нашей семье. Прибыв в его дом, мы застали там его жену, двух дам и англичанку, которая умоляла разрешить ей помочь нам. Взяв мою сестру Каролину и меня, она провела нас в свой дом и представила мужу, который принял нас самым приветливым образом; после этого она провела нас в свою гардеробную, где нас причесали, вымыли и одели домашние негритянки и очень любезно снабдили бельем из ее собственного шкафа, белизна которого сильно контрастировала с

нашими соболиными ликами. Среди моих несчастий моя душа сохранила все свои силы; но эта внезапная перемена ситуации так сильно повлияла на меня, что мне показалось, что мои умственные способности покидают меня. Мы так растерялись от волнения, что почти не слышали вопросов, которые нам задавали, перед глазами постоянно стояли пенящиеся волны и огромная полоса песка, по которой мы проплывали.

Ниже приводится содержание, сокращенное из ММ. Корреарда и Савиньи о том, что происходило на плоту в течение тринадцати дней, прежде чем страдальцев забрал бриг "Аргус".

После того как лодки исчезли, оцепенение стало крайним. Все ужасы жажды и голода пронеслись перед нашим воображением; кроме того, нам пришлось бороться с коварной стихией, которая уже покрыла половину наших тел. глубокое оцепенение солдат и матросов мгновенно сменилось отчаянием. Все видели свою неизбежную гибель и стонами выражали мрачные мысли, которые роились в их головах. Наши слова поначалу были бесполезны, чтобы успокоить их страхи, которые мы разделяли вместе с ними, но которые большая сила духа позволила нам рассеять. Наконец неподвижное выражение лица и наши утешения постепенно успокоили их, но не смогли полностью рассеять ужас, которым они были охвачены.

Когда спокойствие немного восстановилось, мы начали искать на плоту карты, компас и якорь, которые, как мы полагали, были положены на него после того, как нам сказали при отплытии с фрегата.

Эти вещи, имеющие первостепенное значение, не были положены на наш аппарат. Больше всего нас встревожило отсутствие компаса, и мы дали волю своей ярости и мести. Месье Корреар вспомнил, что видел такой компас в руках главного рабочего под его командой; он обратился к нему, и тот ответил: "Да, да, он у меня с собой". Эта информация обрадовала нас, и мы поверили, что наша безопасность зависит от этого бесполезного ресурса; он был размером с крону и очень неправильный. Те, кто не попадал в ситуации, когда их существование подвергалось крайней опасности, могут лишь слабо представлять себе, какую цену человек придает тогда самым простым предметам, с какой жадностью он хватается за малейшие средства, способные смягчить суровость судьбы, с которой он борется. Компас был отдан командиру плота, но случайность лишила нас его навсегда; он упал и исчез между кусками дерева, из которых состоял наш аппарат. Мы хранили его всего несколько часов, и после его потери нам нечем было руководствоваться, кроме восхода и захода солнца.

Мы все плыли, не взяв с собой никакой еды. Голод начал давить, мы смешали пасту из морского печенья с небольшим количеством вина и раздали ее в таком виде. Это была наша первая трапеза и лучшее, что мы имели за время пребывания на плоту.

В соответствии с нашей численностью был установлен порядок распределения нашей жалкой провизии. Рацион вина был определен в три четверти в день. Мы не будем больше говорить о бисквитах, поскольку они были полностью съедены при первой же раздаче. День прошел достаточно спокойно. Мы говорили о средствах, с помощью которых мы спасемся; мы говорили об этом как о некоем обстоятельстве, которое оживило наше мужество; и мы поддерживали мужество солдат, лелея в них надежду на то, что они смогут через некоторое время отомстить тем, кто нас бросил. Эта надежда на месть, надо признать, в равной степени

воодушевляла всех нас, и мы изрыгали тысячи проклятий в адрес тех, кто оставил нас жертвой стольких несчастий и опасностей.

Офицер, командовавший плотом, был не в состоянии двигаться, и М. Савиньи взял на себя обязанность установить мачту. Он приказал разрезать на две части одну из мачт фрегата и закрепить ее канатом, который служил для буксировки и из которого мы сделали леера и обтекатели. Его установили на передней трети плота. В качестве паруса мы поставили грот-топ-галант, который очень хорошо обрезался, но от него было мало толку, кроме тех случаев, когда ветер дул сзади; чтобы удержать плот на этом курсе, мы были вынуждены обрезать парус так, как если бы бриз дул против нас.

Вечером наши сердца и наши молитвы, по естественному для несчастных чувству, были обращены к Небу. Окруженные неизбежными опасностями, мы обратились к тому невидимому Существо, которое установило и поддерживает порядок во вселенной. Наши обеты были горячими, и мы ощущали в своих молитвах ободряющее влияние надежды. Нужно побывать в подобной ситуации, чтобы понять, какое очарование оказывает на сердце страдальца возвышенная идея о Боге, защищающем несчастных.

Одна утешительная мысль все же успокаивала наше воображение. Мы убеждали себя, что маленькие дивизии отправились к острову Аргуин, и что после того, как они высадят часть своих людей на берег, остальные вернутся к нам на помощь; мы старались внушить эту мысль нашим солдатам и матросам, и это их успокоило. Наступила ночь, и наши надежды не оправдались; ветер посвежел, и море значительно вздулось. Какая ужасная ночь! Мысль о том, что завтра мы увидим лодки, немного утешала наших людей, большая часть которых, не привыкшая к морю, падала друг на друга при каждом движении плота. Месье Савиньи, при поддержке некоторых людей, сохранивших среди беспорядка душевное равновесие, протянул через плот веревки, за которые люди держались и могли лучше противостоять морским волнам; некоторые даже были вынуждены пристегнуться. В середине ночи погода стала очень бурной; огромные волны обрушивались на нас, иногда опрокидывая с большой силой. Крики людей смешивались с потоком, в то время как ужасное море каждый миг поднимало нас с плота и грозило нас смести. Эта сцена была еще более ужасной из-за ужасов, навеянных темнотой ночи. Вдруг нам показалось, что мы видим вдалеке огоньки через определенные промежутки времени.

Мы предусмотрительно повесили на верхушку мачты порох и пистолеты, которые привезли с фрегата. Мы подавали сигналы, сжигая большое количество патронов; мы даже выстрелили из нескольких пистолетов, но, похоже, огонь, который мы видели, был не более чем ошибкой зрения, или, возможно, не более чем блеском волн.

Всю ночь мы боролись со смертью, крепко держась за веревки, которые были очень надежны; нас швыряло волнами то сзади, то спереди, то сзади, а иногда бросало в море; плавая между жизнью и смертью, оплакивая свои несчастия, уверенные в гибели, мы, тем не менее, оспаривали остаток своего существования у этой жестокой стихии, которая грозила поглотить нас. В таком состоянии мы находились до рассвета. Каждый миг слышались жалобные крики солдат и матросов; они готовились к смерти, прощаясь друг с другом, умоляя о защите Небес и обращаясь с горячими молитвами к Богу. Каждый давал ему обеты, несмотря на уверенность в том, что никогда не сможет их исполнить. Ужасающая ситуация! Как можно иметь хоть какое-то представление о ней, которое не будет сильно отличаться от реальности!

Ближе к семи утра море немного стихло, ветер подул с меньшей яростью, но какая сцена предстала перед нашим взором! Десять или двенадцать несчастных, зацепившись нижними

конечностями за отверстия между частями плота, погибли, не сумев освободиться; еще несколько человек были сметены буйством моря. В час трапезы мы заново подсчитали число жертв: мы потеряли двадцать человек. Мы не станем утверждать, что это было точное число; потому что мы заметили некоторых солдат, которые, чтобы получить больше своей доли, брали пайки на двоих и даже на троих; мы так теснились друг к другу, что нам было совершенно невозможно предотвратить это злоупотребление.

Посреди этих ужасов трогательная сцена сыновней почтительности вызвала у нас слезы. Двое молодых людей подняли и узнали своего отца, который упал и лежал без сознания среди ног людей. Сначала они сочли его мертвым, и их отчаяние было выражено самым трогательным образом. Однако было замечено, что он еще дышит, и для его выздоровления была оказана вся возможная помощь. Он медленно оживал и возвращался к жизни под молитвы своих сыновей, которые поддерживали его, крепко обняв. Пока наши сердца смягчались от этого трогательного эпизода в наших меланхолических приключениях, нам вскоре пришлось наблюдать печальное зрелище мрачного контраста. Два корабельщика и пекарь не побоялись искать смерти и, простившись со своими товарищами по несчастью, бросились в море. Уже тогда умы наших людей были необычайно изменены; одни верили, что видят землю, другие - корабли, которые идут, чтобы спасти нас; все вслух рассказывали о своих обманчивых видениях.

Мы оплакивали потерю наших товарищей по несчастью. В этот момент мы были далеки от того, чтобы предвидеть еще более ужасную сцену, которая произошла следующей ночью; напротив, мы испытывали положительное удовлетворение, настолько мы были убеждены, что лодки вернутся к нам на помощь. День был прекрасный, и на плоту царил полный покой. Наступил вечер, а лодки все не появлялись. Уныние снова начало овладевать нашими людьми, а затем дух неповиновения проявился в криках ярости. Голос офицеров был полностью проигнорирован. Быстро наступила ночь, небо заволочено темными тучами; ветер, который в течение всего дня дул довольно сильно, разбушевался и вздыбил море, которое в одно мгновение стало очень бурным.

Предыдущая ночь была ужасной, но эта была еще страшнее. Горы воды то и дело накрывали нас и с яростью врывались в море. К счастью, ветер дул сзади, и сильное море было немного сломлено стремительностью, с которой нас гнали перед ним. Нас понесло в сторону суши. Людей от натиска моря толкало сзади вперед; мы были вынуждены держаться в центре, в самой прочной части плота, и те, кто не смог туда добраться, почти все погибли. Спереди и сзади стремительно набегали волны и сметали людей, несмотря на все их сопротивление. Давление в центре было таким, что некоторые несчастные захлебывались под тяжестью своих товарищей, которые наваливались на них в каждое мгновение. Офицеры держались у подножия мачты и были вынуждены каждый миг призывать окружающих перебраться на ту или иную сторону, чтобы избежать волн; ведь море, идущее почти наперерез, придавало нашему плоту почти перпендикулярное положение, и, чтобы противостоять этому, они были вынуждены бросаться на сторону, поднятую морем.

Солдаты и матросы, напуганные присутствием почти неизбежной опасности, не сомневались, что настал их последний час. Твердо уверовав в свою гибель, они решили успокоить свои последние минуты, напившись до потери рассудка. У нас не было сил противостоять этому бесчинству. Они схватили бочонок, стоявший в центре плота, проделали в его торце небольшое отверстие и, взяв маленькие оловянные кружки, набрали каждый довольно много; но вынуждены были прекратить, так как морская вода хлынула в проделанное ими отверстие. Пары вина не смогли расстроить их мозг, и без того ослабленный опасностью и недостатком пищи. Возбужденные, эти люди стали глухи к голосу

разума. Они хотели вовлечь в одну общую гибель всех своих товарищей по несчастью. Они открыто заявили о своем намерении освободиться от своих офицеров, которые, по их словам, хотели воспротивиться их замыслу, а затем уничтожить плот, перерезав канаты, соединявшие его различные части. Сразу же после этого они решили привести свои планы в исполнение. Один из них подошел к борту плота с абордажным топором и начал перерубать веревки. Это был сигнал к восстанию. Мы выступили вперед, чтобы помешать этим безумным смертным, и тот, кто был вооружен топором, которым он даже угрожал офицеру, пал первой жертвой; удар саблей оборвал его существование.

Этот человек был азиатом, солдатом колониального полка. Колоссального роста, с короткими волосами, чрезвычайно крупным носом, огромным ртом и смуглым цветом лица, он производил самое отвратительное впечатление. Сначала он расположился в середине плота и каждым ударом кулака сбивал с ног всех, кто ему противостоял; он внушал величайший ужас, и никто не смел к нему приблизиться. Если бы таких было шесть, наша гибель была бы несомненной.

Некоторые люди, желая продлить свое существование, вооружились и объединились с теми, кто хотел сохранить плот; среди них было несколько субалтерн-офицеров и много пассажиров. Мятежники достали свои сабли, а те, у кого их не было, вооружились ножами. Они решительно двинулись на нас; мы встали на защиту; началось нападение. Охваченный отчаянием, один из них нанес удар офицеру; мятежник мгновенно упал, пронзенный ранами. Эта твердость на мгновение ошеломила их, но несколько не уменьшила их ярости. Они перестали наступать и отступили, представив нам фронт, ошестинившийся саблями и штыками, к задней части плота, чтобы привести в исполнение свой план. Один из них притворился, что опирается на небольшие перила по бокам плота, и ножом начал перерезать веревки. По сигналу слуги один из нас бросился на него. Солдат, желая защитить его, ударил офицера своим ножом, который только пронзил его плащ; офицер обернулся, схватил своего противника и бросил его и его товарища в море.

До этого были лишь частичные дела, но бой стал всеобщим. Кто-то крикнул, чтобы спустили парус; толпа разъяренных смертных в одно мгновение бросилась на гауляйры и обтекатели и перерезала их. Падение мачты едва не сломало бедро капитану пехоты, который упал без сознания. Его схватили солдаты и бросили в море. Мы спасли его и положили на бочку, откуда его забрали мятежники, пожелавшие выколоть ему глаза перочинным ножом. Возмущенные такой жестокостью, мы больше не сдерживали себя, а набросились на них и с яростью набросились на них. С мечом в руках мы преодолели линию, которую образовали солдаты, и многие поплатились жизнью за ошибки своего бунта. Различные пассажиры в эти жестокие минуты проявили величайшее мужество и хладнокровие.

М. Корреар впал в обморок, но, услышав в каждый момент крики: "К оружию! С нами товарищи; мы погибли!", а также стоны и причитания раненых и умирающих, вскоре был выведен из состояния летаргии. Вся эта жуткая суматоха быстро заставила его понять, как необходимо быть начеку. Вооружившись саблей, он собрал несколько своих рабочих на передней части плота и приказал им никого не трогать, если только на них не нападут. Он почти всегда оставался с ними, и несколько раз им приходилось защищаться от мятежников, которые, подплывая к плоту, ставили мсье Корреара и его маленький отряд между двумя опасностями и делали их положение очень трудным для защиты. В каждый момент ему противостояли люди, вооруженные ножами, саблями и штыками. У многих были карабины, которыми они орудовали как дубинками. Были предприняты все усилия, чтобы остановить их, сдерживая острием шпаги; но, несмотря на отвращение, которое они испытывали, сражаясь со своими жалкими соотечественниками, они были вынуждены применять оружие

без пощады. Многие из мятежников нападали с яростью, и они были вынуждены отражать их таким же образом. Некоторые из рабочих получили в этом бою тяжелые раны. Их командир смог показать большое количество ранений, полученных в различных схватках. В конце концов, объединенными усилиями удалось рассеять эту массу, которая с такой яростью напала на них.

Во время этого боя один из рабочих, оставшихся верными, сообщил мсье Корреару, что один из их товарищей, по имени Доминик, перешел на сторону мятежников, и что они схватили и бросили его в море. Немедленно забыв о вине и измене этого человека, он бросился туда, откуда доносился голос несчастного, зовущего на помощь, схватил его за волосы и имел счастье вернуть его на борт. Доминик получил несколько сабельных ран во время боя, одна из которых раскроила ему голову. Несмотря на темноту, мы обнаружили рану, которая казалась очень большой.

Один из рабочих дал свой платок, чтобы перевязать и остановить кровь. Благодаря нашей заботе несчастный пришел в себя; но, собравшись с силами, неблагодарный Доминик, забыв о своем долге и об оказанной нами услуге, ушел и присоединился к мятежникам. Такая подлость и безумие не остались неоправданными, и вскоре после нового нападения его настигла смерть, от которой он не был достоин спасения, но которой он мог бы избежать, если бы, верный чести и благодарности, остался среди нас.

Как раз в тот момент, когда мы закончили перевязывать раны Доминика, раздался еще один голос. Это была несчастная женщина, которая была с нами на плоту и которую разъяренные существа бросили в море, а также ее муж, мужественно защищавший ее. Мсье Корреар в отчаянии от того, что погибли двое несчастных, чьи жалкие крики, особенно женские, пронзили его сердце, схватил большую веревку, которую нашел на передней части плота, закрепил ее вокруг своей середины и, бросившись в море во второй раз, снова оказался настолько удачлив, что спас женщину, которая изо всех сил взывала к помощи нашей Владычицы Земли. В то же время ее муж был спасен старшим рабочим Лавилеттом. Мы уложили этих несчастных на трупы, подперев их спины бочкой. Через некоторое время они пришли в себя. Первое, что сделала женщина, - узнала имя спасшего ее человека и выразила ему свою живейшую благодарность; поняв, что слова плохо выражают ее чувства, она вспомнила, что у нее в кармане есть маленький табак, и тут же протянула его ему - это было все, что у нее было. Тронутый этим подарком, но не имея возможности им воспользоваться, мсье Корреар отдал его бедному моряку, и тот прослужил ему три или четыре дня. Но невозможно описать еще более трогательную сцену - радость, которую испытала эта несчастная пара, когда, придя в себя, узнала, что они оба спасены.

Как уже говорилось выше, мятежники были отбиты, и мы немного успокоились. Луна освещала своими меланхолическими лучами этот катастрофический плот, это узкое пространство, на котором соединилось столько мучительных тревог, столько жестоких несчастий, безумия, такого бесчувственного, мужества, такого героического, и самых великодушных, самых приятных чувств природы и человечества.

Муж и жена, которых незадолго до этого пронзили мечами и штыками и бросили обоих вместе в бурное море, едва ли могли поверить своим чувствам, когда оказались в объятиях друг друга. Женщина была уроженкой Верхних Альп, которые она покинула двадцать четыре года назад, и в течение этого времени она следовала за французскими войсками в походах в Италию и другие места в качестве сатлера. "Поэтому сохраните мне жизнь, - сказала она мсье Корреару, - вы видите, что я полезная женщина. Ах! Если бы вы знали, как часто я отваживалась на поле битвы и смело шла на смерть, чтобы оказать помощь нашим

доблестным мужчинам. Независимо от того, были у них деньги или нет, я всегда давала им свои вещи. Иногда битва лишала меня моих бедных должников, но после победы другие платили мне вдвое или втрое больше за то, что они употребили до битвы. Таким образом, я получал долю от их побед". Несчастливая женщина! Она и не подозревала, какая ужасная судьба ожидает ее среди нас! Они так ярко ощущали, так ярко выражали то счастье, которым, увы, так недолго наслаждались, что слезы навернулись бы на самое неподатливое сердце. Но в тот ужасный момент, когда мы едва дышали от яростной атаки, когда мы были вынуждены постоянно быть начеку не только против жестокости людей, но и против бурлящего моря, мало у кого из нас было время обратить внимание на сцены супружеской любви.

После этой второй проверки ярость солдат внезапно утихла и сменилась самой малодушной трусостью. Несколько человек бросились к нашим ногам и попросили прощения, которое было немедленно даровано. Полагая, что порядок восстановлен, мы вернулись на свою позицию в центре плота, лишь предусмотрительно взяв с собой оружие. Однако вскоре нам пришлось доказать, что невозможно рассчитывать на постоянство честных чувств в сердцах этих существ.

Была уже почти полночь, и после часа кажущегося спокойствия солдаты поднялись вновь. Разум их совсем покинул; они в отчаянии бросились на нас с ножами и саблями в руках. Поскольку они еще сохранили всю свою физическую силу, да к тому же были вооружены, мы были вынуждены снова встать на защиту. Их бунт становился все более опасным, так как в своем бреду они были совершенно глухи к голосу разума. Они напали на нас, мы в свою очередь напали на них, и тут же плот был усеян их мертвыми телами. Те из наших противников, у кого не было оружия, пытались разорвать нас своими острыми зубами. Многие из нас были жестоко укушены. Савиньи был разорван в ноги и плечо; он также получил рану на правой руке, которая надолго лишила его возможности пользоваться четвертым пальцем и мизинцем. Многие другие были ранены; на нашей одежде было обнаружено множество порезов от ножей и сабель.

Один из наших рабочих был также схвачен четырьмя мятежниками, которые хотели бросить его в море. Один из них вцепился ему в правую ногу и нещадно кусал сухожилие над пяткой; другие наносили ему сильные удары саблями и прикладами ружей, когда его крики заставили нас поспешить к нему на помощь. В этом деле храбрый Лавилетт, бывший сержант пешей артиллерии Старой гвардии, вел себя с мужеством, достойным величайшей похвалы. Он бросился на разъяренных существ в манере месье Корреара и вскоре вырвал рабочего из грозившей ему опасности. Через некоторое время после этого, во время новой атаки мятежников, в их руки попал подпоручик Лозач. В бреду они приняли его за лейтенанта Дангласа, о котором мы уже рассказывали и который покинул плот в тот момент, когда мы отчаливали от фрегата. Отряд, до единого человека, охотно разыскивал этого офицера, который мало где служил и которого они упрекали в том, что он плохо использовал их во время гарнизонирования острова Ре. Мы считали этого офицера потерянным, но, услышав его голос, вскоре убедились, что его еще можно спасти. Немедленно прибыли М.М. Клере, Савиньи, Л'Эро, Лавилетт, Куден, Корреар и несколько рабочих, сформировавшись в небольшие взводы, бросились на мятежников с большой стремительностью, опрокидывая всех на своем пути, схватили месье Лозаха и положили его на центр плота.

Сохранение этого офицера стоило нам бесконечных трудностей. Солдаты то и дело требовали, чтобы его доставили к ним, называя его всегда по имени - Данглас. Мы пытались заставить их понять свою ошибку и говорили им, что они сами видели, как человек, которого они искали, вернулся на борт фрегата. Они были невосприимчивы ко всему, что мы говорили;

все перед ними было Дангласом; они видели его постоянно и яростно и неустанно требовали его головы. Только силой оружия нам удалось подавить их ярость и утихомирить их ужасные предсмертные крики.

Ужасная ночь! Ты окутала своей мрачной пеленой эти страшные схватки, над которыми властвовал жестокий демон отчаяния.

Мы также должны были бояться за жизнь мсье Кудена. Раненый и изможденный атаками, которые он выдержал вместе с нами и в которых проявил мужество, превосходящее все, он опирался на бочку, держа на руках юного матроса двенадцати лет, к которого он привязал к себе. Мятежники схватили его вместе с бочкой и бросили в море вместе с мальчиком, которого он все еще крепко держал. Несмотря на свою ношу, у него хватило ума ухватиться за плот и спастись от крайней опасности.

Мы до сих пор не можем понять, как горстка людей могла противостоять такому чудовищно безумному числу. Мы уверены, что нас было не более двадцати, чтобы сражаться со всеми этими безумцами. Однако не стоит думать, что посреди всех этих опасностей мы полностью сохранили рассудок. Страх, тревога и жесточайшие лишения сильно изменили наши умственные способности. Но, будучи несколько менее безумными, чем несчастные солдаты, мы энергично воспротивились их решению перерезать веревки плота. Теперь позвольте нам сделать несколько замечаний относительно различных ощущений, которые мы испытывали. В первый день мсье Гриффон полностью лишился чувств. Он бросился в море, но мсье Савиньи спас его своими руками. Его слова были расплывчатыми и несвязными. Во второй раз он бросился в море, но по какому-то инстинкту ухватился за поперечные части плота и снова был спасен.

Месье Савиньи испытал следующие ощущения в начале ночи. Глаза его закрылись сами собой, и он почувствовал общую сонливость. В таком состоянии перед его воображением пронеслись самые восхитительные видения. Он видел вокруг себя страну, покрытую красивейшими плантациями, и оказывался среди предметов, восхищающих его чувства. Тем не менее он рассуждал о своем состоянии и чувствовал, что только мужество может вывести его из этого вида небытия. Он потребовал у мастера-оружейника немного вина, который ему принесли, и немного оправился от оцепенения. Если у несчастных, на которых обрушились эти первичные симптомы, не было сил противостоять им, смерть была неминуема. Одни впадали в ярость, другие бросались в море, прощаясь с товарищами с величайшим хладнокровием. Некоторые говорили: "Ничего не бойтесь, я иду за помощью и скоро вернусь". Среди этого всеобщего безумия некоторые несчастные бросались на своих товарищей с мечом в руке, требуя крылышко курицы и немного хлеба, чтобы утолить снедавший их голод; другие просили принести им гамаки, чтобы, по их словам, улечься между палубами фрегата и немного отдохнуть. Многие верили, что все еще находятся на "Медузе", окруженные теми же предметами, которые они видели ежедневно. Некоторые видели корабли, взывавшие к ним о помощи, или прекрасную гавань, вдали которой виднелся элегантный город. Месье Корреару казалось, что он путешествует по прекрасным полям Италии. Один из офицеров сказал ему: "Я помню, что нас покинули лодки, но ничего не бойтесь. Я собираюсь написать губернатору, и через несколько часов мы будем спасены". Месье Корреар ответил тем же тоном, как если бы он был в своем обычном состоянии: "У вас есть голубь, чтобы с такой быстротой доставлять ваши приказы? Крики и суматоха вскоре вывели нас из этого состояния; но когда спокойствие немного восстановилось, мы снова погрузились в ту же дремоту. На утро мы почувствовали себя так, словно пробудились от мучительного сна, и спросили наших спутников, не видели ли они во время сна сражений и не слышали ли криков отчаяния. Некоторые отвечали, что те же самые видения постоянно

мучили их, и что они изнемогали от усталости. Каждый считал себя обманутым иллюзиями страшного сна.

После этих различных схваток, изнуренные трудом, недостатком пищи и сна, мы легли и отдыхали, пока не наступил рассвет и не показал нам весь ужас происходящего. Многие в бреду бросились в море. Мы обнаружили, что за ночь погибло шестьдесят или шестьдесят пять человек. Четвертая часть, по крайней мере, как мы предполагали, утопилась от отчаяния. Мы потеряли только двух человек, ни один из которых не был офицером. На каждом лице было написано глубочайшее уныние; каждый, придя в себя, мог теперь ощутить ужасы своего положения; а некоторые из нас, проливая слезы отчаяния, горько сожалели о суровости своей судьбы.

Теперь нас постигло новое несчастье. Во время волнения мятежники выбросили в море два бочонка вина и две единственные бочки с водой, которые были у нас на плоту. Два бочонка вина были израсходованы накануне, и остался только один. Нас было более шестидесяти человек, и мы были вынуждены перейти на половинный паек.

С рассветом море успокоилось, что позволило нам снова водрузить мачту. Когда ее заменили, мы устроили раздачу вина. Несчастные солдаты роптали и упрекали нас за лишения, которые мы переносили наравне с ними. Они упали в изнеможении. Мы ничего не принимали в течение сорока восьми часов и были вынуждены непрерывно бороться с сильным морем. Мы, как и они, с трудом могли поддерживать себя; только мужество заставляло нас продолжать действовать. Мы решили использовать все возможные средства для ловли рыбы и, собрав у солдат все крючки и глаза, сделали из них рыболовные крючки, но все было безрезультатно. Течение уносило наши лески под плот, где они запутывались. Мы согнули штык, чтобы ловить акул, один укусил его, перетянул, и мы отказались от своего проекта. Что-то было совершенно необходимо для поддержания нашего жалкого существования, и мы дрожим от ужаса перед необходимостью рассказать о том, чем мы воспользовались. Мы чувствуем, как перо выпадает из наших рук: смертельный холод сковывает все наши члены, а волосы щетинятся на лбу. Читатели! Умоляем вас, не возмущайтесь людьми, и без того перегруженными страданиями. Пожалейте их и пролейте слезу скорби об их плачевной судьбе.

Несчастные, которых смерть пощадила в описываемую нами катастрофическую ночь, набросились на трупы, которыми был покрыт плот, и стали кромсать их на куски, которые некоторые даже мгновенно пожирали. Многие, однако, воздерживались. Среди них были почти все офицеры. Видя, что эта чудовищная пища оживила силы тех, кто ее употреблял, было предложено высушить ее, чтобы сделать немного более вкусной. Те, у кого хватило твердости воздержаться от нее, приняли дополнительное количество вина. Мы пытались есть заплечные ремни и тележные ящики, и нам удалось проглотить несколько маленьких кусочков. Некоторые ели белье, другие - кожу своих шляп, на которой было немного жира или, скорее, грязи. Чтобы продлить свое жалкое существование, мы прибегали ко многим средствам, перечислять которые было бы просто отвратительно для сердца человечества.

День был тихим и прекрасным. Луч надежды на мгновение утихомирил наше волнение. Мы все еще ожидали увидеть лодки или какие-нибудь корабли и обращали свои молитвы к Вечному, на которого возлагали свое упование. Половина наших людей была крайне слаба, и на их лицах лежала печать приближающегося распада. Наступил вечер, а помощи мы так и не нашли. Темнота третьей ночи усилила наши опасения, но ветер стих, и море стало менее волноваться. Солнце четвертого утра после нашего отплытия осветило наше бедствие и показало нам десять или двенадцать наших спутников, безжизненно распростертых на

плоту. Это зрелище поразило нас с особой силой, так как говорило о том, что и нас вскоре ждет такая же участь в том же месте. Мы отдали их тела морю для погребения, оставив лишь одно, чтобы накормить тех, кто за день до этого держал его дрожащие руки и клялся ему в вечной дружбе. Этот день был прекрасен. Наши души, жаждущие более восхитительных ощущений, были созвучны с видом небес и вновь обрели новый луч надежды. Ближе к четырем часам дня произошло событие, которого мы не ожидали и которое принесло нам некоторое утешение. Косяк летучих рыб прошел под нашим плотом, а поскольку между его частями было бесконечное количество отверстий, рыбы запутались в них в огромном количестве. Мы бросились на них и поймали значительное количество. Мы взяли около двухсот штук и положили их в пустую бочку; мы открывали их, когда ловили, и вынимали то, что называется их илом. Эта еда показалась вкусной, но одному человеку потребовалась бы тысяча. Первым нашим чувством было возблагодарить Бога за эту нежданную милость.

Утром мы нашли унцию пороха, высушенного на солнце в течение дня, который был очень хорош; в той же посылке были сталь, кремни и зола. С большим трудом мы подожгли несколько кусков сухого льна. В боку пустого бочонка мы проделали большое отверстие, положили на дно несколько мокрых вещей и на этих подмостках разожгли огонь; все это мы положили на бочку, чтобы морская вода не погасила его. Мы приготовили немного рыбы и съели ее с особой жадностью; но наш голод был так велик, а порция так мала, что мы добавили к ней немного святотатственных яств, которые от приготовления стали менее отвратительными. Некоторые из офицеров впервые прикоснулись к этому блюду. С этого дня мы продолжали есть, но уже не могли одеваться, так как средства для разведения огня были полностью утрачены; бочка загорелась, мы потушили ее, не сумев сохранить ничего, чтобы разжечь ее на следующий день. Порох и хворост полностью исчезли. Эта еда придала нам всем дополнительные силы, чтобы поддержать нашу усталость. Ночь прошла сносно и была бы счастливой, если бы не ознаменовалась новой резней.

Несколько испанцев, итальянцев и негров составили заговор, чтобы сбросить нас всех в море. Негры сказали им, что они уже совсем близко от берега и что, оказавшись там, они смогут без опаски пересечь Африку. Нам пришлось снова взяться за оружие, и матросы, которые остались нам верны, указали нам на заговорщиков. Первый сигнал к бою подал один испанец, который, став за мачтой и держась за нее, одной рукой совершил крестное знамение, призывая имя Божие, а в другой держал нож. Матросы схватили его и бросили в море. Итальянец, слуга одного из офицеров, участвовавших в заговоре, увидев, что все раскрыто, вооружился единственным абордажным топором, оставшимся на плоту, отступил на фронт, закутался в драпировку, которую носил на груди, и по собственной воле бросился в море. Повстанцы бросились вперед, чтобы отомстить за своих товарищей; снова начался страшный конфликт; обе стороны сражались с отчаянной яростью, и вскоре роковой плот был усеян трупами и кровью, которая должна была пролиться другими руками и по другому поводу. В этой суматохе мы услышали, как они с ужасающей яростью требуют голову лейтенанта Дангласа! Во время этого нападения несчастный сутлер был во второй раз брошен в море. Месье Куден с помощью нескольких рабочих спас ее, чтобы продлить на некоторое время ее мучения и существование.

В эту страшную ночь Лавилетт не преминул продемонстрировать редчайшую храбрость. Именно ему и некоторым из тех, кто пережил продолжение наших злоключений, мы были обязаны своей безопасностью. Наконец, после неслыханных усилий, мятежники были вновь отбиты, и спокойствие восстановилось. Избежав новой опасности, мы попытались немного отдохнуть. День рассветает в пятый раз. Теперь нас было не более тридцати человек. Мы потеряли четырех или пять наших верных моряков, а те, кто остался в живых, находились в

самом плачевном состоянии. Морская вода почти полностью разъела кожу наших нижних конечностей; мы были покрыты ушибами и ранами, которые, раздражаемые соленой водой, вызывали у нас самые пронзительные крики. Только около двадцати из нас были способны стоять прямо или ходить. Почти вся наша рыба была исчерпана; у нас был только четырехдневный запас вина: через четыре дня, говорили мы, ничего не останется, и смерть будет неизбежна. Так наступил седьмой день нашего оставления. В течение дня двое солдат проскользнули за единственной оставшейся бочкой вина, проткнули ее и пили из тростника. Мы поклялись, что тех, кто использует такие средства, следует наказывать смертью; этот закон был немедленно приведен в исполнение, и оба нарушителя были брошены в море.

В этот же день оборвалась жизнь ребенка по имени Леон, которому было двенадцать лет. Он умер, как лампа, которая перестает гореть из-за недостатка питания. Все говорили в пользу этого юного и милого создания, которое заслуживало лучшей участи. Его ангельский облик, музыкальный голос, интерес к столь нежному возрасту, еще более усиленный храбростью, которую он проявил, и заслугами, которые он оказал, ведь в предыдущем году он уже совершил кампанию в Ост-Индии, внушали всем нам величайшую жалость к этой юной жертве, преданной столь ужасной и преждевременной смерти. Наши старые солдаты и весь наш народ в целом делали все возможное, чтобы продлить его жизнь, но все было тщетно. Ни вино, которое они давали ему без сожаления, ни все средства, которые они использовали, не смогли отсрочить его печальную участь, и он скончался на руках у месье Кудена, который не переставал уделять ему самое неустанное внимание. Пока у него были силы двигаться, он беспрестанно бегал из стороны в сторону, громко звал свою несчастную мать, просил воды и еды. Он беспорядочно топтал ногами своих товарищей по несчастью, которые, в свою очередь, издавали горестный плач, но он очень редко сопровождался угрозами; они прощали все, что бедный мальчик заставлял их терпеть. Он был не в своем уме, поэтому нельзя было ожидать, что он будет вести себя так, как если бы у него был разум.

Теперь нас оставалось двадцать семь человек. Пятнадцать из них, похоже, могли прожить еще несколько дней; остальные, покрытые огромными ранами, почти полностью утратили разум. Однако они все еще участвовали в раздаче и, прежде чем умереть, употребили бы до тридцати или сорока бутылок вина, которые для нас были неоценимы. Мы рассуждали о том, что, выдавая больным половинное довольствие, мы лишь наполовину предаем их смерти, но после совета, на котором царило самое страшное отчаяние, было решено, что их следует бросить в море. Это средство, каким бы отвратительным, каким бы ужасным оно нам ни казалось, обеспечило оставшимся в живых шесть дней вина. Но после того как решение было принято, кто осмелился бы его исполнить? Привычка видеть смерть, готовую поглотить нас, уверенность в том, что без этого чудовищного средства мы непременно погибнем, - все это, в общем, ожесточило наши сердца против всех чувств, кроме чувства самосохранения. Три матроса и один солдат взялись за это жестокое дело. Мы смотрели в сторону и проливали кровавые слезы, глядя на судьбу этих несчастных. Среди них были несчастная сутенерша и ее муж. Оба были тяжело ранены в разных схватках. У женщины было сломано бедро между балками плота, а мужу саблей нанесли глубокую рану в голову. Все говорило о приближающемся конце. Мы утешали себя тем, что наше жестокое решение лишь ненадолго сократило срок их существования. Кто содрогается от крика оскорбленной гуманности, вспомните, что в это ужасное положение нас поставили другие люди, соотечественники, товарищи!

Эта ужасная мера спасла пятнадцать оставшихся; ведь когда нас нашел бриг "Аргус", у нас оставалось совсем немного вина, а это был уже шестой день после описанного нами жестокого жертвоприношения. Жертвам, повторяем, оставалось жить не более сорока восьми часов, и, оставив их на плоту, мы оказались бы совершенно лишены средств к существованию за два дня до того, как нас нашли. Мы были слабы, но считали несомненным, что прожить еще двадцать четыре часа, не приняв пищи, было бы невозможно. После этой катастрофы мы бросили свое оружие в море; оно внушало нам ужас, который мы не могли преодолеть. Мы сохранили только одну саблю, на случай, если придется перерубить какой-нибудь шнур или кусок дерева.

Случилось новое событие, ибо все было событием для несчастных, для которых мир сводился к узкому пространству в несколько тоисов и для которых ветры и волны в своей ярости боролись, пока они плыли над бездной; случилось событие, которое отвлекло наши умы от ужасов нашего положения. Внезапно над нашими головами пролетела белая бабочка, распространенная во Франции, и села на паруса. Первая мысль, которую навело это маленькое существо, была о том, что это предвестник приближающейся земли, и мы ухватились за эту надежду с исступленной радостью. Мы находились на плоту уже девятый день; муки голода разъедали наши внутренности, а солдаты и матросы уже с тоскливыми глазами пожирали эту жалкую добычу и, казалось, готовы были спорить о ней. Другие, глядя на него как на посланника Небес, заявили, что берут его под свою защиту и не позволят никому причинить ему вред. Мы были уверены, что не находимся далеко от суши, так как бабочки продолжали прилетать и в последующие дни и порхать над нашим парусом. В тот же день мы получили еще одно не менее позитивное свидетельство - голанда, который летал вокруг нашего плота. Этот второй гость не оставлял сомнений в том, что мы быстро приближаемся к африканской земле, и мы убеждали себя, что нас быстро выбросит на берег силой течений.

В тот же день у нас появилась новая забота. Видя, что нас осталось так мало, мы собрали все оставшиеся силы, отделили несколько досок спереди плота и, используя несколько довольно длинных кусков дерева, соорудили в центре нечто вроде платформы, на которой и расположились. Все вещи, которые мы могли собрать, были положены на нее и сделаны менее твердыми; это также помешало морю проходить с такой легкостью через промежутки между досками, но волны набегали и иногда полностью накрывали нас.

На этом новом театре мы решили встретить смерть так, как подобает французам, и с совершенной покорностью. Наше время почти полностью уходило на разговоры о нашей несчастной стране. Все наши желания, наши последние молитвы были о процветании Франции. Так прошли последние дни нашего пребывания на плоту.

Вскоре после отплытия мы сравнительно легко переносили погружения в воду по ночам, которые в этих странах очень холодные; но впоследствии каждый раз, когда волны омывали нас, мы испытывали болезненные ощущения и издавали жалобные крики. Мы использовали все средства, чтобы избежать этого. Некоторые поддерживали головы на кусках дерева и делали из того, что удавалось найти, нечто вроде парашюта, чтобы укрыться от ударов волн; другие укрывались за двумя пустыми бочками. Но этих средств было очень мало: только когда море было спокойным, оно не разбивалось о нас.

Страшная жажда, усугубляемая днем лучами палящего солнца, снедала нас. Один из офицеров армии случайно нашел маленький лимон, и можно легко представить, как ценен был для него этот фрукт. Его товарищи, несмотря на самые настоятельные уговоры, не могли получить от него ни кусочка. Признаки ярости уже проявлялись, и если бы он отчасти не

прислушался к просьбам окружающих, они бы отняли его силой, и он погиб бы жертвой своего эгоизма. Спорили мы и о тридцати зубчиках чеснока, которые нашли на дне мешка. Эти споры по большей части сопровождались жестокими угрозами, и если бы они затянулись, то, возможно, дошли бы до последней крайности. Там же были найдены два небольших флакона, в которых находилась спиртосодержащая жидкость для чистки зубов. Тот, кто ими владел, бережно хранил их и с неохотой давал одну-две капли на ладонь. Эта жидкость, которая, как мы думаем, была настойкой гвиакума, корицы, гвоздики и других ароматических веществ, вызывала на наших языках приятное ощущение и на некоторое время избавляла от жажды, которая нас мучила. Некоторые из нас нашли несколько маленьких кусочков порошка, которые, когда их клали в рот, создавали некое подобие прохлады. Один из способов, который мы обычно использовали, состоял в том, чтобы набрать в шляпу немного морской воды, которой мы умывали лицо в течение некоторого времени, повторяя это через определенные промежутки времени. Мы также мыли волосы и держали руки в воде. Несчастье сделало нас изобретательными, и каждый придумывал тысячу средств, чтобы облегчить свои страдания. Истощенным жесточайшими лишениями, самое малое приятное чувство было для нас высшим счастьем. Так, мы с жадностью искали маленький пустой флакончик, который был у одного из нас и в котором когда-то была эссенция роз; и каждый, как только он брал его в руки, с наслаждением вдыхал выдыхаемый им запах, который производил на его чувства самые успокаивающие впечатления. Многие из нас держали свою порцию вина в маленькой оловянной чашечке и высасывали ее пером. Такой способ приема приносил нам большую пользу и утолял жажду гораздо лучше, чем если бы мы глотали его сразу.

Три дня прошли в невыразимых мучениях. Мы так сильно презирали жизнь, что многие из нас боялись купаться, не видя акул, которые окружали наш плот; другие клали себя голыми на переднюю часть нашего аппарата, который находился под водой. Эти меры немного уменьшили пыл жажды. Разновидность моллюсков, известная морякам под названием гатера, иногда в большом количестве загонялась на наш плот; когда их длинные руки упирались в наши обнаженные тела, они причиняли нам самые жестокие страдания. Можно ли поверить, что среди этих ужасных сцен, борясь с неизбежной смертью, некоторые из нас произносили приятные слова, которые заставляли нас улыбаться, несмотря на ужасы нашего положения? Один, кроме того, сказал в шутку: "Если бриг отправят на поиски, моли Бога, чтобы у него были глаза Аргуса", - имея в виду название судна, которое, как мы предполагали, должно было прийти к нам на помощь. Эта утешительная мысль не покидала нас ни на минуту, и мы часто говорили о ней.

16-го числа, полагая, что мы уже совсем близко от суши, восемь самых решительных из нас решили попытаться добраться до берега. Для перевозки их на берег был сооружен второй плот, меньших размеров, но его оказалось недостаточно, и они решили ждать смерти в своем нынешнем положении. Тем временем наступила ночь, и ее мрачная пелена оживила в наших умах самые тягостные мысли. Мы были уверены, что в нашей бочке не больше дюжины или пятнадцати бутылок вина. Мы начали испытывать непобедимое отвращение к плоти, которая до сих пор едва поддерживала нас; и можно сказать, что вид ее внушал нам чувство ужаса, несомненно, вызванное мыслью о нашей приближающейся гибели.

Утром 17-го числа солнце выглянуло из облаков. Обратившись с молитвой к Вечному, мы разделили между собой часть вина. Каждый с наслаждением принимал свою порцию, когда капитан пехоты, бросив взгляд на горизонт, увидел корабль, о чем возвестил нам радостным возгласом. Мы поняли, что это бриг, но он находился на большом расстоянии; мы могли различить мачты. Вид этого судна пробудил в нас эмоции, которые трудно описать. Каждый

из нас верил в свое спасение, и мы вознесли тысячу благодарностей Богу. Однако к нашим надеждам примешивались страхи. Мы расправили несколько обручей из бочек, к концам которых прикрепили носовые платки разных цветов. Один человек с нашей общей помощью взобрался на верхушку мачты и стал размахивать этими маленькими флажками. Более получаса мы метались между надеждой и страхом. Кому-то казалось, что судно становится больше, а кто-то был уверен, что оно идет от нас. Последние были единственными, чьи глаза не были ослеплены надеждой, потому что корабль исчез.

От бреда радости мы перешли к унынию и печали. Мы завидовали судьбе тех, кого видели погибающими рядом с нами, и говорили себе: "Когда мы будем лишены всего и когда силы начнут покидать нас, мы закутаемся как можно лучше, растянемся на этом помосте, свидетеле самых жестоких страданий, и там с покорностью будем ожидать смерти". Наконец, чтобы успокоить свое отчаяние, мы искали утешения в объятиях сна. Накануне мы были обожжены лучами палящего солнца, а сегодня, чтобы избежать свирепости его лучей, мы сделали палатку из грота фрегата. Как только он был закончен, мы улеглись под ним; таким образом, все, что происходило снаружи, было скрыто от наших глаз. Мы предложили написать на доске краткое изложение наших приключений, добавить наши имена в конце изложения и прикрепить его к верхней части мачты в надежде, что оно дойдет до правительства и наших семей.

После двух часов, проведенных в самых жестоких размышлениях, главный канонир фрегата, желая пройти на передний край плота, вышел из-под палатки. Едва он высунул голову, как повернулся к нам, издав пронзительный крик. На его лице была написана радость; руки были протянуты к морю; он дышал с трудом. Все, что он смог сказать, было: "Спасены! Видите, бриг на нас!" А на самом деле он был не более чем в полулиге от нас, под всеми парусами, и шел прямо на нас. Мы бросились из палатки; даже те, кого огромные раны в нижних конечностях сковывали на много дней, потащились к задней части плота, чтобы полюбоваться кораблем, который пришел спасти нас от верной смерти. Мы обнимали друг друга с нетерпением, похожим на безумие, и слезы радости текли по нашим щекам, иссушенным самыми жестокими лишениями. Каждый хватался за платки или куски белья, чтобы подать сигнал бригу, который быстро приближался к нам. Некоторые падали на колени и горячо благодарили Провидение за чудесное сохранение их жизней. Наша радость удвоилась, когда мы увидели на вершине фор-мачты большой белый флаг и воскликнули: "Значит, французам мы обязаны своим спасением". Мы сразу же узнали бриг - это был "Аргус"; он находился от нас на расстоянии двух пушечных выстрелов. Нам не терпелось увидеть, как она спустит паруса, что, наконец, и произошло, и с нашего плота раздались новые крики радости. "Аргус" подошел и лег на правый борт, примерно в полусотне пушечных выстрелов от нас. Команда, расположившаяся на палубе и на шпангоутах, возвестила нам, размахивая руками и шляпами, о том, как они рады прийти на помощь своим несчастным соотечественникам. Через некоторое время нас всех перевезли на борт брига, где мы обнаружили лейтенанта фрегата и еще нескольких человек, потерпевших крушение вместе с нами. На каждом лице было написано сострадание, а жалость выжимала слезы из каждого глаза, который нас видел.

На борту брига мы нашли превосходный бульон, который они приготовили, и, заметив нас, добавили в него немного вина и таким образом восстановили наши почти иссякшие силы. Они оказали нам самую щедрую заботу и внимание; наши раны были перевязаны, и на следующий день многие из наших больных начали оживать. Некоторые, однако, все еще сильно страдали, поскольку их поместили между палубами, совсем рядом с кухней, что усиливало почти невыносимую жару этих широт. Недостаток пространства был вызван

небольшими размерами судна. Число потерпевших кораблекрушение было весьма значительным. Тех, кто не принадлежал к флоту, уложили на тросы, завернули в флаги и поместили под огонь кухни. Здесь они едва не погибли в течение ночи: огонь вспыхнул между палубами около десяти часов вечера; но вовремя оказанная помощь помогла нам спастись во второй раз. Едва мы успели спастись, как некоторые из нас снова стали бредить. Один пехотный офицер хотел броситься в море, чтобы отыскать свою карманную книжку, и сделал бы это, если бы ему не помешали. Другие были схвачены в не менее неистовой манере.

Командир и офицеры брига присматривали за нами и любезно предугадывали наши желания. Они спасли нас от гибели, усадив на плот; их неустанная забота возродила в нас искру жизни. Хирург корабля, месье Рено, отличился своим неутомимым усердием. Ему приходилось тратить целый день на перевязку наших ран; и в течение двух дней, пока мы находились на брига, он оказывал нам всю необходимую помощь, с вниманием и нежностью, заслуживающими нашей вечной благодарности.

По правде говоря, пора было положить конец нашим страданиям; они продолжались тринадцать дней, причем самым жестоким образом. Самые сильные из нас могли бы прожить еще сорок восемь часов или около того. Месье Корреар чувствовал, что должен умереть в течение дня; однако у него было предчувствие, что мы будем спасены. Он говорил, что столь неслыханная череда событий не будет погребена в забвении; что Провидение, по крайней мере, сохранит некоторых из нас, чтобы они поведали миру печальную историю наших несчастий.

Такова верная история тех, кто остался на памятном плоту. Из ста пятидесяти человек спаслись только пятнадцать. Пятеро из этого числа так и не смогли оправиться от усталости и умерли в Сент-Луисе. Те, кто еще жив, покрыты шрамами; жестокие страдания, которым они подверглись, существенно пошатнули их конституцию.

ГИБЕЛЬ "РОЙАЛ ДЖОРДЖ".

29 августа 1782 года было обнаружено, что "Ройал Джордж", линейный боевой корабль со 108 орудиями, недавно прибывший в Спитхед из плавания, перед выходом в море должен пройти операцию, которую моряки технически называют "парламентским креном". В таких случаях корабль наклоняют на определенный угол с одной стороны, а дефекты ниже ватерлинии с другой стороны осматривают и устраняют. Этот способ, как мы полагаем, в настоящее время очень часто используется в тех случаях, когда дефекты, подлежащие ремонту, не являются обширными, или когда (как это было в случае с Royal George) желательно избежать задержки с постановкой в док. Операция обычно проводится в тихую погоду и на гладкой воде и сопряжена с такими незначительными трудностями и опасностями, что офицеры и команда обычно остаются на борту, а пушки и запасы не снимаются.

На корабле "Ройал Джордж" эта операция была начата рано утром: бригада людей с Портсмутской верфи поднялась на борт, чтобы помочь корабельным плотникам. Говорят, что, обнаружив необходимость снять больше обшивки, чем предполагалось, люди, стремясь устранить дефект в днище корабля, слишком сильно накренили его, когда внезапный шквал ветра повалил его на бок; орудийные порты были открыты, и пушки перекатились на

наклонную сторону, корабль не смог выпрямиться, мгновенно наполнился водой и пошел ко дну.

Роковой случай произошел около десяти часов утра. Адмирал Кемпенфельдт писал в своей каюте, а большая часть людей находилась между палубами. Корабль, как это обычно бывает при заходе в порт, был переполнен людьми с берега, особенно женщинами, которых, как предполагают, на борту было не менее трехсот. Среди страдальцев было много жен и детей старшин и матросов, которые, зная, что корабль вскоре должен отправиться в далекое и опасное плавание, с нетерпением ухватились за возможность навестить своих мужей и отцов.

Адмирал со многими храбрыми офицерами и большинство тех, кто находился между палубами, погибли; большая часть гвардии и те, кто оказался на верхней палубе, были спасены шлюпками флота. Около семидесяти человек также спаслись. Точное число людей, находившихся на борту в тот момент, установить не удалось, но было подсчитано, что погибло от 800 до 1000 человек. Капитан Вагхорн, чья доблесть в бою в Северном море под командованием адмирала Паркера обеспечила ему командование этим кораблем, спасся, хотя и был сильно ушиблен и изранен; но его сын, лейтенант королевского корабля "Джордж", погиб. Сила водоворота, вызванного внезапным погружением столь огромного тела в воду, была такова, что стоявший рядом с "Ройял Джорджем" викуоллер был завален; кроме того, несколько небольших судов, находившихся на значительном расстоянии, подверглись неминуемой опасности.

Адмирал Кемпенфельдт, которому было почти 70 лет, был особенно и повсеместно оплакан. По общей учености и рассудительности он был одним из первых морских офицеров своего времени, а в искусстве управления флотом, в частности, он считался непревзойденным среди командиров того времени. Говорят, что его прекрасные человеческие качества не уступали его профессиональным заслугам.

Это меланхоличное происшествие было описано поэтом Каупером в следующих прекрасных строках:-

Toll for the brave!

Храбрецы, которых больше нет:

All sunked under the wave,

Покинув родные берега.

Восемьсот храбрецов,

чье мужество было испытано,

Заставили судно крениться,

и положили его на бок.

Сухопутный бриз колышет саваны,

и судно перевернулось;

На дно пошел "Ройал Джордж",

Со всей своей командой.

Плата за храбрость!

Храброго Кемпенфельдта больше нет;

Его последний морской бой окончен;
Его дело славы сделано.

Это произошло не в бою;
Ни одна буря не нанесла удар,
Она не дала смертельной течи;
Она не налетела на скалу.

Его меч был в ножнах;
Его пальцы держали перо,
когда Кемпенфельдт пошел ко дну,
с двумя сотнями человек.

Взвешивайте судно,
Которое когда-то боялись наши враги!
И смешайте с нашей чашей
Слезу, что Англия должна.

Ее бревна еще крепки,
И может снова поплыть,
Заряженный громом Англии.
И бороздить далекие просторы.

Но Кемпенфельдта больше нет,
Его победы позади;
И он, и его восемьсот,
Не будут больше бороздить волны.

ГИБЕЛЬ ТРАНСПОРТА "ЭНЕАС".

Транспорт "Энеас" отплыл с 347 душами на борту, включая группу мужчин, принадлежащих к 100-му пехотному полку, а также несколько офицеров, несколько женщин и детей. Около четырех часов утра 23 октября 1805 года судно сильно ударились о скалу и получило такие повреждения, что вскоре всем на борту стало ясно, что оно полностью разбито. Первые несколько минут после этого тревожного события женщины и дети цеплялись за своих мужей и отцов, но через некоторое время огромная волна унесла в океан не менее 250 несчастных. Скала, о которую ударились судно, быстро пробилась себе путь сквозь палубы, и, судя по всему, тридцать пять человек из оставшихся в живых были выброшены на небольшой остров в восемь утра, расположенный на расстоянии четверти мили, но когда судно уже полностью разлетелось на куски.

Рассказ об этих событиях был получен от одного из выживших, солдата 100-го полка, который не смог точно рассказать, как он и остальные попали на берег, но предположил, что их прибило частью затонувшего судна. Он вспомнил, как один из мальчиков пытался спасти

майора Бертрама, чья рука была сломана каким-то деревом, и он уже готов был утонуть; он удерживал его, пока позволяли силы, но, чтобы спасти свою жизнь, был вынужден отпустить свою хватку, и майор погиб.

Тридцать пять человек, выбравшихся на берег, состояли из части полка, двое из которых были офицерами, лейтенант Доусон и мичман Фолкнер, и семь матросов. Сразу же после высадки ветер, к сожалению, изменился, так что с затонувшего судна не удалось спасти ни одного предмета. Мистер Фолкнер был в курсе реального положения, в котором они оказались, решив, что главная земля, которую они видели на расстоянии около мили, - это Ньюфаундленд, и что они находятся на расстоянии около 300 миль от города Сент-Джонс.

Проведя одну ночь на маленьком острове, они построили плот, с помощью которого тридцать из них добрались до материка. До этого, однако, четверо выживших в кораблекрушении умерли, среди них был и тот бедняга, который пытался спасти майора Бертрама. Другой, у которого были сломаны обе ноги, пропал без вести, так как уполз от своих товарищей, чтобы умереть в тишине. Но через восемь дней его нашли живым, хотя и в ужасном состоянии, так как его ноги были отморожены. Однако он пережил все это и в будущем добрался до Квебека. Большая часть отряда отправилась в путь, оставив позади себя троих, которые не могли идти из-за ушибов, и направила свой путь к восходящему солнцу, но когда прошел первый день, лейтенант Доусон стал не в состоянии идти в ногу с остальными, и двое солдат остались присматривать за ним. Эти трое шли вперед, не имея никакой еды, кроме ягод, которые они находили; лейтенант Доусон не мог стоять, если его не поддерживали. Достигнув берега реки, один из солдат попытался перевезти его на спине, но, пройдя до шеи, был вынужден вернуться и уложить его на берегу. Там мистер Доусон попросил своих верных помощников сделать все возможное и оставить его на произвол судьбы; в то же время, ласково сжав их руки, он попросил их сообщить его отцу о его печальном конце... Тут солдат, который был одним из них и рассказывал об этих трогательных событиях, разразился потоком слез, прежде чем смог продолжить. "Мы оставались с ним, - сказал он, - пока не поняли, жив он или мертв".

Двое оставшихся в живых продолжали скитаться в слабом и немощем состоянии еще двенадцать дней, всего с момента кораблекрушения прошло двадцать шесть, и они питались тем, что могли найти на бесплодной и негостеприимной земле. Но после первых четырех или пяти дней они не испытывали голода, ибо, как они сами говорили, их несчастья были столь велики, что изгнали его влияние и лишили их чувства... Кроме того, в последние два дня снег был настолько глубоким, что не позволял им добывать ягоды, как обычно.

Наконец их нашел человек из охотничьей партии, который, не подозревая, что в этом пустынном краю можно встретить людей, принял их на расстоянии за оленей и спрятался за поваленным деревом, направив ружье на одного из них, когда его собака, подскочив к ним, начала лаять и показала свою ошибку. Когда они рассказали о своем кораблекрушении и перенесенных страданиях, по щекам егеря потекли слезы, и он, сняв с ног мокасины, отдал их бедным несчастным. Он пригласил их в свою охотничью хижину, сказав, что она находится всего в миле от него, хотя на самом деле расстояние было не менее двенадцати миль; но постепенно он уговорил их идти дальше, и в конце концов они добрались до нее. Когда они подошли к хижине, оттуда вышли четверо или пятеро мужчин с длинными окровавленными ножами в руках, и рассказчик, обратившись к своему товарищу, воскликнул: "После всего, чего мы избежали, нас привели сюда, чтобы зарезать и съесть?" Но вскоре они обнаружили свою ошибку, поскольку мужчины разделяли оленя, плод их погони; вид несчастных солдат быстро вызвал в их груди чувства жалости, и они принесли бутылку рома, которым их освежили.

Охотники оказали несчастным странникам все возможные удобства и, руководствуясь рассказами и описаниями, отправились на поиски остальных. К счастью, им удалось найти человека, который оставался на острове в первый день, а также двух других, которые не смогли покинуть берег.

Двое мужчин, сопровождавших лейтенанта Доусона, за двадцать шесть дней пути, судя по всему, продвинулись совсем немного, так как их обнаружили в месте, не очень удаленном от того, откуда они отправились в путь. Таким образом, заплутав в лесу, они, должно быть, вернулись по той же местности, что и прошли.

Те, кого егеря встретили впервые, пытались объяснить им, где они могут найти останки лейтенанта Доусона, мичмана Фолкнера и его отряда, но они слишком смутно рассказывали о том, где были сами, чтобы дать какие-либо указания на этот счет. Однако двое из них были найдены человеком, совершавшим очередную охотничью экскурсию, примерно в 90 милях от места происшествия, и, судя по всему, были безжизненны; однако после того, как их отнесли в соседнее поселение, они пришли в себя. Из всех 35 человек, выживших после крушения транспорта, удалось узнать только об этих пяти.

Мичман Фолкнер был сильным, активным, предприимчивым человеком, способным применить любые средства для спасения. И он, и лейтенант Доусон, которому было не более 17 лет, подавали большие надежды. Когда транспорт находился примерно в трех милях от Портсмута, они, как говорят, поплыли к кораблю, когда первый взобрался на его борт, а второй был почти без сил.

Бриг из Порта, причаливший к Ньюфаундленду, доставил пятерых выживших в Квебек; когда они прибыли на площадь перед казармой, произошла очень трогательная сцена. Мужчины и женщины с нетерпением стали собираться вокруг них, с тревогой расспрашивая о каком-нибудь друге или брате, находившемся на борту злополучного судна. Но все, что они могли ответить, было: "Если вы не видите его здесь, будьте уверены, он погиб; ведь из 347 душ мы, пятеро ирландских парней и два матроса, - все, кто остался в живых". Слезы и восклицания, следовавшие за этими словами, едва ли можно описать.

ОТСУТСТВУЮЩИЙ КОРАБЛЬ.

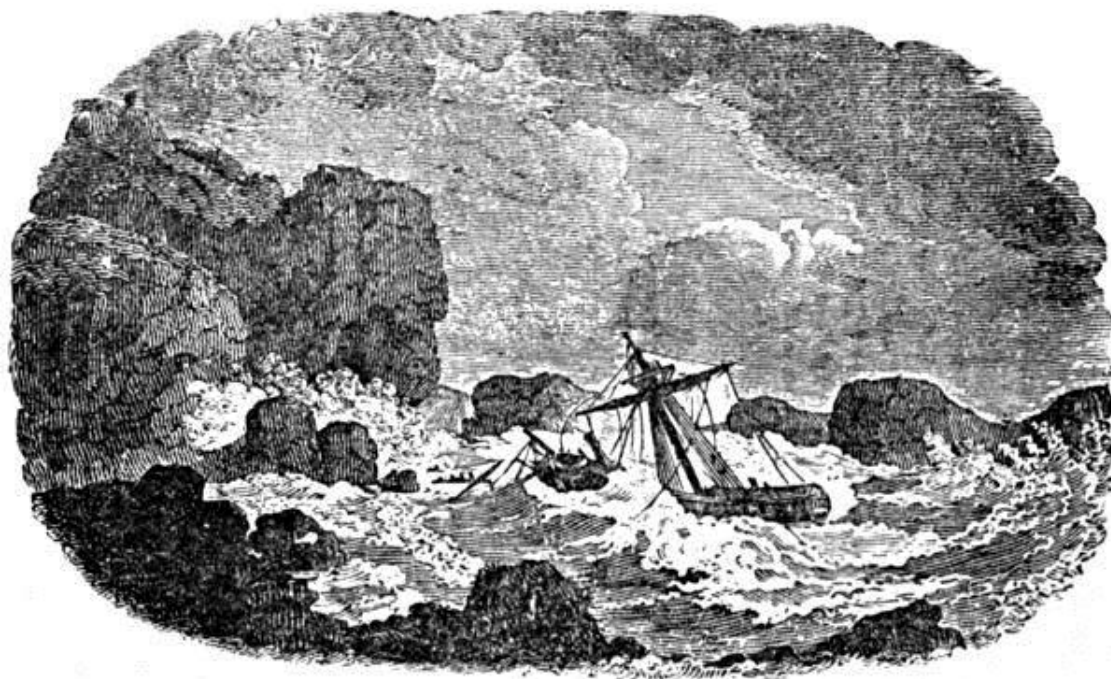
Прекрасный корабль, я видел, как ты плыл над глубиной,
Твои белые крылья сверкали в утренних лучах.
И многие сверкающие глаза напрасно плакали.
О смелых сердцах, что вели тебя по пути:
Долгие дни печали сменились годами:
Вернись! Вернись! И смахни их слезы.

Я слушал, пока музыка и песня
Умирали в водах, когда она плыла;
Я смотрел на ее величественную красоту, пока она не превратилась
Увядавшей тенью на далекой синеве;
Все меньше, и все меньше - воды одни!

Королева океана! Куда ты ушла?

Ветреная буря уснула,
А ты все еще держишься на верной глубине;
Пусть моря будут спокойнее, а небеса - голубее,
не заставили тебя распрощаться с родным островом!
Долго плакала темноглазая дева впустую:
Вернись! Вернись! И улыбнись ей снова.

Долго можешь ты плакать, но никогда не увидишь
Как вернется к тебе твой светловолосый моряк,
И обнимет юную красавицу в долгих объятиях,
И прочесть его прощание на твоём счастливом лице;
Твои нежные молитвы, прекрасная скорбящая, не смогли спасти!
Твой моряк спит в бурной волне.

КРУШЕНИЕ

КОРАБЛЯ "ХЭЛСВЕЛЛ" У БЕРЕГОВ АНГЛИИ

ГИБЕЛЬ "ХАЛСВЕЛЛА".

Катастрофа, о которой сейчас пойдет речь, произвела глубокое впечатление на общественное мнение. Обстоятельства, сопутствовавшие ей, были слишком отягчающими,

чтобы не вызвать высшей степени сочувствия, как со стороны лестных перспектив, открывавшихся в начале плавания, так и со стороны особого чувства к положению пострадавших.

Корабль Halsewell East Indiaman грузоподъемностью 758 тонн под командованием капитана Ричарда Пирса был взят директорами Ост-Индской компании для совершения третьего плавания к побережью и заливу. 16 ноября 1785 года он пристал к Грейвсенду, где завершил погрузку. Дамы и другие пассажиры были взяты на борт в Хоупе, и в воскресенье, 1 января 1786 года, корабль отправился через Даунс; когда на следующее утро он подошел к Данносу, погода была спокойной.

Это был один из лучших кораблей на службе, и, по мнению специалистов, он находился в самом лучшем состоянии для своего плавания. Его командир обладал выдающимися способностями и образцовым характером, его офицеры отличались верностью и несомненными знаниями в своей профессии, а команда была не только многочисленной, как это принято в Ост-Индии, но и состояла из самых лучших моряков, которых только можно было собрать. К ним добавилось значительное количество солдат, предназначенных для пополнения войск Ост-Индской компании в Азии.

Среди пассажиров было семь дам, две из которых были дочерьми капитана, а две другие - его родственницами. Мисс Элизабет Блэкберн, дочь капитана Блэкберна; мисс Мэри Хаггард, сестра офицера из Мадраса, и мисс Энн Мэнсел, ребенок европейских родителей, живущих в Мадрасе, вернувшаяся после обучения в Англии. Среди них был и мистер Джон Джордж Шутц, вернувшийся, чтобы забрать часть своего состояния, которое он оставил в Индии.

Дамы в равной степени отличались красотой и достижениями, джентльмены - приятными манерами и весьма респектабельным характером. Мистер Берстон, старший помощник, , также состоял в родстве с дамой капитана Пирса, и все они составляли счастливое общество, объединенное дружбой. Ничто не могло быть более приятным и обнадеживающим, чем начало плавания.

В понедельник, 2 января, в три часа пополудни поднялся южный бриз, когда корабль пристал к берегу, чтобы высадить лоцмана. Вечером наступила очень плотная погода, ветер стих, и в девять часов пришлось бросить якорь на глубине восемнадцати саженей. Топовые паруса были спущены, но люди не могли взять курс: снег падал густо и замерзал по мере того, как падал.

На следующее утро в четыре часа с востока на северо-восток налетел сильный шторм, и корабль задрожал, пришлось обрубить ванты и выйти в море. В полдень они связались с бригом, идущим в Дублин, и, посадив на него лоцмана, сразу же направились вниз по каналу. Ветер посвежел к восьми часам вечера и стал заходить с юга, поэтому паруса были убраны, как считалось необходимым. В десять часов подул сильный шторм с юга, и тогда пришлось натягивать паруса, чтобы удержать судно у берега. При этом пробки, которые, согласно позднему усовершенствованию, были вставлены внутрь, были вымыты, а якорные мешки смыты, в результате чего судно набрало большое количество воды на оружейную палубу.

Опробовав колодец и обнаружив, что судно дало течь, и в трюме теперь пять футов воды, люди задраили грот-шкот, подняли грот и немедленно попытались поставить оба, но не смогли этого сделать. После обнаружения течи все помпы были пущены в ход.

В два часа ночи в среду четвертого числа они попытались одеть корабль, но безуспешно, и, сочтя необходимым отрезать мизен-мачту, это было немедленно сделано, когда была предпринята еще одна попытка одеть его, столь же безрезультатная, как и первая. В трюме корабля было уже семь футов воды, которая быстро набиралась насосами, поэтому для его сохранения было сочтено целесообразным срубить грот-мачту, так как, казалось, ему грозила непосредственная опасность опрокидывания.

При падении мачты Джонатан Моретон, кокс-связист, и четыре человека были либо утянуты вместе с обломками, либо упали за борт и утонули. К восьми утра обломки были убраны, и корабль встал перед ветром, в таком положении он находился два часа. За это время насосы уменьшили количество воды в трюме на два фута, и судно пошло на восток только с передним парусом.

В десять утра ветер значительно ослабел, но корабль, работая с огромным трудом, перевернул фор-топмачту на правый борт, и при падении обломки прошли через передний парус, разорвав его на куски. В одиннадцать ветер стал западным, погода прояснилась, и в четырех или пяти лигах можно было различить Беррихед, идущий на север и на восток. Сразу же поставили еще один фордевинд, соорудили присяжную грот-мачту и поставили грот-топ-галлант, под которым капитан Пирс направился в Портсмут, а остаток дня потратил на то, чтобы поставить присяжную мизен-мачту.

В два часа следующего утра подул ветер с юга, свежий, погода была очень плотной. Портленд был виден в полдень, он шел на север и на восток, на расстоянии двух или трех лиг. Ночью подул сильный шторм с юга, и в это время были замечены огни Портленда, идущего на северо-запад, на расстоянии четырех или пяти лиг. Корабль завели, и он встал на западный галс; но, обнаружив, что он потерял ход, капитан снова завел его и продолжил движение на восток, надеясь обогнуть Певерелл-Пойнт, в таком случае он намеревался бросить якорь в бухте Студланд. В одиннадцать вечера прояснилось, и в полутора милях к подветренной стороне показалась голова Святого Албана, на которую тут же подняли парус и отпустили небольшой буерный якорь, который поднял корабль на целый кабельтов. Корабль греб около часа, но затем его повело; теперь был спущен шпунтовый якорь, от которого оторвался целый кабельтов, и корабль греб еще около двух часов, когда его снова повело.

Находясь в таком положении, капитан послал за вторым помощником мистером Генри Меритонем и спросил его мнение о вероятности спасения жизни тех, кто находится на борту; на что тот ответил с таким же спокойствием и откровенностью, что, по его мнению, надежды на это очень мало, поскольку корабль быстро движется к берегу, и в любой момент можно ожидать удара. Тогда упомянули о лодках, но было решено, что, хотя в данный момент от них мало пользы, но на случай, если представится возможность сделать их пригодными, было предложено доверительно попросить офицеров оставить длинную лодку для дам и для себя; эта мера была немедленно принята.

Около двух часов ночи в пятницу шестого января, когда корабль все еще шел и быстро приближался к берегу, тот же офицер снова пошел в каюту, где в это время находился капитан. Завязался разговор, капитан Пирс выразил крайнюю тревогу за сохранность своих любимых дочерей и искренне спросил офицера, может ли он придумать какой-нибудь способ их спасения. Когда тот с большой тревогой ответил, что, по его мнению, это невозможно, но что их единственным шансом будет дождаться утра, капитан поднял руки в безмолвном и страдальческом восклицании.

В этот страшный момент корабль ударился с такой силой, что головы людей, стоявших в каюте, ударились о палубу над ними, и удар сопровождался криками ужаса, которые в один миг раздались со всех концов корабля.

Многие матросы, которые на протяжении большей части шторма были удивительно невнимательны и не выполняли своих обязанностей, теперь высыпали на палубу, где никакие усилия офицеров не могли их удержать, хотя их помощь могла бы быть полезной - они фактически скорчились в своих гамаках, оставив работу насосов и другие необходимые работы офицерам корабля и солдатам, которые прилагали необычайные усилия. Пробужденные чувством опасности, те же моряки в этот момент неистовыми криками требовали от небес и своих товарищей по несчастью помощи, которую могли бы оказать их собственные усилия, приложенные вовремя.

Корабль продолжал биться о скалы и вскоре, задрвав трюм, упал широкой стороной на берег. При ударе несколько человек забрались на мичман-штаг, опасаясь, что судно немедленно разлетится на куски.

Мистер Меритон, второй помощник, в этот момент дал этим несчастным лучший совет, который только можно было дать; он посоветовал всем подойти к борту судна, лежащего ниже всех на скалах, и поодиночке воспользоваться открывающимися возможностями, чтобы выбраться на берег.

Приняв все возможные меры для обеспечения безопасности отчаявшегося экипажа, он вернулся в круглый дом, где к этому времени собрались все пассажиры и большинство офицеров. Последние занялись утешением несчастных дам, с беспримерным великодушием преодолевая сострадание к прекрасным и милым спутницам их несчастий, чтобы преобладать над чувством собственной опасности.

К этой благотворительной работе по утешению присоединился и мистер Меритон, заверив, что корабль продержится до утра, когда все будут в безопасности. Капитан Пирс, заметив, что один из молодых джентльменов громко восклицает от ужаса и часто кричит, что корабль расходится, весело попросил его замолчать, заметив, что если корабль и разлетится на куски, то он этого не сделает, а будет в полной безопасности.

Трудно передать правильное представление о сцене этой плачевной катастрофы, не описав место, где она произошла.

Корабль "Халсвелл" ударился о скалы неподалеку от Сикомба, на острове Пурбек, между Певерил-Пойнт и Сент-Албанс-Хед, в той части берега, где утес имеет огромную высоту и поднимается почти перпендикулярно от своего основания. Но именно в этом месте подножие скалы вырыто в пещере глубиной десять или двенадцать ярдов и шириной, равной длине большого корабля. Боковые стенки пещеры настолько вертикальны, что доступ к ней крайне затруднен, а дно усеяно острыми и неровными камнями, которые, похоже, в результате какого-то колебания земли оторвались от ее крыши.

Корабль лежал широкой стороной к устью этой пещеры, вытянувшись во всю длину почти от борта до борта. Но когда она ударилась, было слишком темно, чтобы несчастные, находившиеся на борту, могли осознать реальную величину своей опасности и крайний ужас такого положения. Даже мистер Меритон питал надежду, что корабль продержится до рассвета, и старался подбодрить своих поникших друзей, и в особенности несчастных дам, этой надеждой в ответ на расспросы капитана, что он думает об их состоянии.

В дополнение к компании, уже находившейся в круглой рубке, сюда были допущены три негритянки и две солдатские жены, которым вместе с мужем одной из них разрешили войти, хотя моряки, бурно требовавшие входа, чтобы зажечь свет, были против и не пускали мистера Роджерса и мистера Браймера, третьего и пятого помощников. Таким образом, их число возросло почти до пятидесяти человек. Капитан Пирс сидел на стуле, раскладушке или каком-то другом подвижном предмете, с каждой стороны от него находилась дочь, которую он попеременно прижимал к своей груди. Остальные члены меланхолического собрания расположились на палубе, которая была усеяна музыкальными инструментами, обломками мебели и другими предметами.

Здесь же мистер Меритон, разрезав на части несколько восковых свечей и расставив их в разных частях круглого дома, а также зажег все стеклянные фонари, какие только смог найти, занял свое место, намереваясь дожидаться рассвета, а затем помочь товарищам по несчастью спастись. Но, заметив, что бедные дамы выглядят изможденными и исхудавшими, принес корзину апельсинов и уговорил некоторых из них освежиться, отпив немного сока. В это время все они были в нормальном состоянии, кроме мисс Мэнсел, которая в истерических припадках лежала на полу палубы круглого дома.

Но когда мистер Меритон вернулся к компании, он заметил значительные изменения в облике корабля: борта заметно подались, палуба, казалось, приподнялась, и он обнаружил другие серьезные признаки того, что корабль не сможет долго держаться. В связи с этим он попытался выйти вперед, чтобы осмотреться, но сразу же увидел, что корабль разделился посередине, а носовая часть, изменив свое положение, легла дальше в сторону моря. В такой ситуации, когда следующее мгновение могло ввергнуть его в вечность, он решил воспользоваться представившейся возможностью и последовать примеру команды и солдат, которые уже покидали корабль и пробирались к берегу, хотя совершенно не знали его природы и описания.

В числе прочих мер был снят мичманский посох, который попытались проложить между бортом корабля и некоторыми скалами, но безуспешно, так как он сорвался, не долетев до них. Однако при свете фонаря, который матрос передал на палубу через фонарь круглой рубки, мистер Меритон обнаружил лонжерон, который, как оказалось, был проложен от борта корабля до скал, и на нем он решил попытаться спастись.

Улегшись на него, он устремился вперед, но вскоре обнаружил, что он не имеет связи со скалой; он дотянулся до его конца и соскользнул, получив при падении сильный ушиб, и, прежде чем он смог восстановить свои ноги, его смыло прибоем. Теперь он поддерживал себя вплавь, пока очередная волна не прибила его к задней части пещеры. Здесь он ухватился за небольшой выступ в скале, но был настолько оцепеневшим, что уже готов был бросить его, когда моряк, который уже успел укрепиться, протянул ему руку и помог, пока он не смог немного укрепиться на скале, с которой он перебрался на полку еще выше и вне досягаемости прибоя.

Мистер Роджерс, третий помощник, оставался с капитаном, несчастными дамами и их спутниками почти двадцать минут после того, как мистер Меритон покинул корабль. Вскоре после того, как последний покинул круглую рубку, капитан спросил, что с ним, на что мистер Роджерс ответил, что он вышел на палубу, чтобы посмотреть, что можно сделать. После этого, когда на корабль обрушилось сильное море, дамы воскликнули: "О бедный Меритон! Он утонул! Если бы он остался с нами, он был бы в безопасности!" И все они, особенно мисс Мэри Пирс, выразили сильное беспокойство, предчувствуя его гибель. По этому случаю

мистер Роджерс предложил пойти и позвать мистера Меритона, но дамы воспротивились этому, опасаясь, что его может постигнуть та же участь.

Море теперь врывалось в носовую часть корабля и доходило до грот-мачты. Капитан Пирс кивнул мистеру Роджерсу, и они, взяв лампу, вместе отправились в кормовую галерею, где, осмотрев скалы, капитан Пирс спросил мистера Роджерса, есть ли, по его мнению, возможность спасти девочек; тот ответил, что, боюсь, нет; ведь они могли обнаружить только черное лицо перпендикулярной скалы, а не пещеру, в которой укрылись те, кто спасся. Они вернулись в круглый дом, где мистер Роджерс повесил лампу, а капитан Пирс сел между двумя своими дочерьми, с трудом подавляя родительские слезы, наворачнувшиеся ему на глаза.

Море продолжало стремительно наступать, и мистер Макманус, мичман, и мистер Шутц спросили мистера Роджерса, что они могут сделать, чтобы спастись. Он ответил: "Идите за мной", и все они перешли на кормовую галерею, а оттуда - на верхнюю четверть галереи на полуюте. Пока они там находились, на борт обрушился сильнейший шквал, и круглый домик провалился; мистер Роджерс слышал, как дамы периодически вскрикивали, как будто вода доходила до них; в другое время шум моря заглушал их голоса.

Мистер Браймер последовал за ним на полуюту, где они пробыли вместе около пяти минут; когда во время сильного волнения они вместе схватились за курятник. Та же волна, которая оказалась смертельной для некоторых из тех, кто находился внизу, отнесла его и его спутницу на скалу, где они были жестоко разбиты и сильно ушиблены.

Здесь, на скале, находилось двадцать семь человек, но, поскольку сейчас была низкая вода, и они были уверены, что при приливе всех смоет, многие пытались забраться в заднюю или боковую часть пещеры, вне досягаемости возвращающегося моря. Это удалось лишь шестерым, кроме мистера Роджерса и мистера Браймера; из остальных некоторые разделили участь, которую они предвидели, а другие погибли, пытаясь в пещеру. Однако мистер Роджерс и мистер Браймер добрались до нее и вскарабкались на скалу, на узких полках которой они закрепились. Мистер Роджерс оказался так близко к своему другу, мистеру Меритону, что обменялся с ним взаимными поздравлениями. Между этими двумя джентльменами действительно существовала теплая дружба; они вместе совершили долгое и мучительное плавание на другом индийском судне, где пережили необычную смертность, которой подвергался экипаж. Они вернулись в Англию, и прошло всего двадцать пять дней, прежде чем они снова сели на корабль "Халсвелл".

Мистер Роджерс, добравшись до этой станции, был настолько истощен, что если бы его потуги затянулись еще на несколько минут, он, должно быть, утонул бы под ними. Теперь ему мешали присоединиться к мистеру Меритону по меньшей мере двадцать человек, ни один из которых не мог сдвинуться с места без непосредственной опасности для своей жизни.

Они обнаружили, что значительная часть команды, моряков и солдат, а также несколько старшин находятся в таком же положении, как и они сами, хотя многие из тех, кто достиг скал внизу, погибли при попытке подняться. Они все же могли различить какую-то часть корабля и в своем мрачном положении утешали себя надеждой, что он останется целым до рассвета; ведь в разгар их собственного бедствия страдания женщин, находившихся на борту, вызывали у них самую острую боль, а каждое волнение моря внушало им ужас за их безопасность.

Но, увы, их опасения оправдались слишком скоро: уже через несколько минут после того, как мистер Роджерс поднялся на скалу, всеобщий вопль, долго отдававшийся в ушах, в

котором отчетливо слышался женский голос, возвестил о страшной катастрофе. Через несколько мгновений все стихло, кроме рева ветра и плеска волн; затонувшее судно было погребено в глубине, и впоследствии от него не осталось и следа.

Потрясение, которое это произвело на дрожащих несчастных в пещере, было ужасным. Сами едва спасшиеся из моря и все еще окруженные надвигающейся опасностью, они оплакивали судьбу своих товарищей по несчастью. Но это было еще не все. Многие из тех, кто занял шаткое положение, ослабев от ран, ослабленные и избитые штормом, оставили свой трюм и, рухнув на камни, погибли под ногами своих товарищей по несчастью. Их предсмертные стоны и мольбы о жалости лишь пробуждали еще более мучительные опасения и усиливали ужас оставшихся в живых.

Наконец после трех часов, которые показались им целой вечностью, наступил день, но вместо того, чтобы принести облегчение страдальцам, он лишь обнажил ужасы их положения. Теперь они убедились, что если бы в стране подняли тревогу пушки, из которых они продолжали стрелять в течение многих часов до столкновения с кораблем, но которых не было слышно из-за сильного шторма, то ни люди сверху не смогли бы их заметить, ни одна лодка не смогла бы жить внизу. Они были полностью нависали над скалой, так что никакие веревки, спущенные вниз, не могли их достать; ни одна часть обломков не служила ориентиром для их отступления.

Единственной возможностью спастись было проползти вдоль стенки пещеры до ее наружной оконечности и по карнизу шириной не более ладони повернуть за угол и попытаться вскарабкаться вверх по обрыву, почти перпендикулярному, высотой почти 200 футов от дна; и в этой отчаянной попытке некоторые преуспели, а другие, дрожа от страха и измученные предыдущим конфликтом, потеряли опору и погибли.

Первыми на вершину взобрались повар и Джеймс Томпсон, квартирмейстер; как только они достигли ее, то поспешили в ближайший дом и сообщили о состоянии своих товарищей. Это был Истингтон, жилище мистера Гарланда, управляющего владельцами каменоломен в Пурбеке. Он немедленно собрал рабочих и, со всей возможной оперативностью раздобыв веревки, предпринял самые гуманные и ревностные усилия для оказания помощи оставшимся в живых людям.

Мистер Меритон предпринял попытку, аналогичную двум другим, и почти достиг края пропасти. Солдат, который шел впереди него, уперся ногами в небольшую выступающую скалу или камень, за который Меритон также уцепился руками, чтобы помочь ему продвигаться вперед. В этот критический момент подоспели каменоломщики и, увидев человека в пределах досягаемости, протянули ему веревку, за которую он тут же ухватился и, пытаясь воспользоваться этим преимуществом, расшатал камень, на котором стоял и который поддерживал мистера Меритона. Он поддался, и мистер Меритон, должно быть, упал бы на дно, если бы в этот момент к нему не была предусмотрительно спущена веревка, за которую он ухватился, когда уже совсем было собрался падать, и был благополучно вытащен на вершину.

Но судьба мистера Браймера была особенно суровой. Всего за девять дней до отплытия корабля он был женат на прекрасной девушке, дочери капитана Нормана из королевского флота, в котором он служил лейтенантом, и сейчас находился в гостях у дяди в Мадрасе; сойдя на берег вместе с мистером Роджерсом и поднявшись на борт пещеры, он оставался там до утра, когда выполз наружу. Ему бросили веревку, но либо он был настолько оцепеневшим от холода, что ненадежно закрепил ее на своем теле, либо по какой-то другой причине или от волнения не сделал этого полностью; в тот момент, когда его собирались

спасти из опасного положения, он упал и разбился вдребезги в присутствии своих товарищей.

С наступлением дня помощи стало больше, и, насколько позволяли силы выживших, они доползли до крайних точек пещеры и предстали перед своими хранителями, которые стояли наверху, готовые оказать им помощь. Для этого двое мужчин смело подошли к самому краю пропасти, обвязали их веревкой и прикрепили к крепкому железному пруту, вбитому в землю; за ними еще двое, еще столько же и так далее. Вокруг них была проложена крепкая веревка, за которую они могли держаться и предохраняться от падения. Затем спускали веревку с готовой петлей вниз, в пещеру, и при сильном ветре она в некоторых случаях оказывалась под выступающей скалой, достаточной для того, чтобы страдальцы могли дотянуться до нее, не выползая наружу. Тот, кто дотягивался, накидывал петлю на тело, и его тянули вверх. Расстояние от вершины скалы до пещеры составляло не менее ста футов, а скала выступала примерно на восемь; десять футов образовывали уклон к краю, а остальное было перпендикулярно.

Однако многие, пытаясь уберечься, разделили судьбу мистера Бримера, и, не сумев по слабости или от волнения воспользоваться помощью, предложенной сверху, в конце концов были сброшены со скалы и либо разбились вдребезги о камни внизу, либо погибли в волнах. Среди этих несчастных был и тот, кто, будучи смыт со скалы или упав в море, был вынесен возвращением волн за пределы волнолома, в пределах которого все его усилия уже никогда не могли привести его, но он все время удалялся от моря. Он прекрасно плавал и продолжал бороться, не спуская глаз со своих товарищей, пока его силы не иссякли, и он не утонул, чтобы больше не подняться.

В конце дня все оставшиеся в живых выбрались на сушу; один, правда, солдат, оставался на этом шатком месте до утра субботы 7 января, подвергаясь величайшей опасности и бедствиям. Когда офицеры, моряки и солдаты были собраны в доме мистера Гарланда, их оказалось семьдесят четыре человека; и это были единственные спасенные из более чем двухсот сорока, находившихся на борту, когда корабль проходил через Даунс, включая пассажиров. Предполагалось, что более пятидесяти человек из оставшихся достигли скал, но затем были смыты или упали с утесов; и что пятьдесят или более человек утонули вместе с капитаном и дамами в круглой рубке, когда задний отсек разлетелся на куски. Точный отчет о количестве людей на корабле так и не удалось получить, поскольку последние сведения, отправленные с него, так и не дошли.

Все, кто добрался до вершины скалы, остались в живых, за исключением двух или трех человек, которые, как предполагается, умерли во время подъема, и одного чернокожего, который умер вскоре после этого; хотя многие были сильно ушиблены.

Мистер Меритон и мистер Роджерс, снабженные мистером Гарландом необходимыми средствами для путешествия, отправились в Лондон, чтобы донести весть об этом бедствии до Индийского дома, куда они прибыли в полдень в воскресенье 8-го числа. По пути они знакомили магистраты городов, через которые проезжали, с тем, что несколько потерпевших кораблекрушение моряков вскоре окажутся на пути в метрополию. Это они сделали, чтобы отвести подозрения в том, что они путешествуют с какими-то другими целями. Достоин упоминания, что хозяин гостиницы "Корона" в Блэндфорде (Дорсетшир) не только отправил всех терпящих бедствие моряков к себе домой, где щедро их накормил, но и подарил каждому по полкроны при отплытии.

В этом злополучном кораблекрушении погибли все пассажиры. Дамы отличались особой красотой и утонченностью. Капитан был человеком выдающихся достоинств, гуманным и

великодушным. (Кроме двух дочерей, которые пострадали вместе с ним, он оставил еще шестерых детей и вдову, которая сожалеет о его утрате). Большинство офицеров также погибли; один из них, мистер Томас Джин, мичман, который находился под непосредственным присмотром капитана Пирса, после того как добрался до скалы, был сметен волнами. Хорошо поплавав, он снова добрался до нее, но, не выдержав навалившейся на него слабости и ударов бури, сдался и погиб в море.

РАССКАЗ О ЧЕТЫРЕХ РУССКИХ МОРЯКАХ, БРОШЕННЫХ НА ОСТРОВЕ ВОСТОЧНЫЙ ШПИЦБЕРГЕН.

В 1743 году купец из Месена в России снарядил судно для гренландского китового промысла. На борту судна находилось четырнадцать человек, и оно направлялось на Шпицберген. Восемь дней подряд после отплытия ветер был попутным, но на девятый он изменился, так что вместо того, чтобы добраться до побережья Шпицбергена, где обычно встречаются голландские корабли, их понесло на восток, и по прошествии нескольких дней они оказались у острова, называемого русскими Малый Брун. Подойдя к острову на расстояние трех верст, или двух английских миль, судно внезапно окружили льды, и команда оказалась в крайне опасном положении.

В таком тревожном состоянии состоялся совет, на котором помощник Алексея Химкофа сообщил своим товарищам, что некоторые жители Месена ранее намеревались зимовать на этом острове и с этой целью перевезли сюда древесину, пригодную для строительства хижины, и уже возвели ее на некотором расстоянии от берега.

Поэтому весь экипаж решил перезимовать там, если хижина, как они надеялись, еще существует, поскольку, оставаясь на корабле, они подвергались неминуемой опасности и в этом случае непременно погибли бы. В связи с этим четверо из команды были отправлены на поиски хижины или любой другой помощи, которую они могли бы встретить.

Их звали Алексис Химкоф, Иван Химкоф, Стефан Шарапоф и Феодер Верегин. Между ними и берегом было две мили льда, который, будучи рыхлым и скрепленным ветром, делал их приближение трудным и опасным. Взяв с собой мушкет, пороховницу с двенадцатью зарядами пороха и столькими же шариками, топор, котелок, около двадцати фунтов муки, нож, зольник, немного табака и каждый свою деревянную трубку, они вскоре прибыли на остров.

Первым их занятием было изучение местности, когда в полутора милях от берега они обнаружили упомянутую хижину. Она была тридцать шесть футов в длину, восемнадцать в ширину и восемнадцать в высоту и состояла из двух камер. Радясь успеху, они провели в ней ночь; хотя она была построена довольно давно, но сильно пострадала от непогоды.

На следующее утро четверо мужчин поспешили на берег, желая сообщить о своей удаче товарищам; кроме того, они намеревались взять с судна столько запасов, боеприпасов и предметов первой необходимости, чтобы можно было перезимовать на острове. Но читатель может представить себе их горе и удивление, когда, достигнув места высадки, они увидели лишь открытое море, а не лед, который покрывал его всего день назад. Несомненно, к такому изменению привел сильный шторм, поднявшийся ночью. Однако было неизвестно, разнесло ли судно льдами на куски или же его отнесло течением в океан, что в Гренландии

не редкость. Какой бы несчастный случай ни постиг судно, можно с уверенностью сказать, что они его больше не видели; отсюда следует, что оно затонуло, а все находившиеся на борту погибли.

Это прискорбное происшествие лишило их надежды когда-либо покинуть остров, и, полные ужаса и отчаяния, они вернулись в хижину. Но в первую очередь они занялись поиском средств к существованию и ремонтом своего жилища. На двенадцать зарядов пороха они добыли столько же оленей, поскольку остров, к счастью для них, изобилует этими животными.

Хотя в постройке было много щелей, дерево хижины было еще крепким и неповрежденным, поэтому недостаток был восполнен и сделан тем легче, что низшее сословие русских - искусные плотники. Здесь у них было много мха, чтобы помочь им.

Сильный холод климата не позволяет выращивать овощи, и на островах Шпицбергена нет ни одного дерева или кустарника. Однако русские собрали на берегу множество древесины, которая сначала состояла из обломков судов, а затем из целых деревьев с корнями - плодов какого-то более гостеприимного климата, хотя и неизвестного. К счастью, они нашли несколько кусков старого железа, несколько гвоздей длиной пять или шесть дюймов и железный крюк на нескольких деревянных досках, вымытых морем. Кроме того, они нашли корень ели, согнутый и почти сформированный в форме лука.

С помощью ножа лук был вскоре изготовлен, но не хватало тетивы и стрел. Не имея возможности достать ни того, ни другого, решили сделать два копия, чтобы защититься от белых медведей. Железный крюк превратили в молоток, расширив отверстие, которое он имел примерно посередине, одним из самых больших гвоздей. Большой камень служил наковальней, а пара оленьих рогов - щипцами.

С помощью этих инструментов были сделаны два наконечника для копий, которые привязывались ремешками к палкам толщиной в руку человека. Вооружившись таким образом, русские отважились напасть на белого медведя и, после опаснейшей схватки, сумели его убить. Это был новый запас провизии; они с удовольствием полакомились мясом и легко разделили сухожилия на нити, которые, помимо прочего, служили тетивой для их лука.

Далее русские стали ковать куски железа на мелкие части, напоминающие наконечники копий, и прикрепляли их к стрелам, закрепляя на еловых прутьях.

Таким образом, у них появился полноценный лук и стрелы, и им стало легче добывать пищу.

С их помощью за время своего пребывания на острове они убили не менее двухсот пятидесяти оленей, а также множество голубых и белых лисиц. Они питались мясом этих животных и использовали их шкуры для одежды. За все время проживания они убили только десять белых медведей, да и то с предельной опасностью, поскольку эти существа удивительно сильны и защищаются с удивительной силой и яростью. Первый из них был убит намеренно; остальные девять были убиты в порядке самообороны, так как животные даже осмелились войти во внешнюю комнату хижины, чтобы съесть их. Некоторые, менее свирепые, чем другие, были отбиты с первой попытки, но при повторных нападениях моряки постоянно опасались, что их уничтожат.

Поскольку они не могли позволить себе дрова для постоянного огня, они сушили часть провизии на открытом воздухе, а затем развешивали ее в хижине, которая всегда была полна дыма. Приготовленную таким образом похлебку они использовали для хлеба, поскольку им приходилось есть другую плоть полусырой.

К несчастью, один из русских был поражен цингой. Иван Химкоф, несколько раз зимовавший на побережье Западного Шпицбергена, посоветовал своим спутникам глотать сырое и замороженное мясо маленькими кусочками, пить кровь оленя, так как она течет теплой из вен животного, и есть цинготную траву, хотя ее было не очень много. Те, кто следовал его предписаниям, находили действенное противоядие, но Феодер Верегин, будучи от природы ленивым, не любил пить кровь оленя и, не желая покидать хижину, когда мог этого избежать, вскоре заболел цингой. С этой болезнью он прожил почти шесть лет, испытывая сильнейшие страдания. В конце концов он настолько ослабел, что не мог ни сидеть прямо, ни даже поднести руку ко рту, так что его гуманные спутники были вынуждены ухаживать за ним и кормить его, как новорожденного, до самой смерти.

Во время своих странствий по острову моряки встретили склизкий суглинок или что-то вроде глины, из которой они решили сделать светильник и предложили поддерживать его

постоянное горение за счет жира убитых ими животных - так они наполнили его оленьим жиром, а в качестве фитиля воткнули кусок скрученного льна. Но, к их огорчению, всегда, когда жир таял, он не только впитывался в глину, но и проникал сквозь нее со всех сторон. Поэтому они сделали еще один светильник, который тщательно высушили на воздухе и раскалили докрасна. Затем ее утолили в котелке, в котором сварили некоторое количество муки до консистенции тонкого крахмала. Заполнив его растопленным жиром, они к своей великой радости обнаружили, что он не протекает. Воодушевленные этой попыткой, они предприняли еще одну, чтобы не остаться без света, и сохранили остатки муки для подобных целей. Дуб, выброшенный на берег, а также шнуры, найденные среди обломков судов, служили фитилями, а когда эти средства не помогали, они использовали свои рубашки и кальсоны для той же цели. Таким образом, они поддерживали огонь в лампе с момента прибытия на остров и до дня отплытия на родину.

Одежда в столь суровом климате стала предметом первой необходимости. То, для чего они использовали привезенные с собой вещи, еще больше усугубляло его суровость. Шкуры оленей и лисиц до сих пор служили подстилкой. Необходимо было придумать способ их дубления, чтобы они лучше противостояли непогоде. Для этого шкуры вымачивали в воде до тех пор, пока не удавалось оттереть шерсть, а затем намазывали их оленьим жиром. Кожа в результате такого процесса становилась мягкой и податливой. Нужду в шилах и иглах восполняли куски железа, которые иногда собирали; из них делали нечто вроде проволоки, которую, раскалив докрасна, протыкали ножом, обтачивали до остроты, образующей игольное ушко. Сухожилия медведей и оленей, расщепленные на нити, служили для сшивания кусков кожи между собой, что позволяло русским приобретать куртки и штаны для летнего платья и длинный меховой халат с капюшоном для зимней одежды.

Таким образом, потребности этих несчастных были удовлетворены, и единственными мыслями, тревожившими их, были сожаление о тех, кто остался дома, или опасения, что кто-то из них переживет всех своих товарищей и тогда либо погибнет от голода, либо станет добычей диких зверей. У приятеля Алексиса Химкофа были жена и трое детей, о которых он постоянно думал и был несчастен от страха, что больше никогда их не увидит.

Кроме белых медведей, лисиц и оленей, которыми изобилует остров, здесь нет других животных. Летом здесь можно увидеть несколько птиц: гусей, уток и других водоплавающих. Киты редко приближаются к берегу, но тюленей очень много; другой рыбы мало, и даже ее изобилие мало помогло бы русским, у которых не было средств для ее добычи. Иногда на берегу находили зубы и челюсти тюленей, но никогда - целые туши; ведь когда эти животные умирают на суше, белые медведи тут же их съедают. Однако обычная пища этого свирепого существа - плоть мертвых китов, которых часто можно увидеть плавающими в полярных районах, а иногда их выбрасывает на берег. Когда такой возможности нет, они набрасываются на тюленей, пожирая их и других животных, спящих на берегу.

На острове много гор и отвесных скал огромной высоты, вечно покрытых снегом и льдом; здесь не встретишь ни одного дерева, даже самого бедного кустарника; нет и других растений, кроме цинготной травы, хотя во всех местах растет много мха. Русские не нашли ни одной реки; однако среди скал и гор протекало множество мелких речушек, которые давали воду в достаточном количестве.

Летом они видели, как солнце месяцами обходит горизонт, а зимой они столько же времени находились в полной темноте; но частое в то время появление *Aurora Borealis* способствовало уменьшению мрачности столь длинных ночей. Густая облачность, большое количество снега и почти непрекращающийся дождь в определенное время года часто

заслоняли звезды. Зимой снег полностью засыпал хижину, и выбраться из нее можно было только через дыру, которую они проделали в крыше одной из камер.

Когда несчастные мореплаватели провели в этой мрачной обители около шести лет, Феодер Верегин, все это время пребывавший в вялом состоянии, умер, испытывая мучительные боли. Хотя его товарищи были избавлены от необходимости ухаживать за ним и наблюдать за его страданиями, они глубоко переживали его смерть. Они видели, что их число уменьшилось, и каждый желал стать следующим, кто последует за ним. Умер он зимой, и для его трупа в снегу была вырыта как можно более глубокая могила, которую оставшиеся в живых по мере сил накрыли, чтобы до нее не добрались белые медведи.

Пока меланхоличные размышления, вызванные смертью Верегина, были еще свежи в памяти его товарищей, и пока каждый из них рассчитывал воздать товарищам по несчастью тем же, что и ему, или же самому первым принять их, 15 августа 1749 года неожиданно появилось русское судно.

Это судно принадлежало торговцу, который прибыл в Архангел и намеревался зимовать в Новой Земле; но, к счастью, ему предложили перезимовать на Западном Шпицбергене, на что он, после долгих возражений, согласился. Противоположные ветры на переходе не позволили кораблю достичь места назначения и погнали его к Восточному Шпицбергену, прямо напротив жилища мореплавателей. Как только они заметили его, то поспешили зажечь костры на ближайших холмах, а затем выбежали на берег, размахивая флагом из шкуры оленя, прикрепленным к шесту. Люди на борту, заметив эти сигналы, решили, что на берегу есть люди, которые просят их о помощи, и поэтому бросили якорь недалеко от острова.

Невозможно описать радость несчастных мореплавателей, когда они увидели, что момент их спасения так близок. Вскоре они договорились с хозяином судна взять их и все их богатства на борт, за что они должны работать во время плавания и заплатить ему восемьдесят рублей по прибытии в Россию. Поэтому они отправились в путь, взяв с собой две тысячи центнеров оленьего жира, множество шкур тех же животных, шкуры убитых ими голубых и белых лисиц и медведей. Не забыли они взять с собой и копья, ножи и топоры, которые почти износились, а также шилья и иглы, которые бережно хранились в шкатулке, очень искусно сделанной из кости.

Проведя шесть лет и три месяца в этом мрачном одиночестве, они благополучно прибыли в Архангел 25 сентября 1749 года. Но момент высадки на берег едва не стал роковым для любящей жены Алексия Химкофа, которая случайно присутствовала при заходе судна в порт. Сразу же узнав мужа, она с такой готовностью бросилась его обнимать, что соскользнула в воду и едва избежала гибели.

Все трое оставшихся в живых были крепкими и здоровыми; прожив так долго без хлеба, они не могли примириться с его употреблением; не переносили они и спиртных напитков и пили только воду.

Поскольку они были вассалами графа Шувалова, имевшего в то время право на китовый промысел, мсье Леруа попросил его отправить их из Архангела в Санкт-Петербург, где он мог бы убедиться в их приключениях; двое из них прибыли, Алексис Химкоф, около пятидесяти лет, и Иван Химкоф, около тридцати. Они привезли несколько любопытных образцов своего мастерства, выполненных так аккуратно, что было сомнительно, какими инструментами они могли быть сделаны. На основе их рассказов, адресованных М. Клингштадту, аудитор

Адмиралтейства в Архангельске, и того, что они сообщили сейчас, М. Леруа составил предшествующее повествование.

В течение последних столетий Шпицберген был весьма посещаем из-за выгодного китового промысла в близлежащих морях, и там и в окрестностях произошло несколько кораблекрушений, а также инцидентов, подобных предыдущим. Шпицберген - мрачная и бесплодная страна, получившая свое название от высоких остроконечных гор, которыми она покрыта; здесь вечно лежит снег, на почве произрастает мало растений, и она лишена леса. Но чтобы в какой-то мере компенсировать скудость природы на суше, ее моря, изобилующие рыбой, могут обеспечить человечество обильным количеством пищи и одежды.

ГИБЕЛЬ КАТОРЖНОГО СУДНА "АМФИТРИТА".

Следующие подробности гибели этого судна скопированы из письма, датированного Булонь-сюр-мер, 1 сентября 1833 года.

Шокирующее событие, о котором повествует заголовок этого письма, уверяю вас, наполнило город тревогой и должно повлечь за собой самое тщательное и жесткое расследование. Я не могу пытаться описать страдания не только англичан, но и французов в связи с этим печальным событием и лишь выражаю общее мнение, когда говорю, что британская общественность требует, чтобы было начато расследование поведения всех сторон, причастных к этому прискорбному делу.

Каторжное судно "Амфитрита" отплыло в Новый Южный Уэльс из Вулвича 25 августа. Командиром судна был капитан Хантер, хирургом - мистер Форрестер, на борту находилось 108 женщин-каторжниц, 12 детей и команда из 16 человек. Капитан был совладельцем судна. Когда корабль прибыл в Дангенесс, 29 числа начался шторм. В пятницу утром капитан поставил судно на мель, так как шторм был слишком сильным для плавания. В субботу в полдень судно находилось примерно в трех милях к востоку от Булонской гавани, когда они вышли на сушу. Капитан поставил топсель и грот, надеясь удержать судно у берега.

С трех часов она находилась в поле зрения Булони, и, конечно, море было очень тяжелым, а ветер очень сильным; но ни одна лоцманская шлюпка не вышла к ней, и не было послано никаких спасательных шлюпок или другой помощи. Я наблюдал за ней с трех часов до половины четвертого пополудни, когда она вошла в гавань Булони и ударилась о песок. К четырем часам стало ясно, что это британский корабль, но некоторые говорили, что это бриг; другие утверждали, что это торговое судно, хотя все говорили, что оно английское.

Из показаний трех спасшихся из экипажа - остальные погибли - следует, что капитан приказал отпустить якорь, надеясь, что его развернет приливом.

Через несколько минут после того, как судно село на мель, толпы людей бросились к берегу, а храбрый французский моряк по имени Пьер Энен, который уже получил благодарность Лондонского гуманного общества, обратился к капитану порта и сказал, что он намерен идти один и добраться до судна, чтобы сказать капитану, что ему нельзя терять ни минуты, но он должен, поскольку наступила низкая вода, отправить на берег всю свою команду и пассажиров.

Вы помните, что до того момента, как судно село на мель, не было принято никаких мер, и капитана не предупредили с берега об опасности.

Однако, как только судно село на мель, была отправлена лоцманская шлюпка под командованием Франсуа Эвре, который не раз проявлял храбрость и талант, и чуть позже пяти подошла к нему. Капитан судна отказался воспользоваться помощью Герета и его храбрых товарищей, а когда часть команды предложила сойти на берег, капитан не позволил им этого сделать. Двое из спасенных утверждают, что знали, что лодка находится под носом, а остальные были внизу и укладывали свои вещи. Тогда команда могла бы выбраться на берег, а также все несчастные женщины и дети.

Когда французская лодка ушла, хирург послал за Оуэном, одним из членов команды, и приказал ему вытащить длинную лодку. Это было около половины пятого. Хирург обсудил этот вопрос со своей женой и с капитаном. Они боялись позволить пленникам сойти на берег. Говорят, что жена хирурга предложила оставить осужденных там и сойти на берег без них.

В результате этого обсуждения длинная лодка не была отправлена. Три каторжанки рассказали Оуэну, что слышали, как хирург убеждал капитана не принимать помощь французской лодки из-за заключенных, находившихся на борту.

Теперь вернемся к Пьеру Энэну. Хирург и капитан отказались от французской лоцманской шлюпки, баркас был отменен из-за обсуждения вопроса о спасении заключенных, и было уже почти шесть часов. В это время Энэн отправился на пляж, разделся, взял линь, проплыл голым около трех четвертей часа или часа и прибыл на судно чуть позже семи. Подойдя к правому борту судна, он окликнул команду и сказал: "Дайте мне линь, чтобы я провел вас на сушу, иначе вы пропали, так как море наступает". Он говорил по-английски достаточно ясно, чтобы его услышали. Он дотронулся до судна и сказал, чтобы они обратились к капитану. Они бросили (то есть некоторые члены команды, но не хирург или капитан) два линя, один с кормы, другой с носа. Тот, что с кормы, он не смог захватить, а тот, что с носа, смог. Затем он направился к берегу, но веревка была остановлена. Предполагается, что это были действия хирурга и капитана. Тогда он (Хенин) поплыл обратно и попросил дать ему еще веревку, чтобы добраться до берега. Капитан и хирург не дали. Тогда они попытались вытащить его на берег, но его силы не выдержали, и он выбрался на берег.

Вы понимаете, что и до этого момента капитану и хирургу не давало покоя одно и то же препятствие - они не осмеливались без полномочий высаживать осужденных на берег, и вместо того, чтобы оставить их на борту или посадить без таких полномочий, они погибли вместе с ними.

Женщины-каторжницы, сидевшие под люками, когда судно село на мель, выломали полупалубный люк и в бешенстве бросились на палубу. Конечно, они умоляли капитана и хирурга отпустить их на берег в баркасе, но их не послушали, так как капитан и хирург не считали себя вправе освобождать заключенных, отданных на их попечение.

В семь часов начался прилив. Команда, видя, что надежды нет, уцепилась за такелаж. Бедные 108 женщин и 12 детей оставались на палубе, издавая самые жалобные вопли. Судно находилось примерно в трех четвертях английской мили от берега, не более. Оуэн, один из трех спасшихся мужчин, считает, что женщины оставались на палубе в таком состоянии около полутора часов. Оуэн и четверо других находились на лонжеронах, и он считает, что они оставались там три четверти часа, но, не видя надежды на спасение, он начал плавать и в бесчувственном состоянии был доставлен в гостиницу. Тоуси, еще один из спасенных, находился на доске вместе с капитаном. Тоуси спросил, кто он такой? Тот ответил: "Я капитан", но в следующее мгновение исчез. Райс, третий человек, выплыл на берег по трапу. Он находился на корме, когда остальные люди перебрались на плот. Когда

французский лоцман отчалил, получив отказ от капитана, он (Райс) увидел на берегу человека, машущего шляпой, и заметил капитану, что джентльмен машет им, чтобы они сошли на берег. Капитан отвернулся и ничего не ответил. В этот момент все женщины исчезли, а корабль разломился на две части.

Таковы факты этого ужасного случая. Французское морское гуманное общество немедленно разместило сотни людей на берегу; офис, или ночлежка, находился недалеко от берега, и как только трупы были подобраны, их принесли в комнаты, где я помогал многим из моих соотечественников, пытаясь вернуть их к жизни. Наши усилия оказались бесплодными, за исключением случаев с тремя мужчинами - Оуэном, Райсом и Тоуси. Я никогда в жизни не видел столько прекрасных и красивых тел. Некоторые из женщин были сделаны самым совершенным образом; и французы и англичане вместе плакали от такой ужасной гибели людей на виду - да, и даже рядом - с портом и городом. Было найдено более 60; завтра их похоронят. Но, увы, после всех наших усилий из 136 жизней удалось спасти только три.

МЯТЕЖНИКИ, МОРСКАЯ ИСТОРИЯ.

Вряд ли найдется человек, хоть в какой-то степени знакомый с переменчивыми сценами человеческого бытия, который не знал бы, что многие из простых историй обычной жизни обладают неописуемым очарованием. Эти неприукрашенные подробности человеческих бед и несчастий, взятые прямо из-под пера природы, лишены излишних прикрас искусства и, в отсутствие всякого заимствованного блеска, наглядно демонстрируют, что они "украшены больше всего, когда не украшены". Они представляют собой диаметральный контраст с теми плодами больного воображения, той тошнотворной романтикой об обрученных девственницах и женской любви, которая в стольких случаях вытесняет порядочность и здравый смысл со страниц нашей периодической литературы как "непрошенных гостей".

Часто говорят, что моряки, как никто другой, испытывают неумную тягу к дикому и удивительному. Конечно, тот, кто сидит на корабельном форштевне ярким лунным вечером, услышит о "побегах на волосок от гибели" и опасных приключениях, не менее рыцарских и невероятных, чем те, которые Сервантес и биограф барона Мюнхгаузена приписывают своим героям. Хотя следующие происшествия могут не вызвать особого интереса, они, по крайней мере, обладают достоинством правды. Актеры этой короткой драмы все еще находятся на сцене, готовые подтвердить это изложение фактов.

Утром 14 апреля 1828 года корабль "Голд Хантер" величественно вышел из ливерпульских доков с попутным ветром и приливом. Мерсей от Ливерпуля до Блэк-Рока, расстояние около трех миль, был буквально запружен судами всех мастей и народов, которые, воспользовавшись попутным ветром, вышли из гавани. Здесь можно было увидеть маленький французский буксир, который вез в Бордо купленные фрукты и бренди, такой же резвый в своих движениях, как и нервный месье, который им командовал. Чуть поодаль, на возвышенном полуострове своего галиота, восседал квадратноплечий антверпенец, наслаждаясь вместе со своей командой великолепным дымом. Было почти видно, как они (и то без очень острой оптики) старательно набивают свои трубки табаком, тревожно выходящим в дыму над их головами. Нередко можно было увидеть звездно-полосатое знамя, красиво развевающееся на лоне волны. Безмятежность атмосферы, постоянно меняющийся блеск сцены, весь ансамбль были рассчитаны на то, чтобы вызывать самые приятные

эмоции. Все, казалось, давало самые лестные заверения в том, что плавание будет спокойным и безмятежным.

Эта большая эскадра шла почти без остановок, пока не достигла Холихеда, где суда, направлявшиеся в Шотландию или на север Ирландии, отделились от тех, что шли вниз по каналу. Судно "Голд Хантер", чьим пунктом назначения был порт в Соединенных Штатах, конечно же, находилось в компании с последними. Те, кто находился на его борту, естественно, испытывали огромное удовлетворение, понимая, что это не только самое великолепное и изящное судно, но и самый быстрый моряк на свете.

Однако прежде чем мы продолжим, мы должны в какой-то мере познакомить читателя с обитателями "Золотого охотника". Несмотря на то, что судно было одним из тех плавучих дворцов, которые называют "ливерпульскими пакетботами", а капитан - законченным джентльменом и искусным мореплавателем, на нем было всего два пассажира - ирландский джентльмен (который незадолго до этого продал свой лейтенантский чин в британской армии) и его сестра. Первый участвовал в самых ожесточенных сражениях Англии и завоевал несколько самых ярких лавров. Причиной, побудившей его избавиться от поручения и оставить тяготы и почести военной жизни, стало желание навестить близких родственников, которые в раннем возрасте эмигрировали в эту страну и теперь пользуются уважением и состоятельностью. Именно с этой целью мистер Келли и его сестра отправились на судне "Голд Хантер" в то время, о котором мы сейчас говорим. Нет нужды говорить, что они испытывали друг к другу всю ту глубокую и романтическую привязанность, которая так характерно пронизывает ирландские отношения.

Капитан, человек тонких чувств и развитого интеллекта, проводил в их обществе большую часть своего досуга; и не раз вечером, когда лунные лучи ярко играли на ряби воды, а взмахи парусины, казалось, уверяли, что они спешат в нежные объятия тех, кого любят, они сидели вместе на квартердеке, а мисс Келли усиливала блеск сцены, напевая дикие, трогательные мелодии, которые она научилась напевать на родных холмах. Таким образом, "время трогало цветы", а случайные лишения и неудобства морского путешествия были значительно смягчены.

Ничего достойного особого внимания не происходило до 25 апреля, когда мистер Келли, прогуливаясь по погодной стороне главной палубы, случайно подслушал следующий разговор между тремя или четырьмя членами команды, занятыми заделкой швов под самым носом баркаса.

"Говорю тебе раз и навсегда: груз шелка и сукна не принесет нам никакой пользы без готовых денег".

"Готовые деньги! Сколько раз тебе повторять, что на борту есть спекуляция? У старика две или три тысячи долларов, а у Келли мешок суверенов, или мои глаза никогда не видели соленой воды". "И девушка, - сказал третий голос, который, как понял мистер Келли, принадлежал стюарду, - и девушка не зря звенела своим мешком на днях, когда проходила мимо меня: что-то здесь есть, или моя голова - клубок пряжи".

Келли застыл на месте от ужаса и изумления, но, опасаясь, как бы кто-нибудь не заметил его, присел под баркас, который обеспечивал ему частичное укрытие. Находясь в таком положении, он, затаив дыхание, следил за развитием их планов, настолько убийственных, что кровь стыла в жилах.

Когда злодеи переходили к самым черным, самым ужасным частям своего плана, их голоса инстинктивно затихали почти до шепота, так что Келли мог уловить лишь общие черты. Он выяснил, что в их намерения входило дожидаться какой-нибудь темной, мрачной ночи, когда они набросятся на капитана, его самого и сестру, убьют их в постели, отнимут деньги и завладеют кораблем. При этом они хотели сохранить жизнь помощнику, в услугах которого они нуждались как в штурмане. Сделав все это, они должны были направиться прямо к побережью Африки, где надеялись раздать груз неграм. В случае успеха они рассчитывали доставить в Вест-Индию груз рабов, а в противном случае - полностью покинуть корабль, прихватив с собой спекуляцию и все легкие ценные вещи, которые им было удобно взять. Они предполагали, что им не составит труда представиться потерпевшими кораблекрушение моряками в некоторых поселениях на побережье; а поскольку из этих поселений часто уходили суда в Соединенные Штаты, они полагали, что смогут получить проход, не вызывая никаких подозрений.

Келли был человеком столь невозмутимого самообладания, что ему не составило труда подавить все симптомы, которые могли бы свидетельствовать о его осведомленности о дьявольском заговоре. Однако в его намерения не входило скрывать что-либо от капитана Ньютона; поэтому капитану он безоговорочно рассказал обо всем, что ему стало известно. Поначалу они были в растерянности, какие меры предпринять: одно они считали самым важным - держать мисс Келли в полном неведении о том, что происходит на борту. Какая-нибудь несдержанная вспышка тревоги была бы почти наверняка, такова была возбудимость ее темперамента. А это, в их нынешней ситуации, могло привести к самым плачевным последствиям.

Капитан решил с особой бдительностью следить за движениями Хармона, который, судя по его участию в разговоре, о котором говорилось выше, был главарем. Здесь, чтобы читатель мог полностью понять суть повествования, нам необходимо сделать небольшое отступление.

Управление кораблем, в самом строгом смысле этого слова, монархическое, капитан обладает безраздельной и абсолютной властью. Отношения, которые он поддерживает с матросом, очень напоминают отношения хозяина с рабом. Следовательно, чтобы матрос не разорвал эти отношения, даже самый слабый оттенок неповиновения должен быть немедленно пресечен. Если хозяин корабля позволит матросу безнаказанно сделать дерзкий ответ, он тут же обнаружит, что его авторитет подорван и растоптан, а его самые настоятельные приказы упорно игнорируются.

День после того, как мистер Келли сообщил капитану поразительную новость, выдался несколько шквалистым. Последний стоял на погодной стороне квартердека и давал указания рулевому (им оказался Хармон) относительно управления кораблем:

"Лаф! Лаф! Держите ее на полном ходу! Следите за рулем, иначе она будет идти по ветру. Опустите его, или она отвалит! Если ты не будешь лучше управлять кораблем, я отшвырну тебя от штурвала. Ты не удержишь ее в пределах трех пунктов от курса в любую сторону!"

Все это было сказано, разумеется, довольно авторитетным тоном, и Хармон дерзко ответил: "Я могу управлять кораблем так же хорошо, как вы или любой другой человек на корабле".

Такой дерзкий ответ полностью разрушил философию капитана Ньютона, и он тут же нанес Хармону удар кулаком, на который Хармон так же стремительно ответил, повалив капитана на палубу.

После этого Хармон бросил штурвал, оставив корабль на произвол судьбы, и поспешил вперед к форштевню, надеясь там закрепиться так прочно, чтобы противостоять всем нападениям извне.

Капитан, как только смог оправиться от изумления, подошел к двери каюты и закричал,

"Мистер Келли, наши жизни в опасности, помогите мне, дорогой сэр, уберечь одного из моих людей, этого головореза Хармона. Мы должны взорвать этот план в самом начале, иначе нам конец".

У Келли было слишком мало хладнокровия, чтобы останавливаться и обсуждать этот вопрос, когда он знал, что от его решения может зависеть жизнь дорогой сестры. В тот же миг он понял, что заговорщики возьмут на себя смелость, если их немедленно не одолеть. Поэтому он мгновенно присоединился к капитану Ньютону, и они вместе направились к форштевню.

Угрозы и приказы оказались недостаточно действенными, чтобы вывести Хармона из его укрытия. Необходимо было прибегнуть к какому-то более действенному средству. Поэтому в многочисленные щели синоптиков была запущена сера, и атмосфера стала невыносимой. Обезумев от удушья, с горящими от ярости глазами, он яростно размахивал огромным футлярным ножом: "Ты, Ньютон, и ты, Келли! Клянусь, если я буду вынужден покинуть этот проход, я вонжу этот нож в ваши груди, вы, адские мучители!"

Подобно измученному, израненному, обезумевшему быку, которого окружили преследователи и который подтягивает к себе свои угасающие силы для последнего яростного броска, был Хармон, когда Келли с самым провокационным хладнокровием сказал: "Хармон, ты должен покинуть этот форпик или умереть здесь".

Вскоре стало очевидно, что он готовится к отплытию, поэтому они прочно уселись возле прохода, через который только он и мог выйти. Вскоре он с яростью бросился туда, на ходу нанося отчаянные удары капитану Ньютону своим огромным футлярным ножом. Если бы в этот момент мистер Келли ловким движением не ударил Хармона по руке, еще один бессмертный дух был бы освобожден от этого "витка смертности". Но вместо этого злодей был обезоружен, и его опасное оружие безвредно болталось на волнах. Теперь Хармон был бессилен, и они без труда надели на него кандалы. В течение всего этого поединка его товарищи не осмеливались предложить ему ни малейшей помощи: напротив, каждый молча стоял в стороне, со страхом и недоверием глядя на своего соседа.

Когда мистер Келли вернулся в хижину, он обнаружил, что его сестра от ужаса потеряла сознание. Летучие соли и заверения в том, что все ее будущие страхи окажутся совершенно беспочвенными, очень быстро привели ее в чувство. * * *

Утром 23 мая с мачты был виден Чарльстонский маяк. Ни остатка опасений не осталось позади; каждый пульс бился радостно; предвкушаемая радость наполняла каждую грудь. Прошло совсем немного времени, прежде чем над бухтами в сторону "Золотого охотника" показался грузовой катер, с которого развеваются полосы и звезды. Вскоре он оказался рядом, и после обмена приветствиями между судами командир катера поднялся на борт. После долгих расспросов капитан Ньютон попросил офицера Соединенных Штатов пройти в каюту, где тот изложил все обстоятельства, связанные с сорвавшимся заговором.

"Капитан Моррис, - сказал он, - я буду вынужден обратиться к вам за помощью в привлечении этих людей к ответственности".

"Все, что я могу предоставить, - ответил капитан М., - к вашим услугам; но как мы будем действовать?"

"Посадите этих людей в кандалы, а затем я передаю их на ваше попечение".

Об этих намерениях было объявлено на палубе, и если когда-либо на лицах людей отражались оцепенение и горестная тревога, то только в случае с теми, кто участвовал в заговоре, но до сих пор полагал, что все их планы окутаны полуночной тайной. На всех них без труда надели кандалы, и вскоре они оказались надежно укрыты на борту судна Соединенных Штатов.

На осеннем заседании Верховного суда Южной Каролины четыре человека предстали перед судом по обвинению в "мятеже в открытом море" на борту судна "Голд Хантер".

Доказательства были настолько убедительными, что вся изобретательность совета заключенных, как ни крути, ни к чему не привела. Присяжные вынесли обвинительный вердикт, не покидая своих мест. Хармон был приговорен к пяти годам тюремного заключения, остальные - к четырем годам каждый. Таким образом, опаснейшее стремление было пресечено.

СУДЬБА СЕМИ МОРЯКОВ, ОСТАВШИХСЯ НА ОСТРОВЕ СВ. MAURICE.

Голландцы, которые часто посещали северные регионы в более благоприятное время года, занимаясь китовым промыслом, захотели выяснить, в каком состоянии находятся различные места, пока царит зима. По этому поводу существовали различные мнения, и астрономы хотели, чтобы их взгляды на некоторые природные явления были либо подтверждены, либо опровергнуты. Кроме того, под этими видимыми причинами скрывалась более важная цель, а именно: возможно ли основание постоянных колоний в самых отдаленных частях Гренландии. Поэтому через гренландский флот было распространено предложение, чтобы семь моряков предложили перезимовать на острове Святого Мориса, а другие семь - на Шпицбергене. Мы не знакомы с побудительными мотивами, но, вероятно, колебания были незначительными, поскольку мы находим партии, готовые зимовать в разных указанных местах почти в одно и то же время.

Семь самых крепких и способных мужчин флота согласились остаться, и их товарищи отплыли с острова Святого Мориса 26 августа 1633 года.

Через два дня после этого люди разделили между собой полфунта табака, которым они ограничились в качестве еженедельного пособия. В это время не было ночи, а солнечный зной был настолько сильным в течение дня, что они снимали рубашки и занимались спортом на склоне холма неподалеку от своего жилища. На острове в изобилии водились морские чайки, и моряки постоянно выискивали растущие здесь овощи для салата.

К концу сентября погода стала бурной, а в начале октября их хижины так сильно сотрясались от сильных порывов ветра, что их ночной отдых был прерван; но они не прибегали к стрельбе до 9 числа того же месяца. Примерно через неделю после этого на берег выбросило двух китов, и моряки сразу же попытались убить их гарпунами, копьями и тесакими, но из-за прилива им удалось спастись.

С наступлением зимы медведей стало так много, что люди не решались выходить из своих хижин по ночам, но днем иногда убивали некоторых, которых потом жарили. Однако

некоторые из этих животных были настолько сильны, что убегали после того, как в них стреляли. На берегу моря также видели множество чаек, которые каждую ночь улетали в горы, где они обычно отдыхают.

Первое января 1634 года выдалось мрачным и морозным; моряки, пожелав друг другу счастливого Нового года и удачи в их предприятии, отправились на молитву. Два медведя подошли совсем близко к их хижинам, но из-за темноты дня и глубины снега взять их не удалось; вскоре моряки добились большего успеха и, подстрелив одного, затащили его в хижину, где сняли с него шкуру. С 1 февраля эти животные стали очень пугливыми, и их редко можно было увидеть.

В марте все люди заболели цингой из-за нехватки свежей провизии, и их дух падал по мере развития болезни; только двое были здоровы 3 апреля, а остальные были крайне больны. По их просьбе для них были убиты два птенца, больше не осталось; а поскольку аппетит у них был неплохой, остальные надеялись на их выздоровление. Все они редко выходили из своей хижины, чтобы осмотреть море или окрестности; но 15-го числа они заметили четырех китов в соседней бухте.

Клерк был очень болен и умер 16-го числа, после чего оставшиеся в живых моряки обратились к Небесам с просьбой помиловать его душу, а также себя, так как они сильно страдали. Свежей провизии не осталось, и им с каждым днем становилось все хуже, отчасти из-за отсутствия необходимых вещей, а отчасти из-за сильного холода. Даже будучи здоровыми, они с трудом могли поддерживать себя в тепле с помощью физических упражнений; а когда заболевали и не могли выйти из своих хижин, то и это средство было бесполезным. Болезнь быстро распространялась среди этих несчастных людей, так что 23 числа не более одного человека могло дать отчет об остальных, что и было сделано в этих словах его дневника: "К этому времени мы дошли до плачевного состояния, никто из моих товарищей не в состоянии помочь ни себе, ни другому; поэтому все бремя лежит на моих плечах, и я буду выполнять свой долг, насколько смогу, пока Богу будет угодно дать мне силы. Я как раз собираюсь помочь нашему командиру выйти из каюты; он думает, что это облегчит его боль, ведь он борется со смертью. Ночь темная, ветер дует с юга".

Тем временем голландцы, которые в летний сезон отправлялись в Гренландию, с нетерпением ждали, когда можно будет узнать о судьбе семи человек, оставшихся на острове Сент-Морис. Некоторые из моряков сразу же по прибытии, 4 июня 1634 года, сели в лодку и поспешили к хижинам. Однако, поскольку никто из остальных не вышел к морю, чтобы поприветствовать их, они не предвещали ничего хорошего; и, соответственно, обнаружили, что все несчастные испустили дух. Первый, как мы уже видели, скончался 16 апреля 1634 года, и его товарищи, положив тело в гроб, поместили его в одну из хижин. Остальные, как предполагают, умерли около начала мая, судя по дневнику, который они вели, говоря, что 27 апреля они убили свою собаку за неимением свежей провизии, и по его окончанию в последних числах этого месяца.

Возле одного из тел лежали хлеб и сыр, которыми, возможно, питался моряк непосредственно перед своей смертью; возле каюты другого лежала коробка с мазью, которой он натирал зубы и суставы, а его рука все еще была протянута ко рту. Рядом с ним лежал молитвенник, который он читал. Каждый из мужчин был найден в своей каюте.

Коммодор гренландского флота, получив эти печальные сведения, приказал положить шесть тел в гробы и вместе с седьмым положить под снег. Затем, когда земля оттаяла, они были извлечены и погребены в день Святого Иоанна под общий выстрел из пушек флота.

МОРЯКИ, ЗИМОВАВШИЕ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ.

30 августа 1633 года голландский флот отплыл из Норт-Бей на Шпицберген, оставив там семь человек, которые согласились там перезимовать. Сразу же после отплытия судов они начали собирать достаточное количество провизии, чтобы обеспечить себя всем необходимым до возвращения своих товарищей в следующем году. Поэтому в разное время они с успехом охотились на оленей и ловили много морской птицы, а также время от времени добывали травы, которые оказались очень полезными.

Когда погода позволяла, они часто совершали морские и сухопутные экскурсии и пытались убить китов и нарвалов в различных бухтах на восточном побережье Шпицбергена.

Об экстремальном похолодании климата возвестило исчезновение всего пернатого племени третьего октября, и с тех пор оно постепенно усиливалось. 13-го числа бочки с пивом замерзли на три дюйма, а вскоре после этого, хотя они стояли в восьми футах от огня, они промерзли сверху донизу. Моряки разбили лед на море и расставили под ним сети для ловли рыбы; но из-за постоянно усиливающейся непогоды за два часа на поверхности образовался лед толщиной в фут.

От сильного холода они почти постоянно лежали в постели, и, несмотря на то, что у них были и решетка, и печь, они иногда были вынуждены вставать и делать сильные упражнения, чтобы сохранить тепло.

В течение зимы на небе наблюдались прекрасные явления, такие как Аврора Бореалис, удивительного великолепия и величины, и другие метеоры, казалось, возникающие из-за ледяных гор.

Третьего марта мореплаватели столкнулись с чудовищным медведем, в результате чего один из них едва не погиб. Животное пришло в ярость от полученных ран; прыгнув на моряка, собиравшегося пронзить его копьем, оно повалило его на землю и, если бы не своевременное вмешательство другого, разорвало бы на куски.

В конце концов, после многих трудностей и лишений, мореплаватели были обрадованы тем, что 27 мая 1634 года в бухту вошла лодка, возвещавшая о возвращении голландского гренландского судна, которое бросило якорь в тот же вечер.

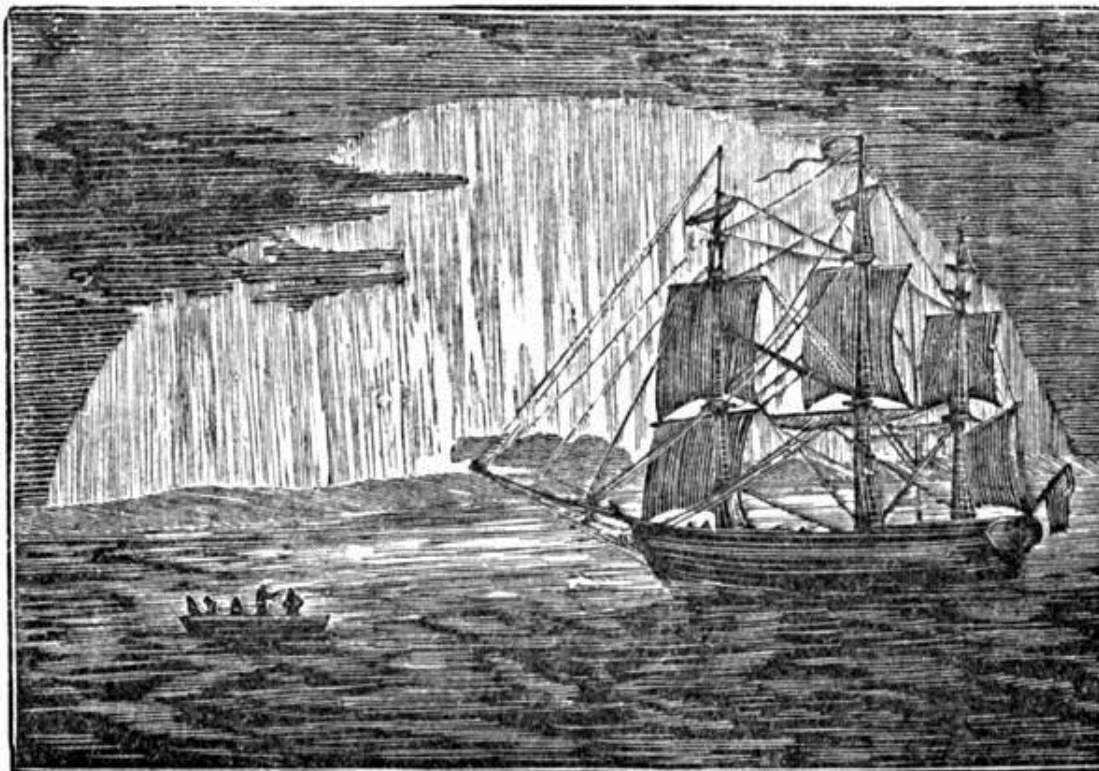
Голландцы, воодушевленные безопасностью этой партии, предложили, чтобы семь человек, обеспеченные всем необходимым, провели следующую зиму вместо них; соответственно, Эндрю Джонсон, Корнелиус Тисс, Джером Каркоэн, Тибке Джеллис, Николас Флорисон, Адриан Джонсон и Феттье Оттерс предложили остаться.

Поэтому 11 сентября 1634 года флот отплыл в Голландию, оставив этих людей. В тот же день в виду Шпицбергена появилось множество китов, которых люди безуспешно пытались поймать.

В конце ноября, когда среди них начала появляться цинга, они тщательно искали зеленые травы, но тщетно; не повезло им и в погоне за медведями и лисицами в поисках свежей провизии. Однако они выпили несколько отваров и приняли другие противоядия от болезни, а затем поставили ловушки на лис.

Обнаружив 24 ноября медведя, трое из людей с готовностью бросились на него, поскольку нужда их с каждым днем становилась все больше. Животное, поднявшееся на задние лапы,

получило пулю в тело, после чего начало истекать кровью, страшно реветь и яростно кусать халберта. Но, вероятно, будучи побежденным, оно обратилось в бегство, и люди с тревогой преследовали его на протяжении долгого пути, неся с собой ланторны, хотя и безуспешно; все они были сильно удручены из-за отсутствия свежей провизии, в которой так нуждались.

Проявление

Авроры Бореалис с острова Восточный *Шпицберген* - страница [186](#).

14 января умер Адриан Джонсон. Все остальные были крайне больны. На следующий день умер Феттье Оттерс, а 17-го - Корнелиус Тисс, человек, на которого его товарищи возлагали главную надежду, помимо Бога.

Несмотря на слабость оставшихся в живых, которые едва могли держаться на ногах, им удалось сделать три гроба для умерших и положить в них их тела.

В начале февраля им посчастливилось поймать лису, что доставило им большое удовольствие, но к тому времени болезнь зашла слишком далеко, чтобы они могли извлечь материальную выгоду из плоти. Видели много медведей, даже шесть или десять вместе; но у людей не было сил управляться с ружьями, и, если бы было иначе, они не смогли бы их преследовать. Теперь их охватили мучительные боли в пояснице и животе, которые усугублялись холодом. Один плевался кровью, другой был поражен кровавым потоком, но Джером Каркун все же смог принести топливо для поддержания огня.

Солнце исчезло 20 октября, и его больше не видели до 24 февраля, когда мореплаватели настолько ослабли, что постоянно находились в своих каютах. Через два дня после этого они потеряли способность писать, а в дневнике написали следующее: "Четверо из нас, кто еще остался в живых, лежат плашмя на полу нашей хижины. Мы думаем, что могли бы еще есть, если бы только один из нас мог добыть топливо, но никто не может пошевелиться от боли; наше время проходит в постоянной молитве, чтобы Бог по своей милости избавил нас от

этого несчастья; мы готовы, когда Ему будет угодно позвать нас. Уверен, что мы не сможем долго продержаться без еды и пищи; мы не в состоянии помочь друг другу в наших общих бедах, и каждый должен нести свое собственное бремя".

Моряки голландского флота, прибывшего на Шпицберген в 1635 году, поспешили поинтересоваться судьбой своих товарищей; обнаружив, что их хижина закрыта для защиты от диких зверей, они взломали заднюю дверь. Войдя в дом, мужчина поднялся по лестнице, где обнаружил на полу часть мертвой собаки, которая лежала там, чтобы высохнуть, и, быстро спустившись, наступил на тушу другой собаки, тоже мертвой. Затем, пройдя к входной двери, он споткнулся в темноте о несколько мертвых тел, которые, после того как дверь была открыта, лежали вместе. Трое лежали в гробах, Николас Флорисон и еще один - в каюте, а двое других - на парусах, покрывавших пол, с подтянутыми к подбородку коленями. Таким образом, все эти несчастные погибли.

Для четырех тел были приготовлены гробы, и все они были погребены под снегом, пока земля не стала более проницаемой, тогда их положили в землю рядом друг с другом, а на их могилы положили камни, чтобы уберечь их от хищных зверей.

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ.

Моряки - люди грубых привычек, но их чувства отнюдь не столь грубы: если они не обладают достаточным благоразумием или житейскими соображениями, то в то же время очень свободны от эгоизма; как правило, они очень привязаны друг к другу и при удобном случае готовы на большие жертвы ради своих товарищей или сослуживцев.

Помню, однажды во время плавания у острова Терсейра на судне "Эндимион" один человек упал за борт и утонул. После обычной суматохи и долгих тщетных поисков шлюпки были подняты, и раздался сигнал к отплытию. Я был офицером на носу и, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что все люди на своих местах, пропустил одного из людей на носу. Как раз в этот момент я заметил какого-то человека, свернувшегося калачиком и, по-видимому, спрятавшегося под носом баржи, между шлюпкой и бонами. "Хилло! сказал я, - кто ты? Что ты там делаешь, ты, скряга? Почему ты не на своем посту?

Я не прячусь, - ответил бедняга, по бронзовым от непогоды щекам которого текли слезы. Он сказал мне, что человек, которого мы только что потеряли, был его товарищем и другом на протяжении десяти лет. Я совершенно искренне попросил у него прощения за то, что сказал ему такие грубые слова в такой момент, и попросил его спуститься вниз, к родне, до конца дня... "Не берите в голову, сэр, не берите в голову, - сказал добросердечный моряк, - ничего не поделаешь. Вы не хотели ничего плохого, сэр. Мне так же хорошо на палубе, как и внизу. Билл ушел, сэр, но я должен выполнить свой долг". Сказав это, он дважды или трижды провел рукавом куртки по глазам и, собрав свое горе в кулак, как ни в чем не бывало отправился на свое место.

На том же корабле и почти в то же время люди купались рядом во время штиля на море. В таких случаях принято спускать на воду шип-парус с помощью линей с носового и грот-марса, чтобы им могли пользоваться те, кто либо не умеет плавать, либо не владеет этим искусством, столь важным для всех мореплавателей. Полдюжины корабельных мальчишек барахтались в парусах, а иногда даже выходили за пределы леерного каната. Один из самых маленьких, но не менее смелый из них, когда его более умелые товарищи насмеялись над ним, что он боится, смело вышел за установленные границы. Однако не успел он пройти и

нескольких шагов по поверхности бездонного моря, как сердце его, бедняжки, отказало, а вместе с уверенностью ушла и способность держать голову над водой. Так он стремительно погрузился в воду, к вящему ужасу остальных мальчиков, которые, конечно, не могли оказать утопающему никакой помощи.

Капитан с форштевня, высокий, красивый, выносливый к погодным условиям парень, стоял на шпангоуте якоря, скрестив руки, а его хорошо отлакированная холщовая шляпа была так надвинута на глаза, что трудно было сказать, бодрствует он или просто дремлет на солнце, прислонившись спиной к оттяжке фор-мачты. Моряк, однако, все это время внимательно наблюдал за молодыми людьми и, опасаясь, что их безрассудство может привести к беде, время от времени ворчал, предупреждая их, но они не обращали на это никакого внимания. В конце концов он отступился, сказав, что они могут утопиться, если им вздумается, так как он им ни капельки не поможет; но не успел он обратить внимание на тонущую фигуру маленького авантюриста, как, по-дайверски сложив ладони над головой, в одно мгновение перевернулся и, подтолкнув себя ногами к якорю, бросился головой вперед в воду. Бедняга так быстро погрузился в воду, что проплыл не менее пары саженей под поверхностью, прежде чем его схватил матрос, который вскоре снова поднялся, взял растерянного мальчика под руку и, призвав остальных ребят получше присматривать за своим товарищем, швырнул его прямо в брюхо паруса. Носовой линь свисал в штиль, почти в воду, и по нему капающий моряк снова вскарабкался на якорь, встряхнулся, как большая ньюфаундлендская собака, а затем, спрыгнув на палубу, направился через форпик, чтобы переложить себя.

На вершине трапа его остановил морской офицер, который был свидетелем всей этой операции, когда он, сидя в гамаках у трапа, наблюдал за пловцами и пытался получить свое собственное согласие на раздевание. Солдат сказал матросу: "Ты очень хорошо поступил, дружище, и вполне заслуживаешь стакан грога". Скажи это стюарду оружейной комнаты, когда будешь проходить мимо; и передай ему, что я приказал налить тебе крепкого норд-веста". Предложение солдата было любезным, но весьма неуклюжим, по крайней мере так думал Джек: хотя он склонил голову в знак признательности и инстинктивно прикоснулся к шляпе, когда с ним заговорил офицер, он ничего не ответил, пока его не услышал морпех, и тогда он рассмеялся, а точнее, обратился к тем, кто был рядом: "Неужели этот добрый джентльмен думает, что я приму стакан грога за спасение жизни мальчика?"

ПОБЕГ ЧЕРЕЗ ОКНА КАЮТЫ.

В 18-м году, рассказывает капитан М., я направлялся на отличном крепком судне весом около четырехсот тонн из порта Льюис в Ливерпуль. На борту корабля был ценный груз и около девяноста тысяч долларов в специях. Из-за других неотложных дел я не мог уделять судну много внимания во время погрузки и подготовки к плаванию, но я очень подробно проинструктировал старшего помощника, которому я очень доверял, так как он плавал со мной несколько лет, чтобы он, по возможности, не брал на борт никого, кроме коренных американских моряков. Когда мы уже собирались отплыть, он сообщил мне, что не смог полностью выполнить мои указания в этом отношении, но взял в качестве матросов двух иностранцев, одного уроженца Гернси, а другого - француза из Бретани. Однако я был доволен внешним видом экипажа в целом, и особенно иностранцев. Они были крепкими и выносливыми мужчинами, особенно бдительными и внимательными к приказам.

Переход начался благоприятно и обещал быть быстрым, так как вскоре после промера мы приняли прекрасный устойчивый западный ветер. К моему большому сожалению и беспокойству, вскоре я обнаружил, что поведение иностранцев изменилось в худшую сторону. Они стали наглыми по отношению к товарищам и, похоже, часто находились в состоянии алкогольного опьянения, что, очевидно, оказывало чрезмерное влияние на остальных людей. Их несдержанность вскоре стала невыносимой, и поскольку было очевидно, что они принесли с собой на борт спиртное, я решил обыскать форштевень и лишить их этого. Приказ об этом был отдан матросам, и им было велено исполнить его мягко и твердо, не беря с собой оружия, как они, казалось, были склонны сделать, но тщательно осмотреть все сундуки, роды и шкафчики в форпике; и принести на корму в каюту все спиртные напитки, которые они могут найти.

Я не без тревоги отправил их выполнять это поручение. Сам я оставался на квартердеке, готовый прийти им на помощь, если это потребует. Через несколько мгновений громкий и сердитый спор сменился резкой потасовкой у компаньонского прохода. Стюард, по моему зову, передал мне из каюты заряженные пистолеты, и я поспешил вперед. Француз схватил второго помощника, совсем еще мальчишку, за горло, перебросил его через пятку бушприта и, видимо, намеревался задушить до смерти. Старший помощник звал на помощь снизу, где он боролся с человеком из Гернси. Остальные члены экипажа безучастно наблюдали за происходящим, скорее поощряя иностранцев, чем наоборот. Я приставил пистолет к голове француза и приказал ему отпустить второго помощника, что он тут же и сделал. Затем я приказал ему подняться на нос, а остальным, кто находился рядом, - на грот, чтобы никто не спускался под страхом смерти, пока не будет приказано. К этому времени стюард принес еще одну пару пистолетов, которыми я вооружил второго помощника, приказав ему оставаться на палубе, а сам спустился в предбанник. Я обнаружил, что старший помощник был слегка ранен в двух местах ножом своего противника, который, однако, перестал сопротивляться, как только я появился, и мы немедленно заковали его в кандалы. Теперь был произведен обыск, в ходе которого было найдено спиртного и отнесено в каюту. Остальных мужчин позвали вниз с вершин, а француза сделали спутником его коадьютора. Затем я долго объяснял остальным их неподобающее и неподчиненное поведение, а также готовность, с которой они позволили вовлечь себя в это занятие двум грубым иностранцам, и выразил надежду, что у меня не будет причин для дальнейших жалоб в течение всего оставшегося плавания. Это напоминание, как мне показалось, возымело действие, так как они раскаялись и пообещали исправиться. Затем они были уволены, и порядок был восстановлен.

На следующий день иностранцы настоятельно просили о помиловании, давая самые торжественные обещания в будущем вести себя хорошо; и поскольку остальные члены экипажа присоединились к их просьбе, я приказал снять с них кандалы. В течение нескольких дней обязанности на корабле исполнялись к моему полному удовлетворению; но в лицах иностранцев я заметил выражение глубокой и злобной вражды к старшему помощнику, который был быстрым, энергичным моряком, требовавшим от матросов в любое время готового и беспрекословного повиновения его приказаниям.

Так прошла, наверное, неделя, когда однажды ночью, в среднюю вахту, всех матросов позвали укорачивать парус. Обычно в подобных случаях эту обязанность выполнял помощник капитана, но теперь я сам вышел на палубу и отдал приказ, отправив его на фордевинд. Ночь выдалась темная и шквалистая, но море было нешироким, и корабль шел со скоростью около девяти узлов, ветер дул с правого борта. Погода не предвещала ничего хорошего, поэтому на носовом и грот-топпарусе был взят второй риф, на мизене - мидель, а

на носовом и миделе - галф-ярды. Сделав это, одной вахте разрешили спуститься вниз, и я приготовился снова занять свое место, распорядившись, чтобы ко мне прислали помощника, которому я хотел отдать некоторые распоряжения. К моему полному изумлению и ужасу, через некоторое время мне принесли весть, что его нигде нет. Я поспешил на палубу, приказал всем снова подняться и опросил всех людей на корабле по этому поводу; но они в один голос заявили, что не видели матроса на носу. Тогда принесли фонари и безрезультатно обыскали все доступные части судна. Тогда я, в присутствии всего экипажа, заявил, что считаю, что он, должно быть, случайно упал за борт, снова снял одну вахту внизу и отправился в каюту, находясь в состоянии душевного волнения, которое невозможно описать. Ибо, несмотря на мнение, которое я высказывал, я не мог не испытывать сильных подозрений, что несчастный погиб насильственной смертью.

Второй помощник был моим протеже и, как я уже отмечал, очень молодым человеком, не имевшим большого опыта работы моряком. Поэтому я чувствовал, что в критических обстоятельствах моя главная опора лишилась меня. Нет нужды добавлять, что результатом этих размышлений стало глубокое чувство убогости и незащищенности.

Первым делом я погрузил и сдал на хранение в свою кают-компанию все имевшееся на борту огнестрельное оружие, а именно несколько мушкетов и четыре пары пистолетов. Стюардом был верный мулат, который плавал со мной уже несколько раз. Ему я сообщил о своих подозрениях и велел быть постоянно начеку, а в случае возникновения каких-либо затруднений с командой немедленно отправляться в мою кают-компанию и вооружаться. Его обычное место жительства находилось в кубрике, но я также распорядился, чтобы на следующее утро он освободил место и занял его в каюте рядом с моей собственной. Второй помощник занимал небольшую каюту, выходившую в проход, который вел из кубрика в каюту. Я вызвал его с палубы, дал ему пару заряженных пистолетов и приказал держать их при себе, а во время ночных вахт на палубе никогда не выходить вперед грот-мачты, а постоянно находиться возле компаньонского прохода в каюту и звать меня при малейшем удобном случае. После этого я лег в свою постель, приказав позвать меня в четыре часа на утреннюю вахту. Прошло всего несколько минут, когда я услышал три или четыре стука под стойкой корабля, то есть в той части кормы, которая находится непосредственно под окнами кают. Через минуту или две они отчетливо повторились. Я встал, открыл окно каюты и позвал. Я подал ему конец веревки, чтобы помочь подняться, и никогда не забуду поток благодарности, который излила моя восхищенная душа Тому, Кто вернул мне его целым и невредимым. Его история вскоре была рассказана. Он пошел вперед по моему приказу, после того как я позвал всех, и едва успел дойти до носовой части, как его схватили двое иностранцев и, прежде чем он успел произнести хоть один крик, утонувший в реве ветра и волн, перебросили через нос. Он был сильным человеком и отличным пловцом. Верхние паруса судна были убраны на рифы, и путь его, конечно, значительно уменьшился, и в одно мгновение он обнаружил конец каната, который случайно оказался за бортом, в своей хватке, за который его затянуло в мертвую воду или водоворот, который образуется под кормой судна во время плавания, особенно если оно полно построено и сильно нагружено, как это было в данном случае. Отчаянным усилием он зацепился за одну из цепей руля, которая была очень низко, и втащил себя за нее на ступеньку или вилку руля, где у него хватило ума оставаться, не окликаясь, до тех пор, пока свет не перестал пробиваться сквозь окна каюты, когда он решил, что поиски его окончены. Затем он подал сигнал мне.

Никто на корабле, кроме меня, не был извещен о его безопасности, так как шторм усилился и полностью заглушил звуки стука, открывания окна и т. д., прежде чем они смогли достичь квартердека; в каюте не было никого, кроме нас, так как стюард удалился на свое место в

рулевом отделении. Сразу же было решено, что о его существовании следует сообщить только второму помощнику. Он немедленно отправился в большую свободную каюту, и в течение всего оставшегося пути все его нужды обслуживал я. Даже стюарду разрешалось заходить в каюту как можно реже.

За оставшуюся часть плавания, которая была благополучной, ничего примечательного не произошло. Казалось, что иностранцами двигала лишь месть за совершенное ими насилие, поскольку больше они ничего не предпринимали. В положенное время мы взяли лоцмана в канале и через день или два вошли в порт Ливерпуля. Как только были сделаны необходимые приготовления, мы приступили к постановке судна в док, и во время этой операции на палубе появился матрос, вышел вперед и занялся своими обязанностями, как обычно! Произошла сцена, не поддающаяся описанию: каждая ее черта так же ярко запечатлелась в моей памяти, как если бы она произошла только вчера, и будет сохраняться до последнего вздоха. Нить выпала из парализованных рук охваченных ужасом матросов, и если бы ее не подхватили несколько лодочников, я был бы вынужден снова бросить якорь и искать помощи на берегу. Не было произнесено ни слова, но двое провинившихся несчастных, пошатываясь, добрались до грот-мачты, где оставались окаменевшими от ужаса, пока посланный за ними офицер не подошел, чтобы взять их под стражу. Тогда, казалось, к ним вернулось осознание их ужасающего положения, и они произнесли самые пронзительные слова сетования и отчаяния.

Вскоре их судили, по свидетельству капитана осудили и казнили.

ЖУРНАЛ ТОМА КРИНГЛА.

Мы переоборудовались и уже четыре дня находились в море, направляясь на Ямайку, когда офицеры орудийной рубки устроили в нашей столовой взрыв.

Усиленное движение судна по воде, стон мачт, завывание шторма и частое топтание вахты по палубе предвещали некоторым из нас мокрые куртки; и все же, как мичманы, мы были настолько счастливы, насколько нас мог сделать хороший ужин и немного вина, пока старый канонир не впихнул в дверь свою побитую непогодой физиономию и лысую пасть. "Прошу прощения, мистер Сплинтер, но не могли бы вы оставить мистера Крингла на синоптической площадке на час, пока не взойдет луна?" - "Оставить, - сказал Квота, - разве офицер его величества - это совместный стул?" - "Почему, мистер Кеннеди, почему? Вот, парень, возьми стакан грога". "Благодарю вас, сэр". "Ночь выдалась беспокойная, сэр; по идее, здесь должны проходить суда; правда, не раз мне казалось, что рядом с нами на борту странный парус - так низко и белыми хлопьями летит шквал; и ни у кого из нас нет такого глаза, как у мистера Крингла, разве что у Джона Кроу, а он совсем замерз". "Ну, Том, я полагаю, ты пойдешь." - Энглис, от первого лейтенанта к мичману.

"Кисточка мгновенно".

Сменив форму на лохматые брюки, гороховую куртку и юго-западную фуражку, я пошел вперед и занял свое место, не в самом приятном настроении, на уложенном стакселе, обхватив рукой стаксель. Я просидел там полчаса, погода ухудшалась, дождь бил мне в лицо, а брызги с кормы захлестывали меня, проносясь сквозь толщу сверкающих и шипящих вод. Я

на мгновение отвернулся от непогоды, чтобы прижать ладони к напряженным глазам. Когда я открыл их, то увидел исхудалое лицо канонира, озабоченно подавшееся вперед; его профиль был словно натерт фосфором, а все его лицо - как будто мы играли в дракончика. "Что на вас нашло, мистер Кеннеди? Кто теперь горит голубым светом?" "Более мудрый человек, чем я, должен сказать вам это; посмотрите вперед, мистер Крингл, посмотрите туда; что говорят об этом ваши книги?"

Я посмотрел вперед и увидел на крайнем конце кливер-бума то, о чем, конечно, читал, но никогда не ожидал увидеть: бледное, зеленоватое, цвета светящегося червя пламя, размером и формой напоминающее матовый стеклянный абажур над качающейся лампой в оружейной комнате. Оно вытягивалось и сплющивалось по мере того, как судно набирало высоту и снова поднималось, а когда его кренило, колебалось вокруг точки, которая, казалось, притягивала его, как мыльный пузырь, выдуваемый из табачной трубки, перед тем как его встряхнуть в воздух; в центре оно было сравнительно ярким, но потом потускнело и превратилось в ореол. Он проливал зловещий свет на окружающие предметы; группа матросов на форпике выглядела как призраки, они сжались и зашептались, когда он начал медленно катиться вдоль лонжерона, где у моих ног сидел боцман. В этот момент что-то скользнуло по штевню, и холодная рука обхватила мою шею. Я был на волосок от того, чтобы потерять хватку и вывалиться за борт: "Господи, помилуй меня, что это?" "Это тот самый жаворонок, сукин сын, обезьяна Джема Спаркла, сэр. Джем, ты никогда не успокоишься, пока эта скотина не станет приманкой для акул". Но Джеко снова скрылся в доме, хихикая и ухмыляясь в жутком сиянии, как будто он был "духом лампы". Свет все еще был там, но облако тумана, похожее на вырывающийся из парового котла пар, спустилось на шторм и пролетело мимо, а затем исчезло. Я следил за белой массой, плывущей по ветру; она не исчезла во тьме, как мне показалось, а осталась в поле зрения с подветренной стороны, как бы остановленная внезапным изъязнением; однако ни один из наших парусов не был задраен. У меня мелькнула мысль. Я еще пристальнее вгляделся в ночь. Я не был уверен: "Парус, широкий, на носу с подветренной стороны". Капитан ответил с квартердека: "Спасибо, мистер Крингл. Как мы будем рулить?" "Держите ее на расстоянии пары баллов, сэр, ровно". "Ровно", - пропел человек у штурвала; и медленный меланхоличный каданс, хотя и знакомый мне, теперь застонал под порывами ветра и ударил мне в сердце, как будто это был вой духа. Я обратился к боцману, который теперь стоял рядом со мной: "Это вы или Дэви Руль, мистер Ниппер? Если бы вы не были рядом со мной, я мог бы поклясться, что это ваш голос". Когда канонир сделал то же замечание, это задело беднягу; он попытался принять это за шутку, но не смог. "Возможно, до утра кого-то из нас ждет гамак со шнурком, в который попала пуля".

В этот момент, к моему ужасу, объект, за которым мы гнались, уменьшился в размерах, постепенно опустился по курсу и наконец исчез.

"Летучий голландец". "Теперь я ее совсем не вижу". "Это будет судно с носовым и кормовым такелажем, которое откренилось, сэр". И точно, через несколько секунд я увидел, как белый объект удлинился и снова скрылся за нашим лучом. "Погоня" откренилась, сэр; опустите штурвал, иначе она пойдет с наветренной стороны от нас". Мы тоже взяли галс, и вовремя: в свете восходящей луны показалась большая шхуна с толпой парусов. Мы надвинулись на нее, и, обнаружив, что ее маневр обнаружен, она задрала свои плоские паруса и встала перед ветром. Это была наша лучшая точка для плавания, и мы пошли дальше, капитан потирал руки - "На этот раз моя очередь быть большим". Хотя дул сильный норд-вест, теперь было ясно, как при луне, и мы били из носовых орудий, но всякий раз, когда выстрел попадал в такелаж, повреждения устранялись как по волшебству. Было видно, что мы неоднократно

били по корпусу судна, по мелькающим белым полосам по борту и вдоль кормы, вызванным раскалыванием древесины, но это, казалось, не производило никакого эффекта.

Наконец мы подошли к ней вплотную. На палубе не было видно ни души, кроме темного предмета, который мы приняли за человека у руля. "Что это за шхуна?" Ответа не последовало. "Повернитесь, или я вас потоплю". По-прежнему все молчат. "Сержант Армстронг, как вы думаете, вы сможете снять того парня у руля?" Моряк выскочил на фордевинд и вскинул ружье, но мушкетный выстрел со шхуны пробил ему череп, и он упал замертво. У старого шкипера кровь забурлила в жилах. "На форкасл! Мистер Ниппер, наложите канистру винограда на круглый патрон в носовом орудии и дайте ему". "Ай, ай, сэр!" - ликующе отозвался боцман, забыв в азарте момента и о предзнаменовании, и обо всем остальном. В мгновение ока квадратный передний парус-топгалант-рояль и гальярды шпилевого паруса были спущены на борт шхуны, словно для того, чтобы обогнуть ее. "Сгребите его, сэр, или дайте ему корму. Он не сдался. Я знаю их игру. Дайте ему широкий борт, сэр, или он уйдет с подветренной стороны от вас, как подстреленный. Нет, нет, теперь он у нас; кидайте мистеру Сплинтеру, кидайте!" Мы так и сделали, да так неожиданно, что гики парусов затрещали, как короткие обрезки труб. Несмотря на это, мы отлетели на двести ярдов к подветренной стороне, прежде чем смогли прижать грот к мачте. Я побежал к наветренному борту. На верфях и такелаже шхуны уже чернели люди, сгрудившиеся, как роящиеся пчелы, квадратные паруса были поставлены вплотную, носовые и кормовые паруса убраны, и она уходила от нас наветренной стороной. "Вот тебе и недооценка наших американских друзей", - ворчал мистер Сплинтер.

Мы пустились во весь опор в погоню, без всякой цели; у нас не было ни малейшего шанса зацепиться за носовую линию, и когда наш "Амиго" убедился в своем превосходстве одним или двумя короткими галсами, он намеренно взял риф в гроте, спустил стаксель и гафельный парус, задрал бант переднего паруса и выстрелил в нас из своей длинной тридцатьчетверки. Один выстрел пришелся в третий крайний порт по правому борту и снес карронаду, разбив заслонку и ранив трех человек. Второй промахнулся, и, поскольку это было безумие - оставаться на месте, чтобы быть обстрелянными, возможно, крылатыми, в то время как все наши выстрелы не попали, мы неохотно продолжали идти своим курсом, с удовольствием слыша, как на борту шхуны хорошо продутый горн воспроизводит "Янки Дудл". Когда бриг отвалил, наша длинная пушка была выставлена, чтобы дать ей прощальную трещину, когда третий и последний выстрел шхуны ударил в порог мидель-шпангоута, и белые осколки вылетели из массивного дуба, как яркие серебряные искры в лунном свете. В воздухе поднялся пронзительный крик - моя душа отождествила этот предсмертный вопль с голосом, который я услышал, - и я увидел, как человек, стоявший со шнурком замка в руке, тяжело опустился на ствол и разрядил ружье в падении. Вслед за этим в холодном голубом небе вспыхнул кроваво-красный огонь, словно вулкан вырвался из-под могучих глубин, а затем раздался рев, треск, неземные крики и стоны, сотрясение воздуха и воды, как будто все наши борта разом выстрелили. - Потом одинокий всплеск здесь, погружение там, короткие резкие крики и низкие захлебывающиеся стоны, когда шипящие обломки благородного судна, которое мы видели, упали в море, а последний из его доблестной команды навсегда исчез под этой бледной широкой луной. Мы остались одни, и снова все вокруг стало темным, диким и бурным. Страшно было смотреть на этот шар, выпущенный рукой мертвеца. Но что же это такое, черное и сдвоенное, нависло над роковой пушкой, капая и тяжелея, захлестывая шпигаты свернувшейся кровью и колыхаясь от движения судна, как кровавое руно? "Кто это там попал в пушку?" "Мистер Ниппер, боцман, сэр, последний выстрел разрубил его на две части".

ГИБЕЛЬ "НАУТИЛУСА", ВОЕННОГО ШЛЮПА, НА СКАЛЕ В АРХИПЕЛАГЕ.

В результате недоразумений, возникших между двором Великобритании и Османской Портой, мощной эскадре было приказано направиться в Константинополь, чтобы принудить к выполнению рациональных предложений. Однако цель оказалась невыполнимой, и экспедиция закончилась так, что не улучшила репутацию этих островов в глазах турок.

Сэр Томас Луис, командующий эскадрой, отправленной в Дарданеллы, поручив капитану Палмеру передать чрезвычайно важные для Англии депеши, поставил "Наутилус" на весла при свете дня третьего января 1807 года. Свежий бриз с северо-востока быстро вывел корабль из Геллеспонта, он миновал знаменитые замки в Дарданеллах, которые так сильно раздражали англичан. Вскоре после этого она прошла мимо острова Тенедос, у северной оконечности которого были замечены два военных судна, стоявших на якоре; они подняли турецкие флаги, а "Наутилус" в ответ показал британские. В течение этого дня в поле зрения попали многие другие острова, которыми изобилует Греческий архипелаг, а вечером корабль подошел к острову Негропонт, лежащему в 38 30 северной широты и 24 8 восточной долготы; но теперь плавание стало более запутанным из-за увеличения числа островов и узкого входа между Негропонтом и островом Андрос.

Ветер все еще продолжал дуть свежий, и так как приближалась ночь, которая казалась темной и шквалистой, лоцман, который был греком, пожелал лечь до утра, что и было сделано; и при свете дня судно снова двинулось в путь. Его курс лежал к острову Фальконера, по пути, который так изящно описал Фальконер в поэме, настолько же превосходящей неотесанные произведения современности, насколько ионические храмы превосходят те хлипкие сооружения, которые способствуют тому, чтобы слава оригиналов была вечной. Этот остров и остров Анти-Мило были взяты вечером, причем последний находился на расстоянии четырнадцати или шестнадцати миль от более обширного острова Мило, который тогда нельзя было разглядеть из-за густой и туманной погоды.

Лоцман, никогда не бывавший за пределами нынешнего положения "Наутилуса", заявив о своем незнании дальнейших пеленгов, отказался от своих обязанностей, которые взял на себя капитан. Все возможное внимание было уделено навигации, и капитан Палмер, увидев Фальконера так отчетливо и желая выполнить свою миссию с максимальной оперативностью, решил продержаться всю ночь. Он был уверен, что к утру очистит архипелаг, и сам начертил на карте курс, которым должно было идти судно. Он указал его своему коксвайну Джорджу Смиту, о способностях которого был высокого мнения. Затем он приказал приготовить себе постель, так как не раздевался три предыдущие ночи и почти не спал с момента выхода из Дарданелл.

Последовала ночь кромешной тьмы, на горизонте постоянно сверкали яркие молнии; но это обстоятельство внушало капитану большую уверенность, так как благодаря ему он мог видеть гораздо дальше через определенные промежутки времени, и он полагал, что если корабль приблизится к какой-либо земле, то опасность будет обнаружена достаточно вовремя, чтобы ее можно было избежать.

Ветер все усиливался, и хотя на корабле было мало парусов, он шел со скоростью девять миль в час, чему способствовало сильное течение моря, которое при яркости молний делало

ночь особенно ужасной. В половине второго ночи показалась возвышенная земля, которую те, кто ее видел, приняли за остров Чериготто и решили, что все в безопасности и все опасности остались позади. Курс корабля был изменен, чтобы миновать остров, и он продолжал следовать своим курсом до половины четвертого, до смены вахты, когда человек на вахте воскликнул: "Впереди волнорезы!", и тут же судно столкнулось с огромной волной. Удар был такой силы, что люди попадали со своих кроватей и, оказавшись на палубе, были вынуждены цепляться за канаты. Все было в смятении и тревоге; команда поспешила на палубу, но едва успела это сделать, как лестницы внизу поддались, и многие люди остались барахтаться в воде, которая уже хлынула в нижнюю часть корабля. Капитан, как оказалось, не ложился спать и сразу же вышел на палубу, когда "Наутилус" получил удар; осмотрев ее положение, он немедленно обошел вокруг, сопровождаемый своим вторым лейтенантом, мистером Несбитом, и постарался успокоить опасения людей. Затем он вернулся в свою каюту и сжег свои бумаги и частные сигналы. Тем временем море то поднимало корабль, то с неодолимой силой швыряло его на скалы, и в скором времени команда была вынуждена прибегнуть к такелажу, где и оставалась в течение часа, подвергаясь непрерывному воздействию набегающих волн. Там они разразились самыми горестными восклицаниями, оплакивая своих родителей, детей и близких, а также те страдания, которые выпали на их долю. Погода была настолько темной и туманной, что скалы можно было разглядеть лишь на очень небольшом расстоянии, и через две минуты после этого корабль потерпел крушение.

В это время молнии прекратились, но темнота ночи была такой, что люди не могли разглядеть длину корабля; единственная надежда была на падение грот-мачты, которая, как они верили, должна была достать до небольшой скалы, обнаруженной совсем недалеко от них. Так, примерно за полчаса до рассвета грот-мачта отвалилась, предусмотрительно упав на скалу, и с ее помощью они смогли выбраться на сушу.

Борьбу и смятение, которые породил этот инцидент, можно лучше представить, чем описать; некоторые из команды утонули, одному человеку сломали руку, многие были жестоко изранены; но капитан Палмер отказался покинуть свой пост, пока кто-либо оставался на борту; и только когда все его люди достигли скалы, он попытался спастись сам. К тому времени, оставшись у обломков корабля, он получил значительные травмы и, должно быть, погиб бы, если бы кто-нибудь из моряков не решился пробиться к нему на помощь через огромное море. Шлюпки разлетелись на куски; несколько человек попытались затащить весельную лодку, но им это не удалось.

Корпус судна долгое время укрывал потерпевшую кораблекрушение команду от ударов прибоя, но по мере того, как оно разрушалось, их положение с каждым мгновением становилось все более опасным, и вскоре они убедились, что им придется оставить небольшую часть скалы, которой они достигли, и перебраться вброд на другую, видимо, более крупную. Первый лейтенант, наблюдая за разрывом моря, благополучно добрался до этого места, и остальные решили последовать его примеру. Едва это решение было принято, и его попытались привести в исполнение, как люди столкнулись с огромным количеством болтающихся лонжеронов, которые тут же смыло в канал, по которому им предстояло пройти; но необходимость не допускала альтернативы. Многие при переходе между двумя скалами были тяжело ранены, и в этой затее они пострадали больше, чем при взятии первой скалы с корабля. Особенно остро ощущалась потеря обуви, так как острые камни ужасно рвали ноги, а ноги некоторых были залиты кровью.

При свете дня стали видны ужасы, в которых оказались эти несчастные. Море было покрыто обломками их злополучного корабля, многие из их товарищей по несчастью плавали на лонжеронах и бревнах, а мертвые и умирающие лежали вперемешку, не давая возможности

оставшимся в живых оказать помощь тем, кого еще можно спасти. За два коротких часа все эти страдания были унесены, корабль разрушен, а его команда доведена до отчаяния. Их дикий и испуганный вид свидетельствовал о том, что они были взволнованы; но когда к ним вернулось осознание их реального положения, они увидели, что им не остается ничего другого, кроме как покориться воле небес.

Потерпевшие кораблекрушение моряки обнаружили, что их выбросило на коралловую скалу, почти вровень с водой, длиной около трех или четырехсот ярдов и шириной двести. Они находились не менее чем в двенадцати милях от ближайших островов, которые, как выяснилось впоследствии, были островами Чериготто и Пера на северной оконечности Кандии, на расстоянии около тридцати миль. В это время пришло сообщение, что небольшая лодка с несколькими людьми спаслась; и хотя это было правдой, неопределенность ее судьбы побудила людей на скале довериться любому судну, случайно проплывающему в поле зрения сигнала бедствия, который они водрузили на длинном шесте; соседние острова были слишком далеки.

Погода стояла очень холодная, и за день до кораблекрушения на палубе лежал лед; теперь, чтобы противостоять его непогоде, развели огонь с помощью ножа и кремня, хранившихся в кармане одного из матросов; с большим трудом удалось разжечь немного сырого пороха из небольшой бочки, вымытой на берегу. Затем из кусков старой парусины, досок и других вещей, которые удалось раздобыть на затонувшем судне, было сооружено подобие палатки, и таким образом люди смогли высушить немногочисленную одежду, которую им удалось спасти. Но они провели долгую и безмятежную ночь, хотя отчасти утешались надеждой, что в темноте увидят их костер и примут его за сигнал бедствия. Но и эта надежда не оправдалась.

Когда корабль получил первый удар, над четвертью висела небольшая китовая лодка, в которую немедленно перебрались офицер, коксвайн Джордж Смит и девять человек, и, опустившись в воду, счастливо спаслись. Проплыв на веслах три или четыре лиги против очень сильного ветра, они достигли небольшого острова Пера. Он оказался едва ли в миле в окружности, и на нем не было ничего, кроме нескольких овец и коз, принадлежащих жителям Сериго, которые приезжают сюда в летние месяцы, чтобы вывезти своих детенышей. Они не нашли никакой пресной воды, кроме небольшого остатка от дождя в отверстии скалы, но и этого было едва достаточно, хотя использовалась она очень экономно. Ночью, наблюдая за вышеупомянутым пожаром, члены команды начали предполагать, что некоторые из их товарищей могли спастись, поскольку до этого момента они считали свою гибель неизбежной. Коксвайн, находясь под впечатлением от этого мнения, предложил снова подвергнуть себя опасности в лодке для их спасения, и, хотя против этого было выдвинуто несколько слабых возражений, он продолжал твердо придерживаться своей цели и уговорил четырех других присоединиться к нему.

Около девяти утра вторника, второго дня кораблекрушения, люди на скале заметили приближение маленькой китовой лодки; все воскликнули от радости, а удивление коксвейна и его команды, обнаруживших, что многие из их товарищей остались в живых, не поддается описанию. Но прибой был настолько сильным, что угрожал безопасности лодки, и несколько человек неосторожно попытались забраться в нее. Коксвайн пытался уговорить капитана Палмера подойти к нему, но тот решительно отказался, сказав: "Нет, Смит, спасайте своих несчастных товарищей, не обращайтесь на меня внимания". После небольшого совета он попросил его взять на борт греческого лоцмана и как можно быстрее добраться до Сериготто, где, по словам лоцмана, есть несколько семей рыбаков, которые, несомненно, облегчат их нужды.

Но, похоже, Небеса предназначали гибель этой несчастной команды, так как вскоре после отплытия судна ветер усилился, и темные тучи, собравшиеся вокруг, возбудили среди оставшихся опасения, что будет страшная буря. Примерно через два часа он начался с величайшей яростью; волны значительно поднялись и вскоре уничтожили огонь. Они почти накрыли скалу и заставили людей укрыться в самой высокой части, которая была единственной, где можно было найти хоть какое-то убежище. Около девяноста человек провели там ночь, полную ужасов, и единственным средством уберечься от прибой, который ежеминутно обрушивался на них, была небольшая веревка, закрепленная вокруг вершины скалы, и с трудом удерживающиеся друг за друга.

Усталость, которой подверглись люди до этого, а также то, что они пережили сейчас, оказались слишком сильными для многих из них; у некоторых начался бред; их силы были на исходе, и они больше не могли держаться. Их страдания еще более усугублялись опасением, что ветер, отклонившись к северу, поднимет море до их нынешнего положения, и тогда одна волна могла бы смести их всех в небытие.

Лишения, которые уже выпали на долю экипажа, были достаточны для того, чтобы прекратить существование, а многие попали в прискорбные аварии. Один, в частности, пересекая канал между скалами в неподходящее время, ударился о них так, что едва не получил скальп, и предстал перед своими товарищами в ужасном зрелище. Он пролежал всю ночь, а на следующее утро скончался. Более удачливые из выживших были плохо подготовлены к ужасным последствиям голода: их силы были ослаблены, тела не защищены и лишены надежды. Не менее тревожно было и за судьбу своего судна. Шторм разразился прежде, чем она смогла достичь намеченного острова, и от ее безопасности зависела их собственная. Но еще более плачевной была картина, представшая перед ними при свете дня. Оставшиеся в живых увидели трупы своих погибших товарищей, некоторые из них все еще находились в предсмертной агонии. Сами они были совершенно измождены, так как всю ночь над ними бушевало море, а погода стояла такая, что многие, среди которых был и плотник, погибли от сильного холода.

Но теперь этой несчастной команде пришлось испытать унижение и стать свидетелем случая бесчеловечности, который оставляет вечное пятно позора на тех, кто заслуживает этого упрека. Вскоре после наступления дня они заметили судно со всеми парусами, идущее против ветра, направляясь прямо к скале. Они подали все возможные сигналы бедствия, какие только позволяло их слабое состояние, и не безрезультатно: наконец их заметило судно, которое подплыло к ним и подняло свою лодку. Радость, которую это вызвало, легко понять, ведь ничего другого, кроме немедленного облегчения, они не ожидали; они поспешно приготовили плоты, чтобы перенести их через прибой, уверенные, что на судне есть все необходимое для их нужд. Приблизившись еще ближе, оказалась на расстоянии пистолетного выстрела, полная мужчин, одетых по европейской моде, которые, поглазев на них несколько минут, помахали им шляпой, а затем отплыли к своему кораблю. Боль потерпевших кораблекрушение людей от этого варварского поступка была острой, и она еще больше усилилась, когда они увидели, что чужое судно весь день занималось тем, что подбирало плавающие останки того, менее удачливого, который так недавно их приютил.

Возможно, в один прекрасный день брошенные несчастные, виновные в столь бессердечном поступке, будут раскрыты, и, несомненно, не вызовет особого сострадания известие о том, что их постигло возмездие, которого заслуживает такое бесчеловечное поведение. То, что люди, одетые по привычке англичан, хотя и принадлежащие к другой нации, могут пользоваться несчастьем, вместо того чтобы облегчать его, вряд ли покажется

достойным доверия в наши дни, если бы не несколько случаев подобного рода, описанных в других томах, кроме этих.

После этого жестокого разочарования и предания анафеме, которую заслуживало варварство чужеземцев, мысли людей в течение всего оставшегося дня были направлены на возвращение лодки; но и там их постигло разочарование, и опасения, что она потерялась, только еще больше подтвердились. Они начали впадать в уныние, и перед ними замаячила мрачная перспектива верной смерти. Жажда стала нестерпимой, и, несмотря на то что их предостерегали от нее примерами ужасающих последствий, некоторые в отчаянии прибегли к соленой воде. Их товарищам вскоре пришлось узнать, что они испытают, последовав их примеру; через несколько часов наступило буйное безумие, и природа больше не могла бороться.

Предстояло пережить еще одну ужасную ночь, но погода была гораздо более умеренной, и страдальцы надеялись, что она будет менее катастрофичной, чем предыдущая; чтобы уберечься от холода, они тесно прижались друг к другу и накрылись своими немногими оставшимися лохмотьями. Но бред товарищей, выпивших соленой воды, был поистине ужасен; все попытки утихомирить их были безрезультатны, а сила сна утратила свое влияние. Среди ночи их неожиданно окликнула команда китобойного судна, но единственным предметом забот людей на скале была вода; они кричали своим товарищам, прося ее, но тщетно. Можно было раздобыть только глиняные суда, но они не выдержали бы прибоя. Тогда коксвайн сказал, что утром их снимет со скалы рыболовное судно, и с этим заверением они были вынуждены смириться. Утешало то, что лодка была в безопасности и что облегчение пока достигнуто.

Все люди с нетерпением ждали утра, и впервые с тех пор, как они оказались на скале, солнце обрадовало их своими лучами. Наступило четвертое утро, а вестей ни о лодке, ни о судне не было. Тревога людей усилилась, ведь им грозила неминуемая смерть от голода. Что им оставалось делать для самосохранения? Страдания и голод, которые они терпели, были крайними; они не знали о средствах, с помощью которых другие несчастные мореплаватели, оказавшиеся в подобной ситуации, продлевали жизнь, но смотрели на них с отвращением. И все же, когда у них не оставалось выбора, они рассматривали свои неотложные нужды и находили им оправдание. Вознеся молитвы к Небесам о прощении греховного поступка, они выбрали юношу, умершего предыдущей ночью, и решились утолить голод человеческой плотью.

Почувствовали ли люди облегчение, неизвестно, ведь ближе к вечеру смерть поспешила за ними, и многие храбрецы пали духом под тяжестью испытаний. Среди них были капитан и первый лейтенант, два заслуженных офицера, и угрюмое молчание, которое теперь хранили оставшиеся в живых, свидетельствовало о состоянии их внутренних чувств. Капитану Палмеру шел 26-й год; он старался утешить тех, кто находился под его командованием, своих товарищей по несчастью; свои личные травмы он переносил с терпением и смирением, и с его уст не срывался ни один ропот; его добродетельная жизнь была преждевременно завершена непреодолимой тяжестью печальной катастрофы, которую он разделил.

В течение еще одной томительной ночи многие предлагали построить плот, на котором оставшиеся в живых могли бы добраться до Чериготто; при благоприятном ветре они могли бы достичь этого острова. Во всяком случае, такая попытка казалась предпочтительнее, чем оставаться на скале и умирать от голода и жажды. Соответственно, с рассветом они приготовились привести свой план в исполнение. Несколько больших лонжеронов были скреплены вместе, и все надеялись на успех. Наконец настал момент спуска плота на воду,

но это лишь огорчило людей новыми разочарованиями, так как нескольких мгновений хватило для разрушения работы, над которой самые сильные из участников трудились часами. Несколько человек от этой неожиданной неудачи стали еще отчаяннее, а пятеро решились вверить себя нескольким небольшим лонжеронам, скрепленным между собой, на которых едва хватало места, чтобы стоять. Попрощавшись со своими товарищами, они вышли в море, где их быстро унесло неизвестное течение, и они навсегда исчезли из виду.

Ближе к полудню жители снова обрадовались появлению китобойца, и коксван рассказал им, что ему с большим трудом удалось уговорить греческих рыбаков из Сериготто отважиться сесть в их лодки, опасаясь непогоды. Он выразил сожаление по поводу того, что пришлось пережить его товарищам, и огорчился, что пока не может их облегчить, но обнадежил их, что, если погода останется хорошей, на следующий день лодки придут. Пока коксван говорил это, двенадцать или четырнадцать человек неосторожно спустились со скалы в море и почти добрались до лодки. Двое, правда, добрались до лодки, но один утонул, а остальные по счастливой случайности вернулись на прежнее место. Тем, кто спасся таким образом, не могли не позавидовать их товарищи, упрекая в неосмотрительности остальных, которые, доберись они до лодки, без сомнения, потопили бы ее и тем самым невольно обрекли бы все на безвозвратную гибель.

Люди были полностью заняты размышлениями о происшедших событиях, но их слабость усиливалась по мере того, как проходил день; один из выживших описывает, что он чувствовал приближение уничтожения, что его зрение отказало, а чувства помутились; что его силы были истощены, а глаза обращены к заходящему солнцу, в убеждении, что он никогда больше не увидит его восхода. Однако на утро он выжил и был удивлен, что Провидению было угодно, чтобы так и осталось, ведь за ночь пало несколько сильных мужчин. Пока остальные размышляли над своим плачевным состоянием и считали, что это последний день их жизни, неожиданно послышался сигнал о приближении лодок, и от самого низкого уровня отчаяния они воспрянули духом, испытывая необычайную радость; обильные порции воды, быстро высаженные на берег, освежили их истомленные тела. Никогда прежде они не знали, какое благословение может дать одно лишь обладание водой; она была вкуснее самых лучших вин.

Были сделаны тревожные приготовления к немедленному отплытию из места, ставшего роковым для стольких несчастных. Из ста двадцати двух человек, находившихся на борту "Наутилуса" в момент столкновения, погибли пятьдесят восемь. Восемнадцать утонули, как предполагается, в момент катастрофы, один - при попытке добраться до судна, пятеро потерялись на маленьком плоту, а тридцать четыре умерли от голода. Около пятидесяти человек пересели на четыре рыбацких судна и в тот же вечер высадились на острове Чериготто, всего шестьдесят четыре человека, включая тех, кто спасся на китовом судне. Шесть дней прошло на скале, и за это время люди не получили никакой помощи, кроме человеческой плоти, которой они питались.

Выжившие высадились у небольшого ручья на острове Чериготто, после чего им пришлось пройти значительное расстояние, прежде чем они достигли жилища своих друзей. Первым делом они отправились за помощником капитана, который сбежал на остров Пори и остался там, когда китобойное судно прибило к скале. Он и его спутники исчерпали всю пресную воду, но жили за счет овец и коз, которых они ловили среди скал, и пили их кровь. Там они оставались в состоянии большой неопределенности относительно судьбы тех, кто оставил их в лодке.

Хотя греки не могли помочь морякам в лечении их ран, они отнеслись к ним с большим вниманием и гостеприимством; но медицинская помощь была очень важна из-за боли, которую испытывали страдальцы, и, не имея ничего, чтобы перевязать свои раны, кроме рубашек, которые они разорвали на бинты, они стремились достичь Сериготто. Остров Сериготто, где они высадились, был зависимым от другого, около пятнадцати миль в длину и десяти в ширину, с бесплодной и малопродуктивной почвой, почти не возделываемой. На нем, как сказал лоцман, проживало двенадцать или четырнадцать семей греческих рыбаков, которые находились в состоянии крайней бедности. Их дома, или, скорее, хижины, состоящие из одной или двух комнат на одном этаже, были, как правило, построены на склоне скалы; стены состояли из глины и соломы, а крыша опиралась на дерево в центре жилища. Их пищей был грубый хлеб из вареного гороха и муки, который превращался в подобие пасты для чужеземцев, с одним или двумя кусочками мальчишек, и это было все, чего они могли ожидать от своих избавителей. Но из кукурузы они делали ликер, который, обладая приятным вкусом и будучи крепким спиртом, моряки пили с жадностью.

Сериготто находился примерно в двадцати пяти милях, и там, как говорили, проживал английский консул. Однако прошло одиннадцать дней, прежде чем команда смогла покинуть Сериготто, так как трудно было уговорить греков выйти в море на своих хрупких барках в бурную погоду. Наконец, ветер стал попутным, море спокойным, и они с благодарностью попрощались с семьями своих избавителей, которые с нежностью отнеслись к их бедам и проливали слезы сожаления, когда они уходили. Через шесть или восемь часов они достигли Сериготто, где их встретили с распростертыми объятиями. Сразу же по прибытии их встретил английский вице-консул, сеньор Мануэль Калуси, уроженец острова, который посвятил свой дом, постель, кредит и все свое внимание их службе; оставшиеся в живых единодушно заявили о своей неспособности выразить обязательства, которые он на них возложил. Губернатор, комендант, епископ и главные люди - все они проявляли одинаковое гостеприимство, заботу и дружбу и прилагали все усилия, чтобы сделать это время приятным; настолько, что эти потерпевшие кораблекрушение мореплаватели с немалым сожалением думали о том, чтобы покинуть остров.

Пробыв в Сериготто три недели, люди узнали, что на расстоянии двенадцати лиг от Мореи стоит на якоре русский военный корабль, загнанный непогодой, и немедленно отправили письма его командиру, рассказывая о своих злоключениях и прося о проходе на Корфу. Хозяин "Наутилуса", решив воспользоваться случаем, взял шлюпку, чтобы добраться до русского судна; но сначала ему не повезло, и при сильном порыве ветра его вынесло на скалы, где он едва не погиб, а шлюпку разнесло в щепки. Однако ему посчастливилось добраться до корабля, и после некоторых трудностей ему и его спутникам удалось получить желаемый проезд до Корфу. Ее командир, чтобы разместить их, спустился в Сериготто и бросил якорь в небольшом порту под названием Святой Николай, на восточной оконечности острова. Англичане сошли на берег 5-го числа, но из-за встречных ветров отплыли только 15 февраля, когда распрощались со своими друзьями. Затем они причалили к Занте, еще одному небольшому острову, изобилующему смородиной и оливами, масло из которых составляет главное богатство жителей. Пробыв там четыре дня, они отплыли на Корфу, куда прибыли 2 марта 1807 года, почти через два месяца после кораблекрушения.

КРУШЕНИЕ НЕВОЛЬНИЧЬЕГО КОРАБЛЯ.

В следующей выдержке из письма из Филадельфии от 11 ноября 1762 года рассказывается о меланхоличной катастрофе, постигшей судно "Феникс" капитана М'Гашера в широте 37 градусов северной широты и долготы 17 градусов южной широты. северной широты и долготы. 72 град. западной долготы от Лондона, направлявшегося в Потомак, штат Мэриленд, от берегов Африки, с 332 рабами на борту.

"В среду 20 октября 1762 года, в шесть часов вечера, поднялся жесточайший южный ветер с громом и молниями, море было очень сильным, когда корабль дал течь, и мы были вынуждены лечь под голые столбы, вода набиралась на нас, причем обе помпы постоянно работали. В 10 часов вечера попытались поставить корабль против ветра, но безрезультатно. В двенадцать песчаный балласт забил наши помпы, и в трюме было семь футов воды, все бочки на плаву, а балласт сдвинут к подветренной стороне, отрезало такелаж грот- и мизен-мачт, обе из которых мгновенно легли рядом с палубой, и сразу после этого фор-мачта была унесена примерно на двадцать футов выше. Вытащили за борт все наши пушки, после чего корабль немного выровнялся. Тогда мы были вынуждены выпустить всех наших рабов из кандалов, чтобы они помогли в накачивании и прессовании.

"Утро четверга выдалось умеренным, набрав около трех футов хода, мы обнаружили, что все бочки в трюме разлетелись на куски, так что нам удалось спасти только бочку муки, 10 фунтов хлеба, двадцать пять галлонов вина, пива и кустарника и двадцать пять галлонов спиртных напитков. Весь этот день матросы и рабы занимались откачкой и прессованием; помпы часто захлебывались и поднимали большое количество песка. Мы были вынуждены поднять одну из помп и спустить ее в люк на четверть палубы. В этот день к нам пристало судно, и, хотя оно было совсем рядом и мы подавали все сигналы бедствия, оно не стало с нами разговаривать.

"В пятницу, когда рабы-мужчины были очень угрюмы и недисциплинированы, не имея в течение сорока восьми часов никакой пищи, кроме драмы, мы посадили половину самых сильных из них в кандалы.

"В субботу и воскресенье все рабочие днем и ночью с трудом удерживали корабль в чистоте и постоянно находились под оружием.

В понедельник утром многие из рабов освободились от кандалов и пытались выломать решетки, а матросы не решались спуститься в трюм, чтобы очистить помпы, и мы были вынуждены, ради сохранения собственной жизни, убить пятьдесят зачинщиков и самых крепких из них".

"Невозможно описать страдания бедных рабов, которые они испытывали, не имея свежей воды в течение пяти дней. Их истошные вопли и крики, а также самый страшный вид еще больше усугубляли наши несчастья; четверых из них нашли мертвыми, а одна утонула в трюме. Вечером вода набралась, и трое моряков свалились с ног от усталости и жажды, которую не могли утолить, хотя им попеременно давали вино, ром и кустарник. В четверг утром корабль за ночь набрал более фута воды, и моряки совсем изнемогли, а многие из них впали в отчаяние. Около десяти часов утра мы увидели парус; около двух она обнаружила нас и спустилась; в пять с нами заговорил "Кинг Джордж" из Лондондерри, хозяин Джеймс Маккей; он тут же пообещал взять нас на борт и поднял свой ял, благо дул свежий ветер. Усилившийся шторм не позволил ему спасти ничего, кроме жизней белых людей, - ни нашей одежды, ни одного раба; лодка едва ли могла жить в море, когда совершала последний рейс.

Капитан Маккей и несколько джентльменов, пассажиров, которых он взял на борт, отнеслись к нам с добротой и человечностью".

ПОТЕРПЕВШИЕ КРУШЕНИЕ МОРЯКИ.

Прилагаемый захватывающий очерк взят из "Жизни моряка, написанной капитаном британского флота". В нем рассказывается об обнажении экипажа судна "Мэгпи", который оказался в лодке после кораблекрушения у берегов Кубы. Шлюпка была расстроена, шторм продолжался:...

Даже в этот опасный момент флотская дисциплина взяла верх. По приказу лейтенанта, приказавшему людям на киле покинуть свое место, они мгновенно повиновались, лодку перевернули и еще раз попробовали применить этот прием, но совершенно напрасно: не успели два человека сдать пару шляп и безопасность команды показаться в пределах вероятности, как один человек заявил, что видит плавник акулы. Никакие слова не могут передать панику, охватившую борющихся моряков; акула всегда вызывает у моряка ужас, и те, кто видел разрушительные челюсти этой прожорливой рыбы, их огромную и почти невероятную силу, их любовь к крови и дерзкую смелость ее добывать, могут только составить представление о том, какие ощущения вызывает у пловца крик "акула! акула!". Каждый человек теперь боролся за то, чтобы хоть на мгновение оказаться в безопасности. Они прекрасно понимали, что хоть капля крови будет унюхана вечной рыбой-лоцманом, шакалом акулы, и что их гибель неизбежна, если только одно из этих чудовищ обнаружит эту богатую трапезу или будет приведено к своей пище маленьким стремительным охотником за добычей... Вся дисциплина была теперь бесполезна, лодка снова перевернулась килем вверх; один человек только обрел свою безопасность, как его вытолкнули из нее другие, и таким образом их силы стали подводить от долгого напряжения. Однако, поскольку враг, которого так боялись, не появлялся, Смит снова призвал их попытаться спастись единственным оставшимся средством - лодкой; но поскольку он знал, что только усилит их тревогу, пытаясь убедить их, что акулы не водятся в этих краях, он использовал самый мудрый план, предложив тем, кто держался за ружейный леер, постоянно плескать в воду ногами, чтобы испугать чудовищ, которых они так боялись. Снова забрезжила надежда: лодка стояла на носу, и четверо мужчин в ней усердно трудились; немного терпения и послушания - и они в безопасности. В этот момент, когда те, кто находился в воде, призывали своих товарищей в лодке продолжать неустанно отдуваться, рядом с ними слышался шум, и около пятнадцати акул оказались прямо среди них. Паника была в десять раз страшнее, чем прежде; лодка снова расстроилась от одновременной попытки спастись от опасности, и двадцать два моряка снова были преданы гибели. - Сначала акулы не были склонны свою добычу, но плавали среди людей, играя в воде, иногда прыгая и потираясь о свои жертвы. Это длилось недолго: громкий крик одного из мужчин возвестил о внезапной боли: акула схватила его за ногу и полностью отделила ее от тела. Не успел он отведать крови, как наступило долгожданное нападение; еще один и еще один крик возвестил о потере конечностей; некоторых оторвало от лодки, за которую они тщетно пытались уцепиться; некоторые, как предполагалось, утонули только от страха; все были в страшной опасности. Мистер Смит, даже сейчас, когда из всех ужасных смертей его ожидала самая страшная, отдавал приказы четко и хладнокровно; и, к вящей чести несчастного погибшего экипажа, они были исполнены; лодку снова выправили, и в ней снова оказалось два человека. Как бы невероятно это ни казалось, но все же верно, что голос офицера был услышан среди опасности; и оставшиеся в живых, как и прежде, уцепились за леера и удержали лодку в

вертикальном положении. Сам мистер Смит держался за корму, подбадривая и аплодируя своим людям. Акулы вкусили крови и не собирались отказываться от своего пиршества: в один короткий миг, когда мистер Смит перестал плескаться, заглядывая в лодку и наблюдая за ходом событий, акула схватила обе ноги и откусила их чуть выше колен. Человеческая природа не настолько сильна, чтобы без стога перенести огромную боль; но мистер Смит попытался скрыть несчастье, природа, верная себе, воспротивилась этому, и стон был глубоким и слышным. Экипаж давно уважал своего галантного командира; они знали его достоинства и его мужество: услышав, как он выражает свою боль, и увидев, что он теряет хватку, чтобы утонуть, двое из них подхватили умирающего офицера и положили его на кормовые простыни. Даже теперь, находясь в почти невыносимой агонии, этот галантный парень забыл о своих страданиях и думал только о том, чтобы спасти оставшихся немногих от безвременной могилы, которая их ожидала; он снова рассказал им об их единственной надежде, выразил сожаление по поводу их гибельного состояния и закончил такими словами; "Если кто-нибудь из вас переживет эту роковую ночь и вернется на Ямайку, скажите адмиралу (сэру Лоренсу Холстеду), что я искал пирата, когда произошло это прискорбное событие, передайте ему, что я надеюсь, что всегда выполнял свой долг, и что я..." Тут кто-то из людей попытался забраться в лодку, и она получила крен на один бок; люди, поддерживавшие беднягу Смита, на мгновение отступили от него, и он вывалился за борт и утонул. Его последний булькающий крик вскоре затерялся среди воплей его бывших товарищей, он утонул, чтобы больше не подняться.

В восемь часов вечера "Магпи" была расстроена; по расчетам двух оставшихся в живых людей, к девяти часам все их товарищи погибли. Акулы, казалось, были довольны моментом, и они, с храбрыми сердцами, решили воспользоваться драгоценным временем, чтобы спасти себя; они выправили лодку, и один перебрался через нос, а другой через корму, они обнаружили, что хотя почти истощены, но все еще живы и находятся в сравнительной безопасности, они начали работу по спускам, и вскоре облегчили лодку настолько, чтобы ее не было легко расстроить, когда оба уселись отдохнуть. Возвращение акул стало сигналом к возобновлению работы. Прожорливые чудовища пытались расстроить лодку; они плавали у ее борта, казалось, в тревоге за свою добычу, но, подождав некоторое время, разделились; двое спасенных моряков оказались свободными от своих ненасытных врагов и, по благословению Божьему, спасены. Уставшие, они продолжали трудиться, пока лодка не стала почти сухой, и тогда оба легли отдохнуть, один - на носу, другой - на корме; страх так сильно действовал на их разум, что они не смели даже пошевелиться, боясь, что неосторожный шаг может привести к опрокидыванию лодки. Вскоре, несмотря на пережитые ужасы, они погрузились в крепкий сон, и только наступил рассвет, как они проснулись от ужасных размышлений и, по-видимому, еще более страшных опасностей. Солнце взошло ясное и безоблачное; прохладное спокойствие ночи сменилось знойным утром, и жара, голод, жажда и усталость, казалось, навалились на несчастных, спасенных Провидением и собственными усилиями из пасти ужасной смерти. Они проснулись и посмотрели друг на друга - сам взгляд отчаяния был ужасающим; насколько хватало глаз, не было видно ни одного предмета; яркая утренняя дымка усиливала преломление света; одна гладкая, бесконечная равнина, один бескрайний океан, одно безоблачное небо и одно палящее солнце - вот все, на что они могли смотреть. Лодка лежала, как ковчег, в одиноком мире! У них не было ни весла, ни мачты, ни паруса, ничего, кроме голых досок и их самих, без провизии и воды, без еды и одежды. Они лежали в спокойном океане, безнадежные, без друзей и несчастные. Это было время сильной тревоги, их взгляды были устремлены друг на друга в молчаливой жалости, не смешанной со страхом. Каждый знал, к какому ужасному варианту их подтолкнет природа. Каннибал уже был в их поле зрения, и первое нападение с

любой стороны было бы страшным, ведь они оба были храбрыми и крепкими людьми, равными по силе и мужеству.

Сейчас было около половины шестого утра, солнце начинало доказывать свою жгучую силу, море было гладким, как зазеркалье, и, если не считать легкого кошачьего порыва воздуха, взъерошившего морду воды на несколько ярдов, все было спокойно и тихо. Напрасно они напрягали глаза, напрасно ворочались с боку на бок, спасаясь от палящих лучей солнца; они не могли уснуть, потому что тревога и страх заставляли обоих быть начеку; они не осмеливались ухаживать за сном, потому что это могло стать последним смертным отдыхом. Однажды они чуть не поссорились, но, к счастью, лучшие чувства человечности взяли верх над горечью отчаяния. Самый старший из них уже давно жаловался на жажду и часто опускал руку в воду и сосал жидкость; это приходилось делать поспешно, так как все ужасы ночи были еще впереди, и нередко острый плавник акулы виднелся совсем недалеко от лодки. В разгар мучительной жажды, усиленной соленой водой, и раздражительного нрава носового человека, который нетерпеливо стучал ногами по доскам днища и с безразличием рвал на себе волосы, он вдруг прекратил выражение ярости и воскликнул: "Парус!"

Пока они молча наблюдали за приближением брига, который медленно пробирался по воде, и в тот самый момент, когда они уверяли друг друга, что их видят и что судно специально направляется тем курсом, которого придерживается, чтобы добраться до них, вся надежда была разрушена в одну секунду; бриг отдалился примерно на три пункта и начал делать больше парусов. Это был ужасный момент; их лица опечалились, когда они посмотрели друг на друга; напрасно они кричали, напрасно бросали в воздух свои куртки; было очевидно, что их никто не видел, и что бриг шел своим курсом.

Время ускользало, и если они окажутся за бортом брига, то каждая секунда будет уменьшать шансы быть замеченными, к тому же может подуть морской бриз, и тогда через четверть часа она будет уже далеко и без всякой надежды. В этот момент человек, который так громко сетовал на свою судьбу, внезапно воодушевился новой надеждой и мужеством, он внимательно посмотрел на бриг, затем на своего спутника и сказал: "Клянусь небесами, я сделаю это, иначе мы пропали!" "Что делать?" - спросил его товарищ. "Хотя, - сказал первый, - это не пустяк, после того что мы видели и знали; но я попытаюсь, ведь если она пройдет мимо нас, что мы можем сделать? Я скажу тебе, Джек, я поплыву к ней, если я доплыву до нее, ты спасен, если нет, почему я умру, не добавив, возможно, убийства к моим преступлениям". "Что? Прыгай за борт и оставь меня одного!" - ответил его товарищ, - "Посмотри, посмотри на акулу, которая преследует нас всю ночь, она только и ждет, когда ты войдешь в воду, чтобы проглотить тебя, как она проглотила, возможно, половину наших товарищей; нет, нет, подожди, подожди, может быть, придет другое судно, к тому же я не могу проплыть половину расстояния и боюсь оставаться позади, подумай, Том, подумай только об акулах и о прошлой ночи".

Он прыгнул за борт с таким спокойствием, словно купался в безопасности. Не успел он начать движение в намеченном направлении, как его спутник повернулся к акулам. Первые исчезли, и было очевидно, что они слышали всплеск и вскоре последуют за своей добычей. Трудно сказать, кто переживал больше. Тот, кто остался в лодке, подбадривал своего товарища, смотрел на бриг и продолжал размахивать курткой, затем повернулся, чтобы посмотреть на акул; можно представить его ужас, когда он увидел, что три этих ужасных чудовища проплыли мимо лодки, точно в направлении его товарища; он плеснул курткой в воду, чтобы отпугнуть их, но они, казалось, вполне осознали бессилие своей атаки и лениво продолжили свой путь. Мужчина плавал хорошо и уверенно. Не было сомнений, что он проплывет в пределах видимости от брига, если акулы не помешают, и он, зная, что они не

заставят себя долго ждать, продолжал бить ногами по воде и брызгаться, когда плыл. Нет рыбы более трусливой и в то же время более отчаянно дикой, чем акула. Я видел, как одна из них дважды бросалась на гарпун с крючком в пасти и снова подплывала к свежей наживке, но их не пугает ни малейший шум, и они почти никогда не берут свою добычу, если она не стоит на месте. В общем, любое место, окруженное скалами, о которые разбивается прибой, хотя там и нет прохода для корабля, будет надежно защищено от акул. Только когда было пройдено значительное расстояние, пловец осознал свою опасность и увидел рядом с собой одно из ужасных существ; тем не менее он храбро плыл и брыкался, но был настроен на худшее и не надеялся на успех. Тем временем бриз постепенно посвежел, и бриг понесся по воде с большей скоростью; каждый стежок парусины был расправлен. Бедному пловцу казалось, что паруса разрываются от дуновения ветра, и когда он изо всех сил старался продвинуться так, чтобы отрезать судно, казалось, что брызги летят с носа, а бриг летит сквозь море. Он был уже достаточно близко, чтобы надеяться, что его голос будет услышан; но он напрасно кричал и кричал, на палубе не было видно ни души; человек, который управлял судном, был слишком увлечен своим занятием, чтобы слушать призывы о милосердии. Бриг прошел мимо, а пловец с каждой секундой становился все дальше, всякая надежда исчезла, не осталось ни лучика того светлого божества; усталость почти измотала его, и акулы только и ждали первого спокойного момента, чтобы проглотить свою жертву. Напрасно он думал вернуться к лодке - он никогда не смог бы до нее добраться, а у его спутника не было возможности помочь ему. Когда он возносил последнюю молитву, прежде чем решиться на то, чтобы плыть и быть съеденным, он увидел человека, смотревшего на четверть брига; подняв обе руки, он прыгнул в воду и необычностью своих движений, к счастью, привлек внимание. Вскоре с помощью телескопа удалось разглядеть объект; бриг причалил, была послана шлюпка, и человек был спасен. Тогда внимание команды было привлечено к лодке "Волчицы"; вскоре она оказалась рядом, и таким образом, благодаря смелым усилиям столь галантного человека, какой когда-либо дышал, оба были спасены из опасного положения.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИЛИППА ЭШТОНА, , КОТОРЫЙ, СПАСАЯСЬ ОТ ПИРАТОВ, ПРОЖИЛ ШЕСТНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В ОДИНОЧЕСТВЕ НА БЕЗЛЮДНОМ ОСТРОВЕ.

В пятницу 15 июня 1722 года, пробыв некоторое время на шхуне с четырьмя мужчинами и мальчиком у мыса Сейбл, я отправился в Порт-Россавей, намереваясь пробыть там все воскресенье. Прибыв около четырех часов пополудни, мы увидели среди других судов, прибывших в порт раньше нас, бригантину, которая, как предполагалось, направлялась из Вест-Индии. Простояв на якоре три или четыре часа, с бригантины подошла шлюпка с четырьмя людьми, которые выскочили на палубу и, внезапно выхватив пистолеты и размахивая тесаками, потребовали сдачи и нас, и нашего судна. Все уговоры были тщетны; да и если бы мы знали, кто они такие, до того как высадились на борт, мы не смогли бы оказать действенного сопротивления: нас было всего пять человек и мальчик, и мы были вынуждены подчиниться по собственному усмотрению. Мы были не одиноки в своем несчастье, поскольку в тот же вечер тринадцать или четырнадцать рыболовецких судов подверглись подобному нападению.

Поднявшись на борт бригантины, я оказался в руках Неда Лоу, отъявленного пирата, на судне которого было две большие пушки, четыре вертлюга и около сорока двух человек. Меня настойчиво убеждали подписать соглашение между пиратами и присоединиться к их

числу, от чего я упорно отказывался и в результате претерпел немало дурного обращения. Когда меня вместе с пятью пленниками вывели на квартердек, Лоу подошел к нам с пистолетами в руках и громко потребовал: "Кто-нибудь из вас женат?". Этот неожиданный вопрос, да еще и с пистолетами, лишил нас дара речи; мы встревожились, опасаясь, что в его словах есть какой-то тайный смысл и что он перейдет к крайностям, поэтому никто не мог ответить. В порыве гнева он взвел пистолет и, приставив его к моей голове, закричал: "Ах ты, собака, почему не отвечаешь?", - одновременно пылко поклявшись, что прострелит мне голову. Я был достаточно напуган его угрозами и свирепостью, но вместо того, чтобы лишиться жизни по такому пустяковому поводу, я рискнул заявить, как можно громче, что я не женат. После этого он, казалось, несколько успокоился и удалился.

Оказалось, что Лоу решил не принимать женатых мужчин, что часто казалось мне удивительным, пока я не пробыл с ним долгое время. Но его собственная жена умерла недавно, еще до того, как он стал пиратом; к тому же у него был маленький ребенок в Бостоне, к которому он питал такую нежность в каждый светлый промежуток времени, когда пил и веселился, что при упоминании об этом я видел, как он садился и обильно плакал. Таким образом, я пришел к выводу, что причина, по которой он брал только холостых мужчин, заключалась, вероятно, в том, что у них не было привязанностей, таких как жены и дети, чтобы отвлечь их от службы и заставить желать возвращения домой.

Пираты, обнаружив, что сила не помогает заставить нас присоединиться к ним, стали использовать вместо нее уговоры. Они пытались лестью склонить меня к согласию, представляя мне долю в их добыче и богатства, которыми я стану владеть, и все время настойчиво уговаривали меня выпить вместе с ними. Но я все еще продолжал сопротивляться их предложениям, и тогда Лоу с такой же яростью, как и раньше, пригрозил прострелить мне голову; и хотя я убедительно просил отпустить меня, он и его люди записали мое имя и имена моих спутников в свои книги.

19 июня пираты сменили капер, как они называли свое судно, и перешли на новую шхуну, принадлежащую Марблхеду, которую они захватили. Затем они посадили всех пленников, которых намеревались отправить домой, на борт бригантины и отправили ее в Бостон, что побудило меня предпринять еще одну неудачную попытку обрести свободу; но хотя я пал на колени перед Лоу, он отказался меня отпустить: так я увидел, как бригантина отчалила со всеми пленниками, кроме меня и еще семерых.

За короткое время до ее отплытия мне почти удалось спастись; так как собака, принадлежавшая Лоу, случайно осталась на берегу, он приказал нескольким людям сесть в лодку и снять ее. После этого двое молодых людей, пленников, оба из Марблхеда, с готовностью прыгнули в лодку, и я, полагая, что если мне удастся выбраться на берег, то можно будет найти средства для побега, попытался отправиться вместе с ними. Но квартермейстер по имени Рассел, схватив меня за плечо, потянул назад. Поскольку молодые люди не возвращались, он решил, что я посвящен в их заговор, и с самыми возмутительными клятвами выхватил свой пистолет, когда я отрицал, что знаю о нем. Однако то, что пистолет не выстрелил, только еще больше разъярило его: он щелкнул им еще три раза, и столько же раз он не выстрелил; тогда он держал его за бортом, и тогда он выстрелил. Рассел выхватил свою тесаку и уже собирался наброситься на меня в крайней степени ярости, но я спрыгнул в трюм и спасся.

У Сент-Майклса пираты захватили большой португальский пинк, груженный пшеницей, выходивший на дорогу, и, будучи хорошими моряками и имея 14 пушек, пересадили на него свою команду. После этого возникла необходимость поднять ее на воду, и тогда они

сделали три острова, называемые Треугольниками, которые лежат примерно в 40 лигах к востоку от Суринама.

При крене Лоу приказал так много людей поставить на шпангоуты и верфи, что порты, накренившись, оказались под водой, и море, нахлынув, перевернулось: он и доктор были тогда в каюте, и как только он заметил, что вода хлынула внутрь, он выпрыгнул из кормового порта, а доктор попытался последовать за ним. Но сила моря оттолкнула его, и он был вынужден вернуться в каюту. Лоу, однако, сумел просунуть руку в порт и, вытащив его, спас ему жизнь. Тем временем судно полностью перевернулось. Его киль вывернулся из воды, но по мере наполнения корпуса он затонул на глубине около шести саженей.

Ударившись о землю, мачты несколько приподнялись над водой; когда судно перевернулось, люди перебрались с саней и верфей на корпус, а когда корпус пошел ко дну, они снова прибегли к такелажу, поднявшись немного из моря.

Будучи неважным пловцом, я был доведен до крайности, так как вместе с другими легкими парнями был отправлен на грот-балкон; и люди в лодке, которые были заняты спасением людей, отказались взять меня, и я был вынужден попытаться добраться до буя. Мне это удалось, и, поскольку он был большим, я закрепился на нем, пока не подошла шлюпка. Я еще раз попросил людей взять меня на борт, но они все равно отказались, так как лодка была полна. Я не был уверен, что они намерены оставить меня погибать в таком положении: однако лодка, будучи глубоко нагруженной, продвигалась очень медленно, и один из моих товарищей, схваченный одновременно со мной, призвал меня оставить буй и плыть к ней, я согласился, и, достигнув лодки, он втащил меня на борт. Два человека, Джон Белл и Зана Гурдон, погибли в розовом море.

Хотя шхуна была совсем рядом, ее люди занимались починкой парусов под навесом и ничего не знали о случившемся, пока шлюпка, полная людей, не подошла к борту.

Потеряв свое главное судно, а также большую часть провизии и воды, пираты оказались в крайне затруднительном положении из-за отсутствия последних. Они не смогли получить провиант в Треугольнике, а из-за штилей и течений не смогли добраться до острова Тобаго. Поэтому они были вынуждены встать на Гренаду, которой достигли, пробыв на коротком довольствии шестнадцать дней.

Гренада была французским поселением, и Лоу, прибыв туда, отправив всех своих людей, кроме достаточного количества для управления судном, вниз, сказал, что он с Барбадоса; что он потерял воду на борту и был вынужден зайти сюда за припасами.

Люди не подозревали, что он пират, но потом, предположив, что он контрабандист, решили, что это хорошая возможность сделать из его судна приз. Поэтому на следующий день они снарядили большой шлюп в 70 тонн и четыре пушки, на котором было около 30 человек, как достаточно для захвата, и подошли к борту, пока Лоу не подозревал об их замысле. Но это было очевидно по их количеству и действиям, он быстро вызвал 90 человек на палубу, и, установив 8 пушек, французский шлюп стал легкой добычей.

Получив эти два судна, пираты крейсировали в Вест-Индии, захватив семь или восемь призов, и в конце концов прибыли на остров Санта-Крус, где захватили еще два. Находясь там, Лоу решил, что ему нужен сундук с лекарствами, и, чтобы раздобыть его, отправил четырех французов на захваченном им судне в Сент-Томас, расположенный примерно в двенадцати лигах, с деньгами для его покупки, обещая им свободу и возвращение всех их судов за оказанную услугу. Но в то же время он заявил, что если окажется иначе, то он убьет

остальных людей, а суда сожжет. Немногим более чем через двадцать четыре часа французы вернулись с целью своей миссии, и Лоу пунктуально выполнил свое обещание, вернув суда.

Отплыв к испано-американским поселениям, пираты заметили два больших корабля на полпути между Карфагеной и Портобелло, которые оказались английским военным судном "Русалка" и гвинейским кораблем. Они приближались, преследуя друг друга, пока не обнаружили, что у корабля большой размах зубов, и тогда они немедленно повернули в сторону, чтобы как можно быстрее уйти. Тогда корабль начал преследование и стал быстро настигать их, и я признаюсь, что теперь мой ужас был равен любому из тех, что я испытывал раньше, ибо я пришел к выводу, что нас непременно возьмут, и что меня не менее непременно повесят за компанию: так верны слова Соломона: "Компаньон глупцов будет уничтожен". Но два пиратских судна, обнаружив, что их обогнали, разделились, и Фаррингтон Сприггс, командовавший шхуной, на которой я находился, встал на берегу. Русалка", видя, что шлюп с Лоу крупнее, навалилась на него всем парусом и продолжала набирать ход, пока не пролетела мимо; но один из команды шлюпа показал Лоу отмель, которую он мог миновать, и в погоне за ним военное судно село на мель. Таким образом, пираты избежали повешения.

Сприггс и один из его избранных товарищей, опасаясь последствий поимки и предания суду, положили пистолеты рядом с собой в промежутке и, поклявшись друг другу, если не увидят возможности спастись, встанут нога на ногу и вышибут друг другу мозги. Но, встав у берега, они вошли в Пикерунский залив и избежали опасности.

Затем мы отправились к небольшому острову Утилла, расположенному в семи или восьми лигах к подветренной стороне от острова Роатан в Гондурасском заливе, где очистили днище шхуны. Теперь на борту было двадцать два человека, и восемь из нас участвовали в заговоре, чтобы одолеть своих хозяев и сбежать. Сприггс предложил отплыть в Новую Англию за провизией и для пополнения своей компании, а мы намеревались, подойдя к берегу, когда все остальные уже вдоволь насладятся спиртным и уснут, укрыть их под люками, а затем сдать в руки властей.

Хотя наш заговор осуществлялся в условиях полной секретности, Сприггс тем или иным способом получил сведения о нем и, сойдясь с Лоу во время плавания, поднялся на борт его корабля, чтобы сделать яростное заявление против нас. Но Лоу не придавал значения своим сведениям, иначе они могли бы стать роковыми для большинства из нас. Сприггс, однако, вернулся на шхуну в ярости, воскликнув, что четверо из нас должны идти вперед, чтобы быть расстрелянными, и, в частности, мне он сказал: "Ты, собака Эштон, заслуживаешь того, чтобы тебя повесили за то, что ты хотел нас отрезать". Я ответил, что у меня не было намерения причинить вред кому-либо на борту, но я был бы рад, если бы они позволили мне спокойно уйти". В конце концов пламя было погашено, и, по милости Божьей, я избежал гибели.

Гавань Роатана, как и весь Гондурасский залив, изобилует маленькими островками, которые носят общее название Ключи; зайдя сюда, Лоу с некоторыми из своих главных людей высадился на маленьком островке, который они называли Порт-Ройал-Ки. Там они построили хижины и продолжали веселиться, пить и стрелять, пока различные суда, которыми они теперь владели, ремонтировались.

В субботу, 9 марта 1723 года, бондарь с шестью помощниками на баркасе отправился на берег за водой; подойдя к шхуне, я попросил взять меня с собой. Видя, что он колеблется, я заявил, что до сих пор никогда не был на берегу и считаю, что мне тяжело находиться в таком тесном помещении, когда все остальные могут свободно высаживаться на берег по мере

необходимости. Лоу и раньше говорил мне, когда я просил отправить меня на одном из захваченных судов, которые он уволил, что я должен вернуться домой, когда он это сделает, и клялся, что никогда прежде не ступал на сушу. Но теперь я подумал, что если мне удастся хоть раз попасть на твердую землю, пусть и в столь скверных обстоятельствах, то я буду считать это счастливым избавлением, и решил никогда больше не выходить на берег.

В конце концов бондарь взял меня в баркас, в то время как Лоу и его главные люди находились на другом острове от Роатана, где было место для водопоя; единственной моей одеждой были оснабургская ряса и брюки, валяная шапочка, но ни рубашки, ни башмаков, ни чулок, ни чего-либо другого.

Когда мы только высадились на берег, я очень активно помогал вытаскивать бочки из лодки и катить их к месту водопоя. Затем, выпив изрядную порцию воды, я прогуливался по берегу, собирая камни и ракушки; но, приблизившись на расстояние мушкетного выстрела от группы, я стал удаляться к опушке леса. На вопрос бондаря, куда я направляюсь? Я ответил: "За орехами какао, так как несколько деревьев какао были прямо передо мной"; и как только я скрылся из виду моих товарищей, я пустился бежать так быстро, как только позволяла толща кустов и мои голые ноги. Несмотря на то что я значительно углубился в лес, я все еще был так близко, что мог слышать голоса группы, если они говорили громко, и я залег в зарослях, где, как я знал, они не могли меня найти.

После того как мои товарищи наполнили бочки и собрались уходить, бондарь позвал меня с собой; но я лежал, прижавшись к зарослям, и ничего ему не ответил, хотя слова его были достаточно ясны. Наконец, после громкого крика, я услышал, как они сказали друг другу: "Собака потерялась в лесу и не может найти выход"; затем они снова закричали: "Он убежал и не хочет к нам идти"; бондарь заметил, что, если бы он знал о моем намерении, он бы не привел меня на берег. Удовлетворенный тем, что они не могут найти меня среди деревьев и кустов, бондарь наконец, чтобы показать свою доброту, воскликнул: "Если вы сейчас же не уйдете, я уйду и оставлю вас одного". Однако ничто не могло побудить меня обнаружить себя, и мои товарищи, видя, что ждать дальше бесполезно, ушли без меня.

Так я остался на пустынном острове, лишенном всякой помощи и удаленном от путей мореплавателей; но по сравнению с состоянием и обществом, которое я покинул, пустыня показалась мне гостеприимной, а одиночество - интересным.

Когда я решил, что все ушли, я вышел из своих зарослей, спустился к небольшому ручью, примерно в миле от места, где были наполнены наши бочки, и уселся там, чтобы наблюдать за действиями пиратов. К моей великой радости, через пять дней их суда отплыли, и я увидел, как шхуна отделилась от них, чтобы взять другой курс.

Затем я начал размышлять о себе и своем нынешнем положении. Я находился на острове, который не имел возможности покинуть; я не знал ни одного человека в радиусе многих миль; моя одежда была скудной, и невозможно было достать ее про запас. Я был совершенно лишен провизии и не мог сказать, как мне жить дальше. Эта печальная перспектива вызвала обильные слезы из моих глаз; но поскольку Богу было угодно исполнить мои желания и освободить меня от тех, чье занятие - придумывать зло против своих соседей, я решил считать все трудности легкими. Однако Лоу никогда не позволял своим людям работать в субботу, которая была больше посвящена игре; и я даже видел, как некоторые из них садились почитать хорошую книгу.

Чтобы выяснить, как мне жить дальше, я начал обследовать остров, который оказался длиной в десять или одиннадцать лиг и лежал примерно в 16 градусах северной широты. Но

вскоре я убедился, что моими спутниками будут только звери земные и птицы воздушные, ибо на острове не было никаких признаков жилья, хотя время от времени я находил на известковом настиле разбросанные черепки глиняной посуды, которые, по мнению некоторых, были останками индейцев, ранее обитавших здесь.

Остров был хорошо обводнен, изобиловал высокими холмами и глубокими долинами. На последнем растут многочисленные фруктовые деревья, такие как фиговые, виноградные лозы и орехи какао; я нашел один сорт, размером больше апельсина, овальной формы, коричневатого цвета снаружи и красного внутри. Хотя многие из них упали под деревьями, я не решался взять их, пока не увидел, что дикие свиньи кормятся в безопасности, и тогда я нашел их очень вкусными фруктами.

Запасы провизии здесь были нарасхват, хотя я не мог воспользоваться ничем, кроме фруктов; ведь у меня не было ни ножа, ни железного орудия, чтобы разрубить черепаху при развороте, ни оружия, чтобы убивать животных; не было у меня и средств развести огонь, чтобы приготовить свою добычу, даже если бы мне это удалось.

Иногда меня посещали мысли о том, чтобы вырыть ямы и прикрыть их мелкими ветками деревьев с целью добычи свиней или оленей; но для этого мне требовалась лопата и всевозможные заменители, и вскоре я убедился, что моих рук недостаточно, чтобы сделать углубление достаточно глубоким, чтобы удержать то, что в него упадет. Таким образом, я был вынужден довольствоваться фруктами, которые должны были считаться очень хорошим провиантом для любого человека в моем положении.

Со временем, когда я тыкал палкой в песок в поисках черепаших яиц, которые, как я слышал, откладываются в песок, часть одного из них прилипла к нему; убрав песок, я обнаружил около ста пятидесяти, которые не успели испортиться. Поэтому, взяв несколько, я съел их, а другие нанизал на полоску пальметто, которая, будучи подвешенной на солнце, стала толстой и несколько твердой, так что они были более приятными на вкус. В конце концов, это была не очень вкусная пища, хотя тот, у кого не было ничего, кроме того, что падало с деревьев, должен был довольствоваться этим. Черепахи откладывают яйца в песок, в ямки глубиной около фута или полутора футов, и выравнивают их поверхность, чтобы не было видно, где они лежат. По моим наблюдениям, птенцы вылупляются через восемнадцать-двадцать дней, после чего сразу же уходят в воду.

На этом и соседних островах водится множество змей; одна из них, длиной около двенадцати или четырнадцати футов, размером с талию человека, но не ядовита. Когда они лежат в полный рост, то похожи на старые стволы деревьев, покрытые коротким мхом, хотя обычно принимают круглое положение. Когда я впервые увидел одну из этих змей, я подошел очень близко, прежде чем обнаружил, что это живое существо; оно открыло рот, достаточно широкий, чтобы в него могла войти шляпа, и дыхнуло на меня. Маленькая черная муха вызывает такое раздражение, что даже если бы человек обладал многими удобствами, жизнь его была бы тягостна, если бы не возможность удалиться на какую-нибудь маленькую пристань, лишенную леса и кустов, где ветер разгоняет их толпы.

В этом месте я пробыл девять месяцев, не видя ни одного человека. Один день за другим тянулся, не знаю как, без всяких занятий и развлечений, кроме сбора пищи, блужданий с холма на холм и с острова на остров и созерцания неба и воды. Хотя в моей голове было много сожалений, я думал о том, что, когда меня забрали, я был законно занят, так что я не причастен к несчастью, которое сам на себя навлек: Я также утешался мыслью, что

отправляясь в море, я получил одобрение и согласие своих родителей, и верил, что Богу будет угодно в свое время и своим способом обеспечить мое возвращение в отчий дом. Поэтому я решил терпеливо смириться со своим несчастьем.

Я ежедневно бродил из одной части острова в другую, но у меня было особое жилище у берега воды. Здесь я построил шалаш, чтобы защититься от солнечного зноя днем и проливных дождей ночью. Взяв несколько лучших веток, упавших с деревьев, я прикрепил их к низко свисающему суку, скрепив их вместе расщепленными листьями пальмы; затем я покрыл все самыми большими и подходящими листьями, которые смог достать. Многие из этих хижин были построены мной, как правило, недалеко от берега, открытой частью к морю, чтобы иметь лучший обзор и преимущество морского бриза, в котором нуждались и жара, и паразиты.

Но насекомые доставляли столько хлопот, что я решил попытаться перебраться на какой-нибудь из соседних ключей в надежде отдохнуть. Однако, как уже говорилось, я был очень плохим пловцом; у меня не было ни каноэ, ни средств, чтобы его сделать. В конце концов, раздобыв кусок бамбука, полого, как тростник, и легкого, как пробка, я решился, после частых попыток подложить его под грудь и руки, отправиться к небольшому ключу, расположенному на расстоянии ружейного выстрела, которого я благополучно достиг.

Мое новое убежище было всего около трех-четырёх сотен футов в окружности, лежало очень низко и было очищено от леса и кустарника; от воздействия ветра оно было совершенно свободно от паразитов, и мне казалось, что я попал в новый мир, где мне жилось бесконечно спокойнее. Поэтому я удалялся сюда, когда дневная жара делала племя насекомых наиболее несносным; тем не менее мне приходилось часто бывать на Роатане, чтобы добывать пищу и воду, а также по ночам из-за моей хижины.

Плавая туда-сюда между двумя островами, я завязывал на голове рясу и штаны, и, если бы я мог с одинаковым удобством переносить дерево и листья, из которых можно было бы сделать хижину, я бы проводил больше времени на меньшем из них.

Однако эти экскурсии не были лишены опасности. Помню, однажды, когда я отплывал от большего острова, бамбук, не успев опомниться, выскользнул из-под ног, а прилив, или течение, стал таким сильным, что я с большим трудом добрался до берега. В другой раз, когда я подплыл к маленькому острову, лопатоносая акула, которые, как и аллигаторы, в изобилии водятся в этих морях, ударила меня в бедро, едва моя нога достигла дна, и села на мель, как я полагаю, из-за мелководья, так что ее пасть не могла развернуться в мою сторону. Этот удар я почувствовал через несколько часов после того, как выбрался на берег. Путем постоянных тренировок я стал довольно ловким пловцом и развлекался тем, что переплывал с одного острова на другой, среди ключей.

Я очень страдал от того, что ходил босиком; так много глубоких ран было нанесено моим ногам при передвижении по лесу, где земля была усыпана палками и камнями, и на горячем пляже, по острым разбитым ракушкам, что я почти не мог ходить. Часто, когда я ступал со всей возможной осторожностью, камень или ракушка на пляже или заостренная палка в лесу проникали в старую рану, и крайняя боль обрушивалась на меня так же внезапно, как если бы в меня выстрелили. Тогда я оставался на месте в течение нескольких часов, и слезы текли из моих глаз от остроты боли. В поисках пропитания я мог передвигаться не более чем по крайней необходимости; я сидел, прислонившись спиной к дереву, и высматривал судно в течение целого дня.

Однажды, когда я терял сознание от таких травм и болел от них, на меня бросился дикий кабан. Я не знал, что делать, так как у меня не было сил противостоять его нападению; поэтому, когда он приблизился, я ухватился за сук дерева и подвесил себя за него. Кабан разорвал своими клыками часть моей потрепанной штанины, а затем покинул меня. Думаю, это был единственный раз, когда на меня напал какой-либо дикий зверь, и я считал, что получил очень большое избавление.

По мере того как моя слабость усиливалась, я часто падал на землю без чувств, и тогда, а также когда я ложился спать, мне казалось, что я уже никогда не проснусь и не воскресну. Под влиянием этого недуга я сначала потерял счет дням недели; я не мог отличить воскресенье, и, по мере того как моя болезнь усугублялась, я стал не знать и месяца.

Все это время у меня не было ни целебного бальзама для ног, ни сердечного средства, чтобы оживить мой упадок духа. Все мои усилия лишь время от времени приводили к тому, что мне удавалось раздобыть немного инжира и винограда. Не было у меня и огня; хотя я и слышал о способе добывать его, растирая две палки вместе, мои попытки в этом отношении, продолжавшиеся до тех пор, пока я не устал, оказались безрезультатными. Начались дожди, сопровождаемые холодным ветром, и я очень страдал.

Пока я провел девять месяцев в этом одиноком, меланхоличном и неприятном состоянии, мои мысли иногда возвращались к моим родителям; и я подумал, что, хотя для меня самого было бы утешительно, если бы они знали, где я нахожусь, это могло бы их огорчить. Чем ближе была перспектива смерти, которой я часто ожидал, тем сильнее становилось мое раскаяние.

Где-то в ноябре 1723 года я заметил приближающееся небольшое каноэ с одним человеком, но это зрелище не вызвало у меня особых эмоций. Я продолжал сидеть на берегу, думая, что не могу ожидать друга, и зная, что у меня нет врага, которого я мог бы бояться, и я не в состоянии противостоять ему. Когда человек приблизился, он выдал множество признаков удивления; он подозвал меня к себе, и я сказал ему, что он может смело выходить на берег, так как я был один и почти исхудал. Подойдя вплотную, он не знал, что сказать обо мне; моя одежда и лицо казались столь необычными, что он выглядел диким от изумления. Он немного отступил назад и осмотрел меня более тщательно, но, оправившись, вышел вперед и, взяв меня за руку, выразил свое удовлетворение от встречи со мной.

Этот незнакомец оказался уроженцем Северной Британии; он был уже в преклонных годах, имел серьезный и почтенный вид и сдержанный нрав. Его имени я так и не узнал, он его не раскрывал, а я не спрашивал в течение всего периода нашего знакомства. Но он сообщил мне, что прожил двадцать два года у испанцев, которые теперь грозятся сжечь его, хотя я не знаю, за какое преступление; поэтому он бежал сюда как в убежище, захватив с собой собаку, ружье и боеприпасы, а также небольшое количество свинины. Он собирался провести остаток своих дней на острове, где мог бы прокормиться охотой.

Я испытал большую доброту со стороны незнакомца; он всегда был готов оказать любую гражданскую услугу и помочь мне всем, чем мог, хотя говорил мало; он дал мне долю своей свинины.

На третий день после прибытия он сказал, что собирается совершить экскурсию на своем каноэ по соседним островам, чтобы убить диких собак и оленей, и пожелал, чтобы я сопровождал его. Хотя его общество несколько подняло мое настроение, но из-за огня, которым я теперь наслаждался, и одетых провиантов, моей слабости и болезненности ног, я не смог отправиться в путь один, сказав, что вернется через несколько часов. Небо было

безмятежным, и не было никакой опасности во время короткой экскурсии, поскольку он прошел почти двенадцать лиг в безопасности на своем каноэ. Но когда он отсутствовал около часа, поднялся сильный порыв ветра с дождем, и он, вероятно, погиб, так как больше я о нем не слышал.

Таким образом, после того как я почти три дня наслаждался своим спутником, я так же неожиданно оказался в прежнем одиноком состоянии, как и был избавлен от него. Однако по благодати Божьей я сам был спасен от того, что не смог сопровождать его; и я остался в лучших обстоятельствах, чем те, в которых он меня нашел, ибо теперь у меня было около пяти фунтов свинины, нож, бутылка пороха, табак, щипцы и кремь, с помощью которых моя жизнь могла стать более комфортной. У меня появился огонь, крайне необходимый в это время, когда зима была дождливой. Я мог разделять черепах и есть нежную жареную пищу... Так, с помощью огня и провизии, благодаря благословениям Божиим, я начал восстанавливать силы, хотя боль в ногах оставалась. Но, кроме того, у меня было преимущество: время от времени я мог наловить раков, которые, будучи зажаренными, оказывались отличным блюдом. Для этого я сделал небольшую связку старых сломанных палок, почти похожих на смолу или свечное дерево, и, зажегши один конец, зашел с ним в воду по пояс. Рыбы, привлеченные светом, подползали к моим ногам и ложились прямо под ним, когда с помощью вилообразной палки я мог выбросить их на берег.

Через два-три месяца после того, как я потерял свою спутницу, я нашел небольшое каноэ, когда бродил по берегу. Вид его воскресил во мне сожаление о его потере, ибо я решил, что это было его каноэ, а то, что оно было выброшено на берег, служило определенным доказательством того, что оно погибло во время бури. Но, рассмотрев его повнимательнее, я убедился, что такого я еще не видел.

Став хозяином этого маленького судна, я начал считать себя адмиралом соседних морей, а также единоличным владельцем и главнокомандующим островов. Пользуясь этим судном, я мог доставлять себя к местам отступления более удобным способом, чем прежнее плавание.

Со временем я наметил экскурсию на некоторые из больших и более отдаленных островов, отчасти для того, чтобы узнать, как они хранятся или населены, а отчасти ради развлечения. Захватив небольшой запас фиг и винограда, а также несколько черепах для еды и взяв с собой орудия для разведения огня, я направился к острову Борнакко, который имеет около четырех или пяти лиг в длину и расположен в пяти или шести от Роатана.

Во время плавания, заметив шлюп у восточной оконечности острова, я направился к западу, намереваясь спуститься по суше, как потому, что далеко в море вдавался участок скал, за который я не решался заходить на каноэ, так как это было необходимо, чтобы идти впереди шлюпа, так и потому, что хотел выяснить что-нибудь о его жителях, прежде чем меня обнаружат. Даже в самых худших обстоятельствах я не мог допустить мысли о возвращении на борт пиратского судна и решил скорее жить и умереть в своем нынешнем положении. Подняв каноэ и закрепив его, как мог, я отправился в путь. Мои ноги были еще в таком состоянии, что два дня и лучшая часть двух ночей были заняты этим. Иногда лес и кустарник были настолько густыми, что приходилось ползти полмили на руках и коленях, что делало мое продвижение очень медленным.

Когда до места, где, по моим предположениям, мог находиться шлюп, оставалось около мили или двух, я направился к воде и постепенно приближался к морю, чтобы не слишком быстро открывать себя взору; однако, достигнув берега, шлюпа не было видно, из чего я заключил, что он отплыл за то время, которое я провел в пути.

Сильно утомленный путешествием, я прилег на пень дерева, лицом к морю, и сон одолел меня. Но не успел я задремать, как меня внезапно разбудил шум стрельбы. Вскочив от испуга, я увидел девять периагуа, или больших каноэ, полных людей, которые стреляли в меня с моря; тогда я быстро повернулся и побежал среди кустов так быстро, как только позволяли мои больные ноги, а люди, которые были испанцами, кричали мне вслед: "О англичанин, мы дадим тебе хорошую четверть". Однако мое изумление было столь велико, и я так внезапно пробудился ото сна, что у меня не хватило самообладания выслушать их предложения о четверти, что, возможно, в другое время, в более спокойные минуты, я бы и сделал. Таким образом, я скрылся в лесу, а чужаки продолжали стрелять вслед за мной, выпустив не менее 150 пуль, многие из которых срезали мелкие веточки с кустов рядом со мной. Найдя обширную чащу, недостижимую для выстрелов, я пролежал в ней несколько часов, пока, заметив по шуму весел, что испанцы уходят, не вылез наружу. Я увидел, как шлюп под английскими цветами уплывает с каноэ на буксире, что навело меня на мысль, что это английское судно, которое было в Гондурасском заливе и захвачено там испанцами.

На следующий день я вернулся к дереву, где меня чуть не застали врасплох, и с изумлением обнаружил шесть или семь выстрелов в стволе в футах или менее от моей головы. Но по удивительной доброте Божьей, несмотря на то что я был как мишень для стрельбы, я остался жив.

После этого я отправился за своим каноэ на западную оконечность острова, которой достиг за три дня, но сильно страдал от боли в ногах и скудости провизии. Этот остров не так изобилен, как Роатан, так что в течение пяти или шести дней моего пребывания здесь я с трудом добывал пропитание; кроме того, насекомые были бесконечно более многочисленны и докучливы, чем на моем прежнем месте жительства. Эти обстоятельства удержали меня от дальнейшего исследования острова; и, добравшись до каноэ очень усталым и измученным, я отправился на Роатан, который был для меня королевским дворцом по сравнению с Бонакко, и прибыл ночью в безопасное место.

Здесь я прожил, если это можно назвать жизнью, в одиночестве около семи месяцев, после того как потерял своего северобританского спутника. Мое время проходило в обычной манере: я охотился за едой и бродил по островам.

Где-то в июне 1724 года, находясь на маленькой пристани, куда я часто отлучался, чтобы избавиться от назойливых насекомых, я увидел два каноэ, направлявшихся в гавань. Подойдя ближе, они заметили дым от разожженного мною костра и, не понимая, что он означает, не решались идти дальше. То, что я пережил в Бонакко, было еще свежо в моей памяти, и, не желая подвергаться риску нового обстрела, я отошел к своему каноэ, лежавшему за пристанью, на расстоянии не более 100 ярдов, и немедленно переправился на веслах в Роатан. Там у меня были безопасные места для защиты от врага и достаточно места для размещения любого обычного количества друзей.

Люди в каноэ наблюдали, как я пересек море до Роатана, причем проход был не более чем на пушечный выстрел, и, опасаясь пиратов не меньше, чем испанцев, очень осторожно приближались к берегу. Затем я спустился на берег и открыто показал себя, ибо их поведение навело меня на мысль, что они не могут быть пиратами, и я решил, прежде чем подвергнуться опасности их выстрела, узнать, кто они такие. Если бы они оказались такими, как мне не нравится, я мог бы легко уйти. Но не успел я заговорить, как они, полные не меньшего страха, чем я, налегли на весла и спросили, кто я и откуда? На что я ответил, что я англичанин и бежал от пиратов. На это они подошли ближе и спросили, кто здесь кроме меня, на что я заверил их, что я один. Далее, согласно моей первоначальной цели, задав им

аналогичные вопросы, они сказали, что прибыли из Гондурасского залива; их слова побудили меня предложить им грести к берегу, что они и сделали, хотя и на некотором расстоянии, и один человек высадился, которого я вышел навстречу. Но он отпрянул назад при виде бедного оборванного, дикого, несчастного объекта, который так рядом с ним. Однако, собравшись с силами, он взял меня за руку, и мы начали обнимать друг друга, он от удивления и изумления, а я от своего рода экстаза радости. Когда все закончилось, он взял меня на руки и отнес к каноэ, все его товарищи были поражены моим появлением, но они с радостью приняли меня, и я испытал к ним большую нежность.

Я вкратце рассказал незнакомцам о своем побеге из Лоу, о своем одиноком проживании в течение шестнадцати месяцев, за исключением трех дней, о перенесенных мною лишениях и опасностях, которым я подвергался. Они были поражены этим рассказом; они удивлялись, что я жив, и выражали большое удовлетворение тем, что смогли облегчить мое состояние. Видя, что я очень слаб и подавлен, они дали мне около ложки рома, чтобы привести меня в чувство; но даже это небольшое количество, поскольку я долго не употреблял крепких напитков, привело меня в сильное возбуждение и вызвало некое оцепенение, которое в конце концов закончилось потерей чувств. Кое-кто из гостей, заметив наступившее бесчувствие, хотел влить еще рома, но более опытные из них не дали этого сделать; пролежав некоторое время в припадке, я пришел в себя.

Тогда я убедился, что чужеземцев было восемнадцать человек, главного из них звали Джон Хоуп, старика, которого его спутники называли отцом Хоупом, и Джона Форда, и все они принадлежали к Гондурасскому заливу. Причиной их прихода сюда была тревога из-за нападения испанцев с моря, в то время как индейцы должны были спуститься по суше и отрезать залив; поэтому они бежали в поисках безопасности. В прошлом два вышеупомянутых человека по той же причине укрылись на этих островах и прожили четыре года на небольшом острове Барбарат, расположенном в двух лигах от Роатана. Там у них было две плантации, как они их называли, и сейчас они привезли с собой два бочонка муки и другую провизию, огнестрельное оружие, собак для охоты и сети для ловли черепах, а также индианку, которая одевала их провизию. Их главным местом жительства был небольшой ключ, около четверти мили в окружности, лежащий недалеко от Барбарата и названный ими Замком Утешения, главным образом потому, что он был низким и чистым от леса и кустарника, так что свободный поток ветра мог прогнать вредоносных мускусов и других насекомых. Отсюда они отправились на близлежащие острова за дровами, водой и материалами, чтобы построить два дома - такие, какими они были, - для жилья.

Теперь передо мной открылась перспектива гораздо более приятной жизни, чем та, которую я вел в течение шестнадцати месяцев; ведь, помимо того что у меня была компания, чужеземцы обращались со мной очень вежливо; они одели меня и дали мне большой халат для защиты от ночных росов, пока их дома не будут построены; и у них было много провизии. И все же, в конце концов, они были дурным обществом, а что касается их обычного разговора, то между ними и пиратами было мало разницы. Однако не было похоже, чтобы они сейчас замыслили что-то такое, что делало бы противозаконным присоединение к ним или нахождение в их компании.

Со временем, благодаря помощи моих спутников, я набрался сил настолько, что иногда мог охотиться вместе с ними. Острова изобиловали дикими свиньями, оленями и черепахами, и в поисках дичи мы посещали разные из них. Ее приносили домой, где, вместо того чтобы сразу съесть, вешали сушиться в дыму, чтобы всегда иметь готовый запас.

Теперь я считал себя вне досягаемости опасности со стороны врага, ибо, независимо от предположения, что ничто не может привести сюда кого-либо, я был окружен множеством людей с оружием в руках. И все же в тот самый момент, когда я считал себя в наибольшей безопасности, я едва не попал в руки пиратов.

Через шесть или семь месяцев после того, как ко мне присоединились чужеземцы, трое из них вместе со мной взяли четырехвесельное каноэ, чтобы охотиться и убивать черепах на Бонакко. За время нашего отсутствия остальные отремонтировали свои каноэ и приготовились отправиться в Гондурасский залив, чтобы узнать, как там обстоят дела, и взять с собой оставшиеся вещи на случай, если возвращаться будет опасно. Но не успели они отплыть, как мы уже отправились в обратный путь с полным грузом свинины и черепах, поскольку наша цель была успешно выполнена. Войдя в устье гавани в лунный вечер, мы увидели сильную вспышку и услышали выстрел, гораздо более громкий, чем выстрел из мушкета, из большого периагуа, который мы заметили возле замка Утешения. Это привело нас в крайнее смятение, и мы не знали, что предпринять; но через минуту мы услышали залп из восемнадцати или двадцати стрелковых орудий, выпущенных в сторону берега, а также несколько выстрелов с него. Убедившись, что враг, либо испанцы, либо пираты, нападает на наших людей, и будучи перехвачены от них периагуа, лежащими между нами и берегом, мы решили, что самым безопасным планом будет попытка спастись. Поэтому, сняв мачту и парус, чтобы они не выдали нас, мы как можно быстрее выплыли из гавани и направились к острову, расположенному в полутора милях от нас, чтобы скрыться незамеченными. Но враг, либо увидев нас до того, как мы спустили парус, либо услышав шум весел, последовал за нами со всей скоростью, на восьми или десятивесельной "периагуа". Заметив, что она приближается и быстро настигает нас, мы гребли изо всех сил, чтобы добраться до ближайшего берега. Однако в конце концов ей удалось выпустить вертлюг, выстрел из которого прошел над нашим каноэ. Тем не менее нам удалось достичь берега, прежде чем мы оказались в зоне поражения стрелкового оружия, которое наши преследователи разрядили в нас во время высадки.

Они были уже достаточно близко, чтобы громко кричать, что они пираты, а не испанцы, и что нам не нужно их бояться, так как мы получим хорошую четверть; отсюда следовало, что нас легче будет склонить к сдаче. Однако ничто не могло отбить у меня охоту отдавать себя в их руки; я очень боялся пиратов, и мое первоначальное отвращение теперь усилилось из-за опасения быть принесенным в жертву за мое прежнее дезертирство. Таким образом, решив держаться от них как можно дальше, а люди из Гондурасской бухты не проявляли большой склонности к иному, мы с величайшим трудом добрались до леса. Наши преследователи унесли каноэ со всем его содержимым, решив, если мы не пойдём к ним, лишить нас, насколько это возможно, всех средств к существованию там, где мы находились. Но меня, познавшего нужду и одиночество, это мало беспокоило: теперь у меня была компания, и среди нас имелось оружие, чтобы добыть провизию, а также огонь, чтобы ее добыть.

Напавшие на нас люди принадлежали Сприггсу, моему бывшему командиру, который отказался от верности Лоу и встал во главе шайки пиратов, имея хороший корабль в двадцать четыре пушки и шлюп в двенадцать, оба в настоящее время лежащие в гавани Роатана. Он зашел за пресной водой и для переоборудования в том месте, где я впервые бежал; обнаружив моих спутников на маленьком островке, где они скрывались, он послал периагуа с людьми, чтобы захватить их. Соответственно, они вытащили всех на берег, а также ребенка и индианку; над последней они позорно надругались. Высадившись на берег, они убили одного человека и, бросив его в одно из каноэ со смолой, подожгли его и сожгли в нем его тело; затем они перевезли людей на борт своих судов, где с ними обращались

варварски. Один из них, однако, оказался пиратом и рассказал остальным, что Джон Хоуп спрятал в лесу много вещей, поэтому они жестоко избили его, чтобы заставить раскрыть свои сокровища, которые они унесли с собой.

После того как пираты продержали этих людей пять дней на борту своих судов, они дали им плоскодонку в пять или шесть тонн, чтобы доставить их в Гондурасский залив, но никакой провизии для плавания; а затем, перед увольнением, заставили их поклясться, что они не приблизятся ко мне и моему отряду, который сбежал на другой остров.

Пока суда стояли в гавани, мы внимательно следили за ними, но подвергались некоторым трудностям, так как не решались разжечь огонь для приготовления пищи, чтобы не выдать нашего местопребывания. Таким образом, мы прожили пять дней на сырой провизии. Однако, как только они отплыли, Хоуп, не обращая внимания на клятву, которую у него вымогали, пришел и сообщил нам о случившемся; и я, со своей стороны, не мог быть достаточно благодарен Провидению за то, что избежал рук пиратов, которые предали бы меня жестокой смерти.

Теперь Хоуп и все его люди, кроме Джона Саймондса, решили направиться к заливу. Саймондс, у которого был негр, хотел остаться на некоторое время, чтобы поторговать с ямайцами, живущими на острове. Но, думая, что мой лучший шанс попасть в Новую Англию - из Гондурасского залива, я попросил Хоупа взять меня с собой. Старик, хотя и охотно сделал бы это, выдвинул множество возражений, таких как недостаточность квартиры для перевозки стольких людей на семьдесят лиг; что у них нет провизии для перехода, который может оказаться утомительным, а квартира, кроме того, плохо рассчитана на морские путешествия; а также то, что неизвестно, как могут обернуться дела в заливе; поэтому он решил, что мне лучше остаться; однако, чтобы я не был в одиночестве, он взял бы меня к себе.

Саймондс, напротив, убеждал меня остаться и составить ему компанию и привел несколько причин, по которым я скорее получу проход от ямайцев в Новую Англию, чем через Гондурасский залив. Так как это казалось мне более надежной перспективой добраться до дома, чего я очень хотел, я согласился; поблагодарив Хоупа и его спутников за любезность, я распрощался с ними, и они ушли.

Саймондс получил каноэ, огнестрельное оружие и двух собак в придачу к своему негру, благодаря чему он был уверен, что сможет обеспечить все необходимое для нашего пропитания. Два или три месяца мы провели в обычной манере, переходя от острова к острову, но из-за преобладания зимних дождей нам не удалось добыть больше дичи, чем требовалось.

Когда подошел сезон ямайских торговцев, Саймондс предложил отправиться на какой-нибудь другой остров, чтобы раздобыть черепаховый панцирь, который он мог бы обменять на одежду и обувь; и, добившись успеха в этом отношении, мы отправились на Бонакко, который лежит ближе к главному морю, чтобы оттуда воспользоваться благоприятной возможностью для переправы.

Когда мы ненадолго задержались в Бонакко, поднялась сильная буря, продолжавшаяся три дня, и мы увидели несколько судов, стоявших в гавани. Самое большое из них бросило якорь на большом расстоянии, но бригантина перевалила через отмель напротив места водопоя и отправила на берег шлюпку с бочками. Узнав в трех людях, находившихся в лодке, англичан по их одежде и внешнему виду, я решил, что это друзья, и открыто появился перед ними на берегу. Заметив меня, они немедленно прекратили грести, и, ответив на их расспросы о том,

кто я такой, я задал те же вопросы, сказав, что они могут спокойно сойти на берег. Они так и сделали, и это была счастливая встреча для меня.

Теперь я узнал, что эти суда были флотилией под конвоем военного корабля "Алмаз", направлявшейся на Ямайку; но многие корабли разошлись во время шторма. Бригантина "Алмаз" послала сюда за водой, так как болезнь ее команды вызвала большой расход этого необходимого предмета.

Саймондс, державшийся в отдалении, чтобы трое мужчин не решались сойти на берег, наконец подошел, чтобы принять участие в моей радости, хотя в то же время и выказал немалую неохоту при мысли о том, что я его покину. Бригантиной командовал капитан Дав, с которым я был знаком, и она принадлежала Салему, расположенному в трех милях от дома моего отца. Капитан Доув не только отнесся ко мне с большой любезностью и обещал предоставить мне проезд домой, но и взял меня на жалованье, поскольку я потерял матроса, место которого он хотел мне предоставить. На следующий день "Алмаз" послал свой баркас с бочками для воды, они были наполнены, и после прощания с Саймондсом, который проливал слезы при расставании, я был доставлен на борт бригантины.

Мы отплыли вместе с "Бриллиантом", направлявшимся на Ямайку, во второй половине марта 1725 года и пробыли вместе до первого апреля. По воле небес мы благополучно прошли через Флоридский залив и достигли гавани Салем первого мая, через два года, десять месяцев и пятнадцать дней после того, как меня впервые захватили пираты, и через два года и два месяца после того, как я спасся от них на острове Роатан. В тот же вечер я отправился в дом моего отца, где меня приняли как воскресшего из мертвых.

ВЗРЫВ КОРАБЛЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА "АМФИОН".

Фрегат "Амфион" капитана Израэля Пеллоу, пробыв некоторое время в северных морях, получил приказ присоединиться к эскадре фрегатов под командованием сэра Эдварда Пеллоу. Она находилась на переходе, когда сильный штормовой ветер, повредивший носовую мачту, заставил ее вернуться в Плимут, у которого она тогда находилась. Соответственно, она вошла в бухту, встала там на якорь 19-го числа и на следующее утро вошла в гавань.

22-го числа, около половины четвертого пополудни, в Стоун-хаусе раздался сильный толчок, похожий на землетрясение, который распространился до Королевского госпиталя и города Плимута. Небо над доком стало красным, как после пожара; в течение четверти часа причину этого явления не могли установить, хотя улицы были переполнены людьми, бегущими в разные стороны в крайнем смятении.

Когда тревога и смятение немного улеглись, стало известно, что толчок был вызван взрывом "Амфиона". Несколько тел и искореженных останков были подобраны шлюпками в Хамоазе; их расторопность в этом случае была особо отмечена и высоко оценена. Те немногие, кто остался в живых из экипажа, были доставлены в искалеченном состоянии в Королевский госпиталь. Поскольку фрегат изначально был укомплектован из Плимута, друзья и родственники несчастной корабельной компании в основном жили по соседству. Страшно описать, какая картина произошла: оружие, ноги и безжизненные туловища, изуродованные порохом, были собраны и помещены в госпиталь; их принесли в мешках, чтобы они были в собственности. Еще живые тела, некоторые с потерянными конечностями, другие скончались, когда их везли туда; мужчины, женщины и дети, чьи сыновья, мужья и отцы были

в числе несчастных, стекались к воротам, умоляя впустить их. В течение первого вечера ничего не удалось выяснить о причинах этого события, хотя многочисленные сообщения были мгновенно распространены. Немногие выжившие, которые к следующему дню в какой-то степени пришли в себя, не могли дать ни малейшего отчета. Один человек, доставленный живым в Королевский госпиталь, умер до ночи, другой - до следующего утра; боцман и один из матросов, по-видимому, при большой осторожности, могли поправиться. Три или четыре человека, работавшие на верхушках, были взорваны вместе с ними и, упав в воду, были подобраны с очень незначительными повреждениями. Предполагалось, что эти люди, а также двое упомянутых выше и одна из жен матросов были единственными выжившими, кроме капитана и двух лейтенантов.

Однако следующие сведения были получены в результате допроса нескольких человек перед сэром Ричардом Кингом, порт-адмиралом, а также от тех, кто видел взрыв из дока.

Первым, кто заметил что-либо, был молодой мичман с кембриджского сторожевого корабля, стоявшего недалеко от места взрыва "Амфиона"; он, имея большое желание наблюдать все, что связано с профессией, в которую он только что вступил, смотрел через стекло на фрегат, когда тот лежал вдоль корпуса и брал в руки бушприт. Фрегат был прикреплен к корпусу, а "Ярмут", старый приемный корабль, лежал на противоположной стороне, совсем рядом с ним, и оба находились в нескольких ярдах от причала док-ярда. Мичман рассказал, что "Амфион" внезапно поднялся над поверхностью воды, так что он почти увидел его киль; затем последовал взрыв; мачты, казалось, поднялись в воздух, а корпус мгновенно затонул. Все это произошло в течение двух минут.

Человек, стоявший у лестницы на верфь, сказал, что первым, что он услышал, был какой-то шипящий звук, а затем последовал взрыв, и он увидел, как мачты взлетели на воздух. Сообщалось, что в доке взрывом выбило несколько окон, а на верфи много бед наделали пушки "Амфиона", которые выстрелили, когда он взорвался; но хотя удар был ощутим далеко от Плимута и в Стоун-хаусе, достаточно сильный, чтобы сотрясти окна, тем не менее, удивительно и чудесно, что в гавани, когда корабль находился вблизи причала и был привязан к другому судну, не было нанесено никакого ущерба, кроме него самого. Страшно подумать, что из-за намерения выйти в море на следующий день на борту находилось около сотни мужчин, женщин и детей, больше, чем на корабле, которые провожали своих друзей, а также компания, которая присутствовала на двух обедах, устроенных на корабле, один из которых был дан капитаном.

Капитан Израэль Пеллоу и капитан Уильям Сваффилд с корабля Его Величества "Овериссел", который был на обеде вместе с ним и первым лейтенантом, пили вино, когда первый взрыв сбросил их с мест и ударил о карлинг верхней палубы, оглушив их. Капитан Пеллоу, однако, проявил достаточное мужество, чтобы подлететь к окнам каюты, и, увидев два якорных каната, один из которых был провисшим, а другой натянутым, бросился на последний с удивительным прыжком, который, как он потом говорил, ничто, кроме чувства опасности, не могло бы ему позволить, и тем самым спас себя от общего разрушения, хотя его лицо было сильно порезано о карлингс, когда он был сброшен со своего места. Первый лейтенант спасся таким же образом, выпрыгнув из окна и будучи также замечательным пловцом; но капитан Сваффилд, будучи, как предполагалось, более оглушенным, не спасся. Его тело было найдено двадцать второго октября с проломленным черепом, похоже, что его раздавило между бортами двух судов.

Сотник у двери каюты случайно посмотрел на часы; как ему удалось спастись, не может сказать никто, даже он сам. Однако его вытащили на берег, и он почти не пострадал; первое,

что он почувствовал, - это то, что часы выбили у него из рук, после чего он уже не ощущал, что с ним произошло. Боцман стоял на кате, бушприт уже три часа как был установлен, гамаши и все остальное было включено, и он руководил людьми при оснастке стаксель-шкота, как вдруг почувствовал, что его подбросило вверх, и он упал в море. Затем он понял, что запутался в такелаже, и с некоторым трудом освободился, когда его подняла лодка, принадлежащая одному из военных, они обнаружили, что у него сломана рука. Один из выживших матросов заявил офицеру, что ему удалось спастись следующим удивительным образом: он был внизу в момент взрыва "Амфиона", опустился на дно корабля, вспомнил, что у него в кармане был нож, и, вынув его, прорубил себе путь через борт оружейной рубки, который уже был разбит взрывом; затем, выбравшись на поверхность воды, он доплыл до берега невредимым. Он показал офицеру свой нож и заявил, что пробыл под водой целых пять минут.

Рассказывали также, что жена одного из матросов держала на руках маленького ребенка; от испуга она так крепко вцепилась в него, что, хотя осталась только верхняя часть тела, ребенок был найден живым, запертым на руках, и, вероятно, хорошо себя чувствовал.

Мистер Спрай, аукционист, долгое время живший в Доке в большом почете, со своим сыном и крестником отправился на борт, чтобы навестить друга, и все они погибли.

Примерно за полчаса до взрыва фрегата один из его лейтенантов, лейтенант морской пехоты Кэмпбелл и несколько человек сели в лодку у трапа на верфи и отправились на корабль. У лейтенанта Кэмпбелла утром были какие-то дела в казармах морской пехоты, и, пробыв там некоторое время, офицеры предложили ему остаться на обед и провести с ними вечер. Однако несколько человек, пришедших в это время с "Амфиона", сообщили лейтенанту Кэмпбеллу, что на борту находятся письма для него. Поскольку это были письма, которые он очень хотел получить, он вышел из казармы за полчаса до ужина, чтобы забрать их, намереваясь немедленно вернуться; но пока он был на борту, корабль взорвался. Это был молодой человек, которого все уважали и оплакивали в корпусе, а также все, кто его знал. Один из погибших лейтенантов был единственной опорой престарелой матери и сестры, у которых после его смерти не осталось ни друзей, ни родственников, которые могли бы их утешить и защитить. Количество людей, которых впоследствии ежедневно видели в Доке, глубоко скорбящих о своих погибших родственниках, было поистине меланхоличным.

Капитан Пеллоу был поднят на лодках и доставлен в дом комиссара Фэншоу на верфи, очень слабый от потуг, которые он совершил, и настолько потрясенный их печальной причиной, что поначалу он, казалось, едва ли понимал, где находится, и не осознавал своего положения. Через день-два, когда он немного пришел в себя, его перевезли в дом друга, доктора Хокера из Плимута.

Сэр Ричард Кинг устроил публичный обед в честь коронации. Капитан Чарльз Роули с фрегата "Юнит", пришедший утром, был приглашен остаться и отказался от обеда, как он намеревался ранее, на борту "Амфиона".

Капитан Дарби с "Беллерофона" также должен был обедать с капитаном Пеллоу и прибыл на своей лодке из бухты Коузанд; но ему пришлось обсудить кое-какие дела, касающиеся корабля, с сэром Ричардом Кингом, и это задержало его в Стоун-хаусе на полчаса дольше, чем он рассчитывал. Он только что спустился на берег и пересаживался в лодку, чтобы отправиться в Хамоаз, когда услышал роковой взрыв. Капитан Сваффилд должен был отплыть на следующий день, так что разница в двадцать четыре часа могла бы спасти этого очень скорбящего и действительно ценного офицера. Его брат, мистер Дж. Сваффилд, служащий Управления по делам заработной платы, будучи приглашенным на тот же ужин,

отправился с ним из Стоун-хауса, но не успел он дойти до Дока, как за ним по делам зашел какой-то человек, который заставил его вернуться и тем самым спас его от безвременной участи брата.

Было высказано множество предположений о причинах этой катастрофы. Некоторые считали, что это произошло по недосмотру, так как люди были заняты вытаскиванием пушек и, вопреки правилам, не потушили все костры, хотя ужины уже закончились. Однако первый лейтенант заявил, что это невозможно, так как они не могли вытаскивать пушки, а ключ от магазина, насколько ему известно, в это время висел в его каюте. Некоторые из людей также заявили, что пушки были заложены в Саунде до того, как они подошли к Хамоазе. Намекали также, что это было сделано намеренно, так как несколько тел потом нашли без одежды, как будто они готовились прыгнуть за борт, прежде чем корабль успеет взорваться. Поскольку на корабле никогда не было мятежа, представляется маловероятным, что такой отчаянный заговор мог возникнуть, причем никто из выживших не имел о нем ни малейшего представления. Кроме того, хорошо известно, что почти в каждом случае кораблекрушения, когда есть шанс разграбить судно, находятся несчастные, настолько лишенные общечеловеческих чувств, что они крутятся вокруг места ужаса, надеясь, обобрав тела погибших и захватив все, что попадется им под руку, извлечь выгоду для себя.

Огонь велся из носового магазина; если бы это был задний, разрушений было бы гораздо больше. Как только раздался взрыв, сэр Ричард Кинг встал с обеда и отправился в своей лодке на борт судна, где его взору предстало ужасное зрелище: палуба, залитая кровью, растерзанные конечности и внутренности, почерневшие от пороха, клочья подвески и такелажа "Амфиона", разбросанные повсюду куски разбитых бревен. Несколько человек, обедавших на "Ярмуте", хотя и на очень небольшом расстоянии, заявили, что услышанный ими звук был не громче выстрела пушки с "Кембриджа", что они и приняли за выстрел, и не вставали с обеда, пока суматоха на палубе не навела их на мысль, что произошло какое-то несчастье.

На следующий день при низкой воде полтора фута одной из мачт оказались над водой, и в течение нескольких дней люди на верфи занимались тем, что собирали разбитые мачты и верфи и вытаскивали из-под обломков все, что могли достать. Двадцать девятого числа была вытащена часть носовой части, разбитая и раздробленная, а также голова и рубочная вода.

Третьего октября была предпринята попытка поднять "Амфион" между двумя фрегатами, "Кастор" и "Ифигения", которые были пришвартованы по обе стороны от него; но ничего не удалось поднять, кроме нескольких кусков корабля, одной или двух пушек, нескольких мужских сундуков, стульев и части мебели в каюте. Некоторые тела выплыли между палубами, и среди них - тело мичмана. Их и все, что удалось найти, отбуксировали на лодках через мост Стоун-хаус к лестнице Королевского госпиталя, чтобы похоронить в могиле. Зрелище в течение многих недель было поистине ужасным: приливы и отливы смывали гнилые тела, которые буксировали на лодках, когда они едва держались на ногах.

Тела продолжали находить до 30 ноября, когда "Амфион" перетаскили на другую часть причала, чтобы разобрать на части, и из-под палубы вытащили тело женщины. Также был вытаскен мешок с порохом, прикрытый сверху печеньем, что в некоторой степени подтвердило уже укоренившуюся идею о том, что канонир воровал порох на продажу и прятал то, что мог достать, постепенно, вышеописанным способом; и что, считая себя в безопасности в день, когда все развлекали своих друзей, он по неосторожности оказался среди пороха, не приняв необходимых мер предосторожности. Поскольку, по слухам, утром

его видели в Доке в сильном подпитии, кажется вероятным, что это могло стать причиной бедствия, столь же внезапного, сколь и ужасного.

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ "ЛА ТРИБЬЮН", У ГАЛИФАКСА, НОВАЯ СКОТИЯ.

La Tribune был одним из лучших фрегатов флота Его Величества, имел 44 орудия и недавно был захвачен у французов капитаном Уильямсом на фрегате "Единорог". Им командовал капитан С. Баркер, и 22 сентября 1797 года он отплыл из Торбея в качестве конвоя для флотов Квебека и Ньюфаундленда. В широте 49 14 и долготе 17 22 она столкнулась и заговорила с кораблем Его Величества "Эксперимент" из Галифакса; и потеряла из виду весь свой конвой 10 октября в широте 74 16 и долготе 32 11.

Около восьми часов утра следующего четверга они увидели гавань Галифакса и быстро приблизились к ней при ветре восточно-юго-восточном, когда капитан Баркер предложил капитану положить корабль на мель, пока они не найдут лоцмана. Капитан ответил, что он ввел в гавань 44-пушечный корабль, что он часто бывал там, и лоцман не нужен, так как ветер благоприятный. Поверив этим заверениям, капитан Баркер отправился в свою каюту, где занялся разбором бумаг, которые он намеревался взять с собой на берег. Тем временем хозяин, возлагая большие надежды на суждения негра по имени Джон Коузи, ранее жившего в Галифаксе, взял на себя управление кораблем.

К двенадцати часам дня корабль подошел так близко к отмели Трам-Кап, что хозяин встревожился и послал за мистером Гэлвином, помощником капитана, который был болен внизу. Выйдя на палубу, он услышал, как человек в цепях прокричал: "К марк пять!", а чернокожий человек впереди в это время кричал: "Стоять!". Гэлвин встал на одну из карронад, чтобы наблюдать за положением корабля; хозяин в сильном волнении побежал к штурвалу и отобрал его у рулевого, намереваясь одеть корабль; но прежде чем это удалось сделать или Гэлвин успел высказать свое мнение, она ударилась. Капитан Баркер немедленно вышел на палубу и упрекнул хозяина в том, что он потерял корабль. Увидев на палубе Гэлвина, он обратился к нему и сказал, что, "зная, что он ранее выходил из гавани, он удивлен, что может стоять и видеть, как капитан управляет кораблем на берегу", на что Гэлвин ответил, "что он не был на палубе достаточно долго, чтобы высказать свое мнение".

Сигналы бедствия были немедленно поданы, и на них ответили военные посты и корабли в гавани, с которых, а также с верфи, немедленно отчалили шлюпки на помощь "Трибуну". Военные лодки и одна из верфей с боцманом мистером Рэкумом подошли к кораблю, но ветер был настолько против остальных, что, несмотря на все их усилия, они не смогли подняться на борт. Корабль немедленно облегчили, выбросив за борт все пушки, кроме одной, оставленной для подачи сигналов, и все остальные тяжелые предметы, так что около половины восьмого вечера судно начало крениться, а в девять оторвалось от отмели. Примерно за три часа до этого корабль потерял руль, и при осмотре выяснилось, что в трюме было семь футов воды. Немедленно были задействованы цепные помпы, и были предприняты такие усилия, что, казалось, течи стало больше. По совету мистера Рэкума капитан приказал отпустить лучший якорь, но это не помогло. Тогда он приказал перерезать ванты, а стаксель и стаксель-шкот были подняты, чтобы управлять судном. В этот промежуток времени сильный шторм, налетевший с юго-востока, все усиливался и нес корабль к западному берегу. Небольшой бушприт, который вскоре отпустили, оказался в тринадцати саженьях воды, и мизен-мачта была отрезана.

Было уже десять часов, и, поскольку вода стремительно набирала силу, у команды оставалось мало надежды на спасение корабля и своей жизни. В этот критический момент лейтенант Кэмпбелл покинул корабль, а лейтенанта Норта взяли в шлюпку из одного из портов. С того момента, как первый покинул судно, все надежды на безопасность исчезли; корабль быстро тонул, шторм усиливался с удвоенной силой, а скалистый берег, к которому они приближались, сотрясаемый огромным шумом набегающих бурь, не сулил тем, кто мог пережить гибель корабля, ничего, кроме ожидания более мучительной смерти от столкновения с обрывами, на которые даже в самый спокойный день невозможно взобраться. Данлэп, один из выживших, заявил, что около половины десятого, насколько он мог предположить, один из тех, кто был внизу, подошел к нему на форпике и сказал, что все кончено. Через несколько минут после этого корабль покачнулся, словно лодка, почти наполненная водой, пошла ко дну; Данлэп немедленно начал подниматься на носовые обтекатели, и в тот же момент, бросив взгляд на квартердек, он увидел капитана Баркера, стоявшего у трапа и смотревшего в воду, а сразу после этого услышал, как он зовет весельную лодку. Затем он увидел, как лейтенант морской пехоты побежал к тафрелю, чтобы, как он предполагал, поискать весельную шлюпку, которая была спущена на воду с людьми; но корабль мгновенно получил второе кренение и погрузился на дно, после чего ни капитана, ни других офицеров больше не видели.

Сцена, и без того вызывавшая ужас, теперь стала особенно страшной. Более 240 человек, а также несколько женщин и детей плыли по волнам, делая последние усилия, чтобы сохранить жизнь. Данлэп, о котором уже упоминалось, поднялся на нос корабля. Мистер Гэлвин, помощник капитана, с невероятным трудом забрался на грот-вершину. Когда корабль затонул, он находился внизу, управляя людьми у цепной помпы, но его смыло в люк, бросило в воду по пояс, а оттуда - в воду, и его ноги, когда он погружался, ударились о скалу. Поднявшись, он поплыл, чтобы забраться на грот-шпангоут, как вдруг трое мужчин схватили его. Теперь он уже считал себя потерянным, но, чтобы освободиться от них, нырнул в воду, что заставило их ослабить хватку. Поднявшись, он поплыл к шпангоутам и, добравшись до грот-топа, уселся на сундук, который был привязан к мачте.

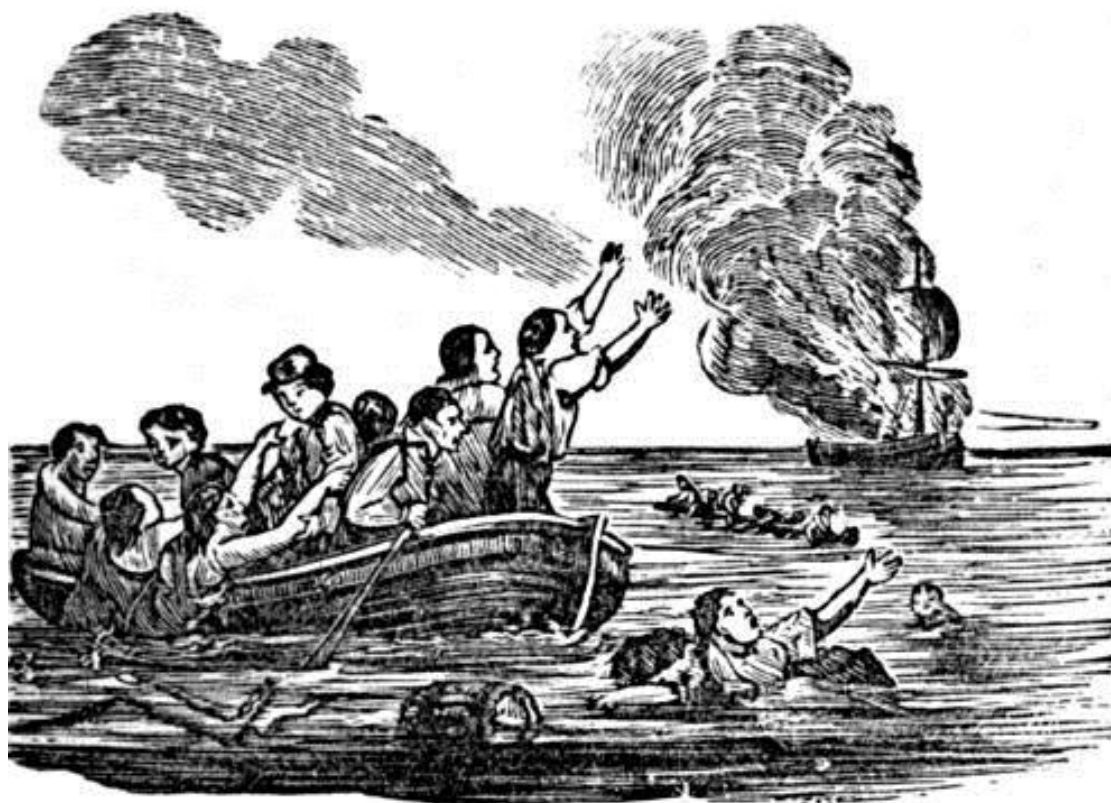
Из наблюдений Гэлвина на грот-топе и Данлапа на носовой части следует, что около ста человек в течение значительного времени висели на шпангоутах, топах и других частях затонувшего судна. Из-за продолжительности ночи и сильного шторма природа, однако, истощилась, и в течение всей ночи они то и дело срывались и исчезали. Крики и стоны несчастных страдальцев, многие из которых получили сильные ушибы, и их надежды на спасение начали теряться, продолжались всю ночь, но с наступлением утра, в связи с тем, что немногие из них остались в живых, они стали крайне слабыми.

Около двенадцати часов грот-мачта дала трещину; в это время на грот-мачте и саванах находилось около сорока человек. В результате падения мачты все эти несчастные снова погрузились в воду, и только десять человек добрались до верхушки, которая покоилась на грот-ярде, а все остальные оставались прикрепленными к кораблю за часть такелажа. Из десяти человек, добравшихся до вершины, к утру в живых остались только четверо. Десять человек находились на носу корабля, но трое были настолько истощены и беспомощны, что их смыло еще до того, как подоспела помощь; трое других погибли, и, таким образом, на носу остались в живых только четверо.

Место, где затонуло судно, находилось к югу от входа в бухту Херринг, в три раза длиннее его самого. Жители спустились ночью к месту, напротив которого затонул корабль, разожгли большие костры и находились так близко, что могли разговаривать с людьми на затонувшем судне.

Первым на помощь им пришел тринадцатилетний мальчик из Херринг-Коув, который отважился самостоятельно отправиться на маленьком ялике около одиннадцати часов следующего дня. С огромным трудом и риском для себя он смело подошел к затонувшему судну и подплыл на своей лодке так близко к носовой части, что снял двух человек, так как лодка не могла больше держаться. И тут проявилась черта великодушного великодушия, которая не должна остаться незамеченной. Данлэп и еще один человек, по имени Монро, в течение всей этой катастрофической ночи сохраняли силы и бодрость духа в большей степени, чем их товарищи по несчастью, которых они старались подбодрить и ободрить, когда те падали духом. По прибытии лодки эти двое могли бы перебраться в нее и тем самым прекратить свои страдания, так как оба их товарища, хотя и были живы, не могли двигаться; они обессиленно лежали на вершине, не желая, чтобы их тревожили, и, казалось, желали погибнуть в таком положении. Эти великодушные люди ни минуты не колебались, оставаясь на обломках и спасая своих товарищей по несчастью против их воли. Они подняли их и с величайшим трудом усадили в лодку, а МУЖСКОЙ БОЙ триумфально отплыл в бухту и немедленно доставил их в удобное жилище. Посрамив своим примером людей постарше, у которых были более крупные лодки, он снова на своем ялике, но при всем старании не смог приблизиться к затонувшему судну. Его примеру, однако, вскоре последовали четверо членов экипажа, спасшихся на весельной лодке "Трибьюн", и несколько лодок в бухте. Общими усилиями восемь человек были спасены, и они вместе с четырьмя, спасшимися на весельной лодке, составили всю оставшуюся в живых компанию этого прекрасного корабля.

Случилось обстоятельство, в котором хладнокровное беспечное отношение к опасности, так часто отличающее наших британских тар, проявилось столь поразительным образом, что было бы непростительно опустить его. Дэниел Монро, как мы уже видели, овладел передней вершиной. Он внезапно исчез, и было решено, что его, как и многих других, смыло. Пробыв на вершине около двух часов, он, к удивлению Данлэпа, который тоже находился на носу, поднял голову через отверстие для смазки; Данлэп спросил, где он был, и тот рассказал, что плавал в поисках лучшей родины; что, проплавав около затонувшего судна значительное время, он вернулся на носовые обтекатели и, забравшись на катарпины, проспал там более часа и выглядел сильно освеженным.

СОЖЖЕНИЕ "ПРИНЦА", ФРАНЦУЗСКОГО ОСТ-ИНДСКОГО СУДНА.

19 февраля 1752 года французский ост-индийский корабль под названием "Принц" отплыл из Порт-Л'Ориента в плавание за границу. Но вскоре после этого внезапная смена ветра привела судно на песчаную отмель, где оно подверглось неминуемой опасности, и накренилось настолько, что устья пушек оказались в море. Однако благодаря облегчению корабля, сопровождавшемуся непрерывными и кропотливыми усилиями, он выплыл с приливом, и, будучи снова доставлен в порт, был полностью разгружен и подвергся тщательному ремонту.

Плавание возобновилось 10 июня, при благоприятном ветре, и в течение нескольких недель, казалось, сулило успех, которого можно было желать.

Находясь в южной широте 8 30 и в 5 западной долготы от Парижа, М. де ла Фонд, один из лейтенантов корабля, как раз в момент этого наблюдения, получил сообщение от матроса, что из главного люка идет дым. Первый лейтенант, у которого были ключи от трюма, немедленно приказал открыть все люки, чтобы убедиться в этом.

Но факт слишком быстро подтвердился, и, пока капитан спешил на палубу из большой каюты, где он сидел за ужином, лейтенант де ла Фонд приказал намочить в море паруса и закрыть ими люки, чтобы предотвратить доступ воздуха и тем самым заглушить огонь. Он даже намеревался, как более действенную меру, пустить воду между палубами на глубину до фута, но из щелей люков вырывались клубы дыма, а пламя разгоралось все сильнее и сильнее.

Тем временем капитан приказал шестидесяти или восьмидесяти солдатам под оружием сдерживать беспорядок и смятение, которые могли бы возникнуть; в этом его поддержал их командир, месье де ла Туш, который проявил необычайную стойкость.

Теперь все были заняты добычей воды; все ведра были наполнены, насосы работали, а трубы от них проведены в трюм. Но быстрое распространение пламени сдерживало усилия по его усмирению и усиливало всеобщее смятение.

Ял, стоявший на пути людей, был поднят по приказу капитана, и боцман вместе с тремя другими людьми завладел им. Не имея весел, они получили их от трех мужчин, которые прыгнули за борт. Те, кто был на корабле, просили их вернуться, но те воскликнули, что им нужен руль, и потребовали, чтобы им бросили веревку. Однако вскоре пламя показало им единственную возможность спастись, и они покинули судно, а оно, благодаря поднявшемуся бризу, пронеслось мимо.

На борту все еще царила чрезвычайная активность, а мужество людей, казалось, увеличивалось из-за трудности спасения. Хозяин смело спустился в трюм, но сильный жар заставил его вернуться, и, если бы на него не вылилось большое количество воды, он был бы сильно обожжен. Сразу же после этого из главного люка вырвалось сильное пламя.

В это время капитан приказал вытаскивать шлюпки, а оцепенение сковало самых смелых. Шлюпка была закреплена на определенной высоте, и ее уже собирались перебросить через борт корабля, как вдруг, к несчастью, огонь побежал вверх по грот-мачте и зацепил снасти; шлюпка упала пушки, днищем вверх, и напрасно было думать о том, чтобы ее выправить.

В конце концов стало слишком очевидно, что беда не подвластна человеческим средствам; ничто, кроме милосердия Всевышнего, не могло вмешаться; оцепенение охватило всех людей; по судну разносились лишь вздохи и стоны, а животные на борту, словно чувствуя надвигающуюся опасность, издавали самые страшные вопли. Каждое человеческое существо здесь предчувствовало свою гибель в любой стихии, и каждый воздевал сердце и руки к небу.

Капеллан, находившийся сейчас на квартердеке, дал людям общее отпущение грехов, а затем удалился на квартергалере, чтобы еще больше распространить его на тех несчастных, которые, надеясь на безопасность, уже отдались на волю волн. Какое ужасное зрелище! Единственной целью было самосохранение; каждый был занят тем, что выбрасывал за борт все, что сулило хоть малейший шанс на спасение: ялы, лонжероны, курятники и все, что попадалось под руку, в отчаянии хватали и использовали.

Воцарилось страшное смятение. Одни прыгали в море, предвидя смерть, которая вот-вот должна была настигнуть их; другие, более удачливые, плыли к обломкам затонувшего судна; в то время как обтекатели, верфи и канаты вдоль борта судна были покрыты толпящимися на них членами экипажа, которые висели, словно колеблясь, какую альтернативу гибели выбрать, одинаково неминуемую и одинаково ужасную.

Видели, как отец выхватил сына из пламени, прижал его к груди и, бросив в море, сам последовал за ним, где они и погибли в объятиях друг друга.

Тем временем лейтенант Фонд приказал переложить штурвал. Корабль накренился на правый борт, что дало ему временное спасение, в то время как огонь бушевал по правому борту от форштевня до кормы.

До этого момента лейтенант Фонд был поглощен только тем, чтобы принять все меры для сохранения корабля, но теперь ужасы надвигающейся гибели были слишком очевидны. Тем не менее, по милости Небес, его не покидала стойкость; оглядевшись, он обнаружил, что находится на палубе один, и удалился в круглую рубку. Там он встретил месье де ла Туша, который отнесся к приближению смерти с тем же героизмом, который в Индии принес ему

известность. "Мой брат и друг, - воскликнул он, - прощай!" - "Куда вы идете?" - спросил лейтенант Фонда. "Утешить моего друга, капитана", - ответил он.

М. Морин, командовавший этим злополучным судном, был вне себя от горя из-за меланхолического состояния своих родственниц, пассажирок вместе с ним. Он уговорил их броситься в волны на курицах, а некоторые моряки, плывя на одной руке, пытались поддерживать их другой.

Плавучие мачты и верфи были покрыты людьми, борющимися с водной стихией, многие из которых теперь погибали от шаров, выпущенных из пушек, нагретых огнем, и представлявших собой третье средство уничтожения, усугублявшее окружающие их ужасы. Когда муки пронзили сердце мсье де ла Фонда, он отвел глаза от моря; через мгновение, выйдя на галерею правого борта, он увидел, как пламя с ужасающим шумом вырывается из окон круглой рубки и большой каюты. Огонь приближался и готов был поглотить его. Считая напрасными попытки спасти корабль или жизни своих товарищей, он решил, что в таком ужасном состоянии его долг - сохранить себе несколько часов, чтобы посвятить их небесам.

Сняв с себя одежду, он задумал спуститься по яру, один конец которого погружался в воду; но он был так завален жалкими существами, боявшимися смерти, что он перевернулся через них и упал в море. Там его подхватил тонущий солдат. Лейтенант Фонд приложил все усилия, чтобы высвободиться, но тщетно; он даже позволил себе погрузиться под воду, но не вырвался из его хватки. Лейтенант Фонд погрузился во второй раз, но его все еще крепко держали, и он не мог понять, что его смерть, вместо того чтобы принести пользу, скорее ускорит его собственную. Наконец, после продолжительной борьбы и проглатывания большого количества воды, силы солдата иссякли, и, почувствовав, что мсье де ла Фонд тонет в третий раз, он, опасаясь, что его унесет вниз вместе с ним, ослабил хватку; не успев он это сделать, как мсье де ла Фонд, чтобы избежать повторения, нырнул под воду и поднялся на некотором расстоянии от этого места.

Этот случай заставил его быть более осторожным в будущем; он даже избегал мертвых тел, которых теперь стало так много, что, чтобы свободно пройти, он был вынужден отталкивать их одной рукой, а другой поддерживать себя на плаву; ведь него закралось опасение, что каждый из них - это человек, который схватит его и вовлечет в свою гибель. Но силы стали подводить, и он убедился в необходимости некоторой передышки, когда на него упала часть прапорщика. Он просунул руку в петлю веревки, чтобы закрепить ее, и поплыл, как мог; затем, заметив под рукой ярд, схватил его за один конец. Однако, увидев на другом конце молодого человека, едва способного поддержать себя, он быстро отказался от столь незначительной помощи, которая, казалось, не могла способствовать его спасению. Следом показалась верфь, запруженная людьми, среди которых он не мог занять место, не испросив разрешения, которое они охотно дали. Некоторые были совсем голые, другие - в одних рубашках; жалость, которую они выражали к положению мсье де ла Фонда, и его сочувствие к их несчастьям подвергли его чувства суровому испытанию.

Ни капитан Морин, ни мсье де ла Туш не покинули корабль и, скорее всего, погибли во время катастрофы, в результате которой он был уничтожен. Но со всех сторон открывалось ужасное зрелище: грот-мачта, сгоревшая внизу, была выброшена за борт, убив при падении одних и обеспечив временный прием другим. Мсье де ла Фонд заметил, что она покрыта людьми, гонимыми волнами, и в то же время, увидев двух моряков, поддерживаемых курятником и несколькими досками, попросил их плыть к нему с последними; они так и сделали, сопровождаемые несколькими своими товарищами, и, взяв по доске, которые использовались для весел, они вместе с ним плыли по верфи, пока не достигли тех, кто

закрепился на грот-мачте. Столь частое чередование приводило лишь к новым ужасающим зрелищам.

В это время на мачте находился капеллан, у которого месье де ла Фонд получил отпущение грехов; там же находились две молодые дамы, чье благочестие и покорность были поистине утешительны; они были единственными выжившими из шести человек, их спутники погибли в пламени или в море. Восемьдесят человек нашли убежище на грот-мачте, и из-за постоянных выстрелов с корабля, в соответствии с развитием пламени, они постоянно подвергались опасности гибели. В этом ужасном состоянии капеллан своими речами и примером учил людей смиряться. Месье де ла Фонд, заметив, как он потерял хватку на мачте и упал в море, поднял его. "Отпустите меня", - сказал он. "Я уже наполовину утонул, и это только затянет мои страдания". "Нет, друг мой, - ответил лейтенант, - когда мои силы истощатся, а не раньше, мы погибнем вместе"; и в его благочестивом присутствии он спокойно ожидал смерти. Пробыв здесь три часа, он увидел, как одна из дам упала с мачты и погибла - она была слишком далека, чтобы получить от него какую-либо помощь.

Но когда он меньше всего ожидал ее, то в пять часов пополудни увидел недалеко от себя ял. Он крикнул людям, что он их лейтенант, и попросил разрешения принять участие в их судьбе. Его присутствие было слишком необходимо, чтобы отказать ему в просьбе: им нужен был проводник, который мог бы провести их к суше; поэтому они разрешили ему подняться на борт, но при условии, что он доплывет до яла. Это было разумное условие; оно позволяло не приближаться к мачте, иначе остальные, движимые тем же желанием самосохранения, вскоре перегрузили бы маленькое судно, и все были бы погребены в водяной могиле. Поэтому месье де ла Фонд, собрав все свои силы и мужество, был настолько счастлив, что смог добраться до моряков. Через некоторое время лоцман и мастер, которых он оставил на мачте, последовали его примеру и, подплыв к ялу, были замечены и приняты.

Пламя все еще продолжало бушевать на судне, и так как ял был в опасности, находясь в полулиге от него, он встал немного с наветренной стороны. Вскоре после этого огонь добрался до магазина, и описать последовавший за этим громоподобный взрыв невозможно. Густая туча закрыла свет солнца, и среди ужасающей тьмы не было видно ничего, кроме кусков пылающей древесины, взметнувшихся в воздух и грозивших разбить на куски при падении множество несчастных, все еще борющихся со смертельной мукой. Не избежали опасности и люди, находившиеся в яле; не исключалось, что некоторые из раскаленных осколков могли обрушиться на них и отправить их хрупкую опору на дно. И хотя Всевышний уберег их от этой страшной беды, они были потрясены открывшимся перед ними зрелищем. Судно исчезло; море на большом расстоянии было покрыто кусками обломков, перемешанными с телами несчастных, погибших от их падения. Некоторые из них были задушены, другие искалечены, наполовину съедены, но еще сохранили жизнь, чтобы осознать все ужасы, которые их одолевали.

Месье де ла Фонду удалось сохранить стойкость, благодаря благосклонности Небес, и он предложил подойти к обломкам, чтобы узнать, можно ли подобрать какую-нибудь провизию или необходимые вещи. Ему и его спутникам, полностью лишенным всего необходимого, грозила смерть еще более мучительная, чем та, что постигла остальных, погибших от голода. Но, найдя несколько бочек, в которых, как они надеялись, можно было найти что-нибудь для облегчения их нужд, они испытали огромное разочарование, убедившись, что это часть пороха, который был выброшен за борт во время пожара на их несчастном судне.

С наступлением ночи им удалось обнаружить бочонок с бренди, около пятнадцати фунтов соленой свинины, кусок алой ткани, двадцать ярдов льна, дюжину трубных шестов и

небольшое количество веревок. Когда стемнело, они не решились оставаться на прежнем месте до рассвета, не подвергаясь опасности со стороны затонувшего судна, от обломков которого им не удалось освободиться. Поэтому они как можно быстрее отплыли от них и сосредоточили все свои усилия на управлении ялом.

Все принялись усердно трудиться, и в ход пошли все предметы, которые можно было использовать; обшивку лодки разорвали ради досок и гвоздей; у одного моряка, к счастью, оказалось две иголки, а из льна можно было сделать все необходимые нитки; кусок алой ткани заменил парус; вместо мачты соорудили весло, а доска послужила рулем. Вскоре, несмотря на темноту ночи, снаряжение лодки было завершено, по крайней мере настолько, насколько позволяли обстоятельства. Однако оставалась большая трудность: не имея ни карт, ни приборов и находясь почти в двухстах лигах от суши, команда чувствовала себя в растерянности, какой курс выбрать. Положившись на Всевышнего, они вознесли горячие молитвы о его руководстве.

В конце концов парус был поднят, и благоприятный бриз вскоре вынес месье де ла Фонда из-под земли среди тел его товарищей по несчастью.

Восемь дней и ночей искатели приключений шли вперед, не видя земли; днем они были обнажены и подвергались палящему зною солнца, а ночью - сильному холоду. Но чтобы унять изнурявшую их жажду, они воспользовались дождем, выпавшим шестого числа, и попытались поймать немного воды ртом и руками. Они сосали парус, который был мокрым от дождя, но из-за того, что до этого его облили морской водой, он придавал горечь пресной воде, которую получал. Однако они не жаловались, ведь если бы дождь был сильнее, он мог бы утихомирить ветер, на продолжительность которого они возлагали надежды на безопасность.

Чтобы определить правильный курс, искатели приключений ежедневно следили за восходом и заходом солнца и луны, и положение звезд указывало им, как следует двигаться. Все, чем они питались в это время, заключалось в небольшом куске свинины раз в двадцать четыре часа, от которого они даже были вынуждены отказаться на четвертый день из-за жары и раздражения, которое он вызывал в их теле. Их напитком был стакан бренди, выпиваемый время от времени, но он воспалял желудок, не утоляя жажды, которая их мучила. В изобилии встречались летающие рыбы, невозможность поймать ни одну из которых только усиливала боль, хотя месье де ла Фонд и его спутники старались примириться с тем скудным пропитанием, которым они обладали. Неопределенность судьбы, недостаток средств к существованию, буйство океана - все это лишало их покоя, в котором они так нуждались, и почти повергало в отчаяние. Лишь слабый лучик надежды не давал им покоя под тяжестью накопившихся страданий.

Восьмую ночь месье де ла Фонд провел у штурвала; он оставался там более десяти часов, после того как попросил помощи, и наконец свалился от усталости. Его товарищи по несчастью были измотаны не меньше, и отчаяние стало овладевать всеми.

Наконец, когда объединенные беды голода, жажды, усталости и несчастья предрекали скорое уничтожение, рассвет среды, 3 августа, указал несчастному экипажу на далекую землю. Никто, кроме тех, кто побывал в подобной ситуации, не может составить адекватного представления о произошедших переменах. Их силы были восстановлены, и они стали принимать меры предосторожности, чтобы их не унесло течением. Они достигли побережья Бразилии, расположенного на 6-й южной широте, и вошли в залив Трессон.

Первым делом месье де ла Фонд и его спутники возблагодарили за милостивое покровительство Небес; они распростерлись на земле, а затем в порыве радости покатались по песку.

Они имели самый ужасный вид; в них не было ничего человеческого, что не говорило бы об их несчастье в ярких красках. Некоторые были совсем голые, на других были только рубашки, сгнившие и изорванные в лохмотья. Месье де ла Фонд закрепил кусок алой ткани на талии, чтобы показаться во главе своих спутников. Хотя они были спасены от неминуемой опасности, им еще предстояло бороться с голодом и жаждой, и они оставались в неведении, встретят ли они в этих краях людей, наделенных человечностью.

Пока они размышляли над тем, каким путем им следовать, около пятидесяти португальцев из созданного здесь поселения подошли к ним и поинтересовались причиной их присутствия. Их несчастья были вскоре объяснены, и рассказ о них оказался достаточным основанием для удовлетворения их потребностей. Глубоко тронутые рассказом, португальцы поздравили себя с тем, что им выпало облегчить участь чужеземцев, и быстро проводили их к месту жительства. По дороге моряки обрадовались реке, в которую бросились, окунаясь в воду и обильно отпивая из нее, чтобы утолить жажду. Впоследствии частое купание оказалось одним из лучших средств восстановления здоровья, к которому все они прибегали.

Затем пришел главный житель этих мест и провел месье де ла Фонда и его спутников в свой дом, расположенный в полулиге от того места, где они высадились. Он милостиво снабдил их льняными рубашками и кальсонами и сварил немного рыбы, вода из которой была воспринята как вкусный бульон. Хотя сон был так же необходим, как и эта скудная пища, выжившие узнали, что в полулиге находится церковь, посвященная Святому Михаилу, и отправились туда, чтобы возблагодарить Небеса за свое чудесное спасение. Плохая дорога привела к такой усталости, что они вынуждены были остановиться в деревне, где она стояла, и там рассказ об их несчастьях, а также благочестие, которое они проявили, привлекли внимание жителей, и все они поспешили оказать им необходимую помощь. Постояв немного, они вернулись к хозяину, который ночью любезно предоставил им еще одну порцию рыбы. Однако людям, перенесшим столько испытаний, требовалось что-то более бодрящее, и они купили быка за некоторое количество бренди, которое удалось спасти с корабля.

До Параибо было пятнадцать лиг, и им пришлось отправиться в путь босиком, почти не имея шансов найти в пути подходящую провизию.

Таким образом они высушили дымом свой запас и добавили к нему немного муки. Через три дня они двинулись в путь и под конвоем из трех солдат в первый день продвинулись на семь лье, где были гостеприимно приняты одним человеком, и переночевали в его доме. Вечером следующего дня сержант и двадцать девять человек прибыли, чтобы проводить их к коменданту крепости, который оказал им дружеский прием, снабдил их припасами и предоставил лодку, чтобы доставить их в Параибо. Около полуночи они добрались до города, где португальский капитан представил их губернатору, от которого они тоже не остались равнодушными. Желая добраться до Фернамбука, чтобы воспользоваться португальским флотом, который ежедневно должен был отплыть в Европу, губернатор еще через три дня приказал капралу проводить партию туда. Но в это время ноги месье де ла Фонда были так жестоко изранены, что он едва мог стоять, и поэтому ему дали лошадь. Через четыре дня он прибыл в Фернамбук, где со стороны различных морских и военных офицеров он встретил самое пристальное внимание и заботу; он и все его спутники получили возможность отправиться в Европу на флоте.

Месье де ла Фонд отплыл 5 октября, а 17 декабря благополучно добрался до Лиссабона; оттуда он получил пропуск в Морле, где, отдохнув несколько дней, чтобы восстановить силы, вернулся в Порт-Л'Ориент, здоровье которого сильно пострадало от перенесенных им бедствий, и дошел до нищеты, потеряв после двадцати восьми лет службы все, что имел в мире.

В результате этой прискорбной катастрофы погибло около трехсот человек.

КРУШЕНИЕ ШХУНЫ "БЕТСИ", НА РИФЕ СКАЛ.

Бетси, небольшая шхуна весом около 75 тонн, отплыла из Макао (Китай) в Новый Южный Уэльс 10 ноября 1805 года. Ее экипаж состоял из Уильяма Брукса, командира, Эдварда Люттрелла, помощника, одного португальского моряка, трех манильских и четырех китайских ласкаров. С 10 по 20 ноября не произошло никаких происшествий, достойных упоминания. На следующий день, когда судно шло со скоростью семь узлов и полчаса в час, в половине второго ночи, находясь в северной широте 9 48 и восточной долготы 114 14, оно налетело на риф из камней. Лодку немедленно спустили на воду, а на корму отправили небольшой якорь, но при всплытии трос разошелся, и оба якоря были потеряны. Затем люди попытались соорудить плот из бочек с водой, но волна оказалась настолько сильной, что выполнить задуманное оказалось невозможно. На рассвете они обнаружили, что судно занесло на четыре-пять миль к рифу, который, как они теперь выяснили, простирался на девять-десять миль к югу и на четыре-пять к востоку и западу, а воды там, где оно лежало, было всего два фута. В течение трех дней и ночей прилагались все усилия, чтобы снять ее с рифа, но безрезультатно, а команда к тому времени настолько ослабла, что ее с трудом удалось уговорить построить плот.

Судно получило пробоину по правому борту. Но 24-го числа плот был сделан, люди покинули его вместе с весельной лодкой и направились в Баламбанган. Капитан Брукс, помощник, канонир и два моряка находились в последней, где вся их провизия состояла лишь из небольшого мешка с печеньем; на плоту же были португальцы, четыре китайца и три малайца, но гораздо лучше обеспеченные.

Лодка и плот расстались в тот же день, так как с запада поднялся сильный шторм, и о плоте больше ничего не было слышно, но предполагали, что он, вероятно, дрейфовал на острове Борнео, который в то время шел на юго-восток. Шторм с северо-запада продолжался до 28 числа месяца, сопровождаясь гористым морем, а затем прекратился. К этому времени пресная вода, набранная в лодку, была полностью израсходована, и весь бисквит, который остался, был смочен соленой водой.

29-го числа на рассвете показалась земля, предположительно Балабак; люди были почти измотаны греблей под палящим солнцем и при полном штиле; кроме того, они дошли до такой крайности, что пили собственную мочу. Ночью дул такой сильный ветер, что они были вынуждены отнестись к Бангаю, северо-западную точку которого они обнаружили на рассвете следующего дня. Выйдя на берег, они сразу же отправились на поиски пресной воды, которую вскоре нашли, а если учесть, что они страдали от жажды, то неудивительно, что они пили досыта. Когда они блуждали лесу в поисках фруктов, им встретились два малайца, которым они сделали знаки, что им нужна еда, и те их поняли, малайцы ушли, а после полудня вернулись с двумя орехами какао и несколькими картофелинами, которые они отдали в обмен на серебряную ложку.

Наступила ночь, и люди вернулись в свою лодку. На следующее утро появились пять малайцев, принеся с собой немного индийской кукурузы и картофеля, которые, как и прежде, были обменены на ложки. Эти люди указали на Баламбанган и попытались дать понять, что некоторое время назад англичане покинули это поселение. На следующее утро было обещано новое поступление провизии, поэтому они удалились со своими небольшими запасами и пришли в назначенное время, чтобы получить еще. На берегу появились одиннадцать малайцев, но после небольшого разговора при высадке один из них бросил в капитана Брукса копье, которое пробило ему живот, другой сделал выпад в сторону мистера Люттрелла, который парировал его тесаком и побежал к лодке. Капитан Брукс вытащил копье из своего тела и тоже отбежал на небольшое расстояние, но бесчеловечные убийцы последовали за ним и отрубили ему обе ноги. Канонир также был тяжело ранен и добрался до лодки весь в крови, а в это время все увидели, как малайцы разделяют мертвое тело капитана Брукса; примерно через пятнадцать минут после этого скончался и канонир.

Оставшиеся в живых немедленно подняли парус, а затем проверили состояние своей провизии, которая, как они обнаружили, состояла из десяти початков индийской кукурузы, трех тыков и двух бутылок воды. Полагаясь на милость Провидения, они решили взять курс на Малаккский пролив.

В ходе плавания с четвертого по четырнадцатое декабря не произошло никаких особых происшествий; частые дожди, к счастью, снабжали их свежей водой, но они были почти истощены постоянными наблюдениями и голодом.

Пятнадцатого числа они наткнулись на группу островов в 3 градусах северной широты и около 100 градусов восточной долготы и приблизились к берегу. Но, будучи замеченными двумя малайскими буксирами, они были немедленно атакованы, и один из моряков был пронзен копьем и мгновенно умер, а другой был также ранен. Мистер Люттрелл, помощник капитана, очень удачно спасся от копья, пронзившего его шляпу. Малайцы завладели их лодкой и немедленно отобрали все их имущество, секстант, бортовой журнал, несколько тарелок и одежду. Их самих держали в носу, без всякого укрытия, под палящим солнцем, давая лишь небольшое количество саго в течение трех дней. После этого их перевезли на берег в дом раджи на острове Субе, где они оставались в рабстве, полностью обнаженные и питаясь саго, до 20 апреля. В этот день раджа отплыл на шлюпке в Рио, взяв с собой мистера Люттрелла и двух других выживших, и прибыл туда почти голодным, после утомительного перехода в двадцать пять дней.

Здесь их страдания облегчил мистер Коек из Малакки, который отнесся к ним самым добрым образом; а на следующий день прибыло судно "Кандри" под командованием капитана Уильямсона, и они получили на нем проезд в Малакку.

РАННИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ГЕРОИЗМ.

Во время одной из прежних войн между Францией и Англией, в которой тогдашние колонии принимали активное участие, один уважаемый человек, член Общества друзей, по имени..., командовал прекрасным кораблем, который шел из восточного порта в один из портов Англии. Это судно имело сильную и эффективную команду, но было совершенно не вооружено. Когда оно приблизилось к порту назначения, его преследовал и в конце концов перебил французский военный корабль. Командир судна предпринял все возможные попытки спастись, но, видя, что француз превосходит его в мореходности, его захват неизбежен, он тихо спустился вниз: за ним в каюту вошел его кают-компания, деятельный и

предприимчивый юноша по имени Чарльз Уэгер: он спросил командира, нельзя ли сделать еще что-нибудь для спасения судна, на что тот ответил, что это невозможно, что все возможное уже сделано, им не спастись, и они должны покориться плену. Тогда Чарльз вернулся на палубу и созвал вокруг себя команду, в нескольких словах изложил ей выводы капитана, а затем, с подъемом духа, продиктованным душой, сформировавшейся для предприимчивости и благородной смелости, заметил: "Если вы отдадите себя под мое командование и будете поддерживать меня, я придумал план, благодаря которому корабль может быть спасен, а мы, в свою очередь, станем завоевателями". Матросы, несомненно, почувствовав пыл и вдохновившись мужеством своего молодого и галантного лидера, согласились перейти под его командование. Его план был доведен до их сведения, и они с нетерпением ждали момента, чтобы привести свое предприятие в исполнение. Ожидание было недолгим, так как француз быстро оказался рядом и схватился с торговым судном. Как и предполагал Карл, ликующие завоеватели, безмерно обрадованные приобретением столь прекрасного приза, с радостными криками ввалились на его судно; не предвидя никакой опасности, они оставили на борту корабля лишь несколько человек. Настал момент для Чарльза, который, подав сигнал своим людям, бросился во главе их на борт противостоящего судна, в то время как одни схватили оружие, которое в изобилии было оставлено на его палубе и с помощью которого они вскоре одолели немногих оставшихся на борту людей; другие же одновременным движением освободили его от захватов, соединявших два судна. Теперь наш герой, получив французское судно в свое распоряжение, взял штурвал и, поставив его на расстоянии abordaja, голосом завоевателя окликнул удрученную толпу французов, оставшихся на борту мирного барка, который он только что покинул, и призвал их следовать за ним, иначе он сдует их с воды (они прекрасно знали, что он вполне способен выполнить эту угрозу, поскольку во время погони их пушки были заряжены). Они с горечью подчинились его приказу, а галантный Чарльз направился в порт, сопровождаемый своим призом. Этот подвиг вызвал всеобщие аплодисменты: бывший капитан торгового судна был допрошен в Адмиралтействе, где он рассказал обо всем, что произошло, и заявил, что Чарльз Уэгер спланировал и осуществил этот галантный подвиг, и что только ему принадлежит честь и заслуга в его достижении. Чарльза немедленно перевели в британский флот, назначили мичманом и тщательно следили за его образованием. Вскоре он отличился в бою и быстро продвигался по службе, пока в конце концов не получил звание адмирала и не стал известен как сэр Чарльз Уэгер. Говорят, что он всегда почитал и уважал того уважаемого и добросовестного Друга, чьим каютным мальчиком он был, и ежегодно передавал своему старому хозяину, как он его называл, красивый подарок из мадеры, чтобы подбодрить его угасающие дни.

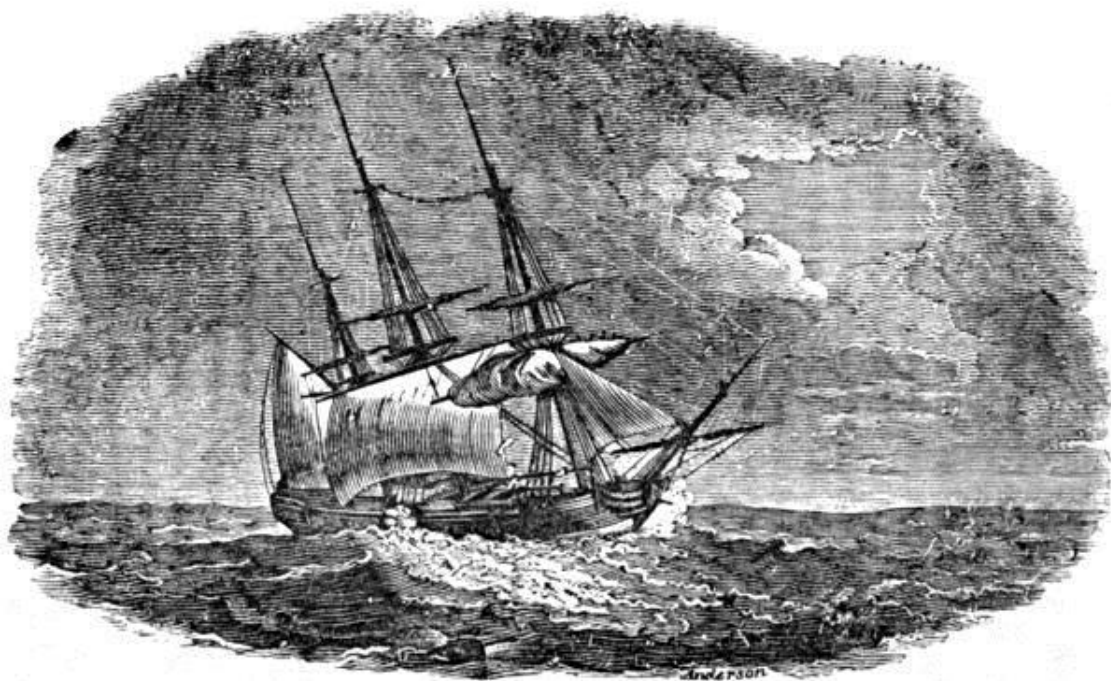

ПЕЩЕРА ФИНГАЛА.

Самая величественная из всех известных пещер - пещера Фингала на острове Стаффа, на западном побережье Шотландии. Ее длина составляет 370 футов, а высота у входа в пещеру - 117 футов.

Тысячи величественных колонн из базальтов поддерживают высокую крышу, под которой катит свои волны море, а обширность входа позволяет дневному свету проникать в различные углубления пещеры.

В голове, говорит мистер Пеннант, вряд ли может возникнуть идея более величественная, чем такое пространство, поддерживаемое с каждой стороны цепями колонн и покрытое нижней частью тех, которые были отломаны для его формирования, между углами которых выделяется желтое сталагматическое вещество, которое служит для точного определения углов и, в то же время, изменяет цвет с большим изяществом. Чтобы сделать его еще более приятным, весь он освещен извне, так что самый дальний край виден очень отчетливо; а воздух внутри, перемешиваемый потоками и отливами приливов, совершенно полезен и свободен от влажных испарений, которыми обычно изобилуют пещеры.

РАМИЛЛИ

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ "РАМИЛЛИС", В АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ.

Адмирал (впоследствии лорд) Грейвс, попросивший разрешения вернуться в Англию в 1782 году, был назначен лордом Родни командовать конвоем, отправленным домой с многочисленным флотом торговцев из Вест-Индии в июле месяце. Он поднял свой флаг на борту 74-пушечного корабля *Ramillies* и отплыл 25-го числа из Блю-Филдс, имея под своим началом корабли *Canada* и *Centaur* по 74 пушки каждый, фрегат *Pallas* из 36 пушек, а также следующие французские корабли, захваченные лордом Родни и сэром Сэмюэлем Гудом из состава флота, которым командовал граф де Грасс: *Ville de Paris* из 110 пушек, *Glorieux* и *Hector* из 74 пушек каждый, *Ardent*, *Caton* и *Jason* из 6 пушек каждый. Те из них, которые изначально были британскими кораблями, участвовали в стольких сражениях и так долго отсутствовали в Англии, что пришли в крайне плачевное состояние, а состояние призов было еще более плачевным, и нижеследующий достоверный рассказ о различных бедствиях, постигших этот бедствующий конвой, будет в равной степени меланхоличным и интересным.

Вскоре после отплытия флота офицеры "Ардента" объединились и подписали такое представление о его бедственном положении, что побудили адмирала Грейвса отдать приказ вернуться в Порт-Ройал, а "Джейсон", не вышедший в море с конвоем из-за недостатка воды, вообще не присоединился к нему. Остальные корабли продолжали движение, и после того, как суда, направлявшиеся в Нью-Йорк, отделились, весь конвой сократился до девяноста двух или трех парусов.

8 сентября "Катон", получивший течь, подал столь тревожные жалобы, что адмирал приказал ему и "Палласу", также получившему течь, немедленно удалиться и держаться вместе, направляясь в Галифакс, который в то время шел на северо-северо-запад и был удален всего на восемьдесят семь лиг.

Во второй половине дня 16 сентября появились признаки шторма и плохой погоды с юго-восточной стороны, на борту флагмана были сделаны все приготовления к такому событию, не только ради его собственной безопасности, но и в качестве примера для остального флота. Адмирал собрал корабли около шести часов и привел их под грот-шкот на правый галс, убрав все остальные паруса и опустив верхние галсы и мачты.

Ветер вскоре усилился, дул сильный с востока на юго-восток. с очень тяжелым морем, а около трех часов утра 17-го числа внезапно переменился на противоположный, дул очень сильно и сопровождался дождем, громом и молниями; "Рамиллис" был взят на леер, грот-парус отброшен, грот-мачта ушла за борт, мизен-мачта наполовину поднялась; носовая топ-мачта упала на правый борт, носовой ярд сломался в стропях, румпель разломился надвое, а руль был почти оторван. Таким образом, этот капитальный корабль, будучи в полном порядке, в течение нескольких минут превратился в руины под действием ярости взрыва и силы моря, которые действовали друг против друга. Корабль был затоплен, каюта, в которой лежал адмирал, была залита водой, его койка сбита с ног силой удара и мгновенным движением корабля, так что он был вынужден натянуть сапоги, наполовину погруженные в воду, без чулок, натянуть на себя мокрую одежду и выйти на палубу. Придя туда, он приказал двум лейтенантам проверить, как обстоят дела внизу, и держать достаточное количество людей у помп, а сам с капитаном остался на палубе, чтобы побудить людей очистить судно от обломков, которые, постоянно раскачиваясь взад и вперед под ударами волн о корпус корабля, отбили большую часть меди с правого борта и так сильно обнажили швы, что истлевшая пакля вымылась, и весь каркас сразу стал очень пористым и негерметичным.

На рассвете они заметили под ними большой корабль, лежащий на боку, залитый водой, который пытались измотать, отрезав сначала мизен-мачту, а затем грот-мачту; подняли его мичман, опустив вниз, чтобы привлечь внимание флота; но безрезультатно, так как помощи ждать было неоткуда, и очень скоро он пошел ко дну носом вперед, причем маховик его мичмана был последним, что было видно. Это был "Даттон", бывший ост-индийский, а затем складской корабль, которым командовал лейтенант флота, который в волнении прыгнул с палубы в море, но, как и следовало ожидать, очень скоро был захлестнут его волнами. Однако двенадцать или тринадцать человек из команды сумели соскользнуть с одной из шлюпок и, бегая по ветру, сначала пытались добраться до большого корабля, стоявшего перед ними, но, не имея возможности догнать его и опасаясь, что его зальет, если они попытаются подняться с этой целью, они добрались до другого корабля, стоявшего подветреннее, который, к счастью, заметил их, бросил несколько веревок, с помощью которых эти отчаянные парни вскарабкались на его борт и, к счастью, спасли свои жизни. Из девяноста четырех или пяти парусов, виденных накануне, теперь можно было насчитать едва ли двадцать; из военных кораблей можно было различить "Канаду", наполовину опустившуюся на левую четверть корпуса, с грот-мачтой и мизен-мачтой, поврежденным грот-топом, грот-ярдом на корме и спущенным громадным парусом; "Кентавр" находился далеко на ветре, без мачт, бушприта и руля; а "Глорье" - без фор-мачты, бушприта и грот-мачты. Два последних погибли вместе со всеми своими экипажами, за исключением капитана "Кентавра" и нескольких его людей, которые сумели незаметно перебраться с кормы в одну из лодок и таким образом избежали участи остальной команды.

Судно "Виль де Пари", как оказалось, не получило никаких повреждений, а командовал им опытный моряк, совершивший двадцать четыре плавания в Вест-Индию и обратно, и поэтому ему было доверено вести корабль через залив; тем не менее, впоследствии оно было погребено в океане со всеми находившимися на его борту людьми, которых насчитывалось более восьмисот. Из всего конвоя, кроме упомянутых выше "Даттона" и

"Британской королевы", были обнаружены еще семь судов без мачт и бушпритов; восемнадцать потеряли мачты, а несколько других затонули.

В течение этого дня "Канада" пересеклась с "Рамиллиесом" и прошла мимо него; некоторые из торговцев попытались следовать за "Канадой", но она шла с такой скоростью, что они вскоре убедились, что это напрасно, и вернулись к флагману; в это время в трюме "Рамиллиеса" было шесть футов воды, и насосы не могли освободить его, вода выработала паклю, а бимсы среди корабля были почти вынуты из своих зажимов.

Поэтому адмирал приказал укомплектовать все ведра и каждому офицеру помочь освободить корабль; мизен-топ-парус был поставлен на фор-мачту, грот-топ-галлант-парус - на обрубок мизен-мачты, а румпель отгружен. В таком состоянии, держась на расстоянии, судно шло вперед с такой скоростью, что не отставало от некоторых купцов.

День прошел в вычерпывании и откачивании воды, без существенной прибавки, и капитан от имени офицеров представил адмиралу необходимость расстаться с пушками для облегчения корабля, но тот возразил, что тогда не останется никакой защиты для конвоя. В конце концов, однако, после больших затруднений, он согласился, чтобы они избавились от орудий на носовой и последней четверти палубы, вместе с частью дробы и других предметов, имеющих большой вес. Последующая ночь прошла в спусках и попытках сделать помпы полезными, так как балласт, попавший в колодец, засорил их и сделал бесполезными, а цепи ломались каждый раз, когда их чинили. Вода в трюме поднялась до семи футов. Ветер с запада гнал перед собой огромное море, и корабль, будучи старым, испытывал сильнейшие нагрузки.

Утром 18-го числа от "Канады" ничего не было видно, и она с максимальной скоростью устремилась в Англию. Ночью рама "Рамиллиеса" открылась, и адмирал, благодаря повторным и настойчивым просьбам офицеров, хотя и с большой неохотой, но все же позволил выбросить за борт шесть самых передних и четыре самых задних орудия главной палубы, а также остальные орудия на квартердеке; А когда корабль все еще продолжал сильно открываться, он приказал прибить просмоленный холст и шкуры на носу и корме из-под порогов портов на главной палубе под пятой доской сверху или в пределах ватервейса, а команда без приказаний сделала то же самое на нижней палубе. Адмирал приказал выбросить за борт все пушки на верхней палубе, дробь, как на ней, так и на нижней, и различные тяжелые запасы; течь в светлом помещении большого магазина почти заполнила корабль в носовой части, и в магазине было восемь футов воды, и каждый джентльмен был вынужден брать свою очередь за кнуты или подавать ведра. Кроме того, корабль был задраен от фор-мачты до грот-мачты.

Несмотря на все усилия, вода продолжала набирать силу и на следующую ночь, ветер дул очень сильный, с сильными шквалами, часть палубы упала в трюм; само судно, казалось, работало с чрезмерной силой и оседало вперед.

Утром 19-го числа, при таких тревожных обстоятельствах, адмирал приказал отрезать оба якоря, весь хлам выбросить за борт, один лист и один кабель-бауэр свести в хлам и подать туда же, вместе со всеми оставшимися тяжестями, которые можно было достать, и всем порохом в большом магазине (он был поврежден); куттер и пиннас разбить и выбросить за борт, полозья уже сработали с борта; теперь каждая душа на борту была занята спасением. Одну из помп запустили, но безрезультатно, так как запорные устройства были сломаны, и часть дробы, а также балласт упали в колодец; когда погода немного утихла, все было готово к тому, чтобы спустить в море орудия нижней палубы, адмирал стремился не оставить ничего лишнего для облегчения корабля.

Когда наступил вечер, в поле зрения появилось двадцать торговых судов, офицеры стали умолять его перейти на одно из них, но он решительно отказался это сделать, считая, как он заявил, непростительным для главнокомандующего покидать свой гарнизон в беде; что его жизнь на несколько лет дольше не имеет большого значения, но что, покидая свой корабль в такое время, он должен обескуражить и ослабить усилия людей, подавая им очень плохой пример. Ночью ветер немного утих, и все руки спустили на воду, которая в это время достигала шести футов с носа и с кормы.

Утром 20-го адмирал приказал отрезать запасные и ручьевые якоря, а в течение дня выбросить за борт все пушки нижней палубы. Когда наступил вечер, дух людей в целом, и даже самых мужественных, начал падать, и они открыто выражали крайнее отчаяние, а также самое искреннее желание покинуть корабль, чтобы не стать его основателями. Тогда адмирал выступил вперед и сказал им, что он и их офицеры одинаково заботятся о своих жизнях и что офицеры не намерены покидать ни их, ни корабль, что, со своей стороны, он полон решимости провести на нем еще одну ночь, а потому надеется и просит их сделать это, ибо еще можно представить, что один погожий день при умеренном море позволит им совместными усилиями очистить и обезопасить колодец от налипшего балласта, который в него намыло; Если это удастся сделать, они смогут восстановить цепи на насосах и использовать их, и тогда у них будет достаточно рук, чтобы поднять мачты жюри, с помощью которых они смогут доставить корабль в Ирландию; что одного ее появления, пока она может плавать, будет достаточно, чтобы защитить оставшуюся часть конвоя; и, кроме того, поскольку все, что можно было придумать, уже сделано для ее спасения, было бы разумно ждать эффекта. В заключение он заверил их, что подаст сигнал, чтобы торговый корабль лежал рядом с ними в течение ночи, и не сомневался, что они его выполнят.

Эта умеренная речь возымела желаемое действие; твердость и уверенность, с которой он говорил, и их доверие к его мореходству и суждению, а также его постоянное присутствие и внимание к каждому происшествию оказали на них замечательное воздействие; они успокоились и вернулись к своим обязанностям и труду. Со времени первой катастрофы адмирал практически не покидал палубу; все они заметили это, как и его усердие, с которым он лично осматривал каждое обстоятельство беды. Зная его мастерство и опыт, они очень доверяли ему, и он немедленно подал, согласно своему обещанию, сигнал для всех торговых судов.

К этому времени, надо признаться, были большие основания для тревоги и мало надежды; ведь все якоря и пушки, кроме одной, вместе со всеми остальными тяжестями были выброшены за борт, и все же корабль, казалось, ничуть не полегчал. Кроме того, силы людей были настолько истощены, поскольку они не спали с момента первого смертельного удара, что одной половине команды было приказано спасаться, а другой - отдыхать; так что, хотя ветер значительно ослабел, вода все равно набиралась, несмотря на все их усилия, и корабль сильно кренился и работал в самом беспокойном море.

В три часа утра 21-го числа, на четвертую ночь, колодец был полностью пробит, бочки, балласт и оставшаяся дробь хлынули вместе и разрушили цилиндры насосов; рама и корпус корабля начали поддаваться во всех частях, и вся команда восклицала, что невозможно больше держать его над водой.

В такой ситуации адмирал решил не терять ни минуты, чтобы снять людей, как только рассветет, но велел капитану не сообщать о своем замысле ничего, кроме того, что он намерен снять больных и увечных на рассвете; для этого он должен вызвать на борт все шлюпки торговцев. Тем не менее он отдал капитану частный приказ, пока это будет делаться,

приказать принести на квартердек весь хлеб с большим количеством говядины, свинины и муки, решить вопрос о наилучшем распределении людей в соответствии с количеством торговых судов, которые должны повиноваться их сигналу, и выделить по офицеру на каждое из них; спустить на воду остальные лодки и, как только больные будут удалены, начать снимать всю команду с максимальной оперативностью, но не рискуя слишком многим в одной лодке.

На рассвете был подан сигнал к шлюпкам, но никто не подозревал, что за этим последует, пока хлеб не был полностью убран, а больные не ушли. Около шести часов остальным членам команды было разрешено уйти, а между девятью и десятью, когда уже не было ничего, что можно было бы направлять и регулировать, сам адмирал, пожав руки всем офицерам и оставив свою баржу для их лучшего размещения и транспортировки, навсегда покинул "Рамиллис", в трюме которого тогда было девять футов воды. Он сел в маленькую дырявую лодку, нагруженную хлебом, из которой и он, и сопровождавший его хирург были вынуждены всю дорогу вычерпывать воду. Он был в сапогах, в сюртуке поверх мундира, и лицо его было спокойным и как всегда уравновешенным. Отправляясь в путь, он пожелал взять плащ, бочонок муки и бочонок воды, но смог достать только муку, а все свои запасы, вина, мебель, книги и карты, стоившие ему до тысячи фунтов, оставил, не желая нанимать ни одного слугу для спасения или упаковки того, что принадлежало только ему одному, во время такого всеобщего бедствия, чтобы оказаться в этом отношении лучше всех членов экипажа.

Адмирал гроб к "Белле", капитан Форстер, первый из тех, кто накануне вечером поднялся на борт "Рамиллиса" в предчувствии неминуемой беды, и своей заботливой гуманностью подал братьям-торговцам такой пример, который оказал на них сильное влияние - и которому, как правило, последовали шестнадцать других.

К трем часам большая часть команды была снята, в это время в трюме "Рамиллиса" было тринадцать футов воды, и он, очевидно, находился во всех частях, а в половине четвертого капитан, первый и третий лейтенанты покинули его со всеми, кроме четвертого лейтенанта, который остался только для того, чтобы выполнить приказ адмирала поджечь его обломки, когда он будет окончательно покинут. Корпус быстро сгорел, и пламя быстро достигло пороха, который был засыпан в кормовой магазин и находился очень высоко, и через тридцать пять минут палубы и верхние части корпуса взорвались ужасным взрывом и облаком дыма, а нижняя часть корпуса опустилась на дно океана.

В это время адмирал на корабле "Белль" встал к затонувшему судну, чтобы увидеть, как выполняются его последние приказы, а также чтобы помочь всем шлюпкам, которые могли быть слишком полны людей, так как море сильно разбухло, хотя погода была умеренной с полудня предыдущего дня. Однако через определенные промежутки времени налетали шквалы, и погода грозила вскоре стать бурной. Они не заставили себя долго ждать, так как уже через два часа после того, как последние члены команды поднялись на борт своих кораблей, ветер поднялся на большую высоту и так продолжалось с перерывами шесть или семь дней подряд, так что ни одна лодка не могла в течение этого времени оставаться на воде. От столь малого промежутка зависело спасение более шестисот жизней!

Действительно, в течение четырех дней, непосредственно предшествовавших этой катастрофе, дул такой сильный шторм и такое тяжелое море преследовало "Рамиллис", что приходилось постоянно держать его с ветром на четверть, с редко поднятым на фор-мачте парусом, а иногда и вовсе без паруса, и в таком состоянии он шел со скоростью шесть миль в час. Когда грот-топ-галантный парус устанавливали на обрубке мизен-мачты, он обычно слишком сильно задирался, что сильно затрудняло руление, и все же его несли, когда это

было возможно, чтобы не отставать от купцов, самые медленные из которых шли почти так же быстро под голыми мачтами.

Даже на таком ходу "Рамиллис" сильно кренился, и с каждым днем его движение становилось все более беспокойным, так что люди едва могли стоять на ногах, не имея за что ухватиться. Они не могли ни отдохнуть, сидя или лежа на палубе, ни спокойно поесть или попить; не было ни мяса, ни офицеров, ни постели. До полудня 20-го числа никто не решался привести ее в чувство, даже чтобы шлюпка поднялась на борт; но, несмотря на такое отчаянное положение, когда некоторые ежечасно падали от усталости и недосыпания, а палубы были залиты водой, вся команда вела себя с величайшим послушанием, вниманием и трезвостью и не оставляла никаких усилий для сохранения корабля.

При расставании офицеры, распределенные с частью команды между ямайцами, получили приказ передать их первому встречному военному или тендеру и при первой же возможности сообщить о своих действиях секретарю Адмиралтейства. На борту "Белль" в знак отличия был поднят шкентель, чтобы она, по возможности, шла впереди остальных. Некоторые из торговцев держались за ней, а другие старались как можно лучше пройти свой путь, опасаясь, что скоро им не хватит провизии, ведь им нужно было кормить еще стольких людей.

Транспорт "Серебряный угорь", отплывший из Блюфилдса с инвалидами флота сэра Джорджа Родни и находившийся под командованием лейтенанта флота, получил приказ держаться возле Рамиллиса. Это судно, соответственно, было под рукой 21 сентября, в день гибели, и из-за нескольких смертей во время перехода имело достаточно места для приема всех, кто был болен или искалечен, и поэтому было вверено им, будучи должным образом оборудованным для их размещения.

Silver Eel расстался с адмиралом на широте 42 48 N. и долготе 45 19 W., увидев, что Ramillies снесен, и, получив приказ следовать в первый порт, зашел в Фалмут 6 октября, во второй половине этого дня одно из торговых судов с мичманом и шестнадцатью членами экипажа Ramillies достигло Плимутского залива. Другое судно того же конвоя, имея на борту другую часть команды, а также капитана и первого лейтенанта, бросило якорь в том же месте до рассвета следующего утра. Однако "Канада", приложив максимум усилий, еще до всех этих событий, 4 числа того же месяца добралась до Портсмута, где распространила известие о рассеянии этого несчастного флота, которое было передано во Францию, и ее каперы немедленно вышли в море в надежде взять их в качестве призов. В их руки попали несколько ямайцев с частью экипажа "Рамиллиса"; два вест-индских корабля были захвачены в виду "Белль", но сама она с адмиралом и тридцатью тремя членами его команды 10 октября благополучно, хотя и в одиночку, прибыла в гавань Корка, где находился фрегат "Мирмидон". Адмирал немедленно поднял свой флаг на борту последнего и, отплыв с первым попутным ветром, прибыл 17-го числа в Плимутский залив, внешне в добром здравии, но с гнетущим чувством в груди, вызванным тем, что он так долго и так ужасно находился на палубе "Рамиллиса" в ту страшную ночь, когда его впервые настиг шторм; и он не мог избавиться от этой жалобы в течение шести месяцев. Он не взял с собой ничего, кроме нескольких личных бумаг, остальные вещи разделили ту же участь, что и корабль.

Было подсчитано, что в результате гибели флота погибло около двадцати одной тысячи пятисот человек. Потери имущества были оценены британским правительством в сумму, превышающую 20 000 000 фунтов стерлингов. Шторм, продолжавшийся шесть дней, был самым сильным за всю историю человечества.

МЫ СОХРАНИЛИ ДЕВЯТЬ ЧЕЛОВЕК В МАЛЕНЬКОЙ ЛОДКЕ, ОКРУЖЕННОЙ ОСТРОВАМИ ЛЬДА.

Мы отплыли из Плимута под конвоем корабля Его Величества "Святой Альбан" и двух других военных кораблей, вместе с флотилией торговых судов, направлявшихся в Средиземное море, при свежем северо-восточном шторме.

Ветер сохранялся, мы держались в компании с флотом, пока не достигли 120 лиг к западу; затем, считая себя свободными от каперов, мы продолжили наше плавание. Но не пройдя и 300 лиг, 17 марта мы столкнулись с английским кораблем около 200 тонн, с двенадцатью пушками и под парусами на грот-мачте. При нашем приближении она подняла английские флаги, а когда ее окликнули, сказала нам, что принадлежит Лондону и сейчас направляется из Виргинии домой, что кажется вероятным, поскольку на борту было много прирученных птиц; с нее к нам перелетела красная птица.

Наш капитан, видя, что судно не работает, попросил ее привести его к нам; сказав, что если что-то нужно на борту, мы должны поднять нашу лодку и перенести ее туда; но нам упорно отказывали; капитан заявил, что наша лодка не должна приближаться, и если мы не будем держаться подальше, он будет стрелять в нас. Это вызвало подозрение с нашей стороны, поэтому мы подбежали к судну и приказали привести его. На это она открыла огонь и продержала нас с одиннадцати утра до шести вечера; затем, будучи сильно поврежденной, она удалилась и обратилась к нам с просьбой спасти жизнь экипажа. Но эта просьба прозвучала слишком поздно, так как ветер усилился и поднял большое море, которое заставило наш корабль встать под рифленый грот, откуда мы не могли поднять шлюпку, не подвергая опасности свою жизнь. Однако с помощью фонаря, который она несла, мы держались рядом с ней, намереваясь поднять шлюпку, когда это станет возможным. Но ближе к полуночи ее свет стал очень слабым, и по громкому крику, раздававшемуся около часа ночи, мы поняли, что она затонула.

Когда судно столкнулось с нами, она сказала, что у нее на борту четырнадцать французов, из чего мы заключили, что это английская "Вирджиния", захваченная французами; и что она потеряла грот-мачту во время схватки. Мы преследовали ее, преследуя и сражаясь, около тридцати лиг; когда она упала, мы находились в 45 50 северной широты.

Потеряв таким образом добычу, мы с боем добрались до Ньюфаундленда, отправившись туда в рыболовное плавание. Однако одна беда редко приходит одна, так случилось и с нами; 26 марта в четыре часа пополудни мы увидели раздробленный лед, который, как мы предполагали, был портовым льдом, который теперь разбит. Сейчас мы находились в 46 50 северной широты и считали себя в 50 лигах, хотя впоследствии оказалось, что в семидесяти, от суши. Ветер был восточный, топ-паруса были убраны, и мы шли на север, под нашими курсами, надеясь до ночи избавиться от льда. Но, обнаружив, что льда скорее больше, чем меньше, мы взяли галс на юг, что не дало никаких изменений. Поэтому, для большей безопасности, носовой парус был спущен, а корабль поставлен под главный парус, так как приближалась ночь, и так как был штилевой ветер, так что мы могли лечь ни на один галс, мы надеялись, что если мы попадем в больший лед, то встретимся с меньшими толчками.

Около восьми или девяти часов мы обнаружили ледяное поле, в которое мы попали, несмотря на наши усилия держаться подальше от него; и хотя мы развесили по кораблю тросы, катушки каната, обручи и тому подобные вещи, чтобы защитить его, он получил такой

сильный удар, что в одиннадцать лет он трюмился, и тогда нам с большим трудом удалось удержать его на плаву до рассвета, используя две помпы и черпая из трех люков.

С наступлением дня наши люди сильно устали, воды прибавилось, и к полудню трюм был наполовину полон - никто не знал, что посоветовать другому, и все начали отчаиваться в своей жизни: мы продолжали качать, хотя и без толку, и пришли к выводу, что если сейчас наступит назначенный нам срок, то мы должны терпеливо его переждать.

Но среди этого бедствия Богу угодно было внушить некоторым из нас мысль, что несколько человек могут остаться в лодке, и тогда капитану было предложено поднять ее и посадить туда нескольких из нас.

Капитан ответил, что, хотя Бог и может творить чудеса, маловероятно, чтобы такая маленькая лодка сохранила нас; что это всего лишь прожить еще несколько дней в несчастье; и, видя, что Бог бросил это бедствие на его долю, он решил воспользоваться своим шансом и умереть вместе со своими людьми.

Тем не менее, когда его долго упрашивали, он приказал вытащить лодку, посадить в нее Уильяма Сондерса и пятерых других; а чтобы люди не заподозрили их замысел, было объявлено, что лодка должна идти впереди, чтобы отбуксировать корабль от льда - насколько это было вероятно, читатель может судить сам, ведь у нас было только одно весло, все остальные были сломаны при защите корабля ото льда. Однако цель была достигнута.

Шлюпка, не обнаружив никакого эффекта от буксировки корабля, опустилась на корму, намереваясь взять на борт капитана и всех, кого могла безопасно нести, а некоторые готовили необходимые вещи для несчастного плавания. Компас и другие готовые вещи были перенесены в него.

Капитан, доктор и еще несколько человек, выбравшись через окна и галереи каюты, я, в числе остальных, попытался спастись через галерею, намереваясь также, если возможно, попасть в лодку; но, будучи обнаружены людьми, они взяли стрелковое оружие и не пускали лодку, решив, поскольку она не могла сохранить всех, чтобы все погибли вместе.

Этот замысел не удался, и все, кроме меня и Уильяма Лангмида, снова взобрались на корабль; но мы были так низко, что не могли подняться. Никто не приходил, чтобы облегчить нас, и в конце концов мы были вынуждены отпустить свой трюм и довериться милости тех, кто был в лодке, которые, увидев, что мы плывем к ним, протянули веревку и взяли нас на руки.

Теперь нас в лодке было восемь человек, и, желая спасти нашего капитана, мы пролежали на корабле до ночи; но люди, упорствуя в своем решении, открыли огонь по лодке и не пустили ее. С наступлением ночи мы стали искать укрытия и, пройдя среди раздробленного льда, прикрепили лодку к небольшой глыбе и поехали на ней; когда же мы уперлись в большой лед, то снялись и прикрепились к другому куску, и так продолжалось всю оставшуюся ночь.

Утром, осмотревшись, мы увидели корабль примерно в трех лигах к востоку, в том же положении, в котором мы его оставили, и посоветовались, не вернуться ли нам и не предпринять еще одну попытку спасти капитана и еще столько же людей. Это предложение, однако, было отвергнуто: все утверждали, что люди либо откроют по нам огонь, либо неосмотрительно набьются в лодку и потопят ее; поэтому было решено как можно лучше добраться до берега. Но я, считая, что спасение моей жизни и гибель моего капитана мало способствуют моей чести, попытался убедить их, что корабль все еще плавает на плаву, что я надеюсь, что течь устранена и мы можем продолжать наше плавание; но это было безуспешно. Когда я увидел, что не в силах одержать верх, я попросил их подплыть и

посадить меня на ту часть льда, которая находится рядом с кораблем, откуда я должен дойти до него и умереть вместе с моим командиром.

С этим единодушно согласились, и мы поплыли ко льду; но когда мы достигли его, мне не хотелось выходить. Однако, когда мы позвали к себе капитана, первым подошел мистер Джон Мэддик, а за ним доктор и еще несколько человек, которые, заметив капитана, тоже подошли.

Когда капитан покинул судно, толпа с таким нетерпением устремилась за ним, что мы, казалось, могли бы все испортить; но по счастливой случайности лодка отчалила, и в ней оказался двадцать один человек, которые держались за борта. Некоторые были вынуждены соскользнуть, другие погибли во льдах, не сумев вернуться на корабль, где остальные погибли.

25 марта мы с сожалением простились с нашими бедствующими собратьями, причем сердце каждого из них было настолько перегружено собственными страданиями, что в нем не оставалось места для жалости к другому. Далее, обдумав дальнейший путь, мы решили отправиться на берег.

Единственным нашим провиантом был небольшой бочонок муки и пятигаллоновый рундук бренди, который был выброшен за борт и взят нами. Взяли мы и старый сундук, который оказался нам как нельзя более кстати, потому что, имея только одно весло, корабельные ручные пики и топорик, случайно оказавшийся в лодке, мы смогли расколоть сундук и прибить его к ручным пикам, которые и были нашими веслами. Гвозди нам удалось достать только из разных частей лодки, а оставшуюся часть сундука мы использовали для разжигания костра. Случилось также, что в лодку положили наш главный брезент, только что просмоленный. Из него мы сделали грот, а из старого куска парусины, служившего парусом для яла, - передний парус. В таком состоянии мы повернули к берегу и, заметив, что окружающие льды лежат на севере и юге, взяли курс на север, а утром оказались от них подальше.

Выйдя в океан, при восточном ветре мы подняли парус и прошли на запад-северо-запад около четырнадцати лиг, когда столкнулись с очередным ледяным полем. Попытавшись проплыть сквозь него, мы оказались окружены множеством огромных островов, которые так быстро прижимались друг к другу, что мы были вынуждены вытащить нашу лодку на лед, иначе мы бы погибли.

Здесь мы пролежали одиннадцать дней, ни разу не увидев моря. Поскольку лед был толстый, мы ловили тюленей сколько хотели, так как их было очень много. Наш очаг был сделан из шкуры, и жир так легко плавился, что мы могли варить на нем постное.

Но, пролежав так долго в этом холодном краю, люди начали жаловаться на ноги; а наша лодка была слишком мала, чтобы вместить всех, и мы постоянно кричали, что причиняем друг другу боль, хотя от этого не было никакого средства. Мы несли вахту шесть и шесть, как для удобства помещения, так и для защиты от льда, проломившегося под нашей лодкой, что часто случалось, и тогда приходилось спускать ее на воду или переносить в место, которое мы считали достаточно прочным, чтобы выдержать ее вес.

Через одиннадцать дней мы увидели море и с большим трудом вытащили лодку. Мы проплыли около десяти или двенадцати лиг на северо-северо-запад, как и прежде, когда нас снова затерло; и так повторялось пять раз. Последний лед, однако, был хуже всех предыдущих, и хотя он был настолько толстым, что мы не могли протиснуть сквозь него

лодку, все же он не был настолько прочным, чтобы выдержать вес человека; поэтому, несмотря на то, что мы ежедневно видели достаточно тюленей, мы не смогли взять ни одного из них.

По счастливой случайности, когда мы расстались с твердым льдом, у нас было семь тюленей в запасе, и один, которого мы взяли мертвым, был съеден, не разбирая, как он умер.

Далее нам пришлось довольствоваться малым: на два дня нам хватило одного тюленя, который вместе с тремя унциями муки, смешанной с водой и сваренной в тюленьем жире, составил всю нашу провизию. В конце концов мы были вынуждены разделить ноги и кожу, каждому из нас разрешили взять немного жира, чтобы развести огонь. Но, будучи вынужденными есть все целиком, кожу и кости, к тому же едва проваренные, так повредили наши желудки, что некоторые из нас умерли, а я сам сильно пострадал.

Выбравшись из рыхлого льда, если ветер был настолько неблагоприятным, что не позволял грести, мы прикрепляли лодку к островку льда до лучшей погоды. Хотя это давало нам убежище, мы часто подвергались большой опасности из-за того, что острова сталкивались с нами, так что было удивительно, что мы спаслись.

Мы пили лед, смешанный с бренди, а нашей провизии, при хорошем управлении, хватило до самого выхода на берег, ибо Богу было угодно спасти одних из нас, забрав к себе других. Наши спутники стали умирать по двое или трое в день, и наконец нас осталось девять человек.

Ноги нескольких умерших были так искусаны морозом, что, когда их раздевали, чтобы отдать одежду оставшимся в живых, пальцы отрывались вместе с чулками. Последним умер боцман, который дожил до дня, когда мы увидели землю.

Наш компас был сломан последним ледяным полем, через которое мы проходили, а вскоре после этого мы потеряли ведро с водой, которое использовалось для черпания. Днем наш курс указывало солнце, а ночью - звезды.

Хотя с нами произошло множество других происшествий, Господу было угодно, чтобы мы благополучно добрались до суши, проведя в лодке двадцать восемь дней.

24 апреля мы прибыли в Баккалеу, а оттуда отправились в залив Вердс в Ньюфаундленде, где нашли трех мужчин, собирающихся на рыбалку, которые отвели нас в свой дом и дали нам все, что у них было. Но, поскольку у них не было ничего, и они не могли нас содержать, мы решили отправиться в Сент-Джонс, несмотря на то что некоторые из нас так сильно обморозились, что их пришлось нести в лодку. Однако не успели мы дойти до мыса Святого Франциска, как ветер повернул на юго-запад, и мы были вынуждены грести всю ночь. Утром мы достигли бухты Португалии, где, к нашей несказанной радости, обнаружили несколько человек, готовившихся к летней рыбалке. Они проявили к нам столько сострадания, что спустили на воду лодку и отбуксировали нас в Беллейсл, где нас вежливо приняли. Все мы были так слабы, что нас вынесли на берег на мужских плечах; кроме того, мы были так изуродованы голодом, холодом и тюленьим жиром, что люди едва могли признать в нас людей, разве что по фигуре. В Беллейсле мы пробыли десять дней, после чего, немного восстановив силы, отправились в Сент-Джонс. Таким образом, во всех этих обстоятельствах Бог чудесным образом сохранил девять из девяноста шести человек, находившихся на корабле.

ЭКСПЕДИЦИЯ КАПИТАНА РОССА.

В 1818 году британское правительство снарядило две экспедиции к Северному полюсу. Капитану Бьюкену, командовавшему кораблями "Трент" и "Дороти", было поручено попытаться пройти между Шпицбергенем и Новой Земблей, через полюс в Тихий океан, а капитану Россу, командовавшему кораблями "Изабелла" и "Александр", - попытаться пройти северо-западным путем от проливов Дэвиса и Баффинова залива в Ледовитый океан, а затем в Тихий. Росс достиг 77 градусов 40 минут широты и более точно определил положение Баффинова залива, который, как считалось до этого, простирается на 10 градусов к востоку, чем на самом деле. Хотя он плыл вверх по Ланкастер-Саунд, он не продвинулся достаточно далеко, чтобы убедиться, что она открыта, и прибыл туда только 1 октября, когда опасность из-за льда заставила его покинуть побережье. Лейтенант Парри, сопровождавший капитана Росса, в 1819 году вместе с капитаном Лайоном был отправлен во второе плавание в Баффинов залив, и, забрав первый приз, предложенный парламентом (5000 фунтов стерлингов), и достигнув самой западной точки, когда-либо достигнутой в полярных морях, ему было поручено руководство кораблями "Гекла" и "Фурия" в аналогичной экспедиции в 1821 году. Эти корабли вернулись в октябре 1823 года, не достигнув главной цели, ради которой они были отправлены. В 1824 году Парри и Лайон были вновь отправлены на "Гекле" и "Фьюри" для открытия северо-западного прохода. После зимовки в заливе Принца-Ригента корабли отправились на юг, но из-за штормов и айсбергов пришлось оставить "Фьюри", и с командой на борту "Геклы" капитан Парри вернулся в Англию в октябре 1825 года. В 1827 году Адмиралтейство отправило Парри на корабле "Гекла", чтобы он, по возможности, достиг Северного полюса. Пройдя тридцать пять дней по льду, начиная с 81 градуса 12 минут 15 секунд, он был вынужден проложить обратный курс. Так закончились усилия британского правительства.

Раздосадованный реальным или предполагаемым пренебрежением со стороны правительства, капитан Росс весной 1829 года предпринял экспедицию на собственные средства с целью прохода в Полярное море и достижения пролива Беринга вдоль северного побережья Американского континента. Корабль "Победа" был потерян в первый же год плавания, и оставшееся время Росс и его команда провели на борту потерпевшего крушение судна "Ярость". Когда их подобрала в Ланкастер-Саунд, они находились в четырех шлюпках "Фьюри", которые "нашли неповрежденными и в том же состоянии, в каком их оставили".

Следующее письмо, адресованное галантным мореплавателем в Адмиралтейство, знакомит нас со всеми приключениями и открытиями этой памятной экспедиции.

На борту судна "Изабелла", Халл,
Баффинов залив, сентябрь 1833 года.

Сэр, - Зная, как глубоко мои господа комиссары Адмиралтейства заинтересованы в развитии морских знаний, и особенно в улучшении географии, я должен ознакомить вас, для сведения их светлостей, что экспедиция, главной целью которой является решение, если возможно, вопроса о северо-западном проходе из Тихого в Атлантический океан, в частности, через пролив Принца Регента, и которая отплыла из Англии в мае 1829 года, несмотря на потерю носовой мачты и другие неприятные обстоятельства, из-за которых судно было вынуждено

переоборудовать в Гренландии, 13 августа достигла берега, на который были высажены запасы покойного корабля Его Величества "Фьюри".

Мы нашли шлюпки, провизию и т. д. в отличном состоянии, но никаких следов кораблекрушения. Пополнив запасы топлива и других необходимых вещей, мы отплыли 14-го числа, а на следующее утро обогнули мыс Гарри, где начались наши новые открытия, и, держась западного берега, направились вдоль побережья на юго-запад и запад. на расстоянии от 10 до 20 сажень, пока не прошли 72 северной широты и 94 западной долготы; здесь мы обнаружили значительный залив, ведущий на запад, исследование которого заняло два дня; в этом месте нам сначала сильно мешал лед, который, как теперь видно, простирался от южного мыса залива сплошной массой, кругом на восток. к востоко-северо-востоку. Вследствие этого обстоятельства, мелководья, быстроты приливов и отливов, бурной погоды, неровности берега и многочисленных заливов и скал, которыми он примечателен, наше продвижение было не только опасным, но и утомительным, однако нам удалось проникнуть ниже 70 северной широты, в 92 западной долготы, где земля, после того как мы прошли на восток до 90, приняла решительно западное направление, а на расстоянии 40 миль к югу виднелась земля, простирающаяся на восток и запад. В этой крайней точке наше продвижение было остановлено 1 октября непроницаемым барьером льда. Однако мы нашли отличный порт для зимовки, который называли Феликс-Харбор.

В начале января 1830 года нам посчастливилось завязать дружеские отношения с интереснейшим сообществом туземцев, которые, будучи изолированными от природы, никогда прежде не общались с чужаками; от них мы постепенно получили важную информацию о том, что уже видели континент Америки, что примерно в 40 милях к юго-западу от него находятся два больших моря, одно из которых на западе, которое от на востоке отделено узким проливом или горловиной суши. Проверка этих сведений, от которых так существенно зависели наши дальнейшие операции, была возложена на командора Росса, который вызвался служить в начале апреля и в сопровождении одного из матросов и двух туземцев отправился на место и обнаружил, что северная земля соединена с южной двумя грядами возвышенностей, 15 миль в ширину, но, принимая во внимание цепь пресноводных озер, занимающих долины между ними, суша, которая фактически разделяет два океана, составляет всего пять миль. Этот необычный перешеек был впоследствии посещен мною, когда командор Росс приступил к тщательному обследованию морского побережья к югу от перешейка, ведущего на запад, который ему удалось проследить до 99-го градуса, или до 150 миль от мыса Тернагейн Франклина, до которого земля, приведя его к 70-му градусу северной широты, заканчивалась прямо; Во время того же путешествия он также обследовал 30 миль прилегающего побережья, или того, что находится к северу от перешейка, который, также принимая западное направление, образует окончание западного моря в залив. Остаток сезона был потрачен на прослеживание морского побережья к югу от перешейка, ведущего на восток, что было сделано так, чтобы не оставалось сомнений в том, что оно соединяется, как нам ранее сообщили туземцы, с Оккулли и землей, образующей залив Репульс. Было также установлено, что в 30 милях к северу от нашей позиции нет прохода на запад.

Это лето, как и лето 1818 года, было прекрасным, но крайне неблагоприятным для навигации, и теперь наша цель - попробовать более северные широты, мы с тревогой ждали разрушения льда, но тщетно, и все наши усилия не увенчались успехом, и нам удалось проделать путь более чем в четыре мили, и только в середине ноября нам удалось привести судно в безопасное место, которое мы называли "Гавань Шерифа". Здесь я должен упомянуть, что мы называли вновь открытый континент на юге "Бутия", а также перешеек, полуостров на

севере и восточное море в честь моего достойного друга, Феликса Бута, эсквайра, истинно патриотического гражданина Лондона, который, действуя самым бескорыстным образом, позволил мне снарядить эту экспедицию в превосходном стиле.

Последняя зима по температуре была почти равна средней температуре четырех предыдущих путешествий, но зимы 1830 и 1831 годов начались с такой силой, которую до сих пор не удавалось зарегистрировать - термометр опустился до 92 градусов ниже точки замерзания, а средняя температура года была на 10 градусов ниже предыдущей; Но, несмотря на суровость лета, мы прошли через всю страну к западному морю по цепи озер в 30 милях к северу от перешейка, когда командору Россу удалось обследовать еще 50 миль побережья, ведущего на северо-запад, и, проследив берег к северу от нашей позиции, полностью доказать, что ниже 71-го градуса прохода быть не может.

Этой осенью нам удалось провести судно всего на 14 миль к северу, но, поскольку мы не удвоили Восточный мыс, все надежды на спасение корабля закончились, а еще одна суровая зима сделала это совершенно невозможным; и, имея только провизию, чтобы продержаться до 1 июня 1833 года, было принято решение оставить корабль в нынешнем порту, который (в честь нее) был назван Victory Harbor. Провизия и топливо были завезены весной, и 28 мая 1832 года мы покинули корабль и направились к Фьюри-Бич - единственному шансу спасти наши жизни; из-за очень тяжелой природы льда мы были вынуждены держаться либо на суше, либо близко к ней, обходя каждый залив, что увеличило наше расстояние в 200 миль почти на половину; и только 1 июля мы достигли берега, полностью измученные голодом и усталостью.

Хижина была построена быстро, а лодки, три из которых были смыты с берега, но предусмотрительно вытаснены на берег, были отремонтированы в течение этого месяца; необычно тяжелый вид льда не радовал нас до 1 августа, когда на трех лодках мы достигли того злополучного места, где "Ярость" впервые была выброшена на берег, и только 1 сентября мы достигли Южного острова Леопольда, который, как теперь установлено, является северо-восточной точкой Америки в широте 73 56 и долготе 90 западной. С вершины высокой горы на мысу мы могли видеть пролив Принца-Регента, пролив Барроу и Ланкастер-Саунд, которые представляли собой одну непроницаемую массу льда, точно такую же, какой я видел ее в 1818 году. Здесь мы пребывали в состоянии тревоги и ожидания, которое легче представить, чем описать. Все наши попытки пробиться были тщетны; в конце концов, из-за недостатка провизии и приближения суровой зимы мы были вынуждены вернуться на Фьюри-Бич, где оставались только средства к существованию, куда мы прибыли 7 октября, после самого утомительного и трудоемкого похода, вынужденные оставить наши лодки в Батти-Бей. Наше жилище, состоявшее из каркаса из лонжеронов размером 32 фута на 16, покрытого парусиной, в течение ноября было закрыто, а крыша покрыта снегом толщиной от 4 до 7 футов, который, будучи насыщенным водой при температуре пятнадцать градусов ниже нуля, сразу же принял консистенцию льда, и таким образом мы фактически стали обитателями айсберга во время одной из самых суровых зим за всю историю; о наших страданиях, усугубленных отсутствием постели, одежды и животной пищи, нет необходимости говорить. Мистер К. Томас, плотник, был единственным человеком, погибшим на этом берегу, но трое других, кроме одного, потерявшего ногу, были доведены до последней стадии слабости, и только тринадцать человек из нашего числа были в состоянии нести провизию в семи переходах по 62 мили каждый до залива Батти.

Мы покинули Фьюри-Бич 8 июля, взяв с собой трех больных, которые не могли ходить, и за шесть дней добрались до лодок, где больные ежедневно поправлялись. Хотя весна была мягкой, только 15 августа перед нами открылись обнадеживающие перспективы. Шторм с

запада внезапно открыл полосу воды вдоль берега, и через два дня мы достигли прежней позиции, а с горы мы имели удовольствие видеть чистую воду в заливе Принс-Регентс, который мы пересекли 17-го числа и укрылись от шторма в двенадцати милях к востоку от мыса Йорк. На следующий день, когда шторм утих, мы пересекли Адмиралтейский залив и были задержаны на побережье на шесть дней из-за сильного северо-восточного ветра. 25-го мы пересекли залив Navy Board Inlet, а на следующее утро, к нашей несказанной радости, увидели вдали корабль, стоявший на мели, который оказался "Изабеллой" из Халла, тем самым судном, которым я командовал в 1818 году. В полдень мы подошли к ней, и ее предприимчивый командир, который тщетно искал нас в заливе Принца Регента, после трех приветственных возгласов принял нас со всеми проявлениями доброты и гостеприимства, которые только может продиктовать человечность. Я должен также упомянуть, что мистер Хамфрис, высадив меня в заливе Владения, а затем на западном побережье Баффинова залива, предоставил мне прекрасную возможность завершить обследование и проверить мою прежнюю карту этого побережья.

Теперь мне выпала приятная обязанность обратить внимание их светлостей на заслуги командора Росса, который был вторым в руководстве этой экспедиции. Труды этого офицера, занимавшегося астрономией, естественной историей и геодезией, скажут сами за себя языком, не подвластным моему перу; но они будут должным образом оценены их светлостями и учеными организациями, членом которых он является, и которые уже хорошо знакомы с его достижениями.

Мой надежный и верный друг, мистер Уильям Том из королевского флота, который раньше был со мной на "Изабелле", помимо своих обязанностей третьего помощника, занимался ведением метеорологического журнала, распределением и экономией провизии, и его разумным планам и предложениям следует приписать необычайную степень здоровья нашего экипажа; а поскольку двое из трех умерших за четыре с половиной года были прерваны в самом начале плавания из-за болезней, не свойственных климату, можно сказать, что погиб только один человек. Хирург мистер М'Диармид, совершивший несколько плаваний в эти края, оправдал мою высокую рекомендацию; он был полезен при каждой ампутации и операции, которую проводил, и замечателен в обращении с больными; и я без колебаний могу сказать, что он будет украшением службы Его Величества.

Командир Росс, мистер Том и я, действительно, служили без жалованья, но вместе с экипажем потеряли все, о чем я сожалею еще больше, потому что это не позволяет мне должным образом вознаградить моих товарищей по несчастью, чье дело я не могу не рекомендовать на рассмотрение их сиятельствам.

Однако мы можем утешиться тем, что результаты этой экспедиции были окончательными и для науки очень важными, и их можно кратко выразить следующими словами: Открытие залива Бутия, континента и перешейка Бутия-Феликс, а также огромного числа островов, рек и озер; неоспоримое установление того, что северо-восточная точка Америки простирается до 74-го градуса северной широты; ценные наблюдения всех видов, но особенно магнита; и, в довершение всего, мы имели честь поместить прославленное имя нашего милостивого государя Вильгельма IV на истинное положение магнитного полюса.

Я не могу закончить это письмо, сэр, не признав важные преимущества, которые мы получили благодаря ценным публикациям сэра Эдварда Парри и сэра Джона Франклина, а также сообщениям, любезно предоставленным нам этими выдающимися офицерами перед нашим отъездом из Англии. Но слава этого предприятия целиком принадлежит Тому, Чья божественная благосклонность была особенно явлена по отношению к нам, Кто направлял и

руководил всеми нашими шагами, Кто милосердно предоставил, как нам казалось, в случае беды, Свои действенные средства для нашего спасения; и Кто даже после того, как приспособления и изобретения человека потерпели полный крах, увенчал наши скромные усилия полным успехом.

С уважением, и т.д.

ДЖОН РОСС, капитан, R. N.

Капитану достопочтенному Джорджу Эллиоту и т. д.
Секретарь Адмиралтейства.

ПОТЕРЯ ТРАНСПОРТОВ "КАТАРИНА", "ВЕНУС" И "ПИДМОНТ", А ТАКЖЕ ТРЕХ ТОРГОВЫХ СУДОВ.

Беды войны сами по себе велики и ужасны, но последствия, которые косвенно вытекают из нее, хотя и редко известны и мало обсуждаются, не менее прискорбны. Разрушения от меча иногда составляют лишь незначительную пропорцию с хаосом от болезней, и в пагубном климате западных колоний целые полки, воспитанные подряд, так же часто становились жертвами их пагубного влияния.

Для скорейшего продолжения войны было сочтено целесообразным перевезти сильные войска на иностранную службу, но их отправка задерживалась из-за постоянных невзгод, и в конце концов произошла катастрофа, о которой мы сейчас расскажем.

15 ноября 1795 года флот под конвоем эскадры адмирала Кристиана отплыл из Сент-Хеленса. Более прекрасного зрелища, чем это, невозможно придумать; и те, кому не о чем было сожалеть, покидая родную страну, наслаждались этим зрелищем как самым великолепным, созданным искусством человека, и как тем, что уроженцы этого острова созерцают со смешанной гордостью и удовольствием.

На следующий день ветер, продолжая благоприятствовать, понес флот вниз по каналу; и когда транспорт "Катарина" подошел к острову Пурбек, лейтенант Дженнер, офицер на борту, указал другому человеку на скалы, где погибли "Халсуэлл" и столько несчастных. Он и корнет Бернс не смогли добраться до Саутгемптона до отплытия "Катарины", поэтому они наняли мальчика, чтобы догнать ее, и, сойдя на берег в Сент-Хеленсе, первый выразил удовлетворение в письме матери, что ему так повезло.

Во вторник 17-го числа флот находился у Портленда, держа курс на запад; но ветер переменился и подул сильный шторм на юго-юго-запад, и адмирал, сомневаясь, смогут ли они очистить канал, дал сигнал зайти в Торбей, где в это время находились некоторые транспорты. Однако они не смогли войти в залив; шторм усилился, и наступил густой туман; поэтому адмирал счел целесообразным изменить свой план и около пяти часов пополудни дал сигнал выйти в море. Об обстоятельствах, связанных с "Катариной", сохранился более подробный рассказ, чем о других судах флота; его сохранила женщина, имя которой нам неизвестно, в таких словах.

"Вечер 17-го числа был бурным и грозным; капитан сказал, что опасается плохой погоды; когда мне предложили выйти на палубу и посмотреть на небо, я заметила, что оно было тревожным и красным, с большими тяжелыми облаками, летящими во всех направлениях, и с

неким подобием тусклого тумана, окружающего луну. Когда я рассказал об этом остальным пассажирам, двое из которых уже бывали в море, они сказали, что нас ждет бурная ночь, и действительно, она оказалась такой бурной, что невозможно было отдохнуть. Никто, однако, не считал, что существует какая-либо опасность, хотя туман был настолько густым, что капитан не мог ничего разглядеть, чтобы направить свой курс; но он считал, что у него достаточно места в море.

Усталость, которую я испытывал от качки судна и от того, как сильно оно продолжало крениться, заставила меня лечь в постель. Было около десяти часов утра 18-го числа, когда в каюту заглянул помощник и крикнул: "Спасайтесь, если можете!"

Оцепенение и ужас этого момента невозможно описать; на мне был свободный халат, и, обернув его вокруг себя, я поднялся не совсем на палубу, а на верхнюю ступеньку лестницы, откуда увидел, как море разбивается о берег. Пассажиры и солдаты были словно громом поражены ощущением непосредственной и неизбежной опасности, а моряки, слишком хорошо понимая безнадежность любых усилий, стояли в бессловесной агонии, уверенные, что через несколько мгновений их постигнет та гибель, которая сейчас угрожала им.

Пока я осматривал окружающую меня сцену с ужасом, который невозможно описать никакими словами, мистер Бернс, офицер драгун, поднявшийся в своей рубашке, позвал мистера Дженнера и мистера Стейнса за своим плащом; никто, однако, в такой момент не мог заботиться ни о чем, кроме самосохранения.

Мистер Дженнер, мистер Стейнс и хирург мистер Додд прошли мимо меня, и их лица в достаточной мере выражали понимание ситуации, в которой мы все оказались. Мистер Бернс бодро заговорил со мной; он посоветовал мне набраться храбрости, а мистер Дженнер заметил, что рядом хороший берег, и все будет хорошо.

Затем эти джентльмены отправились к борту судна, намереваясь, как я полагаю, узнать, можно ли выбраться на берег. Один только хозяин судна оставался рядом со спутником; как вдруг огромная волна обрушилась на корабль и ударила меня с такой силой, что я на мгновение остолбенел, и, прежде чем смог прийти в себя, корабль ударило с такой силой, что меня сбросило с лестницы в каюту, а хозяин упал рядом со мной. В тот же миг каюта с ужасающим треском обрушилась на нас, и доски и балки грозили похоронить нас в руинах. Хозяин, однако, вскоре пришел в себя; он оставил меня, чтобы снова выйти на палубу, и больше я его не видел.

Понимание своего состояния помогло мне освободиться от досок и обломков, которыми я был окружен, и я снова выбрался на лестницу, сам не знаю как. Но какое зрелище предстало передо мной! Все мачты лежали на осколках палубы, и на ней не было ни одного живого существа; все исчезло, хотя я не знал тогда, что они исчезли навсегда. Я смотрел вперед, на берег, но не видел ничего, кроме страшного приboя, разбивавшегося о него, а за кораблем вздымались огромные черные волны, похожие на гигантские руины. Я знал, что они должны захлестнуть ее, и думал, что мне уже не спастись.

Полагая, что смерть близка и неизбежна, я решил вернуться на койку в каюте и там, покорившись воле Божьей, ожидать приближения момента. Однако я не мог до нее дотянуться и некоторое время был в бесчувствии; затем сильный удар и разрыв обломков снова привели меня в чувство; я обнаружил себя у окон каюты, а вокруг меня поднималась вода. Она быстро увеличивалась, и перед моим взором предстали ужасы утопления; однако я помню, что видел, как плавала мебель в каюте. Я сидел, почти закрытый кусками обломков, и вода теперь доходила мне до груди.

Полученные мною ушибы крайне затрудняли любые усилия, а мое свободное платье так запуталось среди балок и обломков корабля, что я не мог его освободить. Но желание жить, надежда на то, что меня встретят на берегу, куда, как я полагала, сбежали мои друзья, и воспоминания о ребенке - все это придавало мне мужества, чтобы попытаться спастись. Я снова попыталась расстегнуть платье, но это оказалось невозможным, а обломки корабля продолжали наносить такие сильные удары, а руины так плотно смыкались вокруг меня, что я уже ожидала, что буду раздавлена насмерть.

По мере того как корабль дрейфовал на камнях, вода скорее ослабевала, когда волны уходили назад, но, возвращаясь, продолжала накрывать меня, и я раз или два терял дыхание и на мгновение - память. Когда я обрел способность думать, принцип самосохранения все еще побуждал меня к нагрузкам.

Каюта разбивалась все сильнее и сильнее, и сквозь большую пробоину я увидел берег совсем близко. Среди шума бушующих волн я разглядел людей, которые собирали то, что море гнало к ним; но мне показалось, что они не видят меня, и я отчаялся получить от них помощь. Я освободил руки от халата и, обнаружив, что могу двигаться, вышел из-под обломков и оказался на земле. Я попытался бежать, но был слишком слаб, чтобы спастись от набежавшей волны, которая настигла и захлестнула меня. Тогда я решил, что меня больше нет; однако, полузадушенный, я очень сильно сопротивлялся и помню, что мне казалось, что я очень долго умирал. Волна оставила меня, я снова задышал и сделал еще одну попытку выбраться на берег, но, совсем обессилев, упал и лишился чувств.

К этому времени меня заметили несколько человек на берегу, и двое мужчин пришли мне на помощь. Они подняли меня, я снова обрел слабые воспоминания, и, пока они несли меня, мне показалось, что один из них сказал, что море нас настигнет, что он должен отпустить меня и позаботиться о собственной жизни. Я помню только, как цеплялся за другого и умолял его не бросать меня на произвол беспощадных волн... Но я очень смутно представлял себе, что происходило, пока не увидел лодку, в которую меня должны были посадить, чтобы переправить на другой берег; тогда у меня хватило сил сказать: "Ради Бога, не увозите меня больше в море".

Я полагаю, что предчувствие этого, в сочетании с другими моими страданиями, лишило меня всякой чувствительности, ибо я ничего не помнил после этого, пока не был разбужен средствами, примененными для моего восстановления в доме на ферме, куда меня привезли. Там я услышал, как вокруг меня собралось несколько женщин, которые задавали множество вопросов, на которые я не мог ответить. Помню, одна из них сказала, что я француженка, другая - что негритянка, и действительно, я была в таких синяках и в таком изуродованном состоянии, что предположения этих людей не вызывают удивления.

Когда я немного пришла в себя и смогла говорить, я попросила, чтобы мне разрешили лечь в постель. Однако я не просил об этом с надеждой на жизнь, ибо теперь я находился в таком состоянии страдания, что единственным моим желанием было получить возможность лечь и спокойно умереть.

Ничто не могло превзойти гуманности мистера Эббота, жителя фермы Флит, и сострадательного внимания его сестры, мисс Эббот, которая не только оказала мне немедленную помощь, но и продолжала в течение нескольких дней ухаживать за мной с такой добротой и гуманностью, о которых я всегда буду вспоминать с искренней благодарностью".

Несчастную страдалицу, о которой идет речь в предыдущем рассказе, мистер Брайер обслуживал с большой гуманностью, пока рана на ноге и полученные ею опасные ушибы не позволили ей покинуть убежище, которое она впервые нашла под крышей мистера Эббота во Флите. Как только она оказалась в состоянии переехать в Уэймут, мистер Брайер, тамошний хирург, принял ее в своем доме, где миссис Брайер помогала ей выздоравливать, оказывая утешительные услуги, насколько это позволяла ее плачевная ситуация. Тем временем джентльмены южного батальона Глостерского ополчения, сделавшие все возможное для спасения тех, кто стал жертвой урагана, теперь внесли щедрую лепту в облегчение материального положения выживших. Казалось, никто так не требовал их жалости, как эта несчастная и беспомощная незнакомка; и только она одна, из сорока человек, за исключением одного корабельного мальчика, выжила после крушения "Катарины". Погибли двенадцать моряков, две солдатские жены, двадцать два драгуна и четыре офицера, лейтенант Стейнс, мистер Додд из госпиталя, лейтенант Дженнер, представитель древней и уважаемой семьи из Глостершира, тридцати одного года, и корнет Бернс, сын американского лоялиста со значительным имуществом, которого лишили всего за его приверженность британскому правительству. Не имея никакой зависимости, кроме обещаний правительства возместить ущерб тем, кто пострадал из-за этого, он после многих лет бедствий и трудностей получил корнетство в 26-м драгунском полку, отправлявшемся тогда в Вест-Индию, и таким образом погиб на двадцать четвертом году жизни. Этот офицер намеревался высадиться на другой транспорт и уже отправил свою лошадь на борт, но, обнаружив, что "Катарина" более комфортабельна, отдал предпочтение ей, а другой корабль благополучно вернулся в Спитхед. Искалеченные останки лейтенанта Дженнера через два дня после этого были найдены на берегу и погребены с воинскими почестями.

Но "Катарина" была не единственным судном, пострадавшим во время шторма. Те, кто на берегу слушал, как она бушевала накануне вечером, не могли не испытывать живейшей тревоги за последствия; а рано утром 18 ноября несколько лоцманов и других людей собрались на мысе, называемом смотровой площадкой в Уэймуте. Оттуда они тоже, очевидно, узнали о бедственном положении и опасности многих транспортных.

Вскоре после этого лейтенант военно-морского флота, проживающий в Уэймуте, обратился к майору полка ополчения с просьбой выслать караул на Чиселлскую банку, поскольку на берегу находился большой корабль, предположительно фрегат. Просьба была немедленно удовлетворена, и майор сам отправился с капитанским караулом.

Ветер был настолько сильным, что отряд с трудом добрался до места назначения. Там они обнаружили на берегу большое торговое судно "Эолус", груженное древесиной для правительства. На нем погибли лейтенант флота Мейсон и его брат, мичман, а также несколько человек, которые, возможно, были бы спасены, если бы поняли сигналы с берега. Люди из Портленда, собравшиеся на месте опустошения, хотели выразить, бросая в них мелкие камешки, что они должны оставаться на борту, но заставить их услышать сигнал было невозможно, так как они предвидели, что судно вынесет высоко на берег. В таком случае они могли бы вскоре покинуть его без всякой опаски; поэтому те, кто остался на борту, спаслись, хотя многие из них были страшно ушиблены.

Недалеко от того же места сел на мель другой торговый корабль - "Золотая роща", на котором погибли доктор Стивенс и мистер Берроуз из Сент-Китса. Находившийся там же подполковник Росс спасся на берегу. Эти два судна ударились о часть Пассажного дома, почти в том же месте, где в 1763 году разлетелся на куски французский фрегат "Зенобия".

Но в четырех милях к западу, где, как уже говорилось, потерпела крушение "Катарина", картина бедствия была бесконечно больше. Вместе с ней, почти напротив деревень Флит и Чикерелл, ту же участь разделили два транспорта - "Пьемонт" и "Венера", а вскоре после них - торговое судно "Томас".

На борту "Пьемонта" находились сто тридцать восемь солдат 63-го полка под командованием капитана Баркрофта, а также лейтенант Эш и мистер Келли, хирург того же полка. Из всех этих людей в катастрофе выжили только сержант Ричардсон, одиннадцать рядовых и четыре матроса; все остальные погибли.

Жизнь капитана Баркрофта прошла на службе. Еще будучи совсем молодым человеком, он служил в Америке во время войны между Англией и ее колониями; попав в плен, он подвергся жестокому обращению. С началом войны, которая уже столько лет опустошает Европу, он собрал роту в своей родной стране и служил с ней на континенте во время кампании 1794 года. Под сильным огнем противника он был одним из последних, кто отступал с ней по единственному настилу, по колено в воде, от осады Нимегена. Через несколько месяцев после катастрофического отступления на континенте, зимой 1794 года, он получил приказ отправиться в Вест-Индию и в самом начале своего плавания погиб во время шторма.

Среди тех немногих, кто добрался до берега Пьемонта, почти не было тех, кто не был бы сильно ушиблен, а у некоторых были сломаны конечности. Несчастный ветеран 63-й бригады, несмотря на то, что его нога была сильно переломана, имел достаточно решимости, чтобы заползти в укрытие под рыбацкую лодку, которая лежала перевернутой на другом берегу. Там его стоны не были слышны, пока его не обнаружил молодой джентльмен, мистер Смит, пассажир корабля "Томас", который сам потерпел крушение и теперь бродил по берегу. На корабле "Томас", направлявшемся в Опорто, погибли хозяин, мистер Браун, его сын, и вся команда, кроме помощника, трех матросов и мистера Смита. Последний направлялся в Лиссабон, но его спасение объясняется главным образом тем, что он остался на борту после того, как все остальные покинули судно или были смыты волнами. Корабль дрейфовал высоко на берегу, когда он выпрыгнул из него и достиг земли.

Слабый и обремененный мокрой одеждой, он перебрался на противоположный берег, но, глядя на унылый пляж вокруг, решил, что его выбросило на необитаемый берег. Наконец он заметил рыбацкую лодку и, подойдя к ней, услышал стоны несчастного старого солдата, которому попытался оказать помощь. Но в одиночку он оказался не в состоянии выполнить свое намерение, и прошло немало времени, прежде чем он заметил поблизости какие-либо средства помощи. Наконец, заметив в некотором отдалении человека, он поспешил к нему, с нетерпением спрашивая, нельзя ли найти хирурга для бедного существа со сломанной конечностью, которое лежало под лодкой. Вероятно, мужчина не проявил особой расторопности, так как мистер Смит счел необходимым заручиться его добрыми услугами, подарив ему полгинеи, что, по его мнению, должно было побудить его к поискам того, что так необходимо. Но тот, с величайшим спокойствием рассовывая по карманам полгинеи, заявил, что он королевский чиновник и должен посмотреть, какие тюки с товарами везут на берег; затем он сказал мистеру Смиту, что в четырех милях отсюда есть паром, на котором он может добраться до Уэймута. Таким образом, юноша не выполнил свой гуманный замысел, и солдат умер в таком плачевном состоянии, не дождавшись никакой другой помощи.

На судне "Томас", к которому принадлежал мистер Смит, он стал свидетелем не менее печальных сцен. Мистера Брауна, хозяина судна, унесло огромной волной как раз в тот момент, когда он срывал с себя одежду, пытаясь спастись. Его сын, воскликнув: "О мой отец,

мой отец! Мой бедный отец!", мгновенно последовал за ним. Тела обоих были впоследствии найдены и погребены в Уайке.

Из девяноста шести человек, находившихся на борту "Венеры", спаслись только мистер Джон Дарли из госпиталя, сержант-майор Хирн, двенадцать солдат, четыре матроса и мальчик. Мистер Дарли спасся, бросившись с обломков судна в тот момент, когда оно дрейфовало высоко на камнях; он добрался до них без переломов конечностей, но, настигнутый яростным морем, был отнесен назад, однако не настолько далеко, чтобы он не смог вернуться на землю. Несмотря на тяжесть одежды и изможденное состояние, он добрался до вершины берега, но там силы на дальнейшие усилия уже не хватило, и он упал. Пока он лежал в этой ситуации, пытаясь восстановить дыхание и силы, мимо него прошло множество людей из соседних деревень; они переправились через Флит в надежде разделить грабеж судов, который низшие жители побережья слишком привыкли считать своим правом.

Мистер Дарли, по-видимому, был так далек от того, чтобы встретить помощь со стороны тех, кто грабит мертвых, не думая о живых, что, хотя он видел множество лодок, проходивших и проплывавших мимо воды Флота, ему было очень трудно найти проход для себя и двух или трех товарищей по несчастью, которые теперь присоединились к нему. Но, миновав их, он вскоре встретился с мистером Брайером, чьему активному человеколюбию все страдальцы были безмерно обязаны.

Прежде чем в Уэймуте узнали о всех масштабах этого ужасного бедствия, офицеры Ополчения Южного Глостера с не меньшей гуманностью придумывали, как лучше помочь оставшимся в живых и выполнить последние обязанности по отношению к останкам погибших. Утром 19 ноября один из них в сопровождении мистера Брайера из Уэймута отправился в деревни, где нашли временное пристанище те, кто спасся после кораблекрушений. В одном из домов в Чикерелле они обнаружили сержанта Ричардсона и одиннадцать рядовых 63-го полка; у двоих из них были переломаны конечности, а почти у всех остальных - раны или ушибы. В других домах пострадавшие были приняты и размещены с максимальным комфортом, насколько это позволяли обстоятельства.

Затем джентльмены переправились по воде через Флит к берегу, и там, какое бы представление о нем ни сложилось, ужас сцены превзошел все ожидания; ни одно знаменитое поле резни не представляло, пропорционально своим размерам, более ужасного зрелища, чем берег Чизелла, который предстал перед ними сейчас. На протяжении примерно двух миль он был усеян трупами людей и животных, кусками обломков и грудями награбленного добра, которые группы людей уносили, не обращая внимания на вид утонувших тел, наполнявших новых зрителей горем и изумлением.

На изуродованных останках несчастных жертв смерть представляла во всех своих отвратительных формах. То ли море, то ли люди, первыми сошедшие на берег, сняли с тел одежду, в которую были одеты страдальцы в роковую минуту. Остатки военной формы, напульсники, цвет рубашки или кусок синих панталон - вот и все, что осталось.

Единственным средством отличить офицеров было то, что их руки отличались от рук людей, привыкших к тяжелому труду; но некоторых можно было узнать по описанию, которое дали им их друзья или люди, находившиеся вместе с ними на судне. Останки капитана Баркрофта были опознаны по почетным шрамам, которые он получил на службе своей стране; друзья и родственники его и еще нескольких человек имели удовольствие узнать, что их тела были спасены из моря и погребены с воинскими почестями.

Рано утром 20 ноября лейтенант полка ополчения, назначенный руководить этой печальной процедурой погребения, отправился на место гибели. Но после необходимых предварительных процедур, связанных с получением разрешения магистрата на вынос тел, в тот день было похоронено не более двадцати пяти человек. Затем были отобраны тела капитана Баркрофта, лейтенанта Сазерленда, корнета Грейдона, лейтенанта Кера и двух женщин, которые были положены в гробы. На следующий день таким же образом были найдены тела лейтенанта Дженнера и корнета Бернса.

Общее число погибших, найденных на берегу, составило двести тридцать четыре человека, так что обязанность по погребению была настолько тяжелой и утомительной, что только двадцать третьего числа все солдаты и матросы были погребены. Их было двести восемь, и они были преданы земле настолько достойно, насколько позволяли обстоятельства, в могилах, вырытых на берегу Флита, за пределами досягаемости моря, где на каждой была воздвигнута груда камней, чтобы обозначить место, где они лежат. Двенадцать гробов были отправлены, чтобы получить тела женщин, но было найдено только девять, и дополнительные были назначены для получения останков офицеров.

Две повозки были отправлены на Флотскую воду, чтобы принять гробы, в которые были помещены тела семнадцати офицеров и девяти женщин, и 24-го числа были доставлены в церковный двор в Уайке в сопровождении капитана, субалтерна и пятидесяти человек из Глостерского ополчения, а также молодого джентльмена, о котором уже говорилось, и мистера Смита в качестве главного скорбящего. Офицеры были похоронены в большой могиле к северу от церковной башни с воинскими почестями, а лейтенант Кер - в могиле по другую сторону башни. Останки девяти женщин, которые во время церемонии были помещены в церковь, были преданы земле.

В память об этих несчастных были воздвигнуты два памятника, на первом из которых сделана следующая надпись:

Памяти капитана Амброуза Уильяма Баркрофта, лейтенанта Гарри Эша и мистера Келли, хирурга 63-го полка легкой пехоты; лейтенанта Стивена Дженнера из 6-го Вест-Индского полка; лейтенанта Стейнса из 2-го Вест-Индского полка и двухсот пятнадцати солдат, моряков и девяти женщин, погибших при кораблекрушении на Портленд-Бич, напротив деревень Лэнгтон, Флит и Чикерелл, в среду, восемнадцатого ноября 1795 года.

На втором памятнике выбита надпись,

Памяти майора Джона Чарльза Кера, военного коменданта госпиталей на Подветренных островах, и его сына, лейтенанта Джеймса Кера из 40-го пехотного полка, которые оба покинули эту жизнь 18 ноября 1795 года, первый в возрасте 40 лет, а второй - 14 лет.

Судьба обоих была поистине плачевной и является печальным примером неопределенности человеческих дел.

Они были посажены на транспорт "Венус" и покинули Портсмут 15 ноября вместе с флотом, полным войск, направлявшимся в Вест-Индию под командованием генерала сэра Ральфа Аберкромба.

17-го числа поднялся шторм, который продолжался до следующего дня, многие корабли погибли, а "Венера" потерпела крушение на Портленд-Бич.

Тело майора найти не удалось, хотя, возможно, оно находилось среди многих других, которые были вытащены на берег и похоронены в этом церковном дворе.

Тело его сына было найдено, и он покоится под этим камнем, который был воздвигнут его братом, Джоном Уильямом Кером, эсквайром.

КРУШЕНИЕ БРИТАНСКОГО КОРАБЛЯ "СИДНЕЙ", НА РИФЕ СКАЛ В ЮЖНОМ МОРЕ.

Корабль "Сидней" вышел из Порт-Джексона, на побережье Новой Голландии, 12 апреля 1806 года, направляясь в Бенгалию. Намереваясь пройти через пролив Дампира, она направила свой курс как можно ближе к пути капитана Хогана с судна "Корнуоллис", что, согласно картам, представлялось безопасным и легким проходом. Но 20 мая в час ночи мы наткнулись на опаснейшую скалу или отмель в 3 20 южной широты и 146 50 восточной долготы, и поскольку этот риф не отмечен ни на одной карте или схеме, похоже, что мы стали его несчастными первооткрывателями.

В воскресенье над тафрелем было 25 саженей воды, над трапом правого борта - шесть саженей; по правому борту - всего девять футов, а по носу - 12 футов. Одна из шлюпок была немедленно вытащена с якорем; но при прощупывании на расстоянии десяти саженей от корабля не удалось обнаружить грунт на расстоянии шестидесяти саженей.

Когда она ударилась, должно быть, была высокая вода, так как в это время не было видно ни рифа, ни волнореза; но когда вода спала, стала видна отмель с множеством небольших черных камней. Корабль сильно ударило, и он начал сдавать вперед. В три часа ночи в трюме было шесть футов воды, и она быстро увеличивалась; в пять часов судно стало заваливаться на корму, и его верхние борта разошлись с днищами.

Посоветовавшись с моими офицерами, мы пришли к единодушному мнению, что судно не подлежит восстановлению и никакие усилия не помогут его спасти. Поэтому мы заняли все руки, чтобы подготовить шлюпки к приему команды, которой было 108 человек. Восемь мешков риса, шесть бочек воды и небольшое количество соленой говядины и свинины были помещены в баркас в качестве провизии для всех; количество людей не позволило нам взять большой запас, так как трех лодок едва хватало, чтобы принять всех нас в целости и сохранности.

Мы оставались на "Сиднее" до пяти часов вечера двадцать первого мая, когда вода на палубе достигла трех футов; поэтому мы решили, что теперь самое время оставить корабль на произвол судьбы и искать спасения в лодках. Соответственно, я сел в баркас с мистером Тренсом, вторым офицером, и 74 ласкарами; мистер Робсон и мистер Халкерт с 16 ласкарами были на катере, а весельная шлюпка была предоставлена 15 голландским малайцам и одному сипаю.

Желая выяснить положение рифа, что можно было сделать, обогнув Адмиралтейские острова, мы взяли курс на них, держась севернее востока и наполовину восточнее. Ночью дул свежий ветер, и баркас набрал много воды, мы были вынуждены облегчить его, выбросив за борт много пиломатериалов и два бочонка с водой. Три шлюпки шли рядом, а баркас держал на буксире весельную лодку.

С рассветом я обнаружил, что куттер идет значительно лучше, и поручил мистеру Робсону взять весельную лодку на буксир. Но с наступлением утра ветер усилился, поднялась сильная волна, и в десять часов весельная лодка, взятая на буксир катером, затонула, а все

находившиеся на борту, числом 16 человек, погибли. Было горько наблюдать за судьбой этих несчастных людей, и тем более, что мы не могли оказать им ни малейшей помощи.

Острова Адмиралтейства мы увидели в полдень 22-го числа в трех-четыре лигах от нас, а поскольку мы прошли на лодках около пятидесяти восьми миль курсом север-северо-восток, положение отметили, о которую ударился "Сидней", было точно установлено, о чем будет сказано выше.

От Адмиралтейских островов мы продолжали идти на запад и двадцать пятого числа достигли небольшого острова, на котором, судя по его виду, я был вынужден высадиться в поисках запасов воды. Поэтому мистер Робсон, я и 20 наших лучших рабочих, вооруженных тяжелыми дубинками, привезенными из Новой Каледонии, (наше огнестрельное оружие было бесполезно из-за воздействия дождя) высадились на берег через сильный прибой, к крайнему изумлению жителей.

Насколько можно было судить, они никогда прежде не видели людей с таким цветом лица. Мужчины были высокими и хорошо сложенными, их волосы были заплетены в косы и подняты над головой; они не имели никакого сходства с малайцами или кафрами; за исключением цвета кожи, который был светло-медным, они имели форму и черты европейцев. Они были полностью обнажены. Мы также увидели несколько женщин, которые были хорошо сложены и имели мягкие и приятные черты лица.

На берегу нас встретили около двадцати туземцев, которые сразу же угостили каждого из нас орехом какао. Нам удалось дать им понять, что мы хотим воды, на что они сделали нам знак следовать за ними в глубь острова; пройдя около мили, они завели нас в густые джунгли, и, поскольку их число быстро увеличивалось, я счел неосмотрительным идти дальше. Вернувшись на берег, я с тревогой обнаружил, что там собралось 150 или более туземцев, вооруженных копьями длиной в восемь или десять футов. Один из них, старик почтенного вида, который, похоже, был их вождем, подошел и бросил свое копье к моим ногам, выразив, как я понял, желание, чтобы мы таким же образом расстались с нашими дубинками. Заметив в это время, что толпа женщин ухватила за кормовой форштевень куттера и пытается вытащить его на берег с помощью граблей, мы поспешно попытались забраться в лодку. Туземцы следовали за нами вплотную; некоторые из них направляли на нас копья, когда мы отступали, а некоторые бросали, но, к счастью, безрезультатно; нам показалось, что они очень неумело обращаются со своим оружием. Когда я вошел в воду, трое или четверо туземцев последовали за мной, угрожая бросить копья, а когда я оказался в пределах досягаемости лодки, один из них сделал выпад, которому помешал мистер Робсон, отбивший оружие. Когда мы сели в лодку и отчалили, они метнули не менее 200 копий, но ни одно из них не попало, за исключением одного, которое нанесло тяжелую рану моему повару, войдя прямо над челюстью и пройдя через рот.

Избежав этого опасного приключения, мы продолжили свой путь и добрались до пролива Дампира в настолько благоприятных обстоятельствах, насколько позволяло наше положение. Но ласкары, оказавшись в пределах досягаемости суши, стали с нетерпением ждать, когда их высадят на берег. Напрасно я убеждал их упрямствоваться; они не слушали доводов и выражали желание скорее встретить немедленную смерть на берегу, чем умереть от голода в лодках. Уступив их настойчивости, я в конце концов решил высадить их на северо-западной оконечности острова Серам, откуда они могли бы добраться до Амбойны за два-три дня. Находясь у этой части острова девятого июня, мистер Робсон вызвался высадить часть людей на катер, вернуться на баркас, а катер отдать в распоряжение той части команды, которая решит присоединиться к высадившимся первыми. Он сошел на

берег вместе с катером, но, к моему большому огорчению, после двух дней ожидания не было видно ни его возвращения, ни катера.

Мы пришли к выводу, что людей задержали либо голландцы, либо туземцы. Но поскольку оставшаяся часть ласкарцев желала высадиться, мы пристали к баркасу и высадили их на берег неподалеку от того места, где, как мы предполагали, катер высадил своих людей.

Теперь нас на баркасе было семнадцать человек: мистер Траунс, мистер Хэлкерт, я, 14 ласкаров и другие. Наш запас провизии состоял из двух мешков риса и одного бочонка воды, с которыми, как мы полагали, мы могли бы продержаться до Бенкулена, куда мы решили добраться наилучшим образом. На каждого человека мы положили по одной чайной чашке риса и пинте воды в день, но вскоре обнаружили, что необходимо значительно сократить расходы.

Проходя через пролив Бантам, мы встретили на своем пути несколько малайских буксиров, ни один из которых не обратил на нас внимания, кроме одного, который пустился в погоню на целый день и настиг бы нас, если бы мы не ушли под покровом очень темной ночи. Продолжая двигаться дальше, мы прошли через пролив Сайпай, где поймали большую акулу. Пойманный ценный трофей привел нас в восторг, и мы, не теряя времени, подняли его на борт; разведя огонь на дне лодки, мы принялись жарить его со всем усердием. Наш аппетит был настолько велик, что, хотя акула весила, наверное, 150 или 160 фунтов, к концу дня от нее не осталось и следа. Но на следующий день нас постигла жесточайшая болезнь желудка и кишечника, от которой мы сильно ослабли и стали вялыми и бездушными, так что теперь мы отчаялись в безопасности.

Второго июля я потерял старого и верного слугу, который умер от недостатка пропитания; а четвертого мы сделали голову Явы; в то же время поймали двух больших олуш, которые обеспечили все руки самой ценной и освежающей пищей. В полночь девятого мы подошли к Пуло-Пенангу, западному побережью Суматры; но при свете дня, когда мы попытались отдать якорь и подойти к берегу, мы были настолько истощены, что наших объединенных сил оказалось недостаточно, чтобы поднять его.

По сигналу бедствия сошел санпан с двумя малайцами, и, поскольку я был единственным человеком в баркасе, у которого хватало сил передвигаться, я сопровождал их на берег. Однако, высадившись на берег, я оказался настолько слаб, что упал на землю, и меня пришлось отнести в соседний дом. На баркас немедленно были отправлены провизия, которую удалось раздобыть, и мы так быстро набрались сил, что через два дня оказались в состоянии продолжить плавание. Снявшись с якоря 12 июля, мы отплыли и 19-го прибыли к острову Бенкулен.

Здесь я встретился со старым другом, капитаном "Персеверанса" Шове, чью доброту и человечность я навсегда запомнил и с благодарностью признал. На следующий день после прибытия я ждал мистера Парра, резидента, от которого я получил все необходимое внимание.

Покинув Бенкулен 17 августа на корабле "Персеверанс", я прибыл в Пенанг 27-го числа, где с приятным удивлением встретил моего покойного старшего помощника мистера Робсона, который вместе с ласкарами высадился в Кераме. Они благополучно добрались до Амбойны, где их принял голландский губернатор мистер Кранстун с гуманностью и доброжелательностью, которые делают честь его характеру. Он снабдил их всем необходимым. Мистер Робсон был размещен за его собственным столом, и, покидая Амбойну, он снабдил его деньгами для себя и своих людей, за сумму которых он отказался

взять какую-либо расписку или признание. Он также передал мистеру Робсону письма к генерал-губернатору Батавии, рекомендуя его к своим добрым услугам. Такое благородное поведение губернатора чужой страны, с которой мы находились в состоянии войны, не может быть слишком широко распространено. Из Амбойны мистер Робсон отправился на голландском фрегате "Паллас" в Батавию, который по пути туда был захвачен кораблями Его Величества "Грейхаунд" и "Харриет" и доставлен на остров Принца Уэльского.

Из Пенанга я отплыл в Бенгалию на корабле "Паруна", капитан Денисон, и благополучно прибыл в Калькутту в начале мая 1806 года.

ГИБЕЛЬ ТРАНСПОРТА "ГЕРЦОГ УИЛЬЯМ".

Транспорт "Герцог Уильям", которым командовал капитан Николлс, был оснащен им со всей возможной оперативностью в 1758 году и стоял в Спитхедде, получая приказы. Вскоре он направился в Корк под конвоем корабля "Йорк", чтобы доставить солдат в Америку, но при подходе к ирландскому побережью налетел густой туман, из-за которого он потерял корабль из виду, а поскольку в ту ночь и на следующий день начал дуть сильный ветер, он был вынужден отнестись к Уотерфорду. Когда он подошел к Креденхеду, были открыты пушки, чтобы найти лоцмана; однако ни одна из них не сработала, и капитан Николлс, не зная гавани, привел корабль наверх, хотя море было очень сильным. Наконец лоцман поднялся на борт, но транспорт сорвался с якоря, и, когда он встал под паруса, было уже почти темно. Пройдя некоторое время под передним парусом с тройным левым бортом и почти не видя земли, капитан Николс бросил якорь, а на следующее утро, к своему удивлению, обнаружил за кормой высокие скалы, так близко, что не мог отклониться ни на кабельтов - шпунтовый якорь был спущен ночью и был главным средством спасения; теперь спустили верфи и топмачты, подняли сигнал бедствия и выстрелили из многих пушек. С подветренной стороны подошла шлюпка, и человек в ней сказал, что если капитан Николс даст ему пятьдесят фунтов, то он поднимется на борт; получив обещание, он поднялся по кормовому трапу. Но когда он обнаружил, что корабль находится так близко к скалам, он заявил, что не останется на борту, чего бы это судно ни стоило. Однако капитан Николс сказал ему, что, будучи лоцманом, знакомым с гаванью, он должен остаться, и призвал людей в лодке поднять паруса, так как он собирается спустить судно на воду, что он и сделал. Тем временем лоцман был в величайшем смятении; но капитан сказал, что жаловаться бесполезно, и если, перерезав или пропустив тросы, он сможет отвести корабль в безопасное место, то готов это сделать. Лоцман ответил, что не может ни взять на себя управление, ни рискнуть провести его, так как, по его мнению, корабль будет на берегу и разобьется вдребезги о скалы, прежде чем отклонится от курса; а если отклонится, то на берег погиб большой французский ост-индеец, из-за чего канал очень узкий, а он не знает меток, чтобы провести корабль в стороне от обломков. Корабль теперь сильно кренился, и в воскресенье на берегу собралось множество людей, готовых разграбить его, если он налетит на мель. Капитан Николлс опасался, что при низкой воде корабль сильно накренится, но, к счастью, когда погода стала более умеренной, два английских фрегата, стоявшие в гавани, прислали свои шлюпки ему на помощь, и он, получив шлемофон, спасся от грозившей ему опасности, хотя и очень ненадолго.

Вскоре после этого герцог Уильям отправился в Корк, чтобы принять солдат, а оттуда с флотом транспортов отплыл в Галифакс, куда они прибыли в целостности и сохранности, и отправился осаждать Луисбург. Высадив войска, транспорты и часть военных людей, отправились в бухту Габарус, где адмирал разрешил капитанам первых высаживать своих

людей, больных, на небольшом полуострове, который они обязались защищать от врага. Четыре или пять сотен человек немедленно принялись за работу и прорыли ров шириной шесть футов и глубиной четыре фута через весь полуостров в качестве защиты от индейцев; они установили пушки, а также несколько вертлюгов на пнях деревьев, срубленных для этой цели. Затем были возведены хижины, разбиты сады, а вся земля расчищена и превращена в приятные беседки из отдельных кустарников и деревьев.

Здесь капитаны транспортов оставались некоторое время, в течение которого больные удивительным образом выздоравливали, а для излечения применялось замечательное средство, называемое земляной пот. Для этого в земле выкапывали яму, и, положив в нее голого человека, на несколько минут засыпали его землей до подбородка. Сначала земля казалась холодной, но быстро вызвала легкое потоотделение, которое излечивало расстройство. - Ни один человек не умер, прошедший через такое лечение.

После взятия Луисбурга остров Сент-Джон, расположенный у входа в залив Святого Лаврентия, капитулировал, а его жители должны были быть отправлены во Францию на английских транспортах. Поэтому они покинули полуостров, на котором закрепились жители, и после долгой непогоды, во время которой герцог Вильгельм перебил свой трос, и после утомительного перехода прибыли в Сент-Джонс, но не без того, чтобы весь флот оказался под угрозой кораблекрушения. Партия солдат развезла жителей страны по разным транспортам, и "Герцог Уильям", будучи самым большим, приказал священнику-миссионеру, который был здесь главным человеком, отправиться с капитаном Николлсом. По прибытии он попросил разрешения у других желающих вступить в брак, и последовало множество браков, поскольку преобладала идея, что всех холостых мужчин сделают солдатами.

Девять транспортов отплыли в компании: капитан Уилсон с лордом Ролло и несколькими солдатами и капитан Мур также с солдатами под конвоем военного шлюпа "Хинд"; остальные, будучи картежами, не имели возможности конвоировать. Судно капитана Мура погибло, проходя через гать Кансо, ударившись о затонувший камень, после чего солдаты, которых оно перевозило, были посажены на корабль капитана Вильсона, направлявшийся в Луисбург. Капитан Мур, его сын, помощник и плотник перебрались на корабль "Герцог Уильям".

Противоположные ветры заставили флот встать в гуте Кансо, где пленным французам разрешили часто выходить на берег и оставаться там всю ночь, разводя костры в лесу, чтобы согреться, а некоторые из них получили у капитана Николлса мушкеты для стрельбы по дичи, поскольку не боялись встречи с индейцами. Примерно через три часа после отплытия один из них прибежал обратно и умолял, ради Бога, чтобы капитан немедленно вернулся на борт со своими людьми, так как они встретили партию индейцев, которые спускались, чтобы снять с них скальп. Капитан Николлс с другими матросами и мастеровыми поспешно отплыл и едва успел подняться на борт, как индейцы достигли того места, которое они покинули. Таким образом, им едва удалось избежать убийства и скальпирования, если бы французы не оказались верными и не вмешалось Провидение.

Флот, вошедший в гуту Кансо, подвергся опасностям. В хорошую ночь некоторые транспорты работали в кишке, но капитан Николлс и капитан Джонсон с "Парнаса" бросили якорь вне ее.

Ночью поднялся сильный шторм, который усилился настолько, что капитан отпустил три якоря, но корабль выбросило на берег, и он погиб. Другой корабль, "Нарцисс", также снялся с якоря и был вынужден выброситься на берег, а большинство остальных получили повреждения. Когда погода немного успокоилась, капитан Николлс обнаружил, что все французские пленники, находившиеся на борту "Парнаса", выбрались на сушу и развели в

лесу большие костры из-за холодной дождливой погоды; присоединившись к ним, он сказал им, к их великой радости, что придет шлюпка, чтобы увезти их. Так он и сделал на следующее утро, и, обнаружив, что спасти корпус "Парнаса" невозможно, хотя к берегу подошло другое судно, с него было снято все, что стоило спасать, и в особенности одна из помп, которая была взята на борт "Герцога Вильгельма" на случай непредвиденных обстоятельств.

25 ноября 1758 года капитан Николлс отплыл из залива Кансо, ведя за собой шесть транспортов, при сильном бризе на северо-запад. Все капитаны договорились сделать лучший из своих путей во Францию и не заходить в Луисбург, так как это было плохое время года для плавания к этому побережью, а затем приняли проводы агента, который направлялся туда.

На третий день после выхода в море ночью разразилась буря; было темно и шел густой снег, и герцог Уильям расстался с тремя кораблями, а буря, продолжаясь, через день или два разлучила его с остальными. Тем не менее корабль оставался в хорошем состоянии, и, хотя море было горным, он шел по нему, как птица, и не набрал воды. 10 декабря капитан Николлс увидел парус, который оказался одним из транспортов, "Вайолет" капитана Саггета. Подойдя, он спросил, как обстоят дела на борту, на что капитан Саггет ответил: "В ужасном положении". На корабле было очень много воды, насосы засорились, и он очень боялся, что корабль утонет до утра". Капитан Николс умолял его не падать духом и сказал, что, если возможно, он останется с ним и даст ему насос, который он достал с "Парнаса"; он также сказал ему, что, поскольку шторм продолжается так долго, он надеется, что после двенадцати часов он утихнет. Однако, к несчастью, он скорее усилился, и, сменившись с вахты в двенадцать, он обнаружил, что быстро идет впереди "Фиалки", откуда, если он не укоротит парус, он не увидит ее до утра. Капитан Николлс посоветовался с капитаном Муром и матросом, что лучше предпринять, и все были единодушны в том, что единственное средство спасти людей на "Вайолет" - это держаться рядом с ней до тех пор, пока погода не утихнет, и убрать грот-шкот.

Поэтому грот-шкот "Герцога Уильяма" был поднят, а три помпы взяты наготове на случай необходимости. Запасную помпу спустили в люк и погрузили в пустой бачок, которых французы привезли на борт несколько штук для мытья. Все было готово, как для откачки, так и для спуска на воду, если это потребуется, и люди на транспорте считали себя защищенными от всех опасностей; теперь они верили, что "Виолетта" настигает их, и были рады, когда увидели ее совершенно спокойной около четырех часов дня.

Сменившись с вахты, они обнаружили, что судно по-прежнему крепко стоит на ногах и идет очень хорошо; плотник заверил капитана Николлса, что воды нет, чтобы забить помпу. Устав от долгого хождения по палубе, он решил спуститься вниз и выкурить трубку табака, чтобы скоротать время, и попросил помощника немедленно сообщить ему, если произойдут какие-либо изменения.

Доска, расположенная рядом с нижней частью насоса, была прибита, чтобы видеть, сколько воды в колодце; каждые полчаса, когда ударяли по шару, плотник спускался вниз. Поскольку до сих пор он не находил воды, капитан Николс чувствовал себя вполне комфортно в своем положении и, спустившись вниз, приказал мальчику-негру, который был у него в учениках, принести ему трубку с табаком.

Вскоре после того, как он набил и раскурил трубку, его сбросило со стула, когда он сидел в своей кают-компании, ударом, который корабль получил от ужасного моря; тогда он послал мальчика спросить у мистера Фокса, помощника, не смыло ли чего-нибудь. Мистер Фокс

ответил, что все благополучно, и он видел, что "Фиалка" быстро приближается. Капитан Николс, будучи сильно утомленным, решил попытаться подкрепиться небольшим сном и, не раздеваясь, лег на свою кровать. Но не успел он сомкнуть глаз, как пришел мистер Фокс и сообщил, что плотник нашел воду выше кильсона и что корабль, несомненно, дал течь; он немедленно поднялся и повел плотника за собой в трюм, где, к своему огромному удивлению, услышал страшный рев воды. При дальнейшем осмотре он обнаружил, что образовалась пробоина, и чем больше они пытались вдавить в нее что-либо, тем больше доска отходила от . Поэтому они вышли на палубу, чтобы подбодрить людей у насосов, сделав отметку мелом, чтобы определить, как вода набирается на них.

Капитан Николлс, считая ситуацию безвыходной, зашел во все каюты французов, умоляя их подняться; он сказал, что, хотя их жизни не угрожает опасность, их помощь желательна у помп, где она принесет наибольшую пользу. Они поднялись и с радостью согласились помочь. К этому времени уже рассвело, когда, к большому удивлению и беспокойству людей герцога Вильгельма, они увидели, что "Вайолет" лежит на широком боку на небольшом расстоянии, носовая часть судна сломана на стропах, фор-топ-парус поднят, а команда пытается освободить его от мизен-мачты; вероятно, она как раз в это время переломилась, уступив место носовой части судна. Налетел сильный шквал, продолжавшийся минут десять, а когда он утих, обнаружили, что несчастное судно пошло ко дну почти с четырьмя сотнями душ. Самые стойкие были потрясены этим событием, тем более что их собственная судьба, казалось, приближалась.

Были приготовлены все вышеупомянутые бадьи, сделаны сходни; французы помогали, а также женщины, которые вели себя на редкость решительно. Затем были открыты люки, и, поскольку вода быстро хлынула в трюм, наполненные ванны были вытащены и опорожнены на верхнюю палубу, где, благодаря трем постоянно работающим помпам и отбойнику, установленному в орудийной рубке, вылилось огромное количество воды. Шов не причинил бы им особого вреда, но конец шпангоута оказался выше их сил, хотя были испробованы все способы, которые могли считаться полезными. Спритсейл был простеган паклей и льном, а один из парусов верхнего галланта был подготовлен таким же образом, чтобы посмотреть, не попадет ли в течь какая-нибудь вещь, но все было тщетно.

В таком плачевном состоянии транспорт находился три дня; несмотря на все усилия людей, он был полон воды, и они ожидали, что он утонет каждую минуту. Они уже взяли весь запас спиртного и провизии. Теперь трюм был полон, и корабль плавал только на палубе за счет плавучести пустых бочек внизу, и около шести часов четвертого утра люди пришли к капитану Николлсу, заявив, что они сделали все, что было в их силах, что корабль полон воды, и что бесполезно выкачивать еще. Капитан Николлс признал истинность их слов; он сказал им, что не может желать от них большего, что они вели себя как храбрые люди и теперь должны уповать только на Провидение, поскольку не осталось никаких средств для спасения их жизней.

Затем он ознакомил священника с их положением, сообщил, что были приняты все меры для спасения корабля и жизни людей, но он ожидает, что палубы взорвутся в любой момент. Священник был ошеломлен этим известием, но ответил, что немедленно пойдет и даст своим людям отпущение грехов; "что он и сделал, - говорит капитан Николлс, - и я думаю, что невозможно представить более меланхоличную сцену, чем столько людей, здоровых, сильных и крепких, смотрящих друг на друга со слезами на глазах, оплакивая свое несчастное положение. Никакая фантазия не в силах представить, как отвлеченно бедные несчастные дети прижимаются к своим матерям, а жены нависают над мужьями, оплакивая свою несчастную судьбу... Шокирующая ситуация! Словами ее не описать".

Затем капитан Николс позвал людей спуститься вместе с ним в главный люк, чтобы осмотреть течь в трюме. Он сказал им, что они должны смириться со своей участью, и, поскольку они уверены, что выполнили свой долг, им следует покориться Провидению с благочестивой покорностью. Он прошел по палубе вместе с капитаном Муром, прося его придумать любое средство, чтобы спасти их от гибели. Со слезами на глазах капитан Мур заверил его, что не знает ни одной, поскольку все, что можно было придумать, уже использовано. Провидение, по мнению капитана Николса, побудило его предложить попытаться поднять шлюпки, чтобы случае появления корабля их жизнь была спасена, так как шторм был более умеренным. Но на это предложение капитан Мур ответил, что это невозможно, так как каждый будет стремиться забраться в них. Капитан Николлс, однако, был другого мнения, заметив, что, подвергаясь суровым испытаниям, матросы вели себя с необычайной решимостью и были очень послушны его командам, и он льстил себе, что все они будут продолжать в том же духе; и все понимали, что в случае, если корабль зацепится, мачты должны быть срублены, чтобы предотвратить его опрокидывание; тогда им будет не под силу поднять шлюпки. Тогда он созвал матросов, плотников и людей и предложил спустить шлюпки, одновременно объяснив им, что речь идет о спасении каждой души на борту, если это возможно, и объявив, что если кто-либо будет настолько опрометчив, что станет настаивать на том, чтобы сесть в них, кроме тех, кого он сочтет нужным, то их немедленно спустят на воду. Но все торжественно заявили, что его команды должны выполняться так же беспрекословно, как если бы корабль был в прежнем хорошем состоянии; таким образом, он подал пример, который редко можно найти.

Затем капитан Николлс отправился ознакомить главного заключенного на борту с тем, что ему предстояло сделать. Ему было сто десять лет, он был отцом всего острова Сент-Джонс, и на корабле у него было несколько детей, внуков и других родственников. Он сказал, что убежден, что капитан Николлс не совершит дурного поступка, так как на собственном опыте убедился, как заботился он о нем и его друзьях, и какие усилия прилагал для спасения корабля и их жизней; поэтому они готовы помочь во всем, что он предложит. Капитан Николлс заверил его, что не оставит их, но будет иметь равные шансы; это, по его мнению, единственное средство спасти их жизни, если Провидению будет угодно послать какой-нибудь корабль им на помощь, и их долг - использовать все предоставленные им средства.

Затем он спросил мистера Фокса и плотника, готовы ли они рискнуть сесть в баркас, на что они смело ответили утвердительно, так как погибнут ли они на месте или в миле или двух дальше - вопрос малозначительный, и, поскольку, если они останутся, им не грозит ничего, кроме смерти, они охотно предпримут эту попытку. Капитан Мур, плотник и помощник также охотно согласились на его предложение отправиться в катер.

Соответственно, рубка была переброшена через борт, и корабль, лежавший довольно тихо, перерезал снасти, когда он очень хорошо опустился в воду, и пентер поднял его. Затем они принялись за работу с баркасом, и, когда рассвело, они воспрянули духом, поскольку льстили себе, что, если Богу будет угодно послать корабль, в их силах спасти все свои жизни; погода теперь была гораздо более умеренной, чем раньше.

Матрос и плотник срезали полозья, баркас упал в воду так же хорошо, как и куттер, и, закрепив его надлежащим образом, поднял на поверхность.

На грот- и фор-мачтах были расставлены люди, чтобы высматривать парус, когда, к неописуемой радости всех присутствующих на борту, человек на грот-топмачте закричал, что видит два корабля прямо за кормой, идущих за транспортом. Капитан Николлс сообщил эту радостную весть священнику и пожилому джентльмену, и тот, взяв его на руки, заплакал

от радости. Капитан приказал поднять мичман на обтекатели грот-топмачты, а пушки подготовить к стрельбе. Погода была очень туманной, и корабли, когда их обнаружили, находились на небольшом расстоянии; всякий раз, когда транспорт подавал сигнал бедствия, они показывали английские цвета и казались вест-индскими кораблями, примерно в три или четыре сотни тонн.

Капитан Николлс продолжал грузить и стрелять как можно быстрее, когда заметил, что оба корабля переговариваются друг с другом, и, поставив передний и верхний паруса, они подняли ветер и отошли. Полагая, что размеры его корабля и наличие на его борту стольких людей, а также то, что это было время войны, могут вызвать недоверие, он приказал срубить грот-мачту, чтобы не вводить их в заблуждение. На шпангоутах были расставлены люди, чтобы в случае необходимости отрезать их; но один из шпангоутов, не будучи должным образом отрезан, задел грот-мачту и заставил ее упасть прямо на шлюпки. Капитан Николлс поспешно побежал на корму и срезал пентеры обеих шлюпок, иначе они были бы разбиты на куски и немедленно затонули. Ужасно было рубить то, что могло быть единственным средством спасения жизни людей, и в то же время видеть, как корабли так подло покидают их. Никакие слова не могут передать их бедственное положение: от величайшей радости они дошли до крайнего отчаяния, и смерть теперь казалась еще более ужасной. На брашпиле висел только передний парус, а брасы обоих пентерсов, ставшие бесполезными из-за падения грот-мачты, и верфи, летавшие взад-вперед из-за качки корабля, внушали опасения, что он немедленно опрокинется. Корабль удалялся от лодок, пока они не остались в пределах видимости; обнаружив, что они не предпринимают никаких попыток присоединиться к нему, хотя у каждого из них были весла, фор-мачта и передний парус, капитан Николлс посоветовался с боцманом, что лучше всего предпринять в их опасном положении. Он сказал, что, по его мнению, они должны во что бы то ни стало привести судно в порядок, хотя и признал ужасной альтернативой опасность его опрокидывания; боцман согласился, что это крайне опасно, так как судно очень хорошо управлялось. Однако капитан Николс, увидев, что люди в шлюпке не пытаются присоединиться к нему, позвал людей на корму и сообщил им о своем решении. Они ответили, что ситуация отчаянная, как и их состояние, но они готовы сделать все, что он сочтет нужным. Но капитан Мур, похоже, был категорически против. Тогда капитан Николлс ознакомился со старым джентльменом, священником и остальными людьми, которые с радостью заявили, что пусть последствия будут такими, какими они могут быть, они должны быть довольны, он действовал из лучших побуждений, и все смирились с последствиями.

Поэтому он приказал приставить людей к каждому носовому савану, а одного с топором - к фор-мачте, чтобы срубить ее, если эта мера окажется необходимой. Однако, по его собственным словам, в это время он находился в ужасном положении, думая о том, что эта альтернатива, хотя, по его мнению, и правильная, может стать средством отправки в вечность почти четырехсот душ. Однако Всевышний наделил его решимостью упорствовать, и он отдал приказ привести корабль к цели. При вытаскивании мизена, который был сильно потрепан, он сломался; тогда для приведения корабля в порядок был согнут новый стаксель, что дало желаемый результат через некоторое время, так как сильное море, налетевшее на правую четверть, вызвало опасение, что придется рубить мачту. Когда люди на яле увидели, что корабль лежит к ним, они подняли фор-мачту и побежали на борт, держа листы в руках из-за ветра; и как только они прибыли, несколько человек были посланы грести на помощь баркасу. Вскоре они присоединились к ней, подняли фор-мачту, поставили парус, как это сделал и куттер, и, к великой радости всех, благополучно добрались до корабля.

Как только шлюпки подошли, люди у форштевня воскликнули: "Парус! Парус!", и капитан решил, что лучше оставить корабль лежать, так как, увидев, что грот-мачта убрана, можно было понять, что он терпит бедствие. Погода была туманной, и он не мог видеть на большом расстоянии, но вскоре странное судно оказалось достаточно близко, чтобы можно было разглядеть и услышать его пушки. Она едва успела поднять свои датские флаги, как лист грот-топсейла опустился; заметив это, капитан Николс, сообразив, что грот-топсейл должен быть поднят, и она придет ему на помощь, немедленно сообщил священнику и остальным добрую весть. Бедные заблуждающиеся люди, они обнимали его, называя своим другом и хранителем; но, увы, радость была недолгой, потому что, как только датчанин завязал узлом или скрепил полотнище топа, она отошла и покинула их. "Какое перо способно, - говорит капитан Николлс, - описать отчаяние, царившее на корабле!" Бедные несчастные люди, сжимая руки, кричали, что "Бог оставил их".

Было уже около трех часов пополудни; капитан Николлс завел судно, которое очень хорошо несло и неплохо управлялось по ветру.

Примерно через полчаса после этого старый джентльмен подошел к нему в слезах и, взяв его на руки, сказал, что пришел по желанию всего народа просить, чтобы он и его люди постарались спасти их жизни в лодках, а поскольку их недостаточно, чтобы нести больше, они ни в коем случае не будут соучастниками их гибели; они были убеждены всем своим поведением, что сделали все возможное для их спасения, но что Бог Всемогущий предписал им погибнуть, хотя они верили, что он и его люди благополучно доберутся до берега. Такая благодарность за то, что они лишь исполнили свой долг, пытаясь спасти жизни пленников и свои собственные, поразила капитана Николлса; он ответил, что надежды на жизнь нет, и поскольку все отправились в одно и то же несчастное плавание, то и шанс у всех одинаковый. Он считал, что они должны разделить одну и ту же участь. Старый джентльмен сказал, что этого не должно быть, и если он не ознакомит своих людей с этим предложением, то будет отвечать за их жизни. Капитан рассказал об этом капитану Муру и людям. Они сказали, что с величайшим удовольствием остались бы, если бы можно было придумать что-нибудь для сохранения остальных; но это невозможно, и они не откажутся выполнить их просьбу. Тогда люди, поблагодарив их за великую доброту, со слезами на глазах поспешили спуститься по кормовому трапу.

Когда лодки оказались в море под бортом корабля, те, кто шел последним, бросились вниз и были пойманы людьми в лодке. Капитан Николс сказал им, что верит в их честь, что они не оставят его, так как он твердо решил не покидать корабль до наступления темноты, надеясь, что Провидение все же пошлет им что-нибудь на помощь; все заверили его, что он не должен быть покинут.

У него на борту был маленький норвежский мальчик, которого никакие уговоры не могли убедить войти в лодку, пока он сам не сделает этого; но поскольку уже темнело, он настоял на том, чтобы мальчик пошел, сказав, что немедленно последует за ним. Мальчик послушался и полез на кормовой трап, когда француз, которого страх смерти побудил оставить жену и детей, перелез через поручни и наступил норвежцу на пальцы. Мальчик громко закричал, что навело капитана Николлса на мысль о том, что кому-то угрожает опасность, и, отправившись туда вслед за старым джентльменом, они, к своему удивлению, обнаружили, что мужчина, у которого на борту были жена и дети, пытается спастись. Пожилой джентльмен, назвав его по имени, сказал, что ему очень жаль, что он оказался настолько низок, чтобы бросить свою семью. Похоже, ему стало стыдно за свой поступок, и он вернулся через поручни. К этому времени люди на лодке умоляли капитана прийти, так как удары, которые она получала из-под борта, могли потопить ее.

Капитан Николс, видя, что священник в сильном волнении протягивает руки через поручни и, видимо, сильно опасается смерти, спросил его, готов ли он рискнуть в лодке. Тот ответил утвердительно, если есть место; узнав, что оно есть, он немедленно пошел и дал людям свое благословение, а после приветствия старого джентльмена надел свою коническую рясу и покинул судно. Капитан Николлс отсалютовал ему тем же и еще несколькими людям, а затем покинул их, молясь за его безопасность.

Войдя в лодку, он велел матросам бросить ее на дрейф; было очень темно, и ни луны, ни звезд не было, чтобы направить их. "Какое ужасное положение!" - восклицает он, - "нас было двадцать семь человек в баркасе и девять в куттере, без еды и питья". Не зная, на каком расстоянии они находятся от английского берега, они решили держаться как можно ближе к кораблю.

Начался сильный ветер со снегом и дождем; люди до крайности устали, так долго работая у насосов, и, просидев на сырости и холоде, начали жалеть, что не остались на корабле и не погибли, так как теперь их ждала томительная смерть. Любой из вариантов был ужасен. Лишенные провизии, они, скорее всего, должны были по жребию пожертвовать одним из них, чтобы сохранить жизнь остальным; и их мрачное положение, вызывая самые ужасные предчувствия, заставляло их предчувствовать самое худшее.

Лодки начали наполняться водой, но люди отказывались спускать их под воду, так как находились в состоянии крайнего изнеможения и, не спав четыре ночи, уже не верили в свою судьбу. Капитан Николлс все же уговорил их освободить баркас от воды.

При сильном шторме они вскоре удалились от своего злополучного корабля на значительное расстояние, когда, к их большому несчастью, в десять часов утра наступил полный штиль. Это повергло людей в отчаяние, их мужество стало падать, и, поскольку они не могли рассчитывать прожить столько, чтобы добраться до суши, смерть, казалось, снова смотрела им в лицо.

Через некоторое время после того, как эта неудачливая партия покинула корабль, четверо французских пленников спустили за борт небольшую весельную лодку, которая еще оставалась, с двумя маленькими веслами и поплыли к ней; как только они покинули судно, его палубы взорвались с грохотом, как от выстрела. Судно затонуло в океане, и триста шестьдесят человек погибли вместе с ним.

Капитан Николлс, заметив, что вода окрасилась, спросил, нет ли у них бечевки, на что один из них дал ему клубок из своего кармана; они сбили болты с колен баркаса, чтобы сделать глубоководный свинец, и, нащупав его, обрадовались, обнаружив всего 45 саженей воды. Но люди сильно жаловались на голод и жажду, и капитан Николс с сожалением сообщил им, что у него нет ничего, что они могли бы съесть или выпить, но при этом призвал их держаться с мужественной решимостью, поскольку, судя по их промерам, они находятся недалеко от острова Скилли, и он не сомневается, что, если прояснится, они увидят землю.

Маленький норвежский мальчик, который всегда держался рядом с капитаном, теперь сказал, что у него есть хлеб, и, когда он достал его из груди своей рубашки, оказалось, что он похож на тесто для пекарни; однако это был хлеб, и очень вкусный. Все это могло составить около четырех фунтов, и капитан Николлс, положив их в шляпу, раздал поровну, призвав тех, кто был на яле, получить свою долю. Но вместо облегчения она усугубила их беды, так как, будучи мокрой и липкой, она прилипала к губам, а смыть ее было нечем. У мистера Фокса было также немного пряности, которая оказалась бесполезной: порезав ее на кусочки, люди

проталкивали ее в горло, отчего выделялось немного слюны, и таким образом она проглатывалась.

Около полудня на юго-западе поднялся легкий ветер. На каждой лодке были фор-мачта, фора и весла; но из-за того, что лодки зацепились за грот-мачту, все весла, кроме двух, были смыты. Капитану Николлсу в ответ на его расспросы о шуме среди команды сказали, что двое матросов спорят из-за пары одеял, которые один из них принес с корабля. Он приказал выбросить эти одеяла за борт, чтобы они не разжигали ссоры, так как в их несчастном состоянии не время для споров. Но, поразмыслив, он пожелал, чтобы их принесли ему, и решил применить их на практике, превратив каждое в грот. Поэтому одно весло было установлено для грот-мачты, а другое сломано на ширину одеяла в ярд. Люди на куттере, наблюдая за тем, что делается на баркасе, превратили в грот гамак, который был у них на борту.

В четыре часа пополудни прояснилось, и искатели приключений заметили в двух милях от себя бриг, которому капитан Николлс приказал пустить катер в погоню, так как он, будучи легче баркаса, скорее поднимется и даст знать о своем бедствии. Но бриг, увидев лодки по курсу, сразу же отстал от них, как предположил капитан Николлс, из-за их странного вида. Поскольку в то время шла война, их, вероятно, приняли за французские люгсейл-боты, которые часто встречались у берегов Скилли. Однако катер быстро настигал бриг, когда, пройдя около половины пути, наступил густой туман, и ни бриг, ни катер больше не были видны с баркаса.

Наступила ночь, а погода по-прежнему оставалась туманной, и люди, почти мертвые от недосыпания, улеглись, сидя наполовину в воде, так как для стольких людей невозможно было найти места. Капитан, опасаясь за их жизнь и свою собственную, старался не сомкнуть глаз, хотя уже пятую ночь не отдыхал. Около одиннадцати часов, когда все, кроме рулевого и его самого, уже спали, ему показалось, что он видит землю. Но он твердо решил не называть землю, пока не убедится, что это так. Он сжал веки, чтобы дать воде вытечь из глаз, так как они были очень тусклыми.

Ему снова показалось, что он видит землю, и он убедился, что его не обмануть. К этому времени человек у руля уснул, и он сам взялся за румпель. Прошло еще некоторое время, прежде чем он стал беспокоить кого-либо, но наконец он разбудил капитана Мура, сказав ему, что ему показалось, что он видит землю. Капитан Мур лишь ответил, что они больше никогда не увидят землю. Затем капитан Николлс разбудил мистера Фокса, который крепко спал и выглядел вполне отдохнувшим. Он тут же закричал, что они находятся недалеко от суши и вплотную приближаются к волнорезам. Повезло, что его разбудили, иначе капитан Николлс, будучи совершенно не знакомым с ними, был уверен, что все на борту погибли бы.

При слове "земля" все проснулись, и с некоторым трудом лодка оторвалась от скал. Сначала не удавалось определить точную часть английского побережья, но, по мере того как оно с каждым мгновением все больше и больше прояснялось, капитан Николлс, взглядевшись под лихву полотняного грота, различил гору Святого Михаила в Маунтс-Бей. Лодка не могла зайти на сушу вблизи Пензанса, и, поскольку у нее не было весел, было решено не огибать Лизард и не идти на Фалмут, а смело направить ее к берегу, в каком бы месте она ни оказалась. Ночь выдалась прекрасная, и, обогнув точку, люди обнаружили, что вода очень гладкая; держа лодку близко к ветру, они прошли между Пензансом и точкой.

Их радость от того, что они оказались в столь благоприятной ситуации, не поддается описанию; это придало им новые силы и жизнь. Те, кто был впереди, воскликнули, что

впереди две скалы; капитан Николлс поспешил вперед, и, когда зрение пришло в норму, он провел лодку между ними, не касаясь земли, и через некоторое время вытащил ее на песчаный берег.

Моряки спрыгнули в воду и вынесли священника и капитана на берег. Первый, опустившись на колени, произнес короткую молитву, а затем, подойдя к капитану Николсу, обнял его и назвал своим хранителем, сказав, что спас его от смерти.

Оставив лодку в таком виде, все направились в город Пензанс. Но некоторые из людей, промокшие во сне, были настолько разбиты, что едва могли передвигаться; а сам капитан Николс утверждает, что с того момента, как корабль дал течь, и до этого часа у него не было ни сна, ни еды. Однако, наткнувшись по дороге в Пензанс на запруды с пресной водой, все оживились, от души напившись ее.

Добравшись до города около трех часов утра, они зашли в таверну, где увидели свет, и, поскольку это был базарный день, хозяйка дома еще не спала. Когда капитан Николс вошел через незапертую дверь, она раздевалась, стоя спиной к огню, свет которого он видел, и, сильно встревожившись, закричала: "Убийцы! Воры!"

Появление двадцати семи человек в столь неурочный час, конечно, было достаточно, чтобы вызвать опасения, особенно если учесть, в каком состоянии они находились. Но капитан, пытаясь успокоить ее, попросил позвать мужа или слуг, так как они потерпели кораблекрушение, и дать им немного подкрепиться. Хозяин вскоре пришел, и, снабдив их провизией, люди улеглись в те кровати, которые там были, а остальные спали на полу у огня.

На следующее утро капитан в сопровождении священника отправился к мэру города, чтобы подать протест нотариусу и узнать, сможет ли он получить кредит, поскольку и он, и люди нуждались во всем необходимом, а до Лондона было много миль. Мэр принял его любезно, но сказал, что он не купец и никогда не снабжал людей в таком состоянии, как он, деньгами, но если ему будет угодно, он пошлет с ним слугу к мистеру Чарльзу Лэнгфорду, купцу, который обычно снабжает хозяев терпящих бедствие судов предметами первой необходимости. Мистер Лэнгфорд принял капитана Николлса вежливо, но, отвечая на его просьбу о кредите, сказал, что он принял решение не давать в долг людям, которым он совершенно незнаком, так как недавно его обманул один такой человек; и, хотя его корабль, судя по лодке, которая пристала к берегу, мог быть большим, он, капитан, мог не иметь к нему отношения, и, поскольку ему нужно много денег, он должен просить, чтобы его извинили. - Капитан Николс ответил, что он частично владеет кораблем, и мистер Лэнгфорд может быть уверен, что его векселя будут должным образом оплачены. Однако он сказал, что не может этого сделать.

Огорченный капитан Николс вернулся в трактир, куда уже прибыли несколько торговцев, чтобы снабдить людей одеждой и другими предметами первой необходимости. Он сказал последним, что не может получить кредит, но что они должны ехать дальше, до Эксетера, где он уверен, что получит помощь, что было очень нежелательной новостью, так как большинство людей нуждались в обуви. Капитан попросил хозяина постоялого двора принести им завтрак, но тот попросил прощения и пожелал узнать, если капитан не может получить кредит, как ему заплатить. Капитан Николс был в полной растерянности; получив отказ и в кредите, и в еде, он решил заложить или продать свое кольцо, часы, пряжки и пуговицы. Соответственно, вернувшись к мистеру Лэнгфорду, он попросил дать ему за эти вещи столько, сколько он сочтет нужным. Он снял кольцо с пальца, часы из кармана и со слезами на глазах собирался снять пряжки с ботинок, но мистер Лэнгфорд помешал ему, сказав, что он должен отдать столько, сколько пожелает, поскольку считает его честным

человеком и видит, что беда его людей трогает его больше, если это возможно, чем его собственные несчастья. Затем он дал столько денег, сколько требовал капитан.

Во время этих операций прибыли второй помощник и восемь человек с катера. Они рассказали, что струя была такой густой, что они не могли подойти к бригу, за которым гнались, и что, увидев, что ландс-энд рассеялся, они выбрались на берег. Поскольку никто не хотел покупать куттер, они бросили его и стали искать дорогу в Пензанс, где, попав в тяжелое положение, обрадовались встрече с товарищами.

Капитан Николлс отправился в трактир и выплатил причитающееся; из-за недоброжелательности, которую он испытал, он решил больше не оставаться и отправился завтракать в другой дом. Затем он закупил все необходимое для своих людей, а потом отправился со своими товарищами заявить протест. Но, не желая, чтобы заявление исходило из его собственных уст, сын мистера Лэнгфорда выступил в роли переводчика для французского священника, который должен был его сделать. Священник, соответственно, дал сильные и полные показания, что капитан Николлс и его люди испробовали все средства, чтобы удержать корабль над водой; что они французов все время, пока те были на борту, с величайшей добротой и человечностью, и что капитан Николлс расстался с ними с величайшей неохотой, и даже по их собственному желанию пошел в лодку, после того как все надежды на жизнь исчезли.

Пробыв в Пензансе еще один день, чтобы подкрепиться и получить желаемое, капитан Николлс, капитан Мур и офицеры отправились в карете в Эксетер, а люди, получившие пропуск от мэра, пошли пешком. В Редруте, городе в Корнуолле, находилось много французских офицеров, условно освобожденных, а также английский комиссар. Капитан Николлс сопровождал священника к последнему в поисках пропуска в Фалмут, чтобы тот мог отправиться в первой же карете во Францию; здесь же он и расстался с ним.

Добравшись до Лондона, капитан Николлс был вынужден пройти обследование в Адмиралтействе и Военно-морском ведомстве по поводу гибели людей и корабля, так как он был транспортом на службе правительства. Лорды Адмиралтейства и комиссары флота сказали ему, что он может сказать больше, чем кто-либо из живущих, поскольку он свел на берег первого человека Франции, священника, разумеется, врага их религии и страны: если бы его поведение не было хорошим, он бы не пытался это сделать; но в то же время они признали, что без такого доказательства они не могли бы поверить, но, обнаружив, что все надежды пропали, он и его люди ушли с помощью какой-то хитрости. Они заплатили, по их словам, до того часа, когда корабль затонул, и очень сожалели, что не могут сделать больше.

Четверо вышеупомянутых французов, покинувших транспорт в маленькой лодке после ухода капитана Николлса и его людей, добрались до Фалмута в течение двух дней.

Так закончилось это ужасное и злополучное плавание с гибелью прекрасного корабля и трехсот шестидесяти человек.

КОММОДОР БАРНИ.

Ни один из старых тритонов, прошедших свой штиль под носом баркаса, не мог бы сказать о Джошуа Барни, что он пришел на место капитана через окна каюты. Он начал с самых азов и хорошо усвоил эту науку. Все его пристрастия были связаны с морем.

Оставив счетную палату, юный Барни в возрасте двенадцати лет был отдан на обучение морскому делу в лоцманскую лодку в Балтиморе, где стал подмастерьем своего шурина. В четырнадцать лет он был назначен вторым помощником с одобрения владельцев, а до шестнадцати лет его призвали принять на себя командование кораблем в море, на котором умер хозяин. Это было во время плавания в Ниццу. Корабль был в таком состоянии, что едва смог добраться до Гибралтара, где для необходимого ремонта он заложил его за 700 фунтов стерлингов, которые должны были быть выплачены получателем в Ницце, но тот отказался и призвал на помощь губернатора, чтобы заставить Барни отдать груз, что тот отказался сделать. Его заключили в тюрьму, но отпустили на свободу, намекнув, что он сделает все, что от него хотят, но когда он поднялся на борт, то снял свой флаг и убрал команду, решив считать свое судно захваченным. Затем он отправился в Милан, чтобы обратиться за помощью к британскому послу, что удалось ему настолько хорошо, что власти Ниццы встретили его по возвращении, чтобы извиниться за свое поведение. Цессионарий выплатил залог, и Барни отплыл в Аликант, где его судно было задержано для использования великой армадой, отправлявшейся в то время против Алжира, судьбой которой стало полное и позорное поражение. По возвращении домой его наниматель был так доволен его поведением, что с тех пор стал его твердым другом.

Вскоре он предложил себя в качестве второго помощника на борту десятипушечного шлюпа "Хорнет", одного из двух судов, готовившихся тогда к походу под командованием коммодора Хопкинса, поскольку дело происходило в самом начале революции. Шлюп столкнулся с британским тендером, который мог бы захватить, если бы не робость американского капитана. Тендер, приняв за врага, бросился наперерез и подверг себя большой опасности. Барни стоял у одного из орудий, когда враг приблизился, и уже собирался применить спичку, когда смелый командир приказал ему остановиться. Барни, чей дух восстал против такого повода, бросил спичечный коробок в капитана с такой силой, что железное острие застряло в двери круглого дома. Это, в молодости, когда ему не было семнадцати, говорило о его драчливости. По окончании этого плавания он добровольно вступил на борт шхуны "Оса", на которой вскоре столкнулся с "Роебуком" и другим фрегатом, и с помощью нескольких галер, которыми он командовал, враг был вынужден отступить, понеся больше потерь, чем чести. За хорошее поведение в этом деле Барни был назначен командиром шлюпа "Сачем" с присвоением звания лейтенанта еще до того, как ему исполнилось семнадцать лет.

Однако перед началом плавания капитан Робинсон принял командование "Сачем", который вскоре вступил в бой с превосходящим его по силе и численности марком. Бой проходил в упорной борьбе, и почти половина экипажа брига была убита или ранена. Захватчики получили ценный приз - груз рома, а также великолепную черепаху, предназначенную в подарок лорду Норту, чье имя было написано на панцире. Эту приемлемую вест-индийскую черепаху лейтенант Барни подарил более достойному человеку, чем тот, для кого она предназначалась, - он отдал ее почтенному Р. Моррису. По возвращении "Сахема" оба офицера были переведены на прекрасный бриг из четырнадцати пушек "Эндрю Дориа", который сразу же захватил судно "Рейсхорс" из двенадцати пушек и набранной команды. Это судно принадлежало к Королевскому флоту и было выделено адмиралом специально для захвата "Дориа".

Во время этого плавания был захвачен снегоход, на котором лейтенант отправился в качестве призового мастера, составив команду частично из пленных. Оказавшись на неприятельском корабле, он обнаружил признаки мятежа среди своей команды и выстрелил главарю в плечо; это так мало ободрило его товарищей, что они подчинились приказу и отплыли, но бежать было уже поздно. В другой раз комендор фрегата, захватившего его в

плен, был настолько возбужден, что ударил Барни, который сбил его с ног, и пошел дальше в своем негодовании, чем позволяет честный бой, - он сбил его ногой с трапа. Командир заставил коменданта извиниться перед Барни. Попав в плен на фрегате "Вирджиния", который сел на мель у мысов и был покинут своим командиром, Барни вместе с пятьюстами другими пленными был отправлен на фрегате "Сент-Олбанс" в Нью-Йорк. Поскольку пленников было вдвое больше, чем экипажа, Барни разработал план захвата корабля, который был разрушен или предотвращен вероломством одного из французов.

Барни пробыл в плену в Нью-Йорке пять месяцев, после чего принял командование шхуной из двух пушек и восьми человек с грузом табака для Сент-Эстатиа, поскольку ему было приятнее делать немного, чем ничего не делать. Однако после упорного боя он был взят на абордаж капером с четырьмя большими пушками и шестьюдесятью людьми. Следующее плавание он совершил вместе со своим другом Робинсоном на частном судне с десятью пушками и тридцатью пятью людьми, в котором они столкнулись с британским капером Rosebud с шестнадцатью пушками и ста двадцатью людьми. На обратном пути был захвачен капер с шестнадцатью пушками и семьюдесятью людьми. У лейтенанта было достаточно призовых денег, чтобы по возвращении превратить их в большую пачку континентальных банкнот, которые он спрятал в фаэтоне, отправляясь в путешествие, но которые не смог найти, когда прибыл в пункт назначения. Однако он сохранил свой секрет и "снова вышел в море", вторым командуя кораблем Соединенных Штатов "Саратога" с шестнадцатью девятифунтовиками. Первым призом стал корабль с двенадцатью пушками, захваченный после боя, длившегося несколько минут.

На следующий день "Саратога", подняв английские флаги, подошла к кораблю, на котором стояли два брига, и, подняв американский флаг, открыла огонь на поражение, а лейтенант Барни с пятьюдесятью людьми взял врага на абордаж. В результате был захвачен корабль с тридцатью двумя орудиями и девятьюстами человек. Два брига, один из которых имел четырнадцать, а другой - четыре пушки, также были захвачены. Раздел призовых денег сделал бы офицеров богатыми, но никакого раздела не произошло, так как все корабли, кроме "Саратоги", были захвачены семьдесят четвертым и несколькими фрегатами. Лейтенанту Барни предоставили койку и постель на палубе, причем для него койка и постель были синонимами, но ему разрешили выбрать самую мягкую доску, которую он мог найти. В Англии его заключили в тюрьму, из которой он сбежал и после различных приключений прибыл в Беверли, штат Массачусетс, и, как только высадился на берег, получил предложение командовать капером с двадцатью пушками. По прибытии в Филадельфию он принял командование одним из нескольких кораблей, крейсировавших против вражеских барж и лодок беженцев, которые заполонили реку и залив Делавэр. Его кораблем был "Хайдер Элли", небольшое судно с шестнадцатью шестифунтовыми пушками. Когда приближалось превосходящее судно противника, Барни приказывал своему штурману интерпретировать его команды по правилу противоположностей.

Когда враг оказался рядом, Барни крикнул: "Сильно в порт". Рулевой переложил штурвал в другую сторону, и вражеский кливер-бум зацепился за носовой такелаж, удерживая судно в положении для заграбления, и никогда операция заграбления не была выполнена более внезапно и эффективно. Британский флаг был спущен менее чем через полчаса, и захватчики не стали задерживаться для комплиментов, так как фрегат противника быстро приближался. Призом оказался "Генерал Марле" Королевского флота с двадцатью девятифунтовыми орудиями и ста тридцатью шестью людьми, что почти вдвое превосходило силы и металл захватчиков. После заключения мира коммодор Барни частично поселился в Кентукки и стал любимцем старых охотников этого приятного края. Он был назначен

секретарем окружного суда штата Мэриленд, а также аукционистом. Он также занимался торговлей, когда во время мятежа его дела привели его на мыс Франсуа, где он вооружил свою команду и с боем пробился к берегу, чтобы вывезти часть специй, которые он спрятал в бочках с кофе.

По возвращении он был захвачен пиратом, который назвался английским капером. Барни, однако, оказался плохим пленником, с парой рук поднялся на буканьеров и захватил их корабль. В такой ситуации самому Аргусу было не до сна, причем более чем на один глаз. Днем коммодор спал только в вооруженном кресле на палубе, со шпагой между ног и пистолетами на поясе, а его повар и боцман, хорошо вооруженные, несли вахту рядом с ним. В другой раз он был захвачен в Вест-Индии английским фрегатом, где ему оказали обычные британские любезности, и его судили на Ямайке за пиратство и т. д. Нет нужды говорить, что, хотя он находился во вражеской стране, его оправдали под всеобщее одобрение. Это обвинение исходило от командира фрегата, который, однако, благоразумно держался в стороне; хотя офицер того же фрегата в кофейне выразил желание встретиться с Барни, не зная о его присутствии, чтобы иметь возможность свести счеты с негодеем. Плут осыпал офицера комплиментами, обычными для такого случая, и потрепал его по той части головы, которая так выделяется у слона.

Мы не можем проследить за дальнейшими судьбами и приключениями коммодора. Во Франции он получил братские объятия президента Конвента и звание капитана высшего ранга на флоте. Он снарядил несколько собственных судов для преследования британской торговли, в чем весьма преуспел. Он получил в командование два фрегата, которые едва не потерпели крушение во время шторма, хотя ему удалось их спасти. В последней войне его заслуги запомнились нам еще больше.

МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Надругательства над американской торговлей в Средиземном море, совершаемые пиратскими корсарами Барбарийских держав, побудили Конгресс в 1794 году санкционировать создание военно-морских сил для ее защиты. Было приказано построить четыре корабля по сорок четыре орудия и два по тридцать шесть. Капитан Томас Тракстон был одним из первых шести капитанов, назначенных президентом при организации военно-морского ведомства в 1794 году. Он был назначен командиром тридцатипушечного корабля "Созвездие", которому было приказано защищать торговлю Соединенных Штатов в Вест-Индии от разорения французов. Девятого февраля 1799 года он захватил французский фрегат "Инсургент", на котором двадцать девять человек из команды были убиты и сорок четыре ранены. На "Созвездии" был убит один человек и ранено двое.

В 1800 году "Созвездие" вступило в бой с французским фрегатом "Vengeance" из пятидесяти четырех орудий возле Гваделупы, но из-за темноты ночи последний сбежал, трижды подняв флаги и потеряв в бою сто шестьдесят человек.

В том же году фрегат Соединенных Штатов "Бостон" захватил французский национальный корвет "Ле Берсо".

В августе 1801 года капитан американской шхуны "Энтерпрайз" Стерретт, имевший двенадцать пушек и девяносто человек, столкнулся у берегов Мальты с триполитанским крейсером, имевшим четырнадцать пушек и восемьдесят пять человек. В этом бою триполитанцы трижды срывали с него флаги и трижды вероломно возобновляли конфликт.

Пятьдесят человек были убиты и ранены. Корабль "Энтерпрайз" не потерял ни одного человека.

Инструкции капитана Стерретта не позволили ему взять крейсер в качестве приза, и он приказал его команде выбросить за борт все пушки и порох, а самим идти и рассказать своим соотечественникам, какого обращения они могут ожидать от народа, решившего платить дань только порохом и мячом. По прибытии в Триполи ужас был столь велик, что матросы покинули крейсера, которые в то время готовились к плаванию, и не нашлось ни одного человека для управления ими.

Триполитанские крейсера продолжали досажать судам Соединенных Штатов, и в 1803 году Конгресс решил снарядить флот, который должен был покарать их дерзость. Эскадра состояла из "Конституции" - 44 орудия, "Филадельфии" - 44, "Аргуса" - 18, "Сирены" - 16, "Наутилуса" - 16, "Виксена" - 16 и "Энтерпрайза" - 14. Коммодор Пребл был назначен командующим этой эскадрой в мае 1803 года, а 13 августа отплыл на "Конституции" в Средиземное море. Уладив трудности, возникшие с императором Марокко, он обратил все свое внимание на Триполи. Однако сезон был еще слишком далек для активных действий.

31 октября "Филадельфия", находясь в девять часов утра примерно в пяти лигах к западу от Триполи, обнаружила на берегу парус, стоящий против ветра к востоку. "Филадельфия" немедленно пустилась в погоню. Парус поднял триполитанские флаги и продолжил свой курс недалеко от берега. "Филадельфия" открыла по нему огонь, и продолжала его до половины одиннадцатого, когда, находясь в семи саженьях воды и обнаружив, что ее огонь не может помешать судну войти в Триполи, она прекратила преследование. Отбиваясь, она наткнулась на скалу, не обозначенную ни на одной карте, на расстоянии четырех с половиной миль от города. Шлюпка была немедленно спущена на воду. Наибольшая глубина воды была обнаружена за кормой. Чтобы сдержать ее, все паруса были спущены, верхние галстуки распущены, три якоря отброшены от носа, вода в трюме спущена, а все пушки выброшены за борт, за исключением нескольких на корме, чтобы защитить корабль от атак триполитанских канонерских лодок, которые в это время обстреливали его. Все это, однако, оказалось безрезультатным, как и попытка облегчить нос корабля, срубив фор-мачту. "Филадельфия" уже четыре часа выдерживала атаки многочисленных канонерских лодок, когда из Триполи подошло большое подкрепление, и, лишившись всех средств сопротивления и защиты, она была вынуждена нанести удар, около захода солнца. Триполитанцы немедленно овладели им и взяли в плен офицеров и людей, в количестве трехсот человек. Через сорок восемь часов после этого, при попутном ветре, триполитанцы сняли фрегат с мели и отбуксировали его в гавань.

14 декабря коммодор Пребл отплыл с Мальты на корабле "Энтерпрайз" под командованием лейтенанта Стивена Декейтера. Когда последнему сообщили о гибели "Филадельфии", он сразу же разработал план ее захвата и уничтожения, который и предложил коммодору Преблу. Поначалу коммодор счел затею слишком опасной, но в конце концов дал свое согласие. Лейтенант Декейтер выбрал для этого предприятия кетч "Интрепид", недавно захваченный им. Это судно он укомплектовал семьюдесятью добровольцами, в основном из своей собственной команды, и 3 февраля отплыл из Сиракуз в сопровождении брига "Сирена" лейтенанта Стюарта.

После бурного пятнадцатидневного плавания оба судна прибыли в гавань Триполи ближе к вечеру. Было решено, что в десять часов вечера "Неустрасимый" должен войти в гавань в сопровождении шлюпок "Сирены". Но из-за перемены ветра оба судна разделяло шесть или восемь миль. Поскольку промедление могло оказаться роковым, лейтенант Декейтер вошел

в гавань один около восьми часов. "Филадельфия" находилась на расстоянии полупушечного выстрела от крепости и главной батареи Бэшоу. По правому борту в двух кабельтовых стояли два триполитанских крейсера, а по правому - несколько канонерских лодок на расстоянии полупушечного выстрела. Все пушки были установлены и заряжены. Из-за слабого ветра три часа ушло на прохождение трех миль, когда, оказавшись в двухстах ярдах от "Филадельфии", они получили от нее сигнал и приказ стать на якорь под угрозой обстрела. Лоцман на борту "Интрепида" получил приказ ответить, что все их якоря потеряны. Американцы приблизились к фрегату на расстояние пятидесяти ярдов, когда ветер утих. Лейтенант Декейтер приказал достать канат и закрепить его на носовой цепи фрегата, что и было сделано, и "Интрепид" причалил к борту. Только тогда триполитанцы заподозрили, что перед ними враг, и их замешательство от этого было очень велико. Как только суда оказались достаточно близко, лейтенант Декейтер вскочил на борт фрегата, а за ним последовал мичман Моррис. Прошла минута, прежде чем остальным членам команды удалось взобраться вслед за ними. Но турки, столпившиеся на квартердеке, были в слишком сильном смятении, чтобы воспользоваться этой задержкой. Как только достаточное количество американцев поднялось на палубу, они бросились на триполитанцев, которых вскоре одолели, и около двадцати из них были убиты.

После овладения кораблем начался обстрел с триполитанских батарей и крепости, а также с двух крейсеров, находившихся неподалеку от корабля; в гавани было замечено несколько катеров; тогда лейтенант Декейтер решил остаться на фрегате, так как там он сможет лучше всего обороняться. Но, заметив, что шлюпки держатся на расстоянии, он приказал поджечь фрегат, что и было немедленно сделано, причем так эффективно, что "Неустршимый" с трудом удалось сохранить. В этот момент поднялся благоприятный ветер, который вскоре вынес их из гавани. Никто из американцев не погиб, и только четверо были ранены. За это героическое достижение лейтенант Декейтер был повышен в звании до капитана. Его комиссия была датирована днем уничтожения "Филадельфии".

После уничтожения фрегата "Филадельфия" коммодор Пребл в течение весны и начала лета был занят поддержанием блокады гавани Триполи, подготовкой к атаке на город и крейсерством. Захваченный приз был введен в строй и назван "Бич". От короля Неаполя был получен кредит на шесть канонерских лодок и два бомбардирских судна, полностью приспособленных к службе. Также было дано разрешение взять на борт каждого судна двенадцать или пятнадцать неаполитанцев, чтобы они служили под американским флагом.

С этим дополнением к своим силам коммодор 21 июля присоединился к судам у Триполи. Число людей, занятых на службе, составило тысячу шестьдесят человек.

На триполитанской крепости и батареях было установлено сто пятнадцать орудий, из которых пятьдесят пять были тяжелыми, а остальные - длинными восемнадцати- и двенадцатифунтовыми. В гавани находилось девятнадцать канонерских лодок, каждая из которых имела на носу длинную медную восемнадцати- или двадцатичетырехфунтовую пушку, а на корме - две гаубицы; также две шхуны по восемь пушек, бриг на десять и две галеры по четыре пушки. Помимо обычного турецкого гарнизона и экипажей вооруженных судов, численность которых оценивалась в три тысячи человек, для обороны города было собрано около двадцати тысяч арабов.

Погода не позволяла эскадре приблизиться к городу до двадцать восьмого числа, когда она встала на якорь в двух милях с половиной от укреплений; но ветер внезапно переменялся и усилился до шторма, и коммодор был вынужден вернуться. 3 августа он снова подошел к батареям на расстояние двух-трех миль. Заметив, что несколько неприятельских лодок

расположились без рифов, прикрывающих вход, он дал сигнал эскадре подойти на близкое расстояние, чтобы сообщить нескольким командирам о своем намерении атаковать суда и батареи. Канонерские лодки и бомбардирские катера были немедленно укомплектованы и подготовлены к действию. Первые были разбиты на два дивизиона по три человека в каждом. В половине первого эскадра встала на позиции батарей. В два часа канонерские лодки отчалили. В половине второго был дан сигнал бомбардирским и канонерским лодкам выдвинуться вперед и атаковать. В три четверти второго был дан сигнал к общим действиям. Они начались с того, что бомбардиры забросали город снарядами. Сразу же начался мощный огонь с батарей и кораблей противника, насчитывавших не менее двухсот орудий. Американская эскадра немедленно открыла ответный огонь, находясь на расстоянии мушкетного выстрела от главных батарей.

В этот момент капитан Декейтер с тремя канонерскими лодками под своим командованием атаковал восточный дивизион противника, состоявший из девяти канонерских лодок. Вскоре он оказался среди них. Огонь пушек и мушкетов тут же сменился отчаянной атакой со штыком, копьем и саблей. Капитан Декейтер захватил триполитанскую лодку, и высадился на нее с пятнадцатью американцами, через десять минут палубы лодки были очищены, и она была захвачена. Три американца были ранены. В этот момент капитану Декейтеру сообщили, что канонерская лодка, которой командовал его брат, вступила в бой с лодкой противника и захватила ее; но его брат, когда он поднялся на борт, был вероломно застрелен командиром триполитанцев, который скрылся на своей лодке. Капитан Декейтер немедленно преследовал убийцу, который отступал в пределах линии; ему удалось подойти вплотную, но на борт высадилось всего одиннадцать человек. Затем последовала сомнительная схватка, длившаяся двадцать минут. Декатер немедленно атаковал триполитанского командира, который был вооружен копьем и тесаком. Парируя копьё турка, Декатер сломал меч у рукояти, получил легкую рану в правую руку и грудь, но, схватив копьё, закрылся им, и после ожесточенной борьбы оба упали, причем Декатер оказался сверху. Тогда турок выхватил из-за пояса кинжал, но Декатер поймал его руку, достал из кармана пистолет и выстрелил в него. Пока они боролись, команда обоих судов бросилась на помощь своим командирам. И настолько отчаянной была схватка вокруг них, что Декейтер с трудом освободился от упавших вокруг него убитых и раненых.

В этом деле американец проявил самое героическое мужество и привязанность к своему командиру. В ходе борьбы Декатер был атакован с тыла триполитанцем, который нанес ему удар в голову, который должен был оказаться смертельным, если бы этот великодушный смолянин, в то время опасно раненый и лишенный обеих рук, не бросился между ним и саблей, удар которой он получил в голову, в результате чего череп был проломлен. Этот герой, однако, выжил и впоследствии получил пенсию от своей благодарной страны. Все американцы, кроме четырех, были ранены. Капитан Декейтер привел оба своих приза в целости и сохранности к американской эскадре.

После этого Триполи подвергся двум последовательным нападениям, и батареи замолчали. Унижение этой варварской державы было выгодно всем народам. Папа Римский публично заявил, что "Соединенные Штаты, хотя и находятся в зачаточном состоянии, в этом деле сделали больше для усмирения антихристианских варваров на том побережье, чем все европейские государства сделали за долгое время". Сэр Александр Болл, выдающийся военачальник британского флота, направил свои поздравления коммодору Преблу.

После соединения двух эскадр коммодор Пребл получил разрешение вернуться домой. Он сделал это с большим удовольствием, так как это давало возможность командовать фрегатом капитану Декейтеру.

По возвращении в Соединенные Штаты его везде принимали и относились к нему с тем вниманием, которое он в полной мере заслужил. Конгресс выразил ему свою благодарность и попросил президента вручить ему эмблематическую медаль.

В наших рамках мы можем лишь вкратце рассказать о некоторых из оставшихся побед американского флота. Официальное объявление войны против Великобритании было принято Конгрессом 18 июня 1812 года. 19 августа произошел памятный случай захвата британского фрегата *Guerriere* кораблем *Constitution* под командованием капитана Халла. 19 октября британский военный шлюп "Фролик" был захвачен судном "Оса" под командованием капитана Джейкоба Джонса; однако прежде чем последний смог бежать с призом, находящимся в очень тяжелом состоянии, он был захвачен британским семидесятичетырехвесельным судном "Пуатье". 25 октября Соединенные Штаты под командованием коммодора Декейтера столкнулись и захватили у Западных островов британский фрегат "Македонский" с сорока девятью пушками и тремястами шестью людьми. На "Македонском" было сто шесть человек убитых и раненых. Со стороны Соединенных Штатов - пять убитых и семь раненых. Затем последовала победа "Конституции" над "Явой", а за ней - победа "Хорнета" под командованием капитана Лоуренса над "Павлином". Потеря этого храброго офицера в последующем сражении между кораблями "Чесапик" и "Шеннон" была оплакана его соотечественниками.

Первого сентября 1813 года британский бриг "Боксер" (14 орудий) был захвачен бригам Соединенных Штатов "Энтерпрайз" под командованием лейтенанта Уильяма Берроуза, который пал в этой схватке. В завершение нашего обзора американской военно-морской истории мы должны сделать краткий набросок некоторых из наиболее интересных крейсерских походов и столкновений.

КРЕЙСЕРСТВО "ОСА".

Первого мая 1814 года военный шлюп Соединенных Штатов "Оса" (*Wasp*) с восемнадцатью пушками и ста семьдесятю четырьмя людьми, капитан Блейкли, командир, отплыл из Портсмута, штат Северная Каролина. и 28 июня, в районе 48 36 широты и 11 15 долготы, совершив несколько захватов, столкнулся с военным шлюпом его британского величества "Reindeer", командир Уильям Мэннерс, эскайр, и после боя, длившегося девятнадцать минут, захватил его. На "Олене" было установлено шестнадцать двадцатичетырехфунтовых карронад, два длинных шести- или девятифунтовых орудия и одна сдвигная двенадцатифунтовая карронада, а численность экипажа составляла сто восемнадцать человек. Он был буквально разрезан на куски в одной линии со своими портами; его верхние части, шлюпки и запасные лонжероны превратились в сплошные обломки, а на следующий день после боя поднялся бриз, и его носовая мачта ушла за борт; когда пленные были взяты на борт "Осы", ее подожгли, и она вскоре взорвалась.

Потери на борту "Оленя" составили двадцать три человека убитыми и сорок два ранеными, среди которых был и капитан. На борту "Осы" пятеро были убиты и двадцать один ранен. Более половины раненых противника, в связи с тяжестью и обширностью их ран, были помещены на борт португальского брига и отправлены в Англию. Потери американцев, хотя и не такие тяжелые, как у англичан, объяснялись в некоторой степени близостью двух судов во время боя и чрезвычайной гладкостью моря, но главным образом тем, что они отбивались от абордажников.

8 июля "Оса" зашла в Л'Ориент (Франция), захватив еще несколько призов, где оставалась до 27 августа, когда снова вышла в крейсерство. 1 сентября он столкнулся с британским

двадцатипушечным шлюпом Avon под командованием капитана Абутнота и после сорокапятиминутного боя вынудил его сдаться, причем почти вся его команда была убита и ранена. После этого было приказано закрепить пушки и спустить шлюпку с "Осы", чтобы завладеть призом. Во время спуска шлюпки было обнаружено второе вражеское судно, стоявшее на корме по направлению к "Осе". Капитан Блейкли немедленно приказал своей команде разойтись по каютам, подготовить все необходимое для действий и ожидать ее приближения. Через несколько минут после этого были обнаружены еще два паруса, надвигающиеся на "Осу". Капитан Блейкли отошел в сторону, рассчитывая оторвать первый от своих товарищей, но его ждало разочарование. Она продолжала приближаться, пока не подошла вплотную к корме "Осы", тогда она взяла ветер в свои руки, выстрелила в сторону (что причинило "Осе" незначительные повреждения) и направилась к своим товарищам. Капитан Блейкли был вынужден покинуть "Эйвон", который к этому времени превратился в полную развалину и вскоре затонул, а оставшаяся в живых часть его команды едва успела перебраться на другие суда.

На борту "Эйвона" было убито сорок человек и ранено шестьдесят. Потери "Осы" составили двое убитых и один раненый.

После этого "Оса" продолжила свое плавание, производя большой переполох среди английских торговых судов и каперов, уничтожив огромное количество имущества противника. С 1 мая по 20 сентября она захватила пятнадцать судов, большинство из которых уничтожила.

ШЕРШЕНЬ И ПИНГВИН.

23 марта 1815 года, когда "Шершень" под командованием капитана Биддла собирался бросить якорь у северной оконечности острова Тристан-д'Акуна, к югу от него был замечен парус, который в сорок минут первого поднял английские флаги и выстрелил из пушки. Шершень немедленно набрал ход, поднял мичман и дал врагу широкий залп. С "Шершня" велся быстрый и меткий огонь, противник постепенно приближался, намереваясь, как предполагал капитан Биддл, взять на бордаж. Бушприт противника оказался между грот- и мизель-такелажем по правому борту "Хорнета", что давало ему возможность высадиться, если бы он пожелал, но попытка не была предпринята. В море поднялась значительная волна, и когда "Шершень" пошел вперед, бушприт противника увлек за собой мизель-шпангоуты, кормовые шлюпбалки и шпангоут и повис на четверти правого борта. В этот момент офицер объявил, что они сдались. Капитан Биддл приказал морским пехотинцам прекратить огонь и, спрашивая, сдались ли они, получил ранение в шею. В это время враг оторвался от "Шершня"; его фор-мачта и бушприт были убраны, и, видя, что он готовится сделать еще один залп, он снова объявил, что сдается. С большим трудом капитану Биддлу удалось удержать свою команду от повторной стрельбы по нему, так как было ясно, что он стрелял по "Шершню" уже после сдачи.

С момента выстрела первого орудия до последнего крика противника о том, что он сдался, прошло ровно двадцать две минуты. Судно оказалось британским бригом "Пингвин", двадцатипушечным, замечательным судном своего класса, на борту которого находилось сто тридцать два человека, двенадцать из них - сверхсрочники с семидесятичетырехпушечного корабля "Медвей", принятые на борт в связи с тем, что им было приказано следовать за капером "Янг Уосп".

На "Пингвине" было четырнадцать убитых и двадцать восемь раненых. Среди убитых был капитан Дикенсон, который пал в самом конце боя. Поскольку судно было полностью

изрешечено и искалечено настолько, что его невозможно было спасти, а также находилось на большом расстоянии от Соединенных Штатов, капитан Биддл приказал спустить его на воду и затопить.

В корпус "Шершня" не попало ни одного снаряда, и, хотя паруса и такелаж были сильно порезаны, он вскоре был готов к дальнейшей службе. Потери составили один убитый и одиннадцать раненых.

АЛЖЕРИНСКАЯ ВОЙНА.

Сразу после ратификации мира с Великобританией, в феврале 1815 года, Конгресс, в связи с враждебным поведением Алжирского регентства, объявил войну этой державе. Немедленно была снаряжена эскадра под командованием коммодора Декейтера, состоящая из фрегатов "Герьер", "Созвездие" и "Македонский", военных шлюпов "Онтарио" и "Эпервьер", а также шхун "Искра", "Спитфайр", "Факел" и "Фламбо". Вскоре за этим соединением должна была последовать еще одна эскадра под командованием коммодора Бейнбриджа, по прибытии которой, как предполагалось, коммодор Декейтер вернется в Соединенные Штаты на одном судне, оставив командование всеми объединенными силами за коммодором Бейнбриджем.

Силы под командованием коммодора Декейтера встретились в Нью-Йорке, откуда они отплыли в 20-й день мая 1815 года и прибыли в Гибралтарский залив через двадцать пять дней, предварительно связавшись с Кадисом и Танжером. Во время перехода корабли "Спитфайр", "Факел", "Файрфлай" и "Онтарио" в разное время отделялись от эскадры во время штормов, но в Гибралтаре все снова соединились, за исключением "Файрфлая", у которого отломились мачты, и он вернулся в Нью-Йорк для ремонта. Узнав в Гибралтаре, что алжирская эскадра, вышедшая в Атлантику, несомненно, прошла через проливы, и что информация о прибытии американских сил была отправлена в Алжир лицами в Гибралтаре, коммодор Декейтер решил без промедления двигаться вверх по Средиземному морю в надежде перехватить врага, прежде чем он сможет вернуться в Алжир или занять нейтральный порт.

17 июня у мыса де Гатт он столкнулся с алжирским фрегатом Mazouda и захватил его в бою, длившемся двадцать пять минут. После двух обстрелов алжирцы ушли на дно. На корабле Guerrière было четыре человека, раненых мушкетом, у алжирцев около тридцати убитых, согласно показаниям пленных, которых было четыреста шесть. В этом деле знаменитый алжирский адмирал или раис, Хаммида, который долгое время был ужасом этого моря, был разрублен надвое пушечным выстрелом.

19 июня у мыса Палос эскадра столкнулась с алжирским бригом в двадцать два орудия и захватила его. Бриг преследовали до самого берега, где за ним последовали корабли "Эпервьер", "Спарк", "Торч" и "Спитфайр", которым он сдался, потеряв двадцать три человека. Ни один американец не был убит или ранен. Захваченный бриг с большинством пленных на борту был отправлен в Картахену. От мыса Палос американская эскадра направилась в Алжир, куда прибыла 28 июня.

Договор, который коммодору Декейтеру удалось заключить с деем, был весьма благоприятным. Основными статьями договора были: Алжир никогда не должен требовать от Соединенных Штатов Америки дани ни под каким предлогом и ни в какой форме; все американцы, находящиеся в рабстве, должны быть отданы без выкупа; за захваченные американские суда или имущество, изъятое или задержанное в Алжире, должна быть выплачена компенсация; лица и имущество американских граждан, оказавшихся на борту вражеского судна, должны быть неприкосновенны, что суда любой стороны, заходящие в

порт, должны снабжаться провизией по рыночной цене, а в случае необходимости ремонта высаживать свой груз без уплаты пошлины, что если судно, принадлежащее любой стороне, будет выброшено на берег, то оно не должно быть отдано на разграбление, а в случае нападения на него врага в пределах пушечного выстрела от форта, должно быть защищено, и ни один враг не должен преследовать его, когда оно выйдет в море в течение двадцати четырех часов. В общем, права американцев на океане и на суше были полностью обеспечены во всех случаях, и особенно оговаривалось, что со всеми гражданами Соединенных Штатов, взятыми на войне, следует обращаться так, как обращаются с военнопленными другие нации, а не как с рабами, но держать их при условии обмена без выкупа. Заключив этот договор, столь почетный и выгодный для этой страны, комиссары передали захваченные фрегат и бриг их прежним владельцам.

Коммодор Декейтер отправил капитана Льюиса на корабле "Эпервьер" с договором в Соединенные Штаты и, оставив мистера Шалера в Алжире в качестве генерального консула в Барбарии, направился с остальной эскадрой в Тунис, за исключением двух шхун под командованием капитана Гэмбла, отправленных для сопровождения алжирских судов домой из Карфагена. Получив от тунисского башау полную денежную компенсацию за некоторые обиды, нанесенные американским гражданам, эскадра направилась в Триполи, где коммодор Декейтер выдвинул аналогичное требование за аналогичное нарушение договора, существовавшего между Соединенными Штатами и башау, который позволил британскому военному шлюпу захватить два американских судна из-под пушек своей крепости и отказал в защите американскому крейсеру, находившемуся под его юрисдикцией. Было потребовано возмещение полной стоимости этих судов, и деньги, в размере двадцати пяти тысяч долларов, были выплачены башау в руки американского консула. После завершения этого дела американский консульский флаг, который консул мистер Джонс снял в связи с вышеупомянутым нарушением нейтралитета, был поднят в присутствии иностранных агентов и отсалютован с крепости из тридцати одного орудия. В дополнение к полученному таким образом удовлетворению за неспровоцированную агрессию, коммодор имел удовольствие добиться освобождения десяти пленников, двух датчан и восьми неаполитанцев, которых он высадил в Мессине.

После захода в Мессину и Неаполь эскадра 31 августа отплыла в Картахену, где коммодор Декейтер ожидал встречи с эскадрой помощи под командованием коммодора Бейнбриджа. Присоединившись к этому офицеру в Гибралтаре, он отказался от командования и отплыл на корабле *Guerriere* в Соединенные Штаты, куда прибыл 12 ноября 1815 года.

Все было сделано до прибытия второго дивизиона эскадры под командованием коммодора Бейнбриджа, и у этого доблестного офицера не было возможности отличиться. В соответствии со своими инструкциями он выставил эти дополнительные силы перед Алжиром, Тунисом и Триполи, где они были несколько удивлены появлением "Индепенденс семьдесят четыре". Коммодор Бэйбридж отплыл из Гибралтара за тридцать шесть часов до "Герриера" и прибыл в Бостон 15 ноября.

ОБРАЩЕНИЕ К ОКЕАНУ.

Подобие небес!
Агент власти;
Человек - жертва твоя,
Кораблекрушение - твоя собственность!
Пряности и драгоценности
Из долины и моря,
Армии и знамена,
погребены в тебе!

Что за богатства
В рудниках Мексики,
По сравнению с богатством, что далеко внизу
В твоих глубоких водах?
Гордые флоты, что покрывают
Завоевательный запад.
Ты бросаешь их на смерть
Одним взмахом своей груди!

С высоких холмов, с которых открывается вид
Твой берег, на котором лежит обломок,
Когда невеста моряка
Вскрикивает от твоего рева,
Когда, как ягнята в бурю
Или мяукают во время шторма,
На хребте твоём разбитые билвы
И холст накрывается.

Как это унижительно для человека,
с сердцем и душой,
Смотреть на величие твое
И перечислять, как оно катится;
Думать о том, как это сердце
В холодный пепел превратится,
Пока голос Вечности
Восходит от тебя?

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ОРФОГРАФИИ.

ПЕРВЫЙ УРОК.

У одного богатого молодого человека была яхта,
изуродованная множеством парусников,
Он попробовал САПОЛИО,
Который, как только был применен,
сразу же убрал лахту!

ВТОРОЙ УРОК.

Наша девочка вздыхала над работой по дому,
Пока я не убедил ее вздохнуть,
Теперь она изменила свой настрой,
Потому что она поработала в обед,
Что объясняет легкость в ее бедрах!

УРОК ТРЕТИЙ.

Есть много домашних эмброглио.
Чтобы описать их, потребуется целый фоглио,
Часто их можно предотвратить.
Если бы хозяйка согласилась
Убирать в доме с помощью САПОГЛИО!

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ.

Бедные пальцы Марии болели,
когда она бралась за работу по дому,
Но ее боль утихала,
когда с помощью САПОЛЬИО,
Ее труд совсем легким стал!

ПЯТЫЙ УРОК.

Мы слышали о чудесных мылах,
чья ценность превосходила наши обручи.
Но следует признать,
что САПОЛИО - самое лучшее.
Ибо с жирными пятнами он легко справляется!

ШЕСТОЙ УРОК.

Жена популярного полковника.
чья проблемы с "помощниками" были полковничьими.
теперь наслаждается своим досугом.
Ибо "новенькая" работает
САПОЛИО в домашней работе диолон!

КИШЕЧНОЕ ОЦЕПЕНЕНИЕ И РОДСТВЕННЫЕ ЕМУ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Облегчение без лекарств.

Страдающим от запоров и пробок следует испытать на себе действие **ГЛЮТЕНОВЫХ СУППОЗИТОРОВ**, которые в большинстве случаев излечивают их за счет повышения питательности частей, вызывая тем самым желание и усиливая силу изгнания.

--ОЗНАКОМЬТЕСЬ С ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ.

Доктор А. В. Томпсон, Нортгемптон, штат Массачусетс, говорит: "Я испытал глютеносодержащие суппозитории и считаю их ценными, как, собственно, и ожидал, исходя из совершенства их теории".

Доктор Вм. Тод Хельмут заявляет, что глютеносодержащие суппозитории - "лучшее средство от запора, которое я когда-либо прописывал".

"Как Санчо Панса сказал о сне, так и я говорю о ваших глютеносодержащих суппозиториях: Да благословит Господь человека, который их изобрел!" - Е. Л. Рипли, Берлингтон, штат Вашингтон.

"Я был диспептиком с запорами в течение многих лет, и это привело к тому, что я уменьшился в плоти и стал подвержен нервной прострессии и бессоннице, особенно после проповедей или каких-либо особых умственных усилий. Использование глютеносодержащих суппозиториях, производимых компанией Health Food Co., 74 Fourth Avenue, New York, избавило меня от привычки к запорам, а их глютен и Brain Food обеспечили мне новую силу пищеварения, способность крепко спать и ясно мыслить. Я считаю, что их пищевые средства достойны той высокой оценки, которую они получают со всех сторон" - преподобный Джон Х. Патон, штат Мичиган.

"Я не могу слишком высоко отзываться о глютеносодержащих суппозиториях компании Health Food Company, поскольку они стали для меня совершенной находкой. Я считаю, что они превосходят все, что когда-либо было придумано для облегчения запоров и геморроя. Я страдал от этих недугов более двадцати лет и наконец-то нашел существенное облегчение благодаря использованию глютеносодержащих суппозиториях" - Сайрус Брэдли, Хоупдейл, штат Массачусетс.

Присылайте всю нашу ЛИТЕРАТУРУ О ЗДОРОВОМ ПИТАНИИ.

КОМПАНИЯ ЗДОРОВОГО ПИТАНИЯ,
4-я авеню и 10-я улица, примыкает к магазину Стюарта, Нью-Йорк.

СТАНДАРТНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Наша серия стандартных работ включает в себя многие признанные шедевры исторической и критической литературы. Большинство из этих произведений до сих пор были недоступны широкому читателю из-за высоких цен, по которым они продавались. Эти книги напечатаны крупным шрифтом, размером 12мо, аккуратно и крепко переплетены в ткань. Цена **1,25 доллара** за каждую.

БОГАТСТВО НАЦИЙ.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИРОДЫ И ПРИЧИН БОГАТСТВА НАРОДОВ. Автор: Адам Смит, доктор права, доктор философии, доктор права. Этот том является тщательной перепечаткой трехтомного издания.

ЭССЕ АДАМА СМИТА.

ЭССЕИ, ФИЛОСОФСКИЕ И ЛИТЕРАРНЫЕ; включая "Теорию нравственных чувств", "Образование языков", "Астрономические исследования", "Античную физику", "Античную логику и метафизику", "Изобразительные искусства - музыку, танцы, поэзию", "Внешние

чувства", "Английские и итальянские стихи" и др. Автор Адам Смит, доктор философии, Ф.Р.С.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА Мак-Куллоха.

ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ, с очерком о подъеме и прогрессе этой науки. Автор Дж. Р. Маккалох. С эссе о процентах и ценности денег. Джон Локк.

ЭССЕ МОНТЕНЯ.

ЭССЕИ МИХАИЛА СЕЙГНЕРА ДЕ МОНТЕЙНА, с примечаниями и цитатами, а также с рассказом о жизни автора, переведенные на английский язык Чарльзом Колтоном, эск.

БОЛИНГБРОК ОБ ИЗУЧЕНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСТОРИИ.

Письма об изучении и использовании истории: "Об изгнании", "Дух патриотизма", "Идея короля-патриота", "Состояние партий в 1744 году". Генри Сент-Джон, лорд-виконт Болингброк.

HUME'S ESSAYS.

ЭССЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ, МОРАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ. Дэвид Хьюм (историк).

ЭССЕ СИДНИ СМИТА.

ЭССЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ. Преподобный Сидни Смит.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ МИЛМАНА.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ. Г. Х. Милман, доктор философии, покойный декан собора Святого Павла.

ЕВРОПА ХАЛЛАМА.

ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА. Генри Халлам, LL.D., F.R.A.S.

ЛОКК О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ.

ЭССЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ. By John Locke. С примечаниями и иллюстрациями автора и анализом его доктрины идей. Также вопросы к сочинению Локка для использования студентами.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ Д'ОБИНЫ.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА, от ее начала до времен Кальвина. Ж. Х. Мерль д'Обинье, доктор философии. Перевод с позднего французского издания автора.

Ранняя Британия Милтона и др.

БРИТАНИЯ ПОД ТРОЯНСКИМ, РИМСКИМ И САКСОНСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ. Джон Мильтон.- **АНГЛИЯ ПРИ РИЧАРДЕ III.** Сэр Томас Мор.-**ПРАВОСЛАВИЕ ГЕНРИХА VII.** Лорд Бэкон. Три книги, переплетенные в один том.

ЭССЕ О КРАСОТЕ И ВКУСЕ.

ЭССЕ О КРАСОТЕ. Фрэнсис [лорд] Джеффри.- **ЭССЕЯ О ВКУСЕ.** Арчибальд Элисон, доктор права. Две книги в одном томе.

Адрес HURST & CO. 122 Nassau St. N. Y.

АМЕРИКАНЕЦ
ПОПУЛЯРНЫЙ СЛОВАРЬ

CONTAINING

ВСЕ ПОЛЕЗНЫЕ СЛОВА

встречающихся в английском языке, с их ИСТИННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ, ПРОИСХОЖДЕНИЕМ, НАПИСАНИЕМ И ПРОИЗНОШЕНИЕМ.

А ТАКЖЕ ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО

АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ

НА

Наука, мифология, биография, история Америки, конституции, законы, права собственности на землю, города, колледжи, армия и флот, уровень смертности, рост городов, законы о несостоятельности и переуступке прав, долги, процентные ставки и другие полезные знания, представляющие собой

ИДЕАЛЬНАЯ СПРАВОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В ОДНОМ УДОБНОМ ТОМЕ.

Издатели "**АМЕРИКАНСКОГО ПОПУЛЯРНОГО ДИКТИНАРИЯ**" претендуют на его поддержку общественности по следующим, среди многих других важных причин:-

Он содержит **КАЖДОЕ СЛОВО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**, вошедшее в речь или письмо.

Произношение каждого слова точно соответствует тому, которое дано лучшими авторитетами.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ собраны у большинства лучших авторов английского языка.

ПРОНУНЦИАЦИЯ каждого слова - это то, к чему пришли самые искусные мастера этой важнейшей отрасли грамматики.

В дополнение к совершенству этой работы как словаря, она содержит огромное количество информации о **МНОГИХ ВИДАХ ПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ**, которые нельзя найти ни в одной подобной работе; но все они **АБСОЛЮТНО необходимы** каждому, кто хочет быть знакомым с ведущими темами разговора и сочинения.

Обратившись к прилагаемой **таблице содержания**, вы поймете, что книга действительно представляет собой краткую и портативную Циклопедию очень полезной и ценной информации. Из нее оратор или писатель может почерпнуть такое количество реальных знаний, которое невозможно найти в других местах, собранных в одной книге.

AMERICAN POPULAR DICTIONARY напечатан новым шрифтом, с очень четким и разборчивым шрифтом. Он переплетен очень прочно и аккуратно.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Полный словарь английского языка. Language.
2. Полный список имен собственных в Писании, включая апокрифы, и их произношение.
3. Американские географические названия с их происхождением, значением и произношением.
4. Прозвища штатов и городов США.
5. Открытие и первооткрыватели Америки.
6. Аборигены Северной Америки с указанием их племен, местонахождения и численности.
7. Ранние поселенцы и поселения Соединенных Штатов - национальность, местоположение, дата.
8. Войска Американской революции с указанием численности каждого штата.
9. Сражения и потери во время революции.

10. Декларация независимости.
11. Подписавшие Декларацию независимости.
12. Президенты Континентального конгресса.
13. Конституция Соединенных Штатов.
14. История американского флага.
15. Площадь и население Соединенных Штатов.
16. Население всех городов и поселков США с населением более 10 000 человек.
17. Рост американских городов с населением от 50 000 человек и выше.
18. Государственный долг Соединенных Штатов, 1791-1870 гг.
19. Количество бумажных денег в Соединенных Штатах, каждого номинала.
20. Анализ государственного долга Соединенных Штатов.
21. Государственные земли Соединенных Штатов - где они находятся.
22. Система государственных земель Соединенных Штатов.
23. Свободные усадьбы на государственных землях, или как получить усадьбу.
24. Законы США об усадьбах и освобождении от уплаты налогов.
25. Каналы Соединенных Штатов - их длина, места соединения, количество шлюзов, стоимость и т. д.
26. Муниципальные долги Соединенных Штатов.
27. Теологические семинарии в Соединенных Штатах, деноминации, профессора, студенты в каждой из них.
28. Занятия жителей США.
29. Армия Соединенных Штатов, с размерами жалованья.
30. Военно-морской флот Соединенных Штатов, с размерами оплаты.
31. Военно-морские верфи Соединенных Штатов.
32. Количество мужчин, поднятых каждым штатом для подавления мятежа.
33. Церкви в Соединенных Штатах со статистическими данными.
34. Цены на товары за последние пятьдесят лет.
35. Статуты о сроках давности в различных штатах.
36. Законы о процентах в Соединенных Штатах.
37. Законы о несостоятельности и уступке прав требования в различных государствах.
38. Газеты и периодические издания в США.
39. Главы главных государств мира.
40. Таблицы Карлайла, показывающие, сколько человек из 10 000 умирает ежегодно.
41. Железные дороги мира - длина, стоимость и т. д.
42. Торговля, долги и т. д. главных наций.
43. Национальные долги различных стран.
44. Торговое судоходство мира.
45. Доминион Канада, доходы, торговля и т. д.
46. Армии мира с полными сведениями.
47. Военно-морские силы мира - численность, стоимость и т. д.
48. Иностранные золотые и серебряные монеты - стоимость и т. д.
49. Весы и меры Соединенных Штатов.
50. Генеральные соборы Римско-католической церкви.
51. Хронологическая история Соединенных Штатов.
52. Список мифологических и классических имен.
53. Таблицы процентов, по 4, 5, 6, 7, 8 и 10 за цент.
54. Примеры распространенных ошибок в устной и письменной речи с исправлениями.
55. Руководство по произношению трудных слов в английском и других языках.

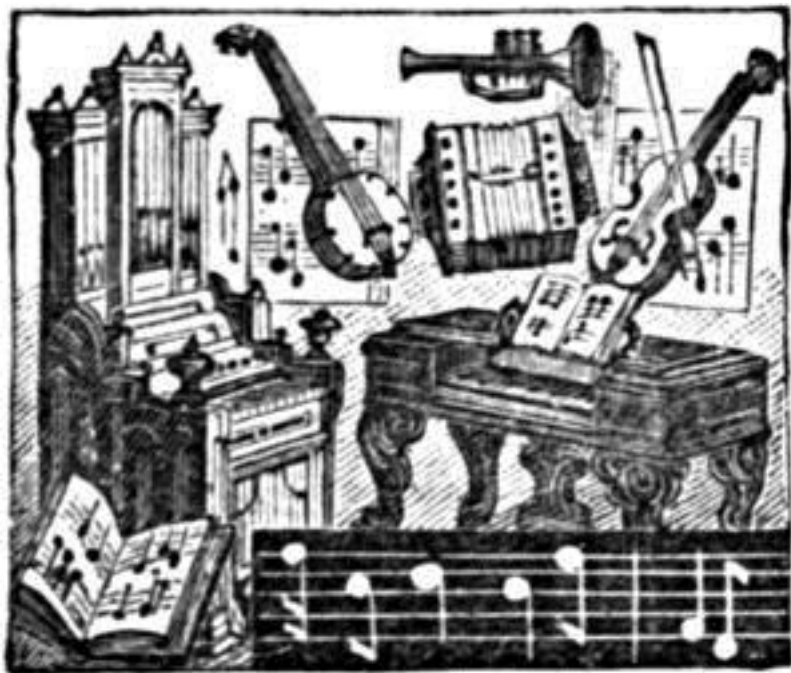
56. Список нежелательных слов и фраз, а также неточных выражений.

Крепкий тканевый переплет, золоченый корешок. Высылается по любому адресу по получении цены.

Цена 50 центов.

Адрес HURST & CO. 122 Nassau St. N. Y.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА В ЛЕГКОЙ ФОРМЕ.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА

САМОУЧИТЕЛИ.

Музыка без учителя.

Каждая из следующих книг по обучению инструментальной музыке совершенна во всех отношениях, и на их основе любой человек, имеющий вкус к "Конкорду сладких звуков", может стать опытным музыкантом за короткое время на любом из перечисленных инструментов.

Фортепиано без учителя.

Даны полные инструкции не только по клавишам, но и по аппликатуре, позиции, использованию педалей и т.д. **Цена 25 центов.**

Кабинетный орган без учителя.

Игра на этом бытовом инструменте довольно проста. Немного ежедневных упражнений с этой книгой позволят любому человеку играть правильно и легко. **Цена 25 центов.**

Скрипка без учителя.

Все правила, которым можно научиться у Оле Булла или Паганини, можно почерпнуть на этих страницах. Управление пальцами для получения каждой ноты, скольжения и дрожания четко объяснено. Цена **25 центов**.

Немецкий аккордеон без учителя.

Все сладостные мелодии этого инструмента можно легко исполнить, применяя простые правила, так хорошо изложенные в этой книге. Цена **25 центов**.

Банджо без учителя.

Этому живому инструменту можно научиться так же хорошо по простым правилам этой книги, как и из уст мастера. Объяснены все нюансы и маленькие хитрости знаменитых игроков. Цена **25 центов**.

Корнет без учителя.

При внимательном изучении этих правил можно стать таким же великим мастером, как Арбакл или Леви. Все о клавишах и клапанах, о язычках и двойных язычках и т.д. четко объяснено. Цена **25 центов**.

Уроки настолько просты, практичны и совершенны, что овладеть искусством игры на любом из перечисленных инструментов довольно просто и легко.

Песни сердца и домашние мелодии.

Содержит **полную музыку почти 100 пьес** таких композиторов, как **Абт, Гловер, Слоун, Гэтти и Балф**. Включая широкий спектр песен, раундов, дуэтов и хоров, переложенных для фортепиано и органа. Цена **15 центов**.

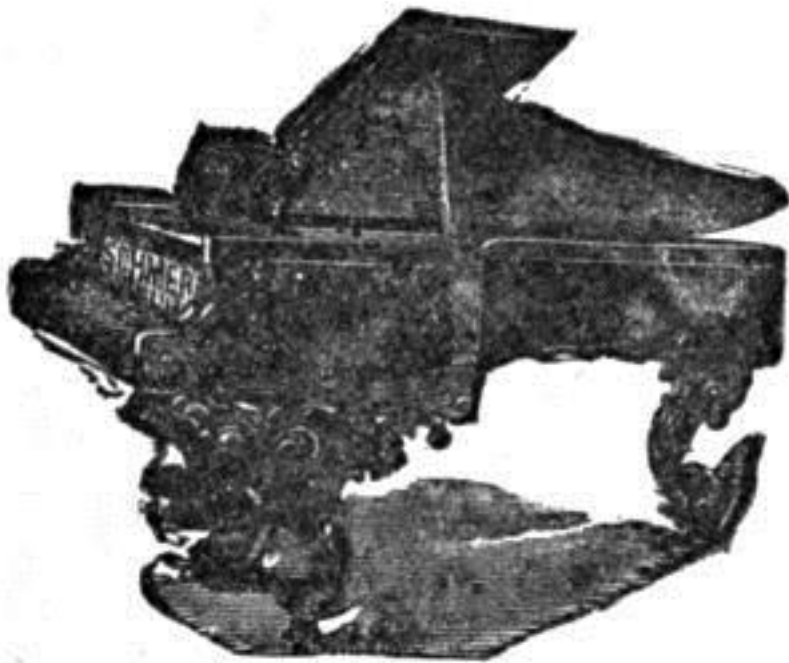
Экземпляры вышеупомянутых книг высылаются по почте с оплатой по любому адресу по получении цены.

Адрес HURST & CO. 122 Nassau St. N. Y.

ЗНАМЕНИТЫЙ

SOHMER

Большой, квадратный и вертикальный

ПИАНИНО

В настоящее время являются самыми популярными
И ПРЕДПОЧИТАЮТСЯ ВЕДУЩИМИ АРТИСТАМИ.

Пианино **SOHMER** используются в следующих учреждениях:

Монастырь Святого Сердца, Манхэттенвилль, штат Нью-Йорк.

Музыкальная консерватория Фогта.

Музыкальная консерватория Арнольда, Бруклин.

Филадельфийская музыкальная консерватория.

Монастырь Вилла де Салес, Лонг-Айленд.

N. Музыкальная консерватория Y. Normal.

Монастырь Вилла Мария, Монтл.

Колледж Вассар. Покипси.

И большинство ведущих первоклассных театров в Нью-Йорке и Бруклине.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ БИЖУ-ГРАНД

(недавно запатентованный) компанией **SOHMER & CO.**, **самый маленький из** когда-либо произведенных **роялей** (длина всего 5 футов) произвел фурор среди музыкантов и художников. Любители музыки не преминут заглянуть на склад компании **SOHMER & CO.** и осмотреть различные модели роялей, пианино и квадратных фортепиано. Особого внимания заслуживают оригинальные и красивые конструкции и усовершенствования в роялях Grand и Upright.

Получил первый приз на выставке Centennial Exposition, Филадельфия, 1876.

Получил первую премию на выставке в Монреале, Канада, 1881 и 1882 гг.

SOHMER & CO,

ПРОИЗВОДИТЕЛИ РОЯЛЕЙ, КВАДРАТНЫХ ПИАНИНО И ПИАНИНОФОРТЕ.

Подсобные помещения, 149, 151, 153, 155 EAST 14th ST., N. Y.

Примечание транскриптора

Данный текст содержит большое количество архаичных и вариативных написаний (включая британские и американские варианты), а также непоследовательную расстановку дефисов. В отдельных статьях это было исправлено, но в остальном текст оставлен в том виде, в котором он был напечатан, чтобы отразить разнообразие источников. Однако типографские ошибки, такие как пропущенные или перевернутые символы, были исправлены, как и случаи пропущенной или ошибочной пунктуации. Архаичная грамматика - например, использование "eat" вместо "ate" - также сохранена в том виде, в котором она была напечатана.

Орфография имен собственных приведена в соответствие со статьями; редкие написания сохранены - например, Pellow вместо Pellew, Abercrombe вместо Abercrombie, Abuthnot вместо Arbuthnot.

Страница 182 оригинальной книги была повреждена, поэтому предпоследнее слово "The Mutineers" пришлось выводить по оставшимся буквам и свободному пространству. Наиболее вероятная реконструкция - indevotion - была включена в основной текст.